

ISSN 2311-0546

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

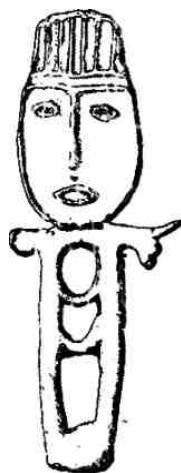
ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ 2019 № 2 (46)

№ 2 (46) 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 2 (46) 2019

**Журнал «Вестник антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р «Вестник антропологии»
был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Дубова Н.А., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю. (гл. редактор), Григорьева О.М. (отв. секретарь),
Халдеева Н.И., Харламова Н.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В.
(РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю.
(РФ), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика
Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика
Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна

martynova@iea.ras.ru

journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019

© Журнал «Вестник антропологии», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Этническая экономика и предпринимательство на Севере России

- Новикова Н.И.* Аборигенное предпринимательство в России: ресурсы, технологии и социальные институты 5
- Батьянова Е.П., Мурашко О.А.* Пути приобщения народов Севера к новым экономическим и социальным реалиям середины 1980 – конца 1990-х годов (по материалам полевых исследований в Корякском автономном округе) 19
- Кадук Е.В.* Экономика оленеводческих хозяйств на северо-западе Республики Саха (Якутия) в XXI веке: патернализм и самостоятельность 36
- Коломиец О.П.* Чукотский бизнес: современные формы предпринимательства коренных жителей Чукотского АО 55
- Мартынова Е.П.* Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье 72
- Пивнева Е.А.* «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере 86

Личности и антропология

- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Дронова Д.А., Апалькова Ю.И., Веселовская Е.В.* Марина Львовна Бутовская: человек одной идеи – идеи науки! 103
- Воробьев Д.В.* Между природой и культурой: Ж. Руссо и начало квебекской антропологии 119
- Загребин А.Е.* Бернат Мункачи и венгерское финно-угроведение на рубеже XIX–XX вв. 140
- Кириченко О.В.* Горький и Корин: формирование идеологемы будущего 150

Язык и идентичность (К году языков коренных народов)

<i>Мартынова М.Ю.</i> Родной язык и школа. Взгляд антрополога	164
<i>Щербина Е.А.</i> Языковая ситуация в Карачаево-Черкесской Республике: множественное измерение	178
<i>Мартыненко А.В.</i> Преподавание татарского языка в Республике Мордовия: потенциал, проблемы, перспективы	188
<i>Омельченко Е.А.</i> Технологии адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов в школе	196

Рецензии

<i>Конка А.</i> Рецензия на монографию: <i>Винокурова И.Ю.</i> Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 524 с.	208
<i>Нижник Н.С.</i> Рецензия на монографию: <i>Мухина З.З.</i> Русская крестьянка в пореформенный период (втор. половина XIX – н. XX в.). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 736 с., ил.	211
Contents	216
Правила оформления	218

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРЕ РОССИИ

DOI:10.33876/2311-0546/2019-46-2/5-18
УДК 39 (571.65)

© Н.И. Новикова

АБОРИГЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ*

В данной статье предпринимательство рассматривается как новая форма социальной организации коренных народов. Их хозяйственная деятельность строится на семейных и родственных связях, ориентирована на традиционное природопользование и культуру аборигенов. В правовой системе и общественном сознании аборигенное предпринимательство в значительной степени ограничено традиционным образом жизни, который основан на разведении северных оленей, охоте, рыбалке и собирательстве. Государство принимает законы и программы, нацеленные на сохранение традиционного образа жизни коренных народов, не связанные со свободным предпринимательством. Коренные народы предлагают свои стратегии современного развития, строящиеся на самобытной культуре и новых социальных институтах. Анализируются предприятия Сахалина (рыболовство), Ямало-Ненецкого (оленоводство) и Ханты-Мансийского автономных округов (культурное предпринимательство, туризм). Рассматриваются факторы, влияющие на развитие аборигенного бизнеса и его место в современной рыночной экономике.

Ключевые слова: аборигенное предпринимательство, коренные малочисленные народы, социальные технологии и институты, самобытная культура, Российский север, Арктика.

Введение

Хозяйственная деятельность в коммерческих предприятиях коренных народов строится на семейных и родственных связях, ориентирована на традиционное природопользование, знания и культуру народов Севера. А аборигенное предпринимательство становится новой формой социальной организации. В России проживает более 40 коренных малочисленных народов Севера, их правовое

Новикова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: natinovikova@gmail.com. **Novikova Natalia I.** – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Leninsky Pr. 32-A). E-mail: natinovikova@gmail.com.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

положение жестко детерминировано законодательством. В правовой системе государства и общественном сознании аборигенный бизнес ограничивается традиционным образом жизни, который в первую очередь основывается на оленеводстве, охоте, рыболовстве, собирательстве. Органы государственной власти, как правило, принимают законы и программы, направленные на их сохранение, а не на развитие свободного предпринимательства.

Цель статьи рассмотреть, какие факторы влияют сегодня на развитие аборигенного предпринимательства на Севере и в Арктике, в чем его особенности в различных регионах и какими нормами оно регулируется. Фокус исследования направлен на изучение социальных институтов предпринимательства и их роли в социально-экономическом и культурном развитии коренных народов. Анализ строится на полевых материалах, собранных в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и Сахалинской области с конца 1990-х годов по настоящее время. Приводится сравнительный материал по саами Финмарка (Норвегия). Теоретической рамкой исследования выбраны неотрадиционализм, правовой плюрализм и инклюзивная модель бизнеса, как наиболее соответствующие изучаемой теме. Материалы собирались методами включенного наблюдения и полуструктурированных интервью.

Предпринимательство коренных народов: теоретические рамки и культурные особенности

Сначала нужно сказать о том, как понимается предпринимательство в данной статье. При всем разнообразии определений (*Московцев, Юрова 2008*) в рамках юридической антропологии можно опереться на определение Гражданского кодекса РФ: «Предпринимательская деятельность – самостоятельная, осуществляемая на свой риск, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» (Гражданский кодекс РФ). При использовании термина аборигенное предпринимательство важно подчеркнуть основные черты деятельности, которые относятся к коренным народам: самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на получение прибыли/ жизнеобеспечение. В докладе Экспертного механизма по правам коренных народов ООН 2017 г. специально подчеркивается: «В экономических системах коренных народов при всем их значительном разнообразии делается большой упор на получении социальной и экономической отдачи в интересах общин. В концепциях предпринимательской деятельности коренных народов успех определяется не столько размером вырученной прибыли, сколько той пользой, которую то или иное дело может принести семьям и общинам коренных народов» (Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам). Регулирование предпринимательской деятельности коренных народов происходит как законодательством, так и нормами международного и обычного права этих народов.

Вопросы предпринимательства приобретают особую остроту в современных условиях, так как на место патерналистской политики социалистического государства

приходит рынок, а аборигены оказываются не только обязанными сами зарабатывать себе на жизнь, но и создают новые институты для организации такой деятельности в условиях все более жесткой конкуренции за ресурсы. На Севере и в Арктике сохраняется правовая коллизия между традиционным природопользованием и предпринимательской деятельностью в сфере использования возобновляемых ресурсов. В законодательстве, начиная с определения этих народов и их общин, подчеркивается традиционный образ жизни как определяющий их статус в государстве и некоммерческая деятельность общин (ФЗ «О гарантиях прав»), а в общественном сознании культивируется образ коренных народов, обращенный к прошлому. Лишь некоторые авторы пишут о неотъемлемости права коренных народов на развитие, выбор приоритетов, в том числе и в экономической сфере (Гоголев), обосновывая в рамках конституционного права «традиционную» и предпринимательскую основу аборигенной хозяйственной деятельности (Кряжков 2016).

В начале 1990-х годов А.И. Пикой и Б.Б. Прохоровым был предложен новый (постсоветский) подход к изучению положения коренных народов Севера. Авторы предлагали провести разгосударствление основных фондов северных промыслово-сельско-хозяйственных предприятий и передать их ресурсы в коллективное владение (общинное/ родовое и отдельных территориальных групп) народов Севера. Основное внимание здесь концентрируется именно на социальных институтах коренных народов, включающих не только работников предприятий, но и все население (Лика, Прохоров 1994: 113). Эта схема и была отчасти претворена в рассматриваемых регионах, строящих свой бизнес, опираясь на традиционные социальные институты, хозяйственные и социальные технологии коренных народов, распространенные в досоветское время. При этом модернизация касается в основном технологических процессов и переработки продукции и подчиняется стратегическим целям самобытного развития коренных народов. Обзор возможностей новых форм организации бизнеса коренных народов Севера был предпринят и в экспертном докладе Института этнологии и антропологии РАН, где предпринимательство рассмотрено в широком сравнительном материале с вниманием к культурно-ориентированной модернизации (Тишков 2004).

Новые подходы к исследованию аборигенного предпринимательства связаны с документами ООН, в первую очередь с Декларацией о праве на развитие 1986 г. и Декларацией о правах коренных народов 2007 г., а также Рио-де-Жанейровской декларацией по окружающей среде и развитию 1992 г., в последней специально подчеркивается значение традиционных знаний коренных народов в процессах развития. И наконец нужно сказать о появившихся в последнее время в разных странах и в международном сообществе идеях об инклюзивной бизнес-модель – схемы ведения предпринимательской деятельности, включающей бедных (основание пирамиды) в качестве потребителей, покупателей, работников, производителей и предпринимателей на всех этапах цепочки создания добавленной стоимости, обеспечивая взаимовыгодное развитие для всех её участников (Creating value for all: strategies for doing business with poor). Эта модель частично использована и в докладе Экспертного механизма, где подчеркивается учет социальных аспектов ответственности и взаимности (Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам: 7). Для

российских аборигенов ее использование проявляется в практиках предпринимательства, строящегося на уникальных, присущих коренным народам технологиях и природных ресурсах (например, продукции оленеводства или использовании рыбьей кожи), внимании к локальным культурам и языкам коренных народов, их собственным принципам организации производства и торговли.

Обращение к современным практикам российских аборигенов показывает сочетание в их деятельности традиционных знаний и необходимых новых технологий. Причем, чем уникальнее их знания, тем их бизнес может стать успешнее. Они могут тогда занять свою нишу и стать более конкурентно способными. Именно в этой сфере было бы конструктивно проводить активную политику протекционизма со стороны органов государственной власти.

Другая особенность предпринимательства коренных народов связана с тем, что извлечение прибыли никогда не было для аборигенов главной целью. Например, путешественников и исследователей Дальнего Востока в XIX веке удивляло, «как мало ценили свой труд амурские мастерицы и «за небольшой кусок ситцу... охотно отдавали свои одежды тщательно и очень искусно вышитые выкрашенной рыбьей кожей». Приведшая в своей книге это высказывание Р. Маака Е. Глебова отмечает: «Просто искусство для них или то, что мы подразумеваем под этим словом, было самой естественной и важной частью жизни. И, что самое главное, стремление украсить свою одежду и утварь... были главными правилами защиты от всего негативного» (Глебова 2010: 29). Я наблюдала подобное отношение к продаже своих изделий на Европейской выставке народных мастеров в Будапеште в 2017 г. Мастера охотно делились своими изделиями, оценивая их недорого, а иногда просто дарили. В такой деятельности коренных народов имплицитно присутствует эффект «нематериального распределения выгод», который сегодня в основном рассматривается при анализе работы промышленных компаний. Анализ этого феномена может быть предложен для будущих антропологических исследований.

В опросах предпринимателей, проводимых социологами и в интервью, записанных от представителей коренных народов, бросается в глаза одна общая черта. Люди занимаются бизнесом, потому что это азартно, интересно, приносит удовлетворение. Антропологи часто с восхищением, подчеркивают в своих работах, что оленеводство (рыболовство, охота и т.п.) коренных народов – это образ жизни, наиболее комфортная для них деятельность. В собранных мною интервью, информанты указывали на два обстоятельства привлекательности своего бизнеса. Во-первых, отмечалось, что это приносит удовлетворение, например, манси в ХМАО: «Когда рыбачишь, понятно зачем. Добыл и кому-то от этого польза». Во-вторых, ощущение самобытности и самостоятельности. Так, на вопрос: «Зачем заниматься оленеводством?» на Сахалине я получила такой ответ «Чтобы отличаться от других. Чтобы быть независимым, ни у кого ничего не просить, иначе станешь люмпеном. Раньше жили прямо на заливе, там, где теперь Маликпак, но ушли, когда много людей стало. Оленю ходить надо, воля». Причем, хочется отметить, что и ненцы – самый многочисленный из народов Севера, с их огромными стадами оленей, и уйльта, и эвенки на Сахалине, где и аборигенов, и домашних оленей очень немного, всегда подчеркивают возможность свободного передвижения и принятия решений в своей хозяйственной деятельности, благодаря оленеводству, как наиболее привлекательную его черту (Новикова 2010).

В современных условиях на российском севере у коренных народов много разновидностей предпринимательской деятельности. Я выбрала несколько примеров типичных или перспективных для коренных народов видов бизнеса в рассматриваемых регионах.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО)

Культурное предпринимательство является, кажется, наиболее очевидной формой бизнеса коренных народов. Конвертация культурного капитала коренных народов происходит по нескольким направлениям, в первую очередь развитие этнотуризма, производство сувениров. На фоне глобализации и урбанизации именно аборигенные культуры обладают уникальностью и внешней привлекательностью и при умелой подаче могут иметь большой спрос на рынке услуг. Но и в этой очевидности есть особые практики. Так, в ХМАО в 2016 г. этнографический музей под открытым небом «Торум маа» приступил к реализации культурно-образовательного проекта «Этноакадемия обских утров» с целью создания обучающих центров для возрождения Медвежьего праздника. Эти проекты осуществляются при поддержке государства, но они не только способствуют сохранению и развитию традиционной культуры, но и подготавливают кадры и среду для развития этнотуризма как коммерческой деятельности. Медвежий праздник является наиболее ярким событием в жизни коренных народов округа и наиболее зрелищным для всех возможных туристов. Современное обучение в рамках праздника создает у молодых людей мотивацию к изучению языков хантов и манси, так как на «медвежьих игрищах» все исполняется именно на этих языках. В сфере этнотуризма аборигены сталкиваются с конкуренцией других, часто более сильных акторов. Аутентичность и высокий профессионализм в демонстрации обрядов и ритуалов, их традиционной театральности могут стать залогом и коммерческой успешности.

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)

Традиционные знания коренных малочисленных народов определяют их обычно-правовые нормы в природопользовании и социальных, в первую очередь семейных, отношениях. При анализе развивающегося предпринимательства это особенно важно учитывать, так как во многих случаях оно строится на отношениях взаимопомощи, эгалитарности и реципрокности. Именно дарообменные отношения позволяют поддерживать необходимый уровень доходов, не стремясь к максимизации прибыли. «Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети... дарообмен помогает выживать сообща» (Барсукова 2004: 22). У ненцев происходила постоянная перегруппировка социальных институтов – семейные домохозяйства, кооперативные/общественные (колхозы, совхозы, кооперативы), общинные, частные, задача которых была обеспечить их устойчивое развитие, необходимый достаток для жизнеобеспечения семей. Реципрокность и строящиеся на ней горизонтальные связи позволяют поддерживать кооперацию внутри аборигенного сообщества. А мера как норма обычного права регулирует эти отношения. В качестве примера приведу небольшой анализ предпринимательства оленеводов-ненцев.

Переработка и реализация продукции оленеводства. Сельский производственный кооператив «Тазовский»¹.

Крупное предприятие, организованное на основе совхоза, объединяет более 100 человек работников, почти 90% из которых ненцы. Основной вид деятельности – оленеводство, хотя занимаются и рыболовством. Учитывая, что ненцы поддерживают семейное оленеводство, реально кочует вместе с бригадами около 200 человек, включая женщин и детей. В организации работы используются традиционные принципы семейного оленеводства. Хотя в составе предприятия есть дипломированные специалисты, подавляющее большинство работников потомственные оленеводы. Они довольно скептически относятся к образованию, считая, что стать оленеводом можно только приобретя навыки и знания в семье, «нужно вырасти в чуме».

Общее собрание является высшим органом власти, но несмотря на демократические принципы организации работы, на практике все вопросы решает правление и председатель. Они организуют всю работу, осуществляют контакт с органами государственной власти. Большую роль в деятельности кооператива играют бригады – руководители подразделений – 6 – 7 опытных оленеводов. Организация бригад чаще всего строится по семейно-родственному принципу. Кооператив получает денежные средства от государства в зависимости от количества оленей. Работники получают зарплату и обеспечиваются некоторыми видами техники и средствами связи – спутниковыми телефонами. Доход предприятия складывается из сданных мяса и рыбы, а также компенсаций от промышленных компаний. Так как СПК зарегистрирован как юридическое лицо, имеет закрепленную за ним на условиях аренды земельную территорию, было возможно строить официальные отношения с промышленными компаниями и проводить расчеты убытков от нанесения ущерба от их деятельности по фактически применяемой промышленными компаниями только в отношении юридических лиц Методике 2009 г., как в данном случае. Во время проведения этнологических экспертиз мы были свидетелями такой оценки как основания для выплат, причем нужно отметить, что оленеводами-руководителями она воспринимается положительно, как работа, дающая конкретный результат, в отличие от экспертизы. Юридически оформленный статус СПК дает возможность более успешно строить отношения и с органами местного самоуправления и государственной власти, которые осознают его роль как «социального» предприятия, не только занимающегося производством и реализацией продуктов оленеводства и рыболовства, но и обеспечивающим официальную занятость и социальные гарантии, в первую очередь пенсии коренного населения.

Общины

Во время этнографической работы в Тазовском районе ЯНАО особый интерес у меня вызвала община Сядэй-Яхинская, которая занимается оленеводством в Антипаютинской и Гыданской тундрах. Община стала учредителем убойного пункта, на который могут сдавать оленей все желающие. Через него проходит до 5 тыс. голов. Председатель общины Степан Вануйто² говорит: *«В Тазовском мясе только зимой продаем, дальше будем расширять ассортимент. В разных видах перерабатывать и продавать. В других городах уже есть торговля. Это еще и решение проблемы*

¹ Полевые материалы собирались в 2010–2012 гг.

² В настоящее время С.В. Вануйто директор «Агрокомплекса Тазовский».

занятости, там работает до 40 человек. Если будет много таких пунктов, то стадо будет сокращаться, так как сейчас оленей в два раза больше, чем могут прокормиться на наших пастбищах. Благодаря этому будет сокращаться количество быков, быки больше вытаптывают. Если цена за мясо будет хорошая, то стадо не будет сильно расти, хватит кормов. В общине 12 тыс. оленей. Доходы распределяются в зависимости от вклада. Община спасает от трудных ситуаций, платит налоги, делает отчисления в пенсионный фонд». Общины могут стать жизнеспособными хозяйствами и их члены смогут меньше зависеть от субсидий государства, различных льгот. Когда люди хорошо зарабатывают, они могут сами купить или построить свое жилье, дать детям образование. Многие общинники именно в этом видят смысл объединения. Современные оленеводы хотят придать устойчивость своим хозяйствам еще и потому, что воспринимают жизнь с оленями как комфортную, интересную, причем такие высказывания мы слышали и от молодых образованных ненцев: «У нас в родах, и даже в семьях есть свои традиции. У ненцев все сохраняется, действительно больше, чем у других народов. В оленеводстве что хорошо, 365 дней человек с женой и детьми, никуда от них не уезжает».

Домохозяйства

Значительная часть оленей находится в собственности частных, которые осуществляют семейное оленеводство. В таких хозяйствах высокий уровень ответственности всех членов семьи, но обычно они не могут получать большие доходы, такие домохозяйства обычно лишь могут обеспечить минимальные запросы и в большей степени зависят от субсидий государства. Тем не менее, для многих аборигенов такой вид социальной организации является предпочтительным, так как не ограничивает их свободу.

Оленеводство представляет сегодня и образ жизни, и форму самоорганизации, и сферу сохранения языков, и область предпринимательства. От разрешения проблем, связанных с его развитием в современных условиях активного промышленного освоения, изменения климата зависит благосостояние кочевников и их семей. По представлениям ненцев, олень всегда принадлежит конкретному человеку, но пастбища, без которых его содержание и размножение невозможны, это коллективное право. Это только один пример того, как в повседневной практике переплетаются коллективные и индивидуальные права, и их защита со стороны государства волнует и ученых, и самих представителей коренных народов, и их организации.

Часто в современных условиях складывается впечатление, что коренные народы не развиваются и стоят на пути прогресса. Обращусь снова к Докладу экспертного механизма: «Одной из основных составляющих дискриминации, с которой сталкиваются коренные народы, является стереотипичное мнение о том, что они представляют собой препятствие на пути развития или что их экономическая деятельность не вносит вклад в экономику стран, в которых они проживают. Экономические модели коренных народов часто воспринимаются как расточительные с точки зрения ресурсов... Эти предвзятые взгляды зиждутся на системах понятий, которые использовались и продолжают использоваться для оправдания практики изъятия земель и экономической маргинализации». В Докладе приводятся многочисленные примеры вклада коренных народов в национальные экономики разных стран, в том числе на основании пастбищного животноводства. Кроме того, прочные связи коренных

народов с природной средой позволяют им умело распознавать угрозы, вызванные потеплением климата и другими экологическими изменениями. К сожалению, в практике многих государств, в том числе и России, этот вклад остается не востребуемым. В общественном мнении коллективная ответственность коренных народов воспринимается часто как проявление их консервативных и иждивенческих настроений, а значение их традиционных знаний не учитывается.

Сахалинская область

Рыболовство как бизнес

В Сахалинской области сложилась уникальная ситуация (Новикова 2014). Во-первых, здесь в 1990-х были созданы несколько десятков хозяйств, занимающихся рыболовством. Во-вторых, уже более десяти лет действует «План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области», как трехстороннее соглашение между нефтяной компанией Сахалин Энерджи, правительством области и организацией коренных народов, по которому финансируются проекты на развитие аборигенного предпринимательства.

Созданные хозяйства являются в основном семейными предприятиями, но на период путины нанимают работников. Наиболее успешная предпринимательская деятельность сложилась в Поронайском районе. По первоначальному положению эти хозяйства должны были выполнять четыре требования для получения лимитов на вылов рыбы: платить налоги, брать на работу аборигенов, делать взносы в общий фонд, не иметь более трех нарушений правил рыболовства. Такая система работала на основании местного территориального самоуправления и позволяла не только достичь достаточно высоких доходов, но и противостоять криминалу, связанному с нелегальным ловом рыбы. Сегодня эта система уже не работает в полной мере, так как эти отношения строились на личных контактах и договоренностях. В последние пять лет вылов рыбы резко снизился. Кроме того, аборигены фактически лишены приоритетного права доступа к рыболовным участкам. А на условиях аукционов они не могут конкурировать с крупными промышленниками. Материальная база родовых хозяйств различна и зависит от финансовых возможностей, деловых качеств организаторов, демографической ситуации и многих других, часто случайных причин. Большинство хозяйств имеют дома, машины, средства для лова рыбы, а некоторые и небольшие цеха для переработки продукции. Между родовыми хозяйствами распределяются обязанности по участию в общих мероприятиях. Они также берут на себя обязательства по вылову рыбы для тех аборигенов, которые не могут сделать это сами (преимущественно пожилые люди, одинокие женщины, которые не входят в родовые хозяйства).

Членом хозяйства может быть абориген или человек, имеющий родственные «корни» с членами данного хозяйства. Высшим органом власти в хозяйстве является общее собрание. Существует родовой совет и главу хозяйства (председателя) выбирают на 5 лет. В реальности, насколько я могу судить по своим полевым наблюдениям, все вопросы решают один-два человека. В хозяйствах работают менеджеры, которые могут быть как аборигенами, так и людьми любой другой национальности. Они являются наемными работниками или членами семьи. Структура родовых хозяйств достаточно аморфна и строится в большей степени на личных, часто устных договоренностях.

Родовые хозяйства являются юридически оформленными предприятиями, но в повседневности они строят свою деятельность на личных контактах и связях. Хозяйственные отношения опираются на широкие культурные основания, образуемые традициями и обычаями, нормами и ценностями, складывающиеся в специфическую для данного общества трудовую и деловую этику. Функционирование деловых сетей основано на том, что контрактные отношения подкрепляются достаточно развитой системой неформальных взаимных услуг. А деловые отношения носят личностную окраску. Такие хозяйства все больше уходят от традиционного природопользования в коммерцию.

В Поронайском районе находится крупнейшее аборигенное предприятие «Абориген Сахалина», которое имеет большую производственную мощь. Во время пугины на предприятии работает до 100 человек. Предприятие занимается благотворительностью и участвует в решении социальных вопросов коренных народов Сахалина и в финансировании и организации ежегодного праздника «Кормление духа хозяина воды».

Опыт коренных народов Поронайского района Сахалинской области показывает важность доступа к ресурсам для предпринимательской хозяйственной деятельности и культуры этих народов. Существующие правовые ограничения для развития малого бизнеса (к которому фактически относятся рыболовецкие хозяйства) наряду с ухудшением экологической ситуации, сокращением ресурсов негативно сказываются на эффективности этой деятельности и уровне жизни коренных народов. Много трудностей связано и с организацией работы с местными и привезенными из других районов рыбаками. Наблюдается все больший уход рыболовецких хозяйств из натурального «традиционного» хозяйствования в коммерческую деятельность. Вместе с тем, сохраняются традиционные формы социальной поддержки населения, благодаря чему удается обеспечивать не только стариков, но и учреждения культуры и образования, организовывать культурные акции и праздники. Среди старшего поколения «хозяйственников» сохраняются принципы коллегиального управления, но они становятся уже скорее корпоративными.

На основании анализа законодательства и существующей практики распределения рыболовных участков можно сделать вывод о критической ситуации на Сахалине, которая подталкивает людей, особенно молодежь к браконьерству, так как вновь образованные хозяйства не могут получить законный доступ к ресурсам. А обычно-правовое регулирование распределения участков находится под массивным прессом со стороны некоренного населения и криминальных структур. Существующие формы финансовой поддержки оказываются недостаточными, так как микрокредитование и бизнес-проекты в рамках Плана содействия развитию коренных народов Сахалина (финансируемые Сахалин Энерджи) могут обеспечить лишь закупки техники. На фоне малых объемов вылова в течение последних лет снижается уровень жизни и покупательная способность местного населения, что ограничивает возможности для предпринимательства как в рыболовстве, так и в других сферах.

Сравнение с Норвегией

Во время проведения полевых исследований в Каутокейно (Норвегия) в 2014–2015 гг. был собран сравнительный материал. Предпринимательство в этом небольшом

поселке активно развивается. Могут быть выделены две группы населения. Саами оленеводы, которые занимаются разведением оленей и продажей мяса, и широкий круг мелких предпринимателей, обеспечивающих все потребности оленеводов в технике, машинах, ремонте, сырье для производства одежды и сувениров, обеспечении туризма (гостиницы, кафе, рестораны и т.п.). Инфраструктура небольшого поселка обеспечивает образовательные, культурные и экономические потребности оленеводов. Но политика правительства строго регламентирует размеры семейных стад, что является сдерживающим фактором их свободного экономического развития. Тем не менее, в рамках скандинавского саамского сообщества на межгосударственном уровне оленеводство поддерживается как предпринимательская деятельность. Более того, в Саамской конвенции северных стран (Саамская конвенция северных стран) подчеркивается, что Саамское предпринимательство и природопользование должно быть особо защищены при помощи правовых или финансовых механизмов в той степени, в которой они составляют основание для развития культуры. Саамским предпринимательством или природопользованием считаются такие виды деятельности, которые необходимы для поддержания и развития саамских сообществ (Статья 41). Отдельно государство поддерживает саамское оленеводство подчеркивая, что оно регулируется обычным правом (ст. 42).

Конечно, Норвегия опережает Россию по уровню благосостояния граждан, но изучение опыта аборигенного предпринимательства в обеих странах показывает его жесткую зависимость от биоресурсов и политики государства. В России государственная поддержка оказывается традиционному природопользованию через поддержку организаций коренных народов в основном по программам финансирования. На многих парламентских слушаниях, круглых столах и других совещаниях с участием коренных народов и политиков, часто можно слышать недовольство аборигенных лидеров самой основой государственной поддержки, когда ограничиваются их возможности для свободного развития, хотя это подчеркивается и в международном праве (Декларация о праве на развитие, Декларация ООН о правах коренных народов) и в российской конституции.

Деятельность промышленных компаний в большей степени направлена на сегрегацию коренных народов, создание еще более четкой границы в природопользовании. В рамках программ корпоративной социальной ответственности они могут финансировать культурные проекты или возмещать убытки, но очень редко поддерживают предпринимательство. Корпоративные программы международных нефтяных компаний на Сахалине в последнее время лишь смягчают ситуацию, но не могут ее существенно изменить, они предлагают небольшие гранты на развитие аборигенного бизнеса. Положительные эффекты от политик этих компаний в большей степени связаны с развитием социального капитала в ходе выполнения Плана содействия развитию коренных народов Севера компании Сахалин Энерджи. В других регионах Севера, в частности в Западной Сибири, на уровне домохозяйств спонтанно организуется продажа – обмен продукции рыболовства, оленеводства в натуральной или денежной форме, но это не может существенно повлиять на развитие предпринимательства.

Второй статьей доходов для аборигенного населения могли бы стать производство сувениров и этнотуризм. Но именно как бизнес, это направление находится в зачаточной стадии. Организации коренных народов могут получать гранты на разви-

тие туризма, но редко это создание специализированных организаций, обеспечивающих занятость и социальные гарантии для аборигенов. Хотя нужно отметить развитие выставочно-ярмарочной деятельности как в регионах Севера и Арктики, так и в Москве. Обычно, доходы от таких мероприятий не столь велики, но они могут рассматриваться как точки роста аборигенного бизнеса. Кроме того, во время проведения весенней выставки «Сокровища Севера» в Москве Ассоциация коренных малочисленных народов организует обучающие бизнес-семинары.

Производство и реализация сувениров коренными народами, как и развитие этнотуризма не однозначно оцениваются как самими этими народами, так и исследователями. В ходе интервью в Каутокейно было выявлено негативное отношение к «работе на туристов», хотя люди, конечно, не против того, чтобы туристы приезжали. Для местных саами считается непрестижным работать в обслуживании (рестораны, кафе, сувениры), складывается впечатление, что они не стремятся повысить доходы в этой сфере. Интересно, что саами подчеркивают важность производства народных костюмов и предметов быта для себя, а не на продажу.

Отдельное направление деятельности по развитию предпринимательства может создать участие коренных народов через использование традиционных знаний в лесной промышленности в рамках лесной сертификации и использования традиционных знаний коренных народов о лесе в его промышленном использовании или косметической промышленности с использованием дикоросов и другой продукции традиционного природопользования. Такие проекты есть у коренных народов других стран, но даже на уровне идей они пока не предлагаются в России.

Выводы

Развитие предпринимательства коренных народов в России зависит от обеспечения им доступа к возобновляемым природным ресурсам, участия коренных народов в принятии решений, затрагивающих их интересы. Особенно острой становится конкуренция в рыболовстве, так как именно там возможно извлечение большей прибыли и аборигенам оказывается сложно конкурировать с технически и финансово оснащенными рыболовецкими предприятиями. Но, с другой стороны, именно в этой сфере могут складываться и новые альянсы, строящиеся на совместном использовании оборудования, а также выработке общих требований/ предложений в законодательство и политику государства (как, например, иногда происходит на Сахалине). Ограничения для общин некоммерческой деятельностью приводят сегодня к тому, что аборигены стремятся создавать иные формы кооперации для занятия бизнесом, даже теряя при этом государственную поддержку в рамках финансирования для коренных народов. Предложения лидеров и организаций этих народов создать режимы благоприятные для свободного самобытного развития коренных народов через предпринимательство пока не получают поддержки органов государственной власти.

В данной статье основное внимание сосредоточено на предпринимательстве в сфере производства. Важное направление – переработка продукции находится в зачаточном состоянии. Хотя перспективы для этого есть и через использование местных продуктов питания, в том числе в сотрудничестве с международным движением Слоу фуд, поддерживающим традиции национальных и этнических кухонь, органическую продукцию.

Подводя итоги исследования аборигенного предпринимательства можно выделить следующие его характерные черты:

Аборигенное предпринимательство строится на использовании местных ресурсов, традиционных знаний и уникальных технологий. Оно имеет культурную окраску и наряду с бизнес-задачами выполняет функцию репрезентации культуры. В условиях конкуренции за ресурсы оно является социальным, обеспечивая занятость и институты защиты трудовых прав аборигенов. Аборигенные формы организации бизнеса создают благоприятный психологический климат. Вероятно, должен быть найден баланс между государственной поддержкой его развития и самоуправлением коренных народов, их собственной творческой деятельностью. Для этого требуется изменение законодательства, гарантирующего не только сохранение традиционного образа жизни и среды обитания коренных народов, но и их приоритетного доступа к возобновляемым ресурсам, действительного контроля за использованием земель, полноправного развития. Кроме того, важно и участие крупного бизнеса, в первую очередь добывающих предприятий в социальном развитии регионов их деятельности и устойчивом развитии коренных народов.

Источники

- Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ: <http://stgkrf.ru/23> дата обращения 01.04.2019.
- Декларация ООН о праве на развитие. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml.
- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.
- Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11-29 сентября 2017 года. Доступ: <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>.
- Рио-де-Жанейровская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 год, принцип 22. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
- Саамская конвенция северных стран. Доступ: <http://docplayer.ru/45131531-Saamskaya-konvensiya-severnyh-stran.html>.
- Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Доступ: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>.
- Creating value for all: strategies for doing business with poor. Доступ: http://growinginclusivemarkets.org/wp3/en/wordpress/wp-content/uploads/2010/04/gim-report_executive-summary_english.pdf.

Литература

- Барсукова 2004 – Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // *Социологические исследования*, 2004. С. 20–30.
- Глебова 2010 – Глебова Е.В. *Метаморфозы рыбьей кожи*. Хабаровск, Омега-Пресс, 2010.
- Гоголев 2014 – Гоголев П.В. *Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока*. М.: Изд-во МГУ, 2014.
- Кряжков 2016 – Кряжков В.А. Право коренных малочисленных народов на традиционное

- природопользование (на примере охоты) // *Государство и право*, 2016. № 11. С. 32–42.
- Пика, Прохоров 1994 – Пика А.И., Прохоров Б.Б. (под ред.) *Неотрадиционализм на Российском Севере*. М., 1994.
- Новикова 2017 – Новикова Н.И. Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов // *Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики* / под ред. Ю.В. Попкова, И.С. Тарбастаевой. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2017. С. 110–120.
- Новикова 2014 – Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М., 2014.
- Новикова 2010 – Новикова Н.И. Трансформированные идентичности: между трудом и правом // *Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой* / отв. ред. Е.А. Пивнева. М., 2010. С. 255–268.
- Тишков 2004 – Тишков В.А. (под ред.) *Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад*. М., 2004.
- Юрова, Московцев 2008 – Юрова О.В., Московцев А.Ф. Понятие предпринимательства: единство исторического и логического // *Российское предпринимательство*, 2008. № 10-1 (120). С. 4–9.

References

- Barsukova, S.Yu. 2004. Retsiproknye vzaimodejstviya. Sushhnost', funktsii, spetsifika [Retsiprokny interactions. Essence, functions, specifics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*: 20–30.
- Glebova, E.V. 2010. *Metamorfozy ryb'ej kozhi*. [Metamorphoses of fish skin], Khabarovsk, Omega-Press.
- Gogolev, P.V. 2014. *Konstitutsionno-pravovyye osnovy gosudarstvennoj politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Constitutional and legal bases of state policy on indigenous peoples of the North, Siberia and Far East]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Kryazhkov, V.A. 2016. Pravo korennykh malochislennykh narodov na traditsionnoe prirodopol'zovanie (na primere okhoty) [The right of indigenous peoples for traditional environmental management (on the example of hunting)]. *Gosudarstvo i pravo* 11: 32–42.
- Pika, A.I., and B.B. Prokhorova (eds). 1994. *Neotraditsionalizm na Rossijskom Severe* [Neotraditionalism in the Russian North]. Moscow.
- Novikova, N.I. 2017. Kollektivnoe pravo korennykh narodov na samobytnoe razvitiye: kul'turnaya tsennost' ili konflikt interesov [Collective right of indigenous peoples to original development: cultural value or conflict of interests]. *Kollektivnyye prava etnicheskikh soobshhestv: problemy teorii i praktiki* [Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice], edited by Yu.V. Popkov, I.S. Tarbastaeva, 110–120. Novosibirsk: IFPR SO RAN.
- Novikova, N.I. 2010. Transformirovannyye identichnosti: mezhdru trudom i pravom [The transformed identities: between work and the right]. *Ehtnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: K yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z.P. Sokolovoj* [Ethnocultural heritage of the peoples of the North of Russia: To the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor Z.P. Sokolova], edited by E.A. Pivneva, 255–268. Moscow.
- Novikova, N.I. 2014. *Okhotniki i neftyaniki. Issledovaniia po iuridicheskoi antropologii* [Hunters and oil industry workers. Researches on legal anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. (ed) 2004. *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Modern situation and prospects of development of small peoples of the North, Siberia and Far East]. *Nezavisimyj ehkspertnyj doklad*. Moscow.
- Yurova, O.V., and A.F. Moskovtsev. 2008. Ponyatie predprinimatel'stva: edinstvo istoricheskogo i logicheskogo [Concept of business: unity historical and logical]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* 10–1 (120): 4–9.

Natalia I. Novikova. Aboriginal entrepreneurship in Russia: resources, technologies and social institutes

Aboriginal entrepreneurship is seen as a new form of social organization. Economic activity in the enterprises of indigenous peoples is based on family and kinship ties, and focuses on traditional use of nature, as well as on the knowledge and culture of the peoples of the North.

Therefore, their entrepreneurship is limited by the traditional lifestyle, which is based on reindeer breeding, hunting, fishing, and gathering. The government authorities adopt laws and programs aimed at the preservation of the traditional lifestyle of indigenous peoples, but not at the development of free enterprise. Indigenous people offer the strategy of modern development, which is based on original culture and new social institutes. The author analyzes enterprises of Sakhalin (fishery), Yamal-Nenets AO (reindeer breeding) and Khanty-Mansi autonomous areas (cultural business, tourism) and considers the factors influencing development of native business and its place in modern market economy.

Keywords: *Aboriginal entrepreneurship, small-numbered indigenous peoples, social technologies and institutes, original culture, Russian North, Arctic.*

© Е.П. Батьянова, О.А. Мурашко

ПУТИ ПРИОБЩЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА К НОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ СЕРЕДИНЫ 1980 – КОНЦА 1990-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОРЯКСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ)*

В статье анализируются процессы адаптации КМНС Корякского автономного округа к экономическим и социальным переменам и потрясениям середины 1980-х – конца 1990-х гг. Отмечен всплеск национального самосознания коренных народов в период перестройки, обусловивший создание ими ассоциаций, союзов, вызвавший процессы возрождения их этнических культур: языка, традиционных обычаев, обрядов, фольклора. Охарактеризованы особенности экономического и духовного кризиса, связанного с крушением советского строя, и проявившегося в развале важнейших хозяйственных отраслей КМНС – оленеводства и рыболовства, в резком падении уровня жизни людей, росте заболеваемости и смертности, сокращении численности населения. Дается анализ способов преодоления экономического и духовного кризиса, включавших активную законодательскую деятельность местной власти при содействии общественных организаций коренного населения, развитие новых форм хозяйствования, создание фондов поддержки КМНС, использование потенциала природных ресурсов округа, привлечение спонсорской помощи. Обращено внимание на большую социальную активность коренных жителей в ситуации кризиса, на использование ими в отстаивании коллективных интересов правовых факторов, на сотрудничество их с международными организациями. Отмечено, что, несмотря на эффективность предпринятых мер преодоления кризиса, его негативные последствия ощущаются до настоящего времени. Основными источниками для написания статьи послужили полевые материалы авторов, архивные данные, газетные публикации.

Ключевые слова: *Корякский автономный округ, Камчатка, коряки, ительмены, перестройка, кризис, ассоциация, оленеводство, рыболовство, предпринимательство.*

Батьянова Елена Петровна – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: elena-batyanova@yandex.ru. **Batyanova Elena P.** – Institute of Ethnology and anthropology, RAS (Moscow, Leninsky prospect 32-A). El Republic. E-mail: elena-batyanova@yandex.ru.

Мурашко Ольга Ануфриевна – внештатный сотрудник НИИ и Музей антропологии МГУ (Москва, Моховая ул., 11, стр. 1). Эл. почта: murashkoolga@gmail.com. **Murashko Olga A.** – Institute and Museum of anthropology of Moscow state University (Moscow, 11 Mokhovaya street, p. 1). E-mail: murashkoolga@gmail.com.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Накануне перемен

В середине 1980-х годов социально-экономическая ситуация в Корякском автономном округе¹ была относительно благополучной. Документы Камчатского облстатуправления указывают, что объем промышленного производства округа увеличился с 1980 по 1985 г. в два раза и в объеме производства области составил 89%. (Основные показатели 1986). По всем районам КАО постоянно отмечался естественный прирост населения. В 1986 году на 1000 чел. он составил 14,3 чел. (Там же).

При Камчатском облисполкоме с 1974 года работал Отдел по народам Севера, задачей которого было способствовать социокультурному развитию коренного населения. В ведении Отдела были вопросы обеспечения коренных северян работой и благоустроенным жильем, подготовка кадров, медобслуживание, развитие культуры и спорта и пр.

Вместе с тем условия жизни значительной части коренного населения округа оставляли желать лучшего. Так, в 1979 г. в райцентре Тигиль ительмены и старожилы метисного происхождения жили преимущественно на окраине, называвшейся «колхозом», в старых покосившихся и ушедших в тундровую почву двухквартирных домиках. Пожилые люди были немногословны и нерасположены рассказывать о себе и своих предках, хотя прекрасно знали собственные родословные, которые вели от старинных фамилий обитателей Тигильского острога: ительменов, коряков, русских казаков, заключавших между собой смешанные браки в течение 200 лет (Мурашко 1985; Вахрин 1989). Старики вспоминали, что, когда они в 1930-е годы приходили в сельсовет за справкой, чтобы поехать в город учиться, и на вопрос о национальности отвечали «камчадал», их записывали русскими или ительменами, объясняя, что национальности *камчадал* больше нет (ПММ 1979). Рассказывали также, что их детям и внукам запрещали говорить по-ительменски и по-камчадалски в школе-интернате, носить элементы старинной одежды: «Всех с детства одевали одинаково» (ПММ 1979). Многие жаловались на то, что их родственникам, не числившимся работниками рыболовецкого колхоза или госпромхоза, запрещали самостоятельно ловить рыбу, охотиться на нерпу для собственных нужд: «Большинство наших работает подсобными рабочими, сторожами на полставки, а штатными рыбаками, охотниками берут почти только одних приезжих» (ПММ 1979).

Духовный подъем в период «перестройки» и движение «за возрождение традиций»

Провозглашение в стране демократизации и гласности ознаменовало собой духовный подъем в среде коренного населения. Положительные тенденции декларируемых перемен коренные жители связывали с начавшимися процессами возрождения их этнических культур, поднятием статуса и престижа родных языков, традиционной религии, обычаев. «Теперь многие люди хотят жить по-корякски, по-ительмен-

¹ Корякский автономный округ – административная единица в составе Камчатской области с центром в пос. Палана. Был образован в 1930 году как Корякский национальный округ, с 1997 г. получил статус автономного округа. В 2007 г. утратил автономный статус и вместе с Камчатской областью вошел в состав Камчатского края. Народы Севера, проживающие в округе, по данным Переписи 2010 г.: коряки – 6640 чел., ительмены – 2394 чел., эвены – 1872 чел., камчадалы – 1551 чел, чукчи – 1496 чел, О Корякском автономном округе в 1980-е годы см.: Батьянова 1991.

ски, по-эвенски. Разговаривать на родном языке стало у нас своего рода шиком», – с удовлетворением отмечали коренные жители (ПМБ 1995; 1997).

В Тигиле в 1995 г. главными достопримечательностями, символизирующими возрождение национальных культур, считались новый национальный ансамбль и открывшийся краеведческий музей, куда собрали старинные вещи, сохранившиеся у населения. Люди с воодушевлением участвовали в созидательном процессе «культурного возрождения». К тому времени была основана районная ассоциация камчадалов, которая активно включилась в общекамчатское движение за «признание наличия в Камчатской области этнической группы камчадалы». Одновременно велась работа по сбору генеалогических данных и учету жертв репрессий 1930-х годов. (Мурашко 2010)

В 2001 г. камчадалов, наряду с другими КМНС включили в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Перепись 2002 г. зафиксировала в Камчатской области 1854 камчадала.

В пос. Палана работал Центр народного творчества, издававший брошюры с описанием национальных обычаев, фольклора. В школах велись занятия по изучению корякских и ительменских традиций. Приобрел легальный статус корякский традиционный обряд трупосожжения. Началось движение по восстановлению так называемых «неперспективных» селений, закрытых в ходе административных акций 1960–1970-х годов, что трагически сказалось на судьбах многих людей. Об этой бесчеловечной кампании люди с ужасом вспоминали спустя десятилетия. Так, в Ковране уроженки села Морошечное через 25 лет после его закрытия рассказывали: «Переселяли всех срочно... хотели успеть к 7 ноября. Вывозили вертолетами... Там всё осталось, рыба заготовленная... даже занавески в домах на окнах. Наши женщины захотели вернуться, забрать свои вещи. Отправились на двух батах из Усть-Коврана морем... Все погибли» (ПММ 1994).

Движение по возрождению закрытых селений было инициировано ительменами села Ковран, куда переселили жителей упраздненных деревень: Утхолок, Сопочное, Морошечное, Белоголовое. К сожалению, планы по восстановлению этих селений не получили развития из-за отсутствия средств.

В 1989 г. был создан Совет возрождения ительменской культуры Камчатки (СВИК) «Тхсаном» (в 1993 г. переименован в Совет ительменов Камчатки (СИК) «Тхсаном»). Организацию возглавила автор «Букваря ительменского языка» К.Н. Халоймова. В программе Совета его задачи были определены следующим образом: «Вернуть исчезающей народности присущие ей черты, раздуть слабый огонек культуры ительменов... Организовать собственное многоотраслевое производство для возрождения материальной культуры ительменов и обеспечения занятости в традиционном хозяйстве... Возрождать ительменский язык через преподавание в детском саду, школе, создание живой языковой среды в быту и художественном творчестве, стенной печати и других средствах массовой информации» (ЛАМ 2014).

Символом возрождения национальных культур КМНС Камчатки стал ительменский праздник «Алхалалалай», с 1988 г. ежегодно проводившийся в селении Ковран. На праздник приезжали его участники и гости из различных поселков округа, из Петропавловска-Камчатского и даже из-за рубежа. В декабре 2009 г. «Алхалалалай», наряду с корякским праздником «Хололо» и эвенским – «Нургенек», был объявлен официальным праздником Камчатского края.

В феврале 1990 г. Первый съезд коренных народов Корякского автономного округа провозгласил создание окружной Ассоциации народов Севера. Съезд проходил в Палане, и на нем присутствовало 82 делегата из четырех районов округа. Предполагалось, что Ассоциация будет способствовать росту уровня правовой культуры населения и станет школой национальных лидеров, о потребности общества в которых неустанно напоминали представители местной интеллигенции в средствах массовой информации: «Во главе местных советов (от сельских до окружного) должны стоять представители коренной национальности, а не люди, зарабатывающие северную пенсию. Только тогда у нас появится реальная возможность сохранить себя как народность со своими обычаями, языком, культурой» (Хелол 1988).

Деятельность Ассоциации способствовала тому, что в результате выборов в окружную Думу в 1996 г. ее возглавила ительменка В.Т. Броневиц. «Выборы доказали, что у нас есть лидеры», – с гордостью отмечали северяне. Ассоциация привлекалась к участию в разработке местных законов, принимаемых окружной Думой, контролировала квоты, выделяемые властями на вылов рыбы. Все же возможности Ассоциации были ограничены, в том числе из-за отсутствия финансов. Спустя семь лет после её создания многие жители округа считали деятельность Ассоциации малоэффективной. Особен-

Рис. 1. Заседание Краеведческой группы Ассоциации КМНС Тигильского района (Фото О.А. Мурашко, пос. Тигиль, 1995).

но слабо ощущалась её работа в селах округа. Среди лиц, недовольных Ассоциацией, возникла идея создать Союз интеллигенции коренных малочисленных народов Корякского округа как альтернативу Ассоциации, «чтобы показать, как нужно работать» (ПМБ 1995).

Крушение советской социалистической системы

Переход к системе свободного предпринимательства был воспринят представителями коренных народов Камчатки по-разному. Часть населения приветствовала такой переход: «Я не хочу в социализм. Тебя кормят, обувают, одевают... Пусть люди сами одеваются и обуваются. Я не хочу ходить строем. Человек должен быть свободным» (ПМБ 1997). «К социализму мы не можем вернуться: он тормозит научно-технический прогресс» (ПМБ 1997). «Государственная опека, которая была на протяжении нескольких десятилетий, разучила народ самостоятельности... Советское время я вспоминаю с теплотой, но я не хотела бы в него вернуться» (ПМБ 1997).

В то же время очень многие люди старшего поколения откровенно ностальгировали по советским временам: «При коммунистах был больший порядок и работали все». «При социализме было, конечно, лучше». «Тяжелое время наступило – работать негде». «Очень много свободы, но, когда есть нечего, жить плохо» (ПМБ 1995, 1997).

«Скачок» к рыночным отношениям в КАО, как и в большинстве регионов страны, был связан с крушением прежней системы социальных отношений, хозяйственной, экономической структуры, сопровождаемым резким падением уровня жизни людей, сокращением численности населения, ростом заболеваемости и смертности. С 1989 г. по 1995 г. численность населения округа сократилась на 10 тыс. человек, то есть более чем на 25%, и на 1 января 1995 г. составила 33671 чел. Сокращение происходило преимущественно за счет оттока приезжих специалистов. С учетом тенденции сокращения населения Постановлением администрации КАО от 14.01.94 № 15 поселки городского типа Пахачи, Корф, Ильпырский были преобразованы в села (АОС 1997).

Среди неблагоприятных факторов, определяющих кризисную ситуацию в округе, были безработица, многомесячная задержка зарплат, невозвоз топлива, чрезвычайно высокие цены, нехватка благоустроенного жилья. Порождением социального и экономического дискомфорта стали маргинализация населения, рост алкоголизма, токсикомании, самоубийств.

Экономический кризис был ознаменован разрушением важнейших хозяйственных отраслей коренного населения и в первую очередь оленеводства, что выражалось в резком сокращении поголовья оленей, развалом оленеводческих совхозов. На Окружном съезде оленеводов весной 1995 г. из докладов выступавших вырисовывалась мрачная картина развала этой важнейшей хозяйственной отрасли. Из 11 совхозов округа в 1994 г. лишь в двух произвели забой оленей, но десятки тонн полученного мяса так и остались невостребованными. Некоторые совхозы продали в прошлые годы мясо в долг, но не получили денег. Большинство так называемых крестьянских хозяйств обанкротились. В совхозе «Таловский» «крысы съели 10 тонн оленины» (ПМБ 1995).

Прекратили работу многие дотационные предприятия, на которых работали коренные жители. Закрылись, в том числе, Паланская окружная фабрика художественных промыслов и её филиалы, функционировавшие в национальных поселках, в результате чего многие мастерицы мехпошива оказались безработными.

О бедственной ситуации в национальных селах округа свидетельствует письмо жителей селения Вывенка в Окружную администрацию, датированное 1995 г. Приводим его с некоторыми сокращениями:

Письмо-обращение жителей села Вывенка Олюторского района.

Всем жителям Олюторского района известно, что Вывенка – национальное село, но мало кто знает, как живут люди этого маленького, давно всеми забытого села. До сих пор мы, жители Вывенки, молчали, все надеялись на что – то лучшее, на какие-нибудь перемены в нашей жизни. Однако с каждым днем жизнь ухудшается. И теперь нет никаких сил молчать...

Как же мы живем? Не живем – выживаем. В магазине пустые полки. Нет круп, масла, мяса, долго не было муки, сахара, постоянные перебои с хлебом. Его катастрофически не хватает. Люди из-за него дерутся <...> очередь за ним люди занимают с 2-х часов ночи.

Многие неделями живут без хлеба... Не обеспечивают жителей и самыми необходимыми товарами. Все наши продукты оседают в Тиличихах [центр района – Е.Б., О.М.], так как до Вывенки довести нет средств. И нет этому беспределу ни конца, ни края!

А какая в селе антисанитария! <...> Скоро весна, начнет таять снег, талые воды от помоек и прочей грязи побегут в колодцы. Где гарантия, что в этом году жители села не будут болеть дизентерией, желтухой? Сегодня мы понимаем, что за наведение чистоты, за завоз продуктов надо платить деньги. А где их брать, если все наши налоговые сборы оседают в районе и ни одного процента от этих сборов не оставляют на благоустройство села. Второй год в Вывенке не работает клуб – центр досуга. Он стоит в заброшенном плачевном состоянии. Окна выбиты, дверей нет, аппаратуру стащили, потолок в аварийном состоянии, грязь, холод, сырость... Наша участковая «лечебница» на глазах разваливается. Весной опять в больнице будет великий потоп. И это повторяется из года в год. В селе нет хорошей связи, у людей месяцами не работают телефоны...

Тяжело особенно сейчас тем, кто работает в а/о «Вывенка». Они с сентября-месяца не получают зарплату. В их магазине они могут взять под запись молоко и до 1-го апреля хлеб и все!

А как жить дальше? Чем кормить детей? На какие средства покупать хлеб, продукты питания? <...> И все же мы надеемся, что наши депутаты, глава администрации района обратят свое внимание на проблемы нашего села. И, может быть, изменят свое отношение к людям этого села и их нуждам. В противном случае мы вынуждены будем обратиться в Комитет по малочисленным народам Совета Федерации Законодательного Собрания (ПМБ 1995).

Подобная ситуация наблюдалась и в других селах: «Коренные народы живут здесь очень плохо. Могу сказать по селению Лесная. Там безденежье, лекарств не хватает, дети болеют. Там нет ни света, ни тепла. Они замерзают, голодают. Магазин и пекарня у них сгорели. Днем они разжигают костры на улице и готовят завтрак, обед и ужин. (ПМБ 1997).

Росла напряженность в межнациональных отношениях. Некоторые представители национальных лидеров КМНС отказались принимать участие в праздновании 300-летия присоединения Камчатки к России, мотивируя свой отказ тем, что «Камчатка была не присоединена, а покорена, завоевана». Праздник в память 300-летней даты прошел в июле 1997 г. в Петропавловске- Камчатском. В Корякском АО он официально не отмечался.

Поиск путей выхода из кризиса

А) Индустриализация КАО

Выход из кризиса руководство КАО связывало с его индустриализацией, ориентируясь, прежде всего на расширение добычи полезных ископаемых. Коренные жители эту идею восприняли весьма настороженно: «Это хорошо, что у нас собираются добывать полезные ископаемые, но я как дочь оленевода прежде всего боюсь за свою тундру, она ранимая, нежная. Я боюсь, что ее поранят» (ПМБ 1997). «Считаю, что планируемая... властями индустриализация округа никакой пользы

ему принести не может. От копания золота, платины могут нарушиться русла рек, нерестилища» (ПМБ 1997). «Разработка угля, платины, золота может отрицательно сказаться на нашем главном богатстве – лососе, подорвать оленеводство. В Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком округах в связи с промышленным их освоением появилось много проблем с оленеводством и рыболовством. То же может произойти и у нас... Приезжие поработают, а нам оставят руины» (ПМБ 1997). «При том уровне развития технологий, который сейчас, разработки полезных ископаемых могут нанести большой урон нашей природе» (ПМБ 1997).

Добыча полезных ископаемых в округе все же происходила. Правда, на основании «Закона о недрах», принятого Корякской окружной Думой, добывающие компании должны были отчислять средства в распоряжение окружных властей. Половина этих средств, согласно статье закона, поступали в созданный Фонд поддержки коренных малочисленных народов. В обязательства промышленных предприятий, оговоренные в лицензиях, входили также рекультивация нарушенных пастбищ и обеспечение работой местного населения. За каждой добывающей компанией закреплялись определенные села, забота о благополучии которых входила в обязанности компаний.

Промышленные предприятия округа стали важным источником материальной поддержки коренных народов, проживающих на его территории: «Есть артель Чайбуха, которая золото добывает. Они дома в Пенжинском районе строят, больницу построили для Оклана. На весь год эта артель обеспечила нас лекарственными препаратами. А Корякгеолдобыча, разрабатывающая месторождение платины, прислала средства в фонд по социальной защите больных туберкулезом. В прошлом году нам выделили 400 млн (ПМБ, 1997).

Среди населения округа бытовало мнение, что средства, отчисляемые предприятиями на поддержку коренных народов, явно недостаточны: «Опекаемые геологами села все равно бедствуют (ПМБ 1997). Многие считали, что следует изменить порядок распределения денежных отчислений: «Надо, чтобы геологодобывающие организации выплачивали что-то в карман каждого коренного жителя. Сейчас они выделяют средства в бюджет округа, но жители округа, многие из которых сейчас нищенствуют, ничего от этих отчислений не получают» (Там же).

Б) Развитие национального предпринимательства

Большие надежды на преодоление кризиса связывали с развитием предпринимательства в традиционных отраслях хозяйства коренного населения. Принятие государственных законов «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1886) и «О кооперации в СССР» (1988) внесли новшества в формы хозяйствования населения. Уже летом 1988 года в округе функционировало 10 кооперативов и 29 индивидуальных предпринимателей. При совхозе Манильский (Пенжинский район) был создан национально-производственный кооператив, который занимался выловом рыбы, заготовкой икры, охотой на морзверя с переработкой мяса, жира и шкур, сбором дикоросов, шитьем национальной меховой одежды. Право первоочередного приобретения продукции кооператива было предоставлено совхозу. Был организован цех народных промыслов и сувениров, который занимался, в том числе, художественным оформлением знаменитых паренских ножей, изготовлением масок, домашней утвари и других поделок (Полярная звезда 1988).

С начала 1990-х годов рыночная психология с её культом обогащения постепенно овладевала частью коренного населения. В селении Лесная на священную сопку Камакра стали чаще приносить деньги, «чтобы она помогала хорошо зарабатывать» (ПМБ 1995).

Но освоение новых форм хозяйствования встречало трудности, как материальные, так и психологические. Кроме того, этот процесс тормозился местной властью. Вот, как рассказывали об этом коренные жители: «Мы, как дети избалованные, которым все давали и которых потом бросили и заставили жить самостоятельно. Мы учимся самостоятельности. У нас появились молодые предприниматели из местных. Транспортom обзаводятся, вездеходы покупают. Мои братья хотели создать родовую общину. Мы свою печать сделали, счет открыли в банке. Но как дошло дело до паев, тут все и застопорилось. Не захотели нам выделять оленей. Сказали, что родовые общины никаких прав не имеют, права имеют только крестьянские хозяйства. Три года у нас на бумагах просуществовала родовая община, а теперь приходится ее закрывать. А там, где работает мой муж, образовали крестьянское хозяйство. Но, как только дело дошло до выделения пая, опять все застопорилось... Властям выгодно держаться за совхозное оленеводство. Директор совхоза и управляющий – хозяева. Оленеводство для них – кормушка» (ПМБ 1997: Акеева).

Значительная часть населения выступала против раздробления крупных совхозов на мелкие фермерские хозяйства: «Фермерские хозяйства в оленеводстве не оправдали себя. Возможно, что если бы была им государственная поддержка, то они бы имели какое-то будущее, но этой поддержки нет. Из-за тяжелого материального положения наши оленеводы не смогли выехать в Салехард, на международный съезд оленеводов. Очень многие хозяйства обанкротились» (ПМБ 1997). «Совхозы ни в коем случае нельзя сейчас трогать. Дробление их на мелкие хозяйства приведет к дальнейшему упадку оленеводства» (ПМБ 1997). «Если бы я был начальником, я бы хоть маленький колхоз сделал в каждом селе. Только так можно улучшить жизнь» (ПМБ 1997).

Не имели предпринимательского успеха при отсутствии необходимой поддержки и новые рыболовецкие хозяйства: «Считали, что родовые общины... будут давать

Рис. 2. Ловля рыбы запором
(Фото О.Н. Запороцкого, пос. Ковран. 2000)

какую-то продукцию, а получилось, что просто все скатились к натуральному хозяйству» (ПМБ 1997). «Все ловят рыбу для себя. Рыболовецкие родовые общины также работают исключительно на себя. Многие жалуются на то, что лицензии на вылов рыбы очень малы... Старикам

не хватает рыбы, так как многие содержат ездовых собак, которых надо кормить рыбой». (ПМБ, 1997). «У наших новых предпринимателей в рыболовстве нет ни опыта, ни знаний, ни образования. Они не умеют работать в новых рыночных условиях. Поначалу было очень много рыболовецких артелей, родовых общин, но сейчас фактически их не осталось, а оставшиеся... едва сводят концы с концами. Ловят рыбу, а продукцию девать некуда» (ПМБ 1997).

Рыболовецкие общины, организованные в селе Ковран, вынуждены были сдавать свои выловы (корюшку, лосося) в буквальном смысле за копейки (7 коп. за кг) в ближайший Усть-Хайрюзовский РКЗ, который присылал на берег самосвал к моменту выемки сетей. (ПММ 1994). В ответ на нерациональное использование рыбных ресурсов родной реки и нищенскую оплату добытой рыбы монополистом-скупщиком СИК «Тхсаном» пытался осуществить программу создания условий для береговой обработки рыбы, а также вакуумной упаковки рыбной продукции и дикоросов жителями Коврана (ЛАМ 1999). Эти планы, к сожалению, так и не осуществились: необходимые для производства рыбной продукции холодильник, электростанция и цех не были доставлены в Ковран в связи с перебоями подачи электроэнергии в село в течение всех 1990-х годов и отказа РКЗ в Усть-Хайрюзово завершить строительство 17-ти километровой ЛЭП (ПММ 2000).

Закрытие госпромхозов негативно сказалось на охотничьем и рыболовном промысле. Охотникам самим приходилось искать пути сбыта добытой пушнины и продавать ее, как правило, за бесценок или обменивать на продукты: «У нас был такой богатый госпромхоз. Все охотники из местных. Две бригады. Добывали пушнину. Теперь у нас зимой полсела занимается охотой без всяких лицензий. Можно купить соболя за одну бутылку. Летом тоже просто ужас что творится. Все бегут на реку добывать рыбу для того, чтобы икру сдавать частникам. Покупают икру по дешевке, даже за спирт. А раньше только госпромхозу разрешалось добывать икру. Он был монополистом. Теперь у нас рыба потрошенная по берегам валяется. Старые на это смотрят со слезами на глазах» (ПМБ 1997).

Разрушение традиционных хозяйственных отраслей вызывало недовольства переменами. В создании и развитии этих отраслей многие в первую очередь видели выход из кризиса: «Тем мы и спасаемся, что у нас традиционные промыслы более развиты, чем в других местах» (ПМБ 1997). «Оленеводство обязательно нужно. Это исконная отрасль. Олень – это мясо, одежда, жилье, деньги и транспорт. А мы его забросили. Мы, старики скучаем по прошлым временам» (ПМБ, 1997). «Раньше престижно было выйти замуж за оленевода. Они очень много получали. А теперь оленеводы уже два года не получают зарплаты. Многие семьи оленеводов бедствуют. Винават нынешний строй... Вся культура на оленеводстве держится. Если погибнет оленеводство, погибнет и культура, и язык» (ПМБ 1997).

Все же многие из коренных жителей высказывали твердую уверенность в том, что оленеводство не погибнет, так как «чавчувен не может жить без оленей» (ПМБ 1997).

Неудачи «рыночного эксперимента» на Севере люди объясняли тактическими просчетами руководства: «Мы, как и весь Север, оказались не готовы к рыночной экономике. <...> Мы должны были идти к рынку поэтапно» (ПМБ 1997). Некоторые из молодых представителей КМНС покидали округ и переезжали жить в большие города, в том числе в Москву, Санкт-Петербург, где занимались бизнесом, далеким от традиционных промыслов северян.

В) Законотворческая деятельность

Выход из кризиса связывался также с законотворческой деятельностью Корякской окружной Думы, которая при участии Ассоциации КМНС округа разработала и утвердила комплекс законов, поддерживающих традиционные занятия и культуру коренного населения: «О территориях традиционного природопользования в Корякском автономном округе», «О статусе родовой общины коренных малочисленных народов Севера», «О местном самоуправлении...», «О порядке осуществления права законодательной инициативы органами местного самоуправления...», «О малом предпринимательстве» и др.

Весьма активной в этом направлении была деятельность Совета ительменов Камчатки «Тхсаном». В 1997 г. на празднике «Алхалалалай» в Ковране было подписано обращение к губернатору КАО 13-ти общин из Коврана, Тигиля, Седанки, Верхнего Хайрюзова с просьбой образовать территорию традиционного природопользования «Тхсаном». Второго декабря 1998 г. глава администрации КАО В.Т. Броневиц утвердила Постановление об организации ТТП «Тхсаном», площадью 2 180 752 га на юге Тигильского района с северной границей по р. Утхолок. В Ковране начали восстанавливать экологически чистые виды транспорта: изготавливать традиционные лодки – баты, возрождать ездовое собаководство. Составляли планы возвращения на «родовые» реки, организовывали этноэкологические посты, чтобы защитить реки от браконьеров при содействии Всемирного фонда дикой природы. Эти планы СИК «Тхсаном» нашли отклик и у других коренных жителей Камчатки. Газета «Абориген Камчатки» опубликовала на первой полосе в 1999 г. подборку статей в поддержку инициатив СИК «Тхсаном» (Надо делать баты 1999).

К сожалению, юридически территория традиционного природопользования «Тхсаном» просуществовала недолго. Вновь избранный 7 декабря 2000 г. губернатор КАО подписал указ об отмене постановления В.Т. Броневиц об организации ТТП «Тхсаном» (ЛАМ 2001а). СИК «Тхсаном» в попытке отстоять юридический статус своей территории прошел многие судебные инстанции вплоть до Европейского суда, который не смог рассмотреть жалобу Совета, так как разрешение подобных конфликтов не входит в его компетенцию.

В неудаче «рыночных реформ» многие люди винили центральную власть, упрекая её за пренебрежение интересами Севера: «Народы Севера оказались наиболее неподготовленными к реформам. Реформы показали, насколько уязвима и наша земля, и традиционные виды хозяйствования. Мы видим сейчас, что большинство сфер нашего хозяйства пришло в упадок. Стабильного финансирования нет... Какую сферу ни возьми, все без целенаправленной поддержки со стороны государства. Люди устали и чувствуют озлобленность на власть имущих» (ПМБ 1997).

Г) Создание целевых фондов

Корякский АО испытывал острый дефицит денег, и руководство округа видело путь преодоления безденежья в создании целевых фондов. Важнейшим из них стал упоминаемый выше Фонд поддержки и развития коренных народов Камчатки, созданный в 1995 году по решению окружной Думы при поддержке окружной Ассоциации. (Позднее такие фонды были созданы также на Чукотке, Ямале, Таймыре и в других северных регионах). Средства в Фонд поступали главным образом от горно-рудных и рыбодобывающих компаний, работающих в округе, и шли на подготовку

кадров, поддержку творческих коллективов, национальных предприятий, оказание помощи оленеводческим хозяйствам, инвалидам, многодетным семьям, на развитие родных языков. Значительная часть фондовых денег использовалась для покупки квартир семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий. За 1996 год оборот фонда составил 2 млрд. 246 млн рублей.

Существенную материальную и моральную поддержку населению КАО оказывал организованный на Камчатке в 1990-е годы. Фонд компенсации (в пользу народов Севера), возглавляемый бывшим главой областного Отдела народов Севера А.И. Белашовым. Фонд организовывал общественные выплаты пенсий для пожилых людей, выделял стипендии студентам-северянам, проводил различные благотворительные акции в помощь больным детям, Под эгидой Фонда издавались учебники и книги на языках северных народов, был учрежден ряд именных премий в честь культурных деятелей Камчатки: художника Кирилла Килпалина, писателя Георгия Поротова, концертмейстера Георгия Авакумова и др. Фонд до сих пор играет большую роль в поддержании национальных культур Камчатки.

Определенные средства выделялись на борьбу с заболеваниями. Так, окружная Дума утвердила специальную программу и создала Фонд борьбы с туберкулезом, заболеваемость которым из-за разрушения системы медицинского обслуживания приобрела к середине 1990-х годов чуть ли не форму эпидемии: каждый пятый из коренных жителей округа был болен туберкулезом.

Отпускались средства и на борьбу с алкоголизмом. После выхода Указа Верховного Совета «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (16 мая 1885) местные газеты пестрели сообщениями о принимаемых в округе антиалкогольных мерах: о создании советов, штабов и комиссий по борьбе с пьянством, о лекциях по антиалкогольной тематике и пр. Тем не менее, с началом постсоветского периода алкоголизм стал общественным бедствием в округе, особенно в национальных селах. Водка в 1990-е годы выступала мерой стоимости различных продуктов и вещей: «Летом и ранней осенью, когда в здешних краях изобилие ягод и идет красная рыбы, Лесную наводняют приезжие, которые скупают дары природы за водку. Водка здесь то же, что и деньги. Всякий, кто может, делает на спиртном бизнес. В то же время водка в округе – единственный доступный и дешевый товар, который можно купить в любое время суток и в любом количестве» (ПДБ 1995). Нередко бывало, что жители камчатских поселков приезжали на «Буранах» в «табуны» и «покупали» за одну-две бутылки водки оленью тушу. Выступавшие на окружном съезде 1995 года оленеводы просили ограничить, как в недавние советские времена, продажу спиртного одним днем в неделю, опасаясь, что иначе «олeneводство погибнет от пьянства» (ПДБ 1995).

В национальных селах на средства, специально отпускаемые окружной Администрацией, происходило массовое кодирование населения. Так, в пос. Седанка в 1997 году из 800 жителей закодировалось 150 чел. Кроме кодирования, алкоголизм лечили мануальной терапией, гомеопатией и другими средствами, но результаты лечения оставляли желать лучшего.

Материальную помощь округу оказывали и зарубежные спонсоры. Так, канадская фирма финансировала строительство новой школы в поселке Воямполка.

Д) Активизация духовной жизни

Постсоветский кризис сопровождался глубоким психологическим стрессом, связанным с официальным низвержением системы социалистических ценностей, разрушением привычного жизненного уклада. Отчаяние от неустройства, духовный дискомфорт порождали эсхатологические настроения и слухи. В селе Лесная, например, рассказывали о китовом ребре на острове Карагинском, предвещающем конец света (ПМБ 1995).

Выход из психологического кризиса люди преодолевали тем, что жили активной духовной жизнью: многие становились членами религиозных общин (православных, протестантских), участвовали в самостоятельных фольклорных ансамблях, занимались прикладным художественным творчеством, организовывали национальные праздники, выставки традиционного искусства, устанавливали связи с зарубежными аборигенными организациями.

Преодоление кризисной ситуации люди связывали не только с какими-то мерами, исходящими от властей («проблем Севера Москва не воспринимает: сытый голодному не товарищ»), но все более и более склонялись к тому, что «все зависит от нас самих».

Большое внимание уделялось знакомству с жизнью аборигенов зарубежья. Расширение контактов с зарубежными странами воспринималось с энтузиазмом: «Хорошо, что Россия стала открытой. То, что мы часто видим иностранных граждан у себя на Камчатке, позволяет нам почувствовать себя гражданами планеты» (ПМБ 1997). «К нам приезжала из Канады делегация инуитов вместе с представителями от правительства Канады и нашего Госкомсевера. Теперь наша делегация в Канаду должна поехать на месяц. Можно будет изучить правовую базу инуитов, поучиться у них. Это полезно для наших будущих лидеров. Ведь смогли инуиты... отстоять свои земли» (ПМБ 1997).

В округе усилиями в первую очередь зарубежных миссионеров активно распространялся протестантизм. Помимо духовной поддержки миссионеры опекали семьи своих прихожан, помогали мастерицам сбывать изготовленные ими сувениры, традиционную одежду за рубежом: в Канаде, США: «Мои вещи сейчас на выставке в Канаде. Я собираюсь их там продать. <...> Я посылаю в Америку сувениры, а мои друзья там их продают. В обмен мне купили люстру, телевизор» (ПМБ 1997).

Значительным событием в жизни Камчатки стал Духовный сход коренных национальностей, который прошел с 11 по 17 июня 1995 г. в поселке Пиначево (Елизовский район Камчатской области). На съезд прибыли зарубежные гости, представленные преимущественно американскими эскимосами. К сходу был приурочен выпуск первого номера газеты «Абориген Камчатки», ставшей важнейшим периодическим изданием, отражавшим насущные жизненные проблемы коренного населения полуострова.

Объявленное Генеральной Ассамблеей ООН в 1995 г. первое Международное десятилетие коренных народов мира способствовало популяризации идей сотрудничества коренных народов Арктического региона.

Е) Развитие этнографического туризма

Большие надежды КМНС КАО возлагали на развитие на Камчатке этнографического туризма. В Ковране планировалась постройка реконструированного по этнографическим описаниям зимнего полуподземного ительменского жилища, которое в летнее время и в период проведения в сентябре Алхалалалая предпола-

галось использовать как гостиницу для туристов, а в зимнее время – как хоспис для нуждающихся. В поисках средств на этот проект СИК «Тхсаном» безуспешно обращался к администрации КАО и в международные организации (ЛАМ 1994). Из-за отсутствия финансовой помощи этот проект в Ковране не осуществился.

Позже в 2001 г. строительство «итильменской деревни» началось недалеко от Петропавловска-Камчатского на средства, выделенные администрацией Камчатской области и Проектом ПРООН (Программы развития ООН). Реконструкции старинных построек «балаганов» с целью привлечения туристов были осуществлены также в Соболево, Мильково, Анавгае. Это поселки, к которым мож-

но доехать на автомобиле от Петропавловска-Камчатского. Небольшой поток туристов, курсировавший в середине 90-х годов в Ковран и другие отдаленные северные поселки (Лесная, Воямполка, Карага), к началу 2000-х годов прервался из-за значительно возросшей цены на авиабилеты и связанной с этим нерегулярности рейсов.

С идеями развития туризма связывались планы производства этнических сувениров: изготовление национальной одежды, сумочек, ковриков, украшений (меховых и бисерных подвесок), моделей нарт, поделок из оленьей и моржовой кости и проч. Производство сувениров до сих пор продолжается в Ковране, Караге, других селениях, но аутентичные изделия из отдаленных поселков не находят сбыта ввиду отсутствия там покупателей. Этот промысел, начиная с двухтысячных годов, перехватили горожане.

Рис. 3. На празднике Алхалалай в этнодеревне Пимчах
(Фото О.А. Мурашко, 2004)

Вместо заключения. XXI век

Итог освоения КМНС, проживающими в Корьякском автономном округе, рыночных отношений подвел в своем отчете 2000 г. президент окружной ассоциации О.Н. Запо-

роцкий: «В Корякском автономном округе проживает 30162 человека, из них коренные народы Севера составляют 33,9% от общего числа населения, в том числе: коряки – 6989, ительмены – 1190, чукчи – 1460, эвены – 755. <...> На 1 января 2000 года в округе насчитывалось 51 национальное предприятие, включая родовые общины, в том числе в Олюторском районе – 7, Карагинском – 10, Тигильском – 22, Пенжинском – 12. Основными видами их деятельности являются оленеводство, добыча и обработка рыбы, морского зверя, охота, сбор дикоросов. Всего на данных предприятиях задействовано более 800 человек. Большинство национальных предприятий и родовых общин, столкнувшись с проблемами самостоятельного ведения хозяйства в современных условиях, фактически не ведут никакой деятельности. Официально процедуру закрытия никто не проходил. Примеров успешного взаимодействия финансовых институтов округа и Камчатки в целом с предприятиями КМНС нет. В первую очередь это объясняется очень слабой экономической базой данных предприятий. Отсутствие твердой гарантии на природные ресурсы для национальных предприятий также является серьезной причиной того, что финансовые институты не идут на контакты с первыми. В округе есть Фонд поддержки КМНС, но их помощь вряд ли можно назвать серьезным финансовым влиянием в развитие экономики КМНС. То же самое относится и к Фонду поддержки малого предпринимательства» (ЛАМ 2000).

Коренное население продолжало упорно бороться за приоритетное право пользования природными ресурсами. Результаты этносоциологического опроса, проведенного в 2001 г. у берегового населения, показали, что рыболовство рассматривалось коренными жителями, как основной источник питания и дохода. Между тем, администрация Тигильского района стала передавать рыболовные участки на реках, где ранее жили и рыбачили ительмены и коряки, коммерческим предприятиям. Общины КМНС Тигильского района активно боролись за право ловить рыбу на своих речках, хотя для получения права на традиционное рыболовство они были вынуждены участвовать в конкурсах (Мурашко 2007: 14–17).

Большая часть жителей Пенжинского, Олюторского, Карагинского районов не получала установленных законом разрешений на вылов рыбы, так как не справлялось с подготовкой и отправкой в срок индивидуальных заявок в Северо-Восточное территориальное управление Росрыболовства (СВТУ). Полученные заявки часто отвергались под предлогом позднего их получения или неправильного заполнения (ЛАМ 2011б).

Как показала практика, общины КМНС не могут конкурировать с коммерческими компаниями на конкурсах для получения права пользования рыбопромысловыми участками. В результате КМНС теряют традиционные рыболовные участки в местах своего проживания. Сложности при получении разрешений на вылов рыбы и недостаточные объемы разрешенного вылова поставили КМНС, как и всех жителей береговых поселков Камчатки, перед выбором: вести полуголодное существование или решиться на вылов рыбы без разрешения. Административные барьеры ведут к дальнейшему обнищанию сельского населения, росту безработицы и создают очаги социального напряжения (ЛАМ 2012).

Борьба коренных народов Камчатки за доступ к рыбным ресурсам продолжается. Она особенно обострилась в «самый рыбный» 2018 г. и продолжилась в 2019 году, о чем свидетельствуют жалобы общин, направляемые в газеты (Аборигены Камчатки пожаловались 2019).

Кризисная ситуация не была преодолена и в оленеводстве. Продолжает сокращаться поголовье оленей. В конце 2017 г. оно составляло в Камчатском крае всего 35 тыс. голов, тогда как пастбищные территории края позволяли содержать 200 тыс. голов. Чтобы пополнить численность оленей планировалась их закупка в Чукотском АО. В оленеводстве не хватает кадров. Отрасль недостаточно финансируется. По мнению министра сельского хозяйства Камчатского края Александра Кучеренко, «занимаясь оленеводством в крае, власти должны решить, что же они развивают: экономически эффективную отрасль или традиционный уклад жизни коренных малочисленных народов Севера» (Оленеводство на Камчатке 2017). Таким образом, существование оленеводства как важнейшей составляющей этнической культуры коряков в XXI веке находится под угрозой дальнейшей деградации при явно недостаточной поддержке традиционных культур КМНС руководством Камчатского края.

Все же способности этнического самосохранения, высокая общественная активность, проявленные КМНС Камчатки в период экономических и социальных катаклизмов конца 1980 – середины 1990-х годов, возросший уровень правовой культуры коренных жителей полуострова вселяют уверенность в том, что они сохранят свое традиционное хозяйство и свои уникальные этнические культуры, являющиеся важной составляющей общечеловеческой культуры.

Авторы выражают глубокую благодарность своим респондентам: Е.Т. Акеевой, Т.И. Брагиной, В.А. Ворсиной, Л.С. Запороцкой, М.Г. Запороцкой, Н.З. Запороцкой, Е.В. Капустян, И.М. Квасовой, О.С. Кутык, В.М. Нуталгину, Е.А. Папо, Т. Е. Пенизиной, Е.П. Прониной, В.Г. Садовниковой, Э.В. Тейкепову, Е.З. Тимохиной, Л.Н. Толман, Г.Ю. Уркачан, К.Н. Халоймовой, Т.М. Хелол, Г.В. Шмагину, А. Шмагиной, И. Ягановой

Источники

- Аборигены Камчатки пожаловались Путину на беззакония Росрыболовства <http://ppkn.ru/event/aborigenyi-kamchatki-pozhalovalis-putinu-na-bezzakoniya-rosrybolovstva/> дата обращения 10.04.2019
- АОС 1997– Архив Отдела Крайнего Севера и Сибири ИЭА РАН Статистические данные Администрации КАО 1997 г.
- ЛАМ 1994 –Личный архив О.А. Мурашко.– Обращение Совета возрождения ительменов и жителей села Ковран в Международную рабочую группу по делам коренного населения ((IWGIA) 1994 г.
- ЛАМ 1999 – Личный архив О.А. Мурашко – Отчет О.Н. Запороцкого за 1999 г.
- ЛАМ 2000 –Личный архив О.А. Мурашко. – Отчет президента окружной ассоциации О.Н. Запороцкого 2000 г.
- ЛАМ 2011а – Личный архив О.А. Мурашко – Требование об отмене постановления Губернатора Корякского автономного округа В.А. Логинова от 14 марта 2001 года “Об отмене постановления Губернатора Корякского автономного округа № 317 от 02.12.98 г. «Об организации территории традиционного природопользования «Тхсаном» в Тигильском районе Корякского автономного округа, восстановлении заклнности и соблюдении конституционных прав коренных малочисленных народов в Корякском автономном округе. Коллективное обращение от 25.03 2001 г. на основании ст. 33 Конституции РФ.
- ЛАМ 2011б – Личный архив О.А. Мурашко – Бюллетень ИЭЭЦ ЛАЧ за 2011г.
- ЛАМ 2012 –Личный архив О.А. Мурашко.– Записка О. А. Мурашко в Комитет по делам национальностей ГД РФ, 2012 г.

- ЛАМ 2014 – Личный архив О.А. Мурашко – Бюллетень ИЭЭЦ «Лач» за 2014 г., посвященный 25-летию СИК «Тхсаном»
- Надо делать баты! // Газ «Абориген Камчатки» 1999, № 2 (25)
- Оленеводство на Камчатке находится в упадке // Север наш/ Национальное Интернет-издание о северных и арктических территориях России. 18 октября 2017 severnash.ru
- Основные показатели экономического и социального развития КАО. за 1981- 1985 г.» // Коряки, Петропавловск-Камчатский: Облстатуправление, 1986.
- Полярная звезда 1988 – Газ. «Полярная звезда», 13 июля 1988 года.
- ПДБ 1995 – Полевой дневник Е.П. Батьяновой – 1995 год. Корякский АО, Тигильский район, пос. Палана, Лесная.
- ПМБ 1995 – Полевые материалы Е.П. Батьяновой. 1995 год. Камчатская обл., Корякский АО, Тигильский район, пос. Палана, Лесная.
- ПМБ 1997 – Полевые материалы Е.П. Батьяновой.. 1997 год – Камчатская обл., Корякский АО, Тигильский р-он, пос Палана, Седанка.
- ПММ 1979 – Полевые материалы О.А. Мурашко 1979 год.– Камчатская обл., Корякский АО, Тигильский р-он, пос. Тигиль, пос. Седанка.
- ПММ 1994 – Полевые материалы О.А. Мурашко 1994 год.– Камчатская обл., Корякский АО, Тигильский р-он, с. Ковран.
- ПММ 2000 – Полевые материалы О.А. Мурашко 1994 год – Камчатская обл., Корякский АО, пос. Ковран.
- Хелол 1988 – Хелол Н.К. Национализм? Нет, боль // Газ.« Корякский коммунист» 7 июня, 1988 г.

Литература

- Батьянова 2011 – Батьянова Е.П. Корякский автономный округ // *Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.)* / отв. ред. И.С. Гурвич, З.П.Соколова. М.: Наука, 1991. С. 140–151
- Вахрин 1989 – Вахрин С.И. Из истории происхождения камчатских фамилий // *Краеведческие записки. Камчатский областной краеведческий музей. Петропавловск-Камчатский*, 1989. С. 155–164
- Запороцкий, Мурашко 2000 – Запороцкий О.Н., Мурашко О.А. Как можно реализовать конституционное право на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни (Опыт организации особо охраняемой территории традиционного природопользования на Камчатке) // *Северные народы России на пути в новое тысячелетие* / сост. О.А. Мурашко. Москва. 2000. С. 138–149
- Мурашко 1985 – Мурашко О.А. Старожилы Камчатки в историко-демографической и социально-экономической перспективе // *Межэтнические контакты и развитие национальных культур* / отв.ред. И.И. Крупник. М., 1985. С. 82–86.
- Мурашко 2007 – Мурашко О.А. *Значение традиционных знаний для устойчивого развития коренных народов: пособие по сбору, документированию и применению традиционных знаний для организаций коренных народов.* М., 2007. 60 с.
- Мурашко 2010 – Мурашко О.А. Камчадалы // *Народы Северо-Востока Сибири* / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010. С. 201–246.

References

- Batyanova, E.P.1991. Koryakskij avtonomnyj okrug [Koryak Autonomous area]. In *Narody Sovetskogo Severa (1960–1980-e gg.)* [Peoples of the Soviet North (1960–1980s)], edited by I.S. Gurvich and Z.P. Sokolova, 140–151. Moscow: Science.
- Vakhrin, S.I. 1989. Iz istorii proiskhozhdeniya kamchatskikh familij [From the history of the origin of Kamchatka surnames]. In *Krayevedcheskiye zapiski.Kamchatskiy oblastnoy krayevedcheskiy muzey* [Local Lore Notes. Kamchatka Regional Museum of Local Lore], 155–

164. Petropavlovsk-Kamchatsky.
Zaporoczkiy, O.N., O.A. Murashko. 2000. *Kak mozjno realizovat' konstituzionnoe pravo na zashhitu iskonnoj sredy' obitaniya i tradizionnogo obraza zhizni. (Opy't organizaczii osobo okhranyaemoj territorii tradizionnogo prirodopol'zovaniya na Kamchatke)* [How can we implement the constitutional right to protect the original habitat and traditional way of life. (Experience of organizing a specially protected area of the traditional environmental management in Kamchatka)] In *Severny'e narody' Rossii na puti v novoe ty'syacheletie* [Northern peoples of Russia on the way to the new millennium], edited by O.A. Murashko, 138–149. Moscow.
- Murashko, O.A. 1985. *Starozhily' Kamchatki v istoriko-demograficheskoj i soczial'no-ekonomicheskoj perspektive* [The oldtimers of Kamchatka in the historical-demographic and social-economic perspective]. In *Mezhe'tnicheskie kontakty i razvitie naczional'ny'kh kul'tur* [Interethnic contacts and the development of national cultures], edited by I.I. Krupnik, 82–86. Moscow.
- Murashko, O.A. 2007. *Znachenie tradizionny'kh znaniy dlya ustojchivogo razvitiya korenny'kh narodov: posobie po sboru, dokumentirovaniyu i primeneniyu tradizionny'kh znaniy dlya organizaczii korenny'kh narodov.* [The value of knowledge for research on the development of existing nations: the use of knowledge for organizations of accessible peoples]. Moscow.
- Murashko, O.A. 2010. *Kamchadaly* [Kamchadaly]. In *Narody' Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia], edited by E.P. Batyanova, V.A. Turaev, 201–246. Moscow: Science.

Список сокращений

ИЭЭЦ – Информационный этно-экологический центр
ГД РФ – Государственная дума Российской Федерации
КАО – Корякский автономный округ
КМНС – Коренные малочисленные народы Севера
РКЗ – Рыбконсервный завод
ТПП – Территория традиционного природопользования
А/о – акционерное общество

Elena P. Batyanova, Olga A. Murashko. Ways of adaptation of the peoples of the North to the new economic and social realities of the mid-1980s – late 1990s (based on field research in the Koryak Autonomous district)

The article analyzes the processes of adaptation of the indigenous peoples of the North, living in the Koryak Autonomous district, to economic and social changes and shocks of the mid-1980s – late 1990s. There was a surge of national consciousness of indigenous peoples during the period of perestroika, which led to creation of associations, unions. This, in turn, caused the processes of revival of their ethnic cultures: language, traditional customs, rituals, folklore. Economic and spiritual crisis associated with the collapse of the Soviet system manifested itself in the collapse of the most important economic sectors of indigenous peoples – reindeer husbandry and fishing, in a sharp drop in living standards, increasing morbidity and mortality, reducing the population. The article analyses ways to overcome the economic and spiritual crisis, including active legislative activity of local authorities with the assistance of indigenous public organizations, development of new forms of management, creation of funds to support the indigenous small-numbered peoples, the use of natural resources of the area, fundrising. Attention is drawn to the greater social activity of indigenous peoples in crisis, their use of legal factors to defend collective interests, their cooperation with international organizations. It is noted that, despite the effectiveness of the measures taken to overcome the crisis, its negative consequences are felt to date. The article is based on the authors' field materials, archival data, newspaper publications.

Keywords *Koryak Autonomous Okrug, Kamchatka, Koryaks, Itelmen, perestroika, crisis, Association, reindeer herding, fishing, entrepreneurship.*

© *Е.В. Кадук*

ЭКОНОМИКА ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) В XXI ВЕКЕ: ПАТЕРНАЛИЗМ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ*

В статье на основе полевых материалов и других источников рассматривается современное состояние оленеводства в Анабарском арктическом районе Республики Саха (Якутия). Оленеводство занимает важнейшее место в республиканской политике в отношении регионов проживания народов Севера. Целями этой политики являются поддержка и сохранение местной культуры, обеспечение продовольственной безопасности регионов. Ведется работа по созданию позитивного образа оленеводства на республиканском и региональном уровнях. Оленеводы Анабарского р-на выстраивают свои экономические стратегии с опорой на проводимую государством патерналистскую политику, а также активно задействуют более широкие социальные связи, предпринимательские навыки, проявившиеся в период ослабления государства в 1990-е годы. В различных контекстах в поведении оленеводов заметна амбивалентность: чередующиеся практики избегания государства, стремление к большей самостоятельности и одновременно обращение к ресурсам и авторитету государства. В статье показаны особенности хозяйственной адаптации к изменяющейся природной и социально-экономической среде.

Ключевые слова: оленеводство, долганы, патернализм, Республика Саха (Якутия), рыночная экономика, предпринимательство, адаптация, свободные места.

Введение

В статье на основе полевых материалов анализируются особенности современного оленеводства в Анабарском р-не Республики Саха (Якутия) – далее РС(Я). Основной контекст экономики оленеводства как традиционной отрасли хозяйства народов Севера задается возросшей ролью государственного патернализма, опирающегося на развитую в республике систему законодательного регулирования жизни народов Севера (*Иванова, Штамлер 2017: 213–216*).

Кадук Евгений Владимирович – ведущий специалист Отдела научно-информационного развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1). Эл. почта: evgendmc@yandex.ru. **Kaduk Evgeny V.** – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Vernadsky Avenue, 82, b. 1). E-mail: evgendmc@yandex.ru.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Полевые исследования проводились мной на территории Анабарского р-на в селах Саскылах и Юрюнг-Хая, а также в местах выпаса оленеводческих стад в июле–сентябре 2015 г. и мае 2017 г. С. Юрюнг-Хая сегодня можно по праву назвать оленеводческим: значительная часть трудоспособного населения трудится в этой сфере, а большинство жителей, не занятых в ней, так или иначе связаны с оленеводческим хозяйством – через родственников или имея личных оленей в муниципальных стадах.

Оленеводство народов Севера в советское время подверглось значительной модернизации, его зависимость от государства многократно усилилась. В постсоветский период оленеводы вынуждены были приспосабливаться к новым экономическим условиям и задействовать выработываемые веками качества: гибкость, умение приспосабливаться к изменениям и самостоятельность в решении задач жизнеобеспечения. В новую эпоху наряду с возникновением негативных тенденций открылись и ранее сдерживаемые возможности для развития оленеводческой культуры (*Krupnik 2000: 52; Anderson 2006: 88*).

В современной политике администрации Анабарского р-на и конкретно с. Юрюнг-Хая одно из центральных мест занимает поддержка оленеводства, при этом она имеет черты опеки и патернализма. В поведении жителей Юрюнг-Хая наблюдается как ожидание помощи со стороны государства и местных властей, так и стремление к самостоятельному решению своих проблем. (Ср. экономическое поведение эвенков-олeneводоов Подкаменной Тунгуски в начале и в конце XX в. по отношению к государству: чередование практик избегания и обращения к его авторитету [*Скорин-Чайков 2012: 155–162*]).

Государство в лице конкретных органов власти и административных работников, контролирующих исполнение законов и финансирование оленеводства из бюджета, воспринимается людьми как источник важных ресурсов. Так, оленеводы Юрюнг-Хая задействуют получаемые при содействии государства и независимо от него продукты домашнего оленеводства, мясо дикого оленя, рыбу, бивень мамонта. Есть основания считать, что оленеводы зачастую решают свои проблемы схожим с предпринимателями образом. Некоторые их стратегии сопоставимы со «свободными местами» (термин, введенный В.Н. Давыдовым) рыболовов-эвенков на Северном Байкале. «Свободные места» в сибирском контексте – это институты и практики, контролируемые местными жителями самостоятельно, независимо от официальных властных структур (*Davydov 2014a: 379–388*). Оленеводы Юрюнг-Хая при осуществлении хозяйственной деятельности также руководствуются собственными моральными представлениями об использовании тех или иных ресурсов, не всегда совпадающими с установленными законами нормами. В статье рассматриваются экономические стратегии оленеводов, связанные с «предпринимательскими» практиками.

Формы организации и адаптации оленеводства в Анабарском р-не в конце XX – начале XXI века

Начиная с периода советских преобразований конца 1920-х годов и на протяжении всего XX в. оленеводство на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке России, включая северо-запад Якутии, претерпевало ряд последовательных изменений: были созданы простейшие производственные объединения и товарищества, затем колхозы с обобществленными оленями, затем, в соответствии с курсом на укрупне-

ние сельхозпредприятий, большинство колхозов было преобразовано в совхозы. В результате усилилась хозяйственная специализация, произошло наращивание поголовья оленей и товарного выхода, продолжилась индустриализация оленеводческого комплекса (Гурвич 1966: 236–241; Стручков 2005: 129–176; Андреева и др. 2012: 136–161). Период советской модернизации 1960–1980-х годов сопровождался наиболее заметными изменениями в жизни народов Севера и Сибири и конкретно оленеводческого хозяйственного комплекса. Ряд негативных социальных явлений этого времени, характерных и для северо-запада Якутии, описан многими исследователями народов Восточной Сибири: оторванность детей оленеводов от своих родителей в течение большей части года в связи с обучением в школах (Поворознюк 2011: 77–78); сокращение числа кочевых семей из-за ограничения ставок чумработниц в оленеводческих бригадах совхозов и, как следствие, оседание женщин в поселках, где можно было получить работу и присматривать за детьми (Хаховская 2011: 119; Поворознюк 2011: 92; Сирина 2012: 294); увеличение доли холостых оленеводов. Исследователи отмечали неустроенность кочевого быта по сравнению с жизнью в поселке (Хаховская 2011: 119; Андерсон 1998: 193–207); проблемы ретрансляции навыков традиционной культуры подрастающему поколению в условиях оседлой жизни, невысокий уровень подготовки молодых оленеводов (Сирина 2012: 190–201; Поворознюк 2011: 95; Стручков 2005: 172–176); снижение интереса к оленеводству у юношей и девушек, стремящихся осваивать другие, более престижные профессии (Андерсон 1998: 198–202); жесткое разграничение обязанностей работников совхозов, сложность смены специализации – тогда как традиционное хозяйство северных народов отличалось комплексностью и гибкостью (Сирина 2012: 292).

С распадом СССР резко ухудшилась, фактически обрушилась система государственного снабжения арктических поселков, что отразилось на материальной базе традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Объем финансирования оленеводства, по воспоминаниям работников этой отрасли в Юрюнг-Хае, уменьшился настолько, что в какой-то момент прекратилась выплата зарплат. Сократились и другие статьи расходов: так, например, совсем прервалось вертолетное сообщение со стадами (ПИМА 2015, 2017). В то же время пришедшая эпоха открыла народам Севера новые возможности в выборе форм хозяйствования и обретении новых экономических связей, породила изменения в их отношении к пространству и времени, восприятию своего окружения в условиях глобальной экономики (Anderson 2006: 88–95).

В 1992 г. в РС(Я) был принят закон «О кочевой родовой, родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», обозначивший начало этапа массового создания родовых общин представителями народов Севера и другими жителями сельской местности, занятыми традиционными отраслями хозяйства. Значительная часть родовых общин в Якутии сформировалась в 1990-е годы, со временем процесс их образования замедлился, а часть уже созданных вынуждена была закрыться, не приспособившись к рынку. Однако при всем масштабе распространения родовых общин они преимущественно имеют небольшой размер (зачастую состоят из членов одной семьи или 2–3-х близкородственных семей), а их доля в общем объеме сельскохозяйственного производства относительно невелика (Сирина 2010: 85–89).

Родовые общины, организованные в Анабарском р-не, ориентируются преимущественно на охоту и рыболовство. Все они небольшие, имеют в своем составе не

более 10 человек, в штате некоторых находится только руководитель, а остальные работники нанимаются им ежегодно на срок от 2 до 4 месяцев на период основного сезона ведения промысла (ПМА 2015, 2017).

Другой распространенной формой хозяйствования в РС(Я) стали муниципальные унитарные предприятия (МУПы). В Анабарском р-не МУПы («Арктика» в Саскылахе и МУП им. И. Спиридонова в Юрюнг-Хае) появились в 1996 г. в процессе реорганизации двух совхозов, во многом став их преемниками. В сознании значительной части оленеводов нет большого различия между старой и новой формами предприятия: в разговорах люди, в особенности те, кто застал советскую эпоху в сознательном возрасте, зачастую называют муниципальное предприятие по старинке совхозом (ПМА 2015, 2017). Как и во времена совхозов, местные жители в стадах МУПов содержат и своих личных оленей. Доля таких животных по сравнению с советским периодом несколько возросла, однако по-прежнему составляет меньшую часть – в настоящее время не превышает 25% от общего поголовья домашних оленей в районе. По сравнению с совхозами МУПы Анабарского р-на существенно сузили сферу своей основной деятельности и сократили штат работников, однако оленеводство осталось для них главной отраслью хозяйства. Дополнительной деятельностью предприятий стала охота на диких оленей, мигрирующих через территорию Анабарского р-на.

Родовая община «Улахан Кюель», образованная в первой половине 1990-х годов, непродолжительное время совмещала оленеводство с охотой и рыболовством. Однако от такого совмещения пришлось отказаться, поскольку одновременно заниматься крупностадным оленеводством и охотой на диких оленей достаточно сложно. Кроме того, рыболовство на озерах требовало более оседлого образа жизни. Единственная родовая община в Анабарском р-не, которая специализируется в настоящее время на оленеводстве, – «Большой Бегичев». Она ведет выпас оленей на одноименном острове (Большой Бегичев) примерно в 200 км к северу от с. Юрюнг-Хая в юго-западной части моря Лаптевых. Олени содержатся там в режиме свободного выгула в течение всего года. На острове также выпасается 5-е стадо МУП им. И. Спиридонова, поскольку бригадир предприятия является одновременно директором родовой общины. Таким образом, за «муниципальными» и «общинными» оленями присматривает одна и та же бригада, а стада пасутся вместе. По словам руководителя родовой общины, изначально ее члены занимались охотой на дикого оленя и рыболовством. Однако в последние несколько лет основные пути миграции диких оленей сместились, отдалившись от острова, одновременно возникли трудности с выловом и сбытом рыбы после нового распределения квот на промысловый лов в 2013 г. (ПМА 2015, 2017). В результате родовая община «Большой Бегичев» полностью переориентировалась на оленеводство, пройдя перерегистрацию и утвердив новый устав в 2017 г. (ПМА 2017).

Как и для других регионов ведения оленеводческого хозяйства в России, для Анабарского р-на Якутии период с начала 1990-х до начала 2000-х годов стал временем серьезных испытаний. Часть работников совсем покинула отрасль, но многие, оставаясь в штате оленеводческих предприятий, вынуждены были искать иные способы заработка. Более приспособленными к развивающимся в стране рыночным отношениям в условиях рухнувшей системы государственной поддержки традиционного хозяйства оказались охота и рыболовство, что фиксировалось исследователями в разных регионах Севера России, где оленеводство пришло в упадок (ПМА 2015, 2017; *Воробьев*

2011: 317, 329–336; Davydov 2014a: 381, 2014b: 29–30). Приоритет с пушной охоты сместился в сторону мясной. В 1990–2000-е годы через территорию Анабарского р-на проходили потоки миграции диких оленей Лено-Оленекской популяции, что обусловило участие значительной части мужского населения, включая оленеводов, в охоте на дикого оленя. В 2010-е годы пути миграции стали заметно меняться. В 2017 г. люди, зарабатывавшие ранее исключительно охотой на дикого оленя, в интервью говорили о возникших в настоящее время трудностях и о поиске новых возможностей. Охота на мигрирующего дикого оленя приобрела коммерческое значение. В Анабарском р-не люди, ориентированные на коммерческую добычу, зарегистрировали промысловые участки и получили право на ежегодные более высокие квоты на отстрел животных и вылов рыбы по сравнению с квотами для личного потребления. Однако коммерческая промысловая деятельность требует значительных расходов на снаряжение, транспорт, горючее, что далеко не каждый может себе позволить. Для подавляющего большинства населения, вовлеченного в охоту и рыбную ловлю, эти промыслы имели в 1990–2000-е годы и имеют целью в настоящее время прежде всего обеспечение минимального уровня потребления для себя, своей семьи, круга близких родственников. Кроме внутрисемейного потребления добыча задействуется в незначительных по объему бартерных сделках с приезжими и местными торговцами для получения продуктов питания и товаров первой необходимости, горючего и запчастей для используемой в промысле техники (ПМА 2015, 2017).

В течение 1990-х – начале 2000-х годов спад в оленеводческом хозяйстве, выразившийся в сокращении поголовья домашних оленей, происходил у всех народов севера России, в т.ч. Якутии, только ненцы составили исключение (*Krupnik* 2000: 53; *Баскин* 2016: 28–35; *Грэй* 2016: 47). В Анабарском р-не по данным местной статистики пик падения поголовья домашних оленей пришелся на 2003 г., когда их количество снизилось до 9,5 тыс., из которых около 8,5 тыс. приходилось на с. Юрюнг-Хая. В этот период решением администрации был запрещен массовый забой домашних оленей. В благополучные годы поголовье оленей в районе (при сохранении достаточно высокого уровня забоя) достигало 25 тыс., из которых примерно половина была закреплена за совхозом в Юрюнг-Хае.

В с. Юрюнг-Хая упадок был не столь катастрофичным, как в соседнем Саскылахе, в котором с 1992 по 2004 гг. количество стад домашних оленей сократилось с семи до одного (в Юрюнг-Хае до настоящего времени удалось сохранить все семь). Управление сельского хозяйства района фиксировало регулярные потери животных в оленеводческом предприятии Саскылаха. Несколько раз волевым решением часть оленей из Юрюнг-Хаи передавалась в Саскылах (ПМА 2015, 2017).

Бывший зоотехник и директор МУП им. И. Спиридонова Эдуард в качестве причин упадка оленеводства в районном центре назвал особенности формирования населения Саскылаха в 1950–1960-е годы: в основном это были приезжие из других районов, ранее не занимавшиеся оленеводством. Из-за нехватки специалистов их приглашали в Саскылах из Юрюнг-Хаи. Бригадир, отвечающий за 4-е стадо МУП им. И. Спиридонова, Иван Туприн, штатный оленевод с 1992 г., объяснил резкое падение поголовья оленей на предприятии Саскылаха в постсоветское время нехваткой хороших специалистов и уходом старшего поколения оленеводов из отрасли. Несколько информантов говорили о случаях увода домашних оленей дикими из муниципального стада в Саскылахе (ПМА 2017).

По воспоминаниям Ивана Туприна, особенно трудными для оленеводов были 1996–1998 гг., когда предприятие не выплачивало зарплату своим работникам: «Три года не платили зарплату... Не работали в оленеводстве. И всяких продуктов не было, ни сгущенки, ни масла... Фигово было тогда» (ПМА 2017). Большинство оленеводов Юрюнг-Хаи, оставаясь в штате предприятия, фактически занимались охотой и рыбной ловлей, добывая средства к существованию. По словам Ивана, в это время в с. Саскылах открылась фактория, куда оленеводы Юрюнг-Хаи ездили сдавать добытые мясо диких оленей, шкуры песцов и рыбу. Там же в Саскылахе на вырученные деньги покупались продукты питания, товары первой необходимости, которые в эти годы можно было приобрести только в райцентре. Таким образом, оленеводы Юрюнг-Хаи обеспечивали свое существование в трудный период падения государственной системы обеспечения, занимаясь охотой и рыболовством (ПМА 2017).

Оленеводство в региональной и местной политике

В настоящее время важность отрасли подчеркивается как правительством Республики, так и администрациями Анабарского р-на, сел Саскылах и Юрюнг-Хая. Ряд управленческих решений, включая создание позитивных визуальных образов, воспроизводимых в пространстве сел района, нацелен на повышение престижа работы оленевода.

Регулирование сферы оленеводства в Республике Саха (Якутия) определяется законом от 25 июня 1997 г. 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (изменения от 25 апреля 2006 г., от 15 октября 2009 г.), в тексте которого отмечается необходимость «создани[я] условий для экономической деятельности и сохранения традиционного уклада, образа жизни и культуры народов Республики Саха (Якутия), для которых оленеводство является традиционным видом хозяйственной деятельности»¹. Таким образом, подчеркивается связь этой отрасли хозяйства с традиционной культурой коренных малочисленных народов – связь, отмеченная и в ряде исследований (см., напр.: King 2002: 133–159; Соколовский 2001: 23; Баскин 2016: 28–39). Тот же охранительный дискурс в отношении культур эвенков и долган, непосредственно связанных с оленеводством, в постсоветский период воспроизводится работниками администраций разного уровня, учреждений социально-культурной сферы и непосредственно оленеводами Анабарского р-на (Гольдерова, Дадаскинов 2004: 35–44; Андреева и др. 2012: 189, 200; ПМА 2017). Законом РС(Я) 3 N 179-1 гарантируется преимущественное право на занятие оленеводством и промыслом диких северных оленей коренным малочисленным народам и другим этническим группам Севера, а также предусматривается финансирование оленеводства из средств республиканского бюджета: гарантированная закупка оленеводческой продукции, ряд дотаций и компенсационных выплат по затратам оленеводческих хозяйств различных форм собственности, налоговые льготы².

Глава Анабарского р-на И.И. Семенов, уроженец с. Саскылах, прошедший путь от районного ветеринарного врача до сотрудника Министерства сельского хозяйства

¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 года 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (с изменениями на 15.10.2009). Преамбула.

² Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 года 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (с изменениями на 15.10.2009) Гл. 1.

Республики Саха (Якутия), был избран на должность осенью 2013 г. Поддержку и развитие сельского хозяйства наряду с обновлением жилого фонда он видит важнейшим направлением деятельности администрации. Помимо сохранения традиционной культуры, оленеводству отводится значительная роль в решении проблемы занятости и обеспечении стабильного снабжения местного населения относительно недорогим мясом – важнейшим продуктом питания. В ежегодных декабрьских отчетах главы района описывается положение сельского хозяйства и ситуация в оленеводстве, приводятся количественные показатели, характеризующие снабжение оленеводческих предприятий горюче-смазочными материалами, продуктами питания, материалами для строительства и ремонта балков. Цифры свидетельствуют о значительной доле расходов на оленеводство в ежегодном бюджете района, а отчет за 2017 г. сообщает о существенном увеличении доходов людей, занятых в отрасли³. Директор МУП им. И. Спиридонова Дмитрий Соловьев в интервью также отметил существенный рост заработных плат оленеводов, снабжение их самих и их семей всеми необходимыми продуктами питания, техникой, горючим, указал и на важнейшую роль республиканских дотаций в поддержке оленеводства, поскольку предприятие имеет сравнительно небольшую прибыль (ПМА 2017).

Значение оленеводства в жизни населения Анабарского р-на подчеркивается, кроме того, визуальными графическими и скульптурными образами, символами. На гербе района, утвержденном в 2004 г., изображены северный домашний олень и держащий его человек. В с. Саскылах неподалеку от зданий сельской и районной администраций в 2006 г. был установлен памятник уроженцу района, эвенку, Николаю Егоровичу Андросову, который был директором совхоза «Анабарский» на закате советской эпохи (1989–1990 гг.), а затем главой Анабарского р-на (1990–2002 гг.). Памятник подчеркивает связь этого уважаемого человека с оленеводством: Н.Е. Андросов ведет домашнего оленя. В местной краеведческой литературе и в документальных фильмах воспроизводится позитивный образ бывшего главы района, помимо прочего отмечается его вклад в сохранение и развитие оленеводства. В Юрюнг-Хае на центральной площади рядом со зданием администрации стоит памятник единственному в истории района Герою Социалистического Труда, уроженцу села, оленеводу Илье Спиридонову. Еще одно напоминание об оленеводстве можно увидеть на въездных знаках в Саскылах и Юрюнг-Хаю, на которых изображены северные олени.

В культурной политике, реализуемой в районах РС(Я), связанных с отраслью, большое значение уделяется Дню оленевода – празднику, укоренившемуся в советский период повсеместно в оленеводческих регионах. В Анабарском р-не его сценарий обычно подчеркивает этническую специфику оленеводов – долган и эвенков. Как административные работники, так и сотрудники культурно-просветительских учреждений в разговорах отмечали важность этого праздника для местного сообщества. Так, представительница районной администрации поставила его в один ряд с основными, отмечаемыми жителями Анабарского р-на: Новый год, 8 Марта, День оленевода, Байанай (проходит в августе, связан с охотой) (ПМА 2015, 2017). Ежегодно в апреле на праздник собираются оленеводы, их родственники и друзья из Саскылаха и Юрюнг-Хаи, а порой и из соседних долганских селений Красноярского

³ Средняя размер заработной платы превысил 36 000 руб., тогда как в отчете за 2015 г. он не достигал до 20 000 руб.

края. Центральная часть Дня оленевода – скачки на оленьих упряжках в различных категориях. Победители получают от спонсоров ценные призы, зачастую связанные с хозяйственной деятельностью оленеводов – снегоходы, лодочные моторы.

Патернализм и самостоятельность в хозяйственной деятельности оленеводов

Закон «О северном домашнем оленеводстве» РС(Я) содержит довольно широкий перечень видов целевого финансирования, социальных гарантий и льгот, направленных на поддержку оленеводческих хозяйств различных форм собственности. Много говорят о таких мерах – реализуемых и планируемых – в настоящее время и в администрации Анабарского р-на РС(Я). Однако при всем внимании к отрасли со стороны органов власти сами оленеводы зачастую высказывают мнения о недостаточной поддержке государства и слабой защищенности своих интересов от его же действий, связанных с освоением природных ресурсов, а также от деятельности добывающих предприятий. Некоторые оленеводы обеспокоены перспективами отрасли в регионе.

Чумработница муниципального предприятия им. И. Спиридонова Мария, отвечая в мае 2017 г. на вопрос о современных проблемах оленеводства, высказала свои опасения относительно его будущего и будущего долганского народа в районе: «Главное я думаю, вот глава должна понять, что оленеводство самое наше, да. Вот если не будет оленя, района этого тоже не будет. Нас уже не будет как долгане, да. Они должны были заинтересовать, хотя бы зарплатой... Сохранить должны оленеводство... Ну вот как оленей не будет, нас не будет» (ПМА 2017). В словах Марии воспроизводится тезис о ведущей роли оленеводства в сохранении культуры народов Севера, сформулированный в упомянутом выше законе, правда, воспроизводится в крайней форме: утрата оленеводства неминуемо ведет к исчезновению долганского народа. Бригадир Иван предположил, что на смену кочевому оленеводству может прийти клеточное, как в Норвегии, а судьба долган видится ему тоже не слишком радостной:

– Те же долганы здесь останутся или нет?

– О, просто в книжках останутся. В паспортах... (ПМА 2017).

Пессимистичное видение судьбы отрасли в районе характерно и для других оленеводов Юрюнг-Хаи, подчеркивающих, однако, что они сохраняют свою приверженность этому занятию и в обозримом будущем. Схожие высказывания о связи оленеводства с личной судьбой и судьбой всего народа фиксировались среди представителей других народов Севера, занятых оленеводством, например, среди коряков и чукчей Камчатки, значительная часть которых непосредственно в оленеводство не вовлечена (King 2002: 138, 158).

Неуверенность оленеводов в завтрашнем дне поддерживается относительно небольшими размерами зарплат и регулярными задержками их выплаты при высоких затратах на снегоходы, запчасти, топливо, а также неверием в законодательную защищенность и недоверием к чиновникам разных уровней (включая директора муниципального предприятия), утверждающих, что они действуют в интересах людей. Один из оленеводов с. Юрюнг-Хая в негативной форме описал ситуацию: «Вот такая жизнь. Природа нас кормит. Этих законов, запретов всех не сделали бы, как в раю жили бы <...> Законы мешают всякие, налоги нам, малочисленным народам. Так и напиши. Всяких законов придумали, ради своих интересов или как...» (ПМА

2015). При том что, как было отмечено выше, в РС(Я) принят целый комплекс законодательных актов, защищающих коренные малочисленные народы, проживающие на ее территории, приведенный комментарий демонстрирует наличие определенного разрыва между парламентариями республики, в т.ч. выступающими от имени народов Севера, и оленеводами арктического района. Люди Юрюнг-Хаи не верят, что в парламенте или правительстве Якутии есть чиновники, защищающие интересы оленеводов и коренных малочисленных народов в целом. Подобная ситуация наблюдается и в других оленеводческих районах России. Дистанция между оленеводами и локальными представителями Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, недоверие простых тружеников к последним отмечается в работе Д. Андерсона на основе полевых исследований в Хатангском р-не Таймыра (2002) и в Забайкалье (2004) (*Anderson 2006: 92–94*). В работе А.А. Ивановой и Ф.М. Штаммлера, сравнивающей управление природными ресурсами у ненцев и якутов, отмечается, что оленеводы из числа ненцев достаточно успешно ведут прямые переговоры с представителями добывающей промышленности, администрацией Ямало-Ненецкого округа, и в результате ненцы имеют более серьезную поддержку в вопросе сохранения традиционного образа жизни по сравнению с коренными народами Якутии (*Иванова, Штаммлер 2017: 220–221*). Вероятно, именно такого прямого участия в решении своих проблем не хватает оленеводам-долганам Юрюнг-Хаи.

Как было отмечено выше, благополучие МУПов во многом зависит от республиканских дотаций, поскольку собственная прибыль предприятий невелика. Подобная ситуация характерна для всей Якутии: по итогам 2015 г. суммарная выручка оленеводческих хозяйств республики от реализации продукции покрывала только 13,7% от суммы затрат на основное производство (*Губарев 2016*). МУП в Юрюнг-Хае получает прибыль за счет продажи в основном мясной продукции и частично – рогов, шкур и камусов. Мясо реализуется главным образом внутри района: для жителей – через магазины, для питания в школах и детских садах, а также для промышленников, работающих на территории района, – через систему закупа. Так, ОАО «Алмазы Анабара» приобретает большую часть продукции МУПа, при этом самостоятельно осуществляет ее транспортировку в свои промышленные поселения. Небольшая часть мясной продукции вместе со шкурами и камусами вывозится предприятием на продажу в г. Якутск.

По словам опрошенных мной оленеводов и чумработниц, МУП снабжает бригаду продуктами питания и ГСМ далеко не в полном объеме, а снегоходы люди чаще всего покупают сами (*ПМА 2017*). Основные претензии оленеводов к руководству МУПа сводятся к низким заработным платам, регулярным задержкам их выплаты, отсутствию вознаграждений за сданное предприятию мясо домашнего оленя. Так, бригадир отвечающий за одно из стад, в мае 2017 г., рассказывая об объемах заготавливаемого его подразделением мяса домашнего оленя, выразил недовольство по поводу отсутствия стимулирования работников, имеющих высокие показатели. (Вознаграждение было обещано оленеводам предыдущим руководителем МУПа.) По словам мужчины, его бригада осуществляла разделку и транспортировку мяса из тундры до поселкового ледника МУПа собственными силами. Кроме того, напряжение среди людей вызывали и безвозмездные передачи оленей в менее успешные стада предприятия по распоряжению директора МУПа или в единственное стадо муниципального предприятия в Саскылахе по распоряжению главы Анабарского

р-на. Такие передачи, по словам бригадира, его подразделение выполняло несколько раз, не получая совершенно никаких компенсаций или вознаграждений (ПМА 2017).

Некоторые оленеводы Юрюнг-Хаи, в первую очередь из числа успешных хозяйственников или руководителей внутренних подразделений МУПа, высказывали стремление к бóльшей самостоятельности: говорили о необходимости принятия каких-либо решений без согласования с руководством муниципального предприятия. Так, бригадир Иван, отвечающий за 4-е стадо МУПа, обсуждая со мной новые зимние передвижные дома (балки), выделенные каждой бригаде, сказал, что лучше бы он себе сам построил балок, получив от предприятия материал или деньги на его закупку. А бригадир Роман (7-я бригада МУПа) говорил о стремлении выйти из состава МУПа и создать свою родовую общину. По мнению руководителя одной из бригад предприятия, в районе оленеводы могут самостоятельно управлять отраслью; ему видится бессмысленной работа управления сельского хозяйства в администрации Анабарского р-на: «Если бы мы все оленеводство на себя взяли бы. Да, в частные руки, они без работы остались бы. На чужих харчах сидят». Отвечая на мой вопрос о том, кому его бригада сдает мясо оленя, мужчина акцентировал внимание на зависимом от государства положении оленеводов: «Мы вообще ничего не сдаем, мы рабы государства». В действиях руководства МУПа, районной администрации и власти РС(Я) в настоящее время проявляется патерналистский подход к оленеводству и народам Севера в целом, когда люди обеспечиваются всем необходимым, но лишаются самостоятельности в решении многих вопросов. Подобный патернализм имеет много общего с политикой советского времени, касающейся коренных малочисленных народов, а также находит параллели с более ранними историческими примерами проявления государственной политики в отношении тех, кто по логике властей, с одной стороны, нуждается в защите, а с другой – не умеет самостоятельно распоряжаться деньгами и потому ограничивается в этом. Так, тунгусы Северо-Восточного Прибайкалья в конце XIX – начале XX в. имели право сдавать уголья в аренду, но пользоваться доходом могли лишь путем получения продуктов в общественном магазине, поскольку не имели прямого доступа к денежной прибыли (*Сирина, Давыдов 2017: 70–72*). В подобной логике действовали в отношении бедных в США в XIX – начале XX в. государственные и частные благотворительные организации, используя долгое время лишь материальные формы помощи необеспеченным категориям населения, а затем после распространения денежных пособий, контролируя через своих представителей их расходование (*Зелизер 2004: 170–199*).

Критика органов власти и стремление к большей самостоятельности в рассуждениях оленеводов порой легко и непротиворечиво уживается с ностальгией по советской эпохе. Советский период в их воспоминаниях зачастую связывается с хорошими зарплатами, высоким уровнем обеспечения всем необходимым, частыми вертолетными рейсами в стада по вызову оленеводов. Так, бригадир Роман, планирующий создать свою родовую общину, с ностальгией вспоминал советское время, которое застал еще в школьном возрасте: «И потом сразу как приехал, родители в тундре были. Я тоже в тундру поехал на вертолете. Раньше-то вертолеты часто летали... Сейчас все Советский Союз критикуют, а раньше мы как в раю жили все в России <...> Раньше все было... за счет государства». В воспоминаниях о жизни в СССР Роман акцентирует внимание на хорошем обеспечении оленеводов всем необходимым, видя в этом позитивную роль государства и оставляя в стороне его контролирующие функции, ко-

торые, однако, вскоре в ходе того же разговора оказываются объектом критики уже в современном контексте. Затем Роман вновь подчеркивает лояльность советскому порядку: «Все олени МУПовские. У нас же коммунизм, при коммунизме мы же выросли, поэтому так привыкли, не ворует у совхоза». Такая, на первый взгляд, амбивалентность представлений о государстве с ностальгией по патернализму на одном полюсе и стремлением к снижению зависимости от чиновников различных уровней – на другом, сравнительно легко уживается в сознании оленеводов. Стоит заметить, что спустя два года, в 2017 г., Роман оставался бригадиром МУПа; он не предпринял никаких действий к регистрации оленеводческой родовой общины.

Дж. Скотт описал преобразования советского государства в сфере сельского хозяйства как показательный пример авторитарного высокомодернистского планирования, когда все изменения претворяются в жизнь грубой силой власти, игнорируя социально-экономическую специфику и культурный багаж локальных сообществ. Подобные проекты могли быть успешны в достижении простых целей, однако терпели поражение там, где требовались более глубокие знания местного населения и его опыта (Скотт 2005: 318–344). Противоречия политики СССР в отношении коренных малочисленных народов Севера наиболее заметно проявились в 1970–1980-е годы, тем не менее именно этот период у части оленеводов Юрюнг-Хаи парадоксальным образом вызывает ностальгию сегодня. В работе Н.В. Ссорина-Чайкова показано на этнографическом материале как у эвенков Подкаменной Тунгуски в начале и в конце XX в. очень схожим образом проявлялись как притяжение к государству, демонстрация своей лояльности ему, так и различные формы его избегания. Оба вида реакции на государство фактически сосуществовали и поочередно сменяли друг друга, преследуя в каждом конкретном случае определенные прагматические цели. В свою очередь, идентичность малых народов⁴, воспроизводимая советским государством в отношении эвенков и других народов Севера, оказалась для них достаточно стойкой. Эта идентичность определяется через категории инаковости и, с одной стороны, подчеркивает традиционный образ жизни и занятий⁵, с другой – устанавливает как важные цели приобщение к современной советской культуре и благам цивилизации, преодоление своей инаковости. В связи с этим распад СССР и последовавшее ослабление государственного патернализма в отношении народов Севера вызвали у них ощущение брошенности и сильную ностальгию по Советскому Союзу (Ссорин-Чайков 2012: 155–162, 169–173; ПМА 2015, 2017).

Хотя в основном все сотрудники МУПа в Юрюнг-Хае недовольны своими зарплатами, в оленеводство сегодня приходит часть местной молодежи – те, кто не смог получить образования или найти себе более высокооплачиваемое место в районе (ПМА 2015, 2017). Работа в оленеводстве гарантирует минимальное обеспечение и доступ к различным ресурсам, получаемым от государства, МУПа либо добываемым самостоятельно.

⁴ То есть в отношении народов, непрерывно преодолевающих отсталость безгосударственной общественной формации.

⁵ Для современных долган Юрюнг-Хаи День оленевода, изобретенный в советское время, стал самым важным праздником.

Оленеводы как предприниматели

Современные оленеводы Юрюнг-Хаи в большей или меньшей степени задействуют часть доступных ресурсов, таких как продукты домашнего оленеводства, мясо дикого оленя, рыбу, бивень мамонта, не только для удовлетворения первичных потребностей, но также для улучшения своего благосостояния и укрепления домашнего хозяйства. Наиболее значимым и ценным в этом отношении является бивень мамонта. Надо заметить, что наличие тех или иных ресурсов, доступ к ним и возможности использования варьируются в зависимости от места проживания людей, поскольку оленеводы как работники муниципального предприятия привязаны к пастбищам, границы которых установлены для каждой конкретной бригады, кроме того, их знания о местности также могут различаться. Оленеводы Юрюнг-Хаи в разговорах со мной, как правило, противопоставляли себя местным «коммерсантам», зарабатывающим торговлей. В отличие от последних они не ведут повседневной предпринимательской деятельности, однако при этом зачастую решают свои проблемы схожим с торговцами образом. В мае 2017 г. жительница Юрюнг-Хаи, школьная учительница на пенсии Анистья Егоровна в разговоре со мной косвенно подтвердила схожесть деятельности оленеводов с предпринимательством: она призналась, что коммерсантов в селе совсем мало, и что в такого рода занятия в большей степени вовлечены местные оленеводы (ПМА 2017). Как отмечается в исследовании Д. Андерсона, изобретательность в поиске выхода на глобальный рынок и поддержание связей с различными предпринимателями из городской среды во многом определяют успех оленеводческого хозяйства (Anderson 2006: 97, 99).

Личные домашние олени являются не только важнейшим источником пищи, их шкуры применяются в качестве утеплителя для зимних балков и служат для изготовления одежды. Такая одежда в повседневной жизни используется редко, надевается она чаще всего только на празднование Дня оленевода. Унты из оленьих камусов носят чумработницы и жены оленеводов, тогда как мужчины предпочитают сапоги с теплыми вставками. В отличие от МУПа, ежегодно реализующего мясную продукцию домашнего оленеводства, люди, работающие на предприятии, прибегают к продаже мяса и субпродуктов нерегулярно – они используют их преимущественно для обеспечения своих семей и круга близких родственников (ПМА 2015, 2017). Исключение составляют оленеводы о-ва Большой Бегичев, которым принадлежит порядка 1200 животных, составляющих стадо родовой общины «Большой Бегичев». Община реализует свою продукцию вместе с муниципальной исключительно компании ОАО «Алмазы Анабара» на бартерной основе – в обмен на ГСМ. Некоторые оленеводы признавались, что продают различным предпринимателям в селе сброшенные рога как личных, так и муниципальных оленей. Молодой мужчина, бригадир Егор (3-я бригада МУП) сообщил, что продажа рогов помогла ему купить новый снегоход «Буран» (ПМА 2017).

Продажа живых оленей совершается, вероятно, довольно редко. Как отмечал антрополог А. Вентцель, они чаще служат предметом дара во взаимодействиях жителей Юрюнг-Хаи⁶ (Ventsel 2005: 223–224). Сравнительно успешные оленеводы, семьи которых владеют 100 и более оленями, в разговорах со мной говорили, что хотели бы увеличить поголовье, а один из бригадиров поведал о своем желании купить в личное

⁶ Аймар Вентцель проводил полевое исследование в Анабарском р-не в течение 8 месяцев в период 2000–2001 гг.

пользование несколько важенок (ПМА 2015, 2017). Помимо того что олени выступают ресурсом, страхующим от непредвиденного случая, они во многом как предмет собственности и личного богатства имеют символическое значение, являясь показателем успеха и определяя престиж оленевода (*Ventsel* 2005: 220–230; ПМА 2015, 2017).

Дикие олени, по сообщениям оленеводов Юрюнг-Хаи, за несколько последних лет значительно изменили пути миграции, так что в последние годы лишь изредка удается подстрелить одиночную особь и только для внутрисемейного потребления. В недалеком прошлом коммерческой добычей этих животных занималась родовая община «Большой Бегичев», за которой закреплен зарегистрированный промысловый участок с правом получения ежегодных квот на отстрел дикого оленя. В настоящее время, по словам директора Дмитрия, община вынуждена полностью переориентироваться на оленеводство (ПМА 2017).

Рыболовство среди оленеводов распространено в разной степени: одни ставят сети непродолжительное время и ловят рыбу исключительно для своей семьи, бригады, на корм оленегонным собакам, другие же занимаются этим более основательно на протяжении всего холодного периода года, когда перекочевки стада не столь часты, и затем продают часть улова приезжим или местным предпринимателям. По мнению бригадира Ивана, рыболовство сложно совмещать с оленеводством, которое требует значительных усилий. Сам Иван ловит рыбу только для своей семьи (ПМА 2017). Как правило, на продажу идут сравнительно небольшие объемы рыбы, тем не менее это позволяет решать оленеводам насущные повседневные проблемы. Зачастую улов продается не за деньги, а обменивается на различные товары: продукты питания, горючее, запчасти для снегохода. Согласно закону «О северном домашнем оленеводстве» оленеводы имеют право на вылов некоторого количества рыбы в местах кочевания для личного потребления, однако для реализации продукции требуется лицензия на сбыт по квоте, устанавливаемой ежегодно. Лицензия на промысловую добычу рыбы не выдается ни муниципальному оленеводческому предприятию, ни отдельным оленеводам или бригадам. Жители Юрюнг-Хаи, не имеющие такой лицензии, руководствуются личными и коллективными представлениями о допустимом объеме вылова рыбы, что сопоставимо с поведением эвенков из северобайкальской деревни, использующих «свободные места». Контроль рыбной инспекции, по признанию многих жителей Юрюнг-Хаи и Саскылаха, в районе слабый, но за его пределы без лицензии вывезти рыбу на продажу очень сложно. Впрочем, при сравнительно небольших объемах улова (до 2-3 т на бригаду за зимний сезон) нет большой нужды (да и очень затратно) куда-то вывозить его, можно столкнуться с более строгим контролем со стороны соответствующих инстанций. Все проблемы, связанные с лицензиями на вывозимую рыбу и общением с контролирующими органами на автозимниках, решаются предпринимателями-перекупщиками.

Бивень мамонта, согласно исследованиям А.А. Попова в 1930-е годы, исторически широко использовался долганами в домашнем хозяйстве (*Попов* 1937: 113). Современные долганы добывают его почти исключительно для продажи; он стал очень дорог в конце XX – начале XXI в. в результате стабильно высокого спроса на рынках Китая, куда преимущественно и вывозится из арктических районов России⁷. В 2016–2017 гг., по свидетельствам информантов из Юрюнг-Хаи, цена на бивень высшего

⁷ Наследие вечной мерзлоты: Россия теряет миллиарды на бивнях мамонтов. <https://regnum.ru/news/2366039.html> (дата обращения: 15.01.2019).

качества заметно снизилась по сравнению с 2015 г., однако осталась по-прежнему достаточно высокой и привлекательной для потенциальных добытчиков. Некоторая часть населения Анабарского р-на, прежде всего взрослые мужчины, регулярно отправляется в «бивневые» экспедиции, мечтая найти крупные экземпляры и тем самым существенно улучшить свое материальное положение. Обычно активные поиски приходится на короткий период перед наступлением зимы – август–сентябрь, когда земля оттаивает после продолжительных холодов. Чаще добытчики обращают внимание на откосы, крутые берега рек и ручьев, где вероятность увидеть части бивней мамонта, вытолкнутых оттаявшей породой на поверхность, более высокая. При этом жители Анабарского р-на, как правило, не используют специального оборудования, запрещенного законом (мотопомп).

Оленеводы Юрюнг-Хаи в ряду добытчиков мамонтового бивня в Анабарском р-не едва ли заметно выделяются, однако зачастую они лучше знают окрестности, а также имеют возможность совмещать поиски с работой в стаде МУПа. По их рассказам, далеко не любая местность на территории района одинаково богата ценным ресурсом. Часть оленеводов, с которыми я общался, говорили, что в местах кочевания их стада бивни находятся крайне редко, так что они не питают больших надежд на их обнаружение. В то же время некоторые признавались, что специально во время отпуска отправлялись на поиски бивня в соседний Таймырский автономный округ Красноярского края, где шансы найти экземпляры хорошего качества, по их словам, гораздо выше чем в Анабарском р-не. «Бивневые» экспедиции на Таймыр, несмотря на дополнительные затраты времени, сил, горючего и износ техники, по рассказам их участников и сторонних наблюдателей, заканчивались успешно (ПМА 2015, 2017).

Оленеводы, в особенности те из них, кто активно ищет бивни мамонта, знают примерные расценки в зависимости от сезона на экземпляры различного качества, есть у них и контакты перекупщиков из Якутска – с ними связываются по мобильному либо спутниковому телефону, а затем, если удастся договориться, перекупщики приезжают в Юрюнг-Хаю либо соседний Саскылах, где осуществляется сделка. Расчет ведется наличными деньгами. Сейчас деятельность по добыче бивней мамонта в Якутии формально разрешена и относительно слабо регулируется государством. Для этого необходимо иметь лицензию на сбор минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов в соответствии с законом РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах». Однако население Анабарского р-на, как правило, не получает никаких разрешений и не пытается вывозить бивни самостоятельно куда-либо за пределы района. Этим занимаются перекупщики, которые имеют лицензию на добычу и оформляют все найденное на себя. В разговорах оленеводы, как и другие добытчики ценного ресурса, высказывали опасения, что государство начнет усиленно контролировать эту деятельность, так что нужно будет согласовывать различные документы, а в конечном счете представители коренных малочисленных народов будут полностью вытеснены из этого бизнеса.

Опасения оленеводов имеют определенные основания, поскольку дискуссии о необходимости усиления государственного регулирования для «наведения порядка» в сфере добычи бивней мамонта довольно регулярно поднимаются представителями республиканских органов власти и журналистами. В 2005 г. в Якутии был принят закон «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми останками мамонтовой фауны», однако его действие было

приостановлено в 2007 г. по решению прокуратуры⁸. С тех пор чиновники разного уровня неоднократно выступали с идеями и конкретными предложениями о создании нового специального закона, регулирующего эти вопросы⁹. Наконец в 2018 г. законопроект, разработанный в парламенте Якутии для упорядочивания сбора мамонтовых костей, был внесен на обсуждение в Госдуму. Он предполагает установление порядка пользования недрами для коммерческого сбора и создание единого оператора, курирующего вопросы сбора, переработки и экспорта бивней мамонта. По мнению республиканских чиновников, принятие федерального закона позволит создать условия для снижения доли теневого бизнеса, а также упростить лицензирование промысла для местных жителей¹⁰.

Еще одним свидетельством большого внимания к этой проблеме со стороны журналистов, чиновников различного уровня и иных заинтересованных лиц стал показ в мае 2018 г. на центральном телеканале Россия-24 передачи «Остров скелетов», посвященной добыче бивней мамонта в Усть-Янском р-не РС(Я). На мой взгляд, фильм сделан в духе пропагандистской документалистики с расчетом на эмоциональное воздействие на зрителя шокирующими фактами. Конечный посыл его сводится к тому, что огромные капиталы уходят в Китай, а добычей бивней занимаются местные организованные преступные группировки, чья деятельность вредит экологии края и наносит ущерб его археологическому и палеонтологическому изучению. Существует и альтернативная версия, объясняющая поднятие шума в СМИ: это связано со стремлением монополизировать рынок отдельными представителями бизнеса, заинтересованными в пересмотре сложившихся правил игры¹¹. Проявление внимания со стороны федеральных законодателей, в свою очередь, дает повод полагать, что эти правила могут быть переопределены в пользу федерального бюджета.

* * *

Патерналистская политика СССР в отношении народов Севера во многом является ориентиром для чиновников современной Якутии, а идентичность, выстраиваемая государством для коренных малочисленных народов в ту эпоху, стойко воспроизводится их представителями и сегодня. Жизнь в советское время стала объектом ностальгических воспоминаний по крайней мере для части оленеводов арктического с. Юрюнг-Хая. Для ностальгического контекста совершенно не важны негативные стороны политики или степень лояльности/нелояльности (скрытого сопротивления) жителей села советскому государству (Давыдов 2008: 146–162). На передний план выходят высокие зарплаты, обеспеченность всем необходимым, престиж профессии оленевода. Период ослабления государства на севере Якутии, связанный с резким сокращением финансирования оленеводства, хотя и не привел к смене вида деятель-

⁸ Добыча бивней мамонта в Якутии остается теньвым бизнесом. <http://1sn.ru/181543.html> (дата обращения: 25.01.2019).

⁹ Бизнес на костях мамонтов надо строить по закону. <https://regnum.ru/news/1916284.html> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁰ Якутия разработала закон о сборе бивней мамонта. <http://nazaccent.ru/content/26214-yakutiya-gazbotala-zakon-o-sbore-bivnej.html> (дата обращения: 25.01.2019); Бизнес по добыче бивней мамонта выведут из тени. <http://iltumen.ru/content/biznes-po-dobyche-bivnei-mamonta-vyvedut-iz-teni> (дата обращения: 25.01.2019).

¹¹ Скелеты в шкафу. <http://www.vecherniy.com/wall?id=895> (дата обращения: 25.01.2019).

ности большей части работников отрасли, но вызвал у них стойкие негативные ассоциации в отношении постсоветского государства. В то же время новое время предоставило оленеводам широкие возможности для выбора экономических стратегий, обретения новых социальных связей. Возможно, именно поэтому в отдельных случаях оленеводы с Юрюнг-Хая высказывались не за усиление государственного патернализма, а за предоставление большей самостоятельности в решении хозяйственных вопросов и управлении ресурсами. Таким образом, в сознании и поведении оленеводов зачастую проявляется амбивалентность по отношению к государству.

Муниципальное предприятие Юрюнг-Хаи сбывает продукцию оленеводства преимущественно на внутрирайонном рынке. При этом доход предприятия составляет незначительную долю совокупных денежных средств, находящихся в его распоряжении, большая часть которых – это республиканские дотации. Штатные оленеводы и чумработницы МУПа по-своему приспособились к рыночным условиям, используя разные возможности для дополнительного заработка. Во время трехлетнего периода невыплаты заработанных плат переключение на охоту и рыболовство помогло оленеводам выжить и сохранить при этом свое место в штате предприятия. В XXI в. помимо этих занятий и сбора рогов оленей возможным дополнительным заработком, к которому прибегают некоторые семьи оленеводов, является поиск бивней мамонта. Допустимые объемы добычи ресурсов определяются населением с. Юрюнг-Хая в значительной степени с опорой на выработанные в местном сообществе нормы и представления об их использовании («свободные места» сообщества). Вылов рыбы может быть общей коллективной практикой работников одной бригады, тогда как добыча бивня мамонта чаще носит индивидуальный или семейный характер.

Среди оленеводов распространены страхи, связанные с усилением государственного контроля вылова рыбы и добычи бивня мамонта, – контроля, воспринимаемого как ожидаемая неизбежность. В последние несколько лет республиканскими и федеральными чиновниками, а также журналистами некоторых СМИ неоднократно поднимался вопрос о необходимости принятия нового закона, регулирующего добычу останков мамонтовой фауны. В этом стремлении можно увидеть общую логику государственного развития через унификацию и интеграцию в данном случае экономического поля (Бурдые 2016: 416–428). Вызывает сомнение, что эта законодательная инициатива будет способствовать появлению новых возможностей и улучшению качества жизни населения арктической Якутии.

Источники

- Андреева и др. – Андреева С., Гольдерова А., Константинова А. Анабар. Вечные ценности. Красноярск: Инспаер, 2012.
- Гольдерова, Дадаскинов – Гольдерова А.А., Дадаскинов С. (ред.) Николай Егорович Андросов. Якутск: Триада, 2004.
- Губарев 2016 – Губарев В. В Якутии значительно сократилось поголовье оленей // Информационно-аналитический портал SakhaNews. Экономика и бизнес. 10.06.2016. <http://www.1sn.ru/show.php?id=167837>
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Анабарский р-н; июль–сентябрь 2015 г.
- ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Анабарский р-н в мае 2017 г.

Научная литература

- Андерсон 1998 – Андерсон Д.Дж. *Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Баскин 2011 – Баскин Л.М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства // *Этнографическое обозрение*, 2011. № 2. С. 28–43.
- Бурдые 2016 – Бурдые П. *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. М.: Дело, 2016.
- Воробьев 2011 – Воробьев Д. «Диковка» в Чиринде – промысел дикого северного оленя в XXI столетии // *«Не любопытства ради, а познания для...»*. К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / ред. Н.А. Дубова, Ю.Н. Квашнин. М.: Старый сад, 2011.
- Грэй 2016 – Грэй П.А. Современное состояние оленеводства на Чукотке / Пер. С.В. Соколовский // *Этнографическое обозрение*, 2016. № 6. С. 44–56.
- Гурвич 1966 – Гурвич И.С. *Этническая история Северо-Востока Сибири*. М.: Наука, 1966.
- Давыдов 2008 – Давыдов В.Н. Национальная эвенкийская деревня на Северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2008. Т. XI. № 3. С. 146–163.
- Зелизер 2004 – Зелизер В. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
- Иванова, Штаммлер 2017 – Иванова А.А., Штаммлер Ф.М. Многообразии управляемости природными ресурсами в российской Арктике // *Сибирские исторические исследования*, 2017. № 4. С. 210–225.
- Поворознюк 2011 – Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Попов 1937 – Попов А.А. Техника у долган // *Советская этнография*, 1937. № 1. С. 91–136.
- Сирина 2010 – Сирина А.А. *От совхоза к родовой общине. Социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века*. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Сирина 2012 – Сирина А.А. *Эвенки и эвены в современном мире*. М.: Восточная литература, 2012.
- Сирина, Давыдов 2017 – Сирина А.А., Давыдов В.Н. «...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту»: патернализм и рыночная экономика в северо-восточном Прибайкалье // *Этнографическое обозрение*, 2017. № 1. С. 70–85.
- Скотт 2005 – Скотт Дж. *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни* / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчиновой. М.: Университетская книга, 2005.
- Соколовский 2001 – Соколовский С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2. С. 17–30.
- Ссорин-Чайков 2012 – Ссорин-Чайков Н.В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // *Социология власти*, 2012. № 4–5 (1). С. 155–187.
- Стручков 2005 – Стручков А.И. *Очерки по истории Булунского улуса*. Якутск: Бичик, 2005.
- Хаховская 2011 – Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // *Этнографическое обозрение*, 2011. № 6. С. 112–127.
- Anderson 2006 – Anderson D.G. Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with Reindeer Fifteen Years after the End of State Socialism // *Nomadic Peoples*, 2006. Vol. 10. № 2. P. 87–104.
- Davydov 2014a – Davydov V. Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region // *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2014a. Vol. 8. No. 2. P. 7–32.
- Davydov 2014b – Davydov V.N. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village // *Polar Record*, 2014b. Vol. 50. No. 4. P. 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>.
- King 2002 – King A.D. Without Deer There is No Culture, Nothing // *Anthropology and humanism*, 2002. Vol. 27. No. 2. P. 133–164.

- Krupnik 2000 – Krupnik I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival in the Time of Crash // *Polar Research*, 2000. Vol. 19. No. 1. P. 49–56.
- Ventsel 2005 – Ventsel A. *Reindeer, Rodina and Reciprocity. Kinship and property relations in a Siberian village*. Münster: Lit-Verlag, 2005.

References

- Anderson, D.D. 1998. *Tundroviki: Ekologiya i samosoznanie taimyrskikh evenkov i dolgan* [Tundra People: Ecology and Identity of the Taimyr Evenks and Dolgans]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniia RAN.
- Anderson, D.G. 2006. Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with Reindeer Fifteen Years after the End of State Socialism. *Nomadic Peoples* 10 (2): 87–104.
- Baskin, L.M. 2011. Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostoianie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva [Current Reindeer Herding in Russia: Condition, Mobility, Property Rights, State Paternalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 28–43.
- Bourdieu, P. 2016. *O gosudarstve. Kurs leksii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [About the State: Lecture Course at Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Delo.
- Davydov, V. 2014. Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8 (2): 7–32.
- Davydov, V.N. 2008. Natsional'naia evenkiiskaia derevnia na Severnom Baikale: soprotivlenie dominiruiushchemu diskursu [National Evenk Village on Northern Baikal: Resistance to the Dominant Discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* XI (3): 146–163.
- Davydov, V.N. 2014. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record* 50 (4): 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>
- Gray, P.A. 2016. Sovremennoe sostoianie olenevodstva na Chukotke [The Present State of Reindeer Herding in Chukotka], transl. by S.V. Sokolovskii. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 44–56.
- Gurvich, I.S. 1966. *Etnicheskaiia istoriia Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic History of the North-East of Siberia]. Moscow: Nauka.
- Ivanova, A.A., and F.M. Stammer. 2017. Mnogoobrazie upravliaemosti prirodnymi resursami v rossiiskoi Arktike [Diversity of Natural Resource Management in the Russian Arctic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 210–225.
- Khakhovskaia, L.N. 2011. Sovetskaia modernizatsiia olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyrskogo raiona Chukotki) [Soviet Modernization of Reindeer Husbandry in the Remote Northern Regions (On the Example of the Anadyr District of Chukotka)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 112–127.
- King, A.D. 2002. Without Deer There is No Culture, Nothing. *Anthropology and humanism* 27 (2): 133–164.
- Krupnik, I. 2000. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival in the Time of Crash. *Polar Research* 19 (1): 49–56.
- Popov, A.A. 1937. Tekhnika u dolgan [Dolgans Technique]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 91–136.
- Povorozniuk, O.A. 2011. *Zabaikal'skie evenki: sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye transformatsii v XX–XXI vekakh* [Transbaikal Evenks: Socio-Economic and Cultural Transformations in the 20th–21th Centuries]. Moscow: IEA RAN.
- Sirina, A.A. 2010. *Ot sovkhoha k rodovoi obshchine. Sotsial'no-ekonomicheskie transformatsii u narodov Severa v kontse XX veka* [From the Farm to the Tribal Community: Socio-Economic Transformations of the Peoples of the North at the End of the 20th Century]. Moscow: IEA RAN.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire* [Evenki and Evens in the Modern World]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Sirina, A.A., and V.N. Davydov. 2017. «...Ne imeiushchie ni khlebopashestva, ni skotovodstva, ni olenei, a tol'ko odnu lish' rechku etu»: paternalizm i rynochnaia ekonomika v severo-vostochnom Pribaikal'e [«... Having neither Arable Farming, nor Cattle Breeding, nor Deer, But Only

- One This River»: Paternalism and Market Economy in the Northeastern Baikal Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 70–85.
- Skott, J. 2005. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], transl. by E.N. Gusinskogo and Yu.I. Turchinova. Moscow: Universitetskaia kniga, 2005.
- Sokolovskii, S.V. 2001. Problemy samoopredeleniia i samoupravleniia korennykh narodov (obzor) [Problems of Self-Determination and Self-Governance of Indigenous Peoples (Review)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 17–30.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2012. Gobbs v Sibiri: sotsial'naia zhizn' gosudarstva (iz knigi "Sotsial'naia zhizn' gosudarstva v severnoi Sibiri") [Hobbes in Siberia: The Social Life of the State (From the Book "The Social Life of the State in Northern Siberia")]. *Sotsiologiya vlasti* 4–5 (1): 155–187.
- Struchkov, A.I. 2005. *Ocherki po istorii Bulunskogo ulusa* [Essays on the History of Bulunsky Ulu]. Yakutsk: Bichik.
- Ventsel, A. 2005. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Münster: Lit-Verlag.
- Vorobev, D. 2011. "Dikovka" v Chirinde – promysel dikogo severnogo olenia v XXI stoletii [Wild Hunting in Chirinda – Wild Reindeer Hunting in the 21st Century]. In *"Ne liubopytstva radi, a poznaniia dlia..."*: K 75-letiiu Yuriia Borisovicha Simchenko ["Not for Curiosity, but for Knowledge...": To the 75th Anniversary of Yuri Borisovich Simchenko], edited by N.A. Dubova and Yu.N. Kvashnin. Moscow: Staryi sad.
- Zelizer, V. 2004. Sotsial'noe znachenie deneg: den'gi na bulavki, cheki, posobiia po bednosti i drugie denezhnye edinitsy [The Social Value of Money: Money on Pins, Checks, Benefits for Poverty and Other Monetary Units. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE.

Evgeniy V. Kaduk. The economy of reindeer farms in the north-west of the Sakha Republic (Yakutia) in the XXI century: paternalism and independence

Reindeer husbandry today occupies an important place in the policy of the Republic of Sakha (Yakutia) in relation to the regions of residence of the peoples of the North and also in the local municipal policy considered in the work of the Anabarsky district. The goals of the policy are to support and preserve the local culture and ensure the food security of the regions associated with reindeer herding. The reindeer breeders of Yuryung-Khaya today are building their economic strategies relying on the paternalistic policies pursued by the state, on the one hand, and actively using broader ties and entrepreneurial skills that were first demonstrated during the decline of the 1990s, on the other. In various contexts, ambivalence is manifested in the behavior of reindeer herders: alternating avoidance practices with the desire for greater autonomy and appeal to the authority of the state. Modern reindeer herders of Yuryung-Khaya to a greater or lesser extent use part of the available resources, not only to meet their primary needs, but also to improve their well-being and strengthen their household.

Keywords: reindeer herding, dolgans, paternalism, the Republic of Sakha (Yakutia), market economy, entrepreneurship, adaptation, free places.

© О.П. Коломиец

ЧУКОТСКИЙ БИЗНЕС: СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУКОТСКОГО АО*

В статье рассматриваются формы предпринимательской деятельности, получившие распространение среди коренных жителей Чукотки с начала 2000-х гг. Автору представляется важным исследовать, как на практике реализуются возможности развития предпринимательства. В настоящее время в округе зарегистрировано 993 юридических лица, из которых 68 – родовые или территориально-соседские общины коренных малочисленных народов Чукотки, 29 крестьянско-фермерских хозяйства; 1162 индивидуальных предпринимателя, из них примерно 100 – предприниматели из числа коренных жителей Чукотки. Преимущественная форма бизнеса, в которой успешно проявляет себя коренное население, проживающее как в сельской местности, так и в городах Чукотки – микропредприятия.

На территории округа действуют специальные государственные и частные программы по поддержке малого предпринимательства, но трудностей у чукотских бизнесменов меньше не становится. Из основных проблем в статье обозначены: дороговизна доставки товаров (для сельских предпринимателей тарифы авиакомпаний непосильны), высокие тарифы на коммунальные услуги, отсутствие стабильных рынков сбыта производимых товаров и услуг, низкий уровень экономических знаний, необходимых для ведения финансово-хозяйственной деятельности и, что немаловажно, для предоставления отчетности в органы государственной власти.

Вместе с тем, по мнению автора, дальнейшее развитие региона невозможно без развития частной инициативы в сфере традиционного природопользования, без внедрения новых безотходных технологий для переработки продуктов оленеводства, морского зверобойного промысла, рыболовства, охоты – так называемого «общинного» предпринимательства; производства сувенирных изделий из кожи, кости моржа, кита, рога оленя; пошива и ремонта меховых изделий; развития современного этнодизайна; транспортных услуг; услуг по дневной занятости детей; строительных и ремонтных работ; бытовых услуг; общественного питания; туристских услуг. Настоящая статья призвана привлечь научный и общественный интерес к данной проблеме.

Коломиец Оксана Петровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило (СВКНИИ ДВО РАН) (РФ, Анадырь, ул. Энергетиков, 15). Эл. почта: okkolo@mail.ru. **Kolomiets Oksana P.** – the History and Economics Laboratory North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (NEISRI FEB RAS) (Russia, Anadyr, street Energetikov, 15) E-mail: okkolo@mail.ru.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Ключевые слова: *Чукотка, коренные народы, формы предпринимательства, традиционное природопользование, современные технологии.*

Чукотский автономный округ (ЧАО) – северо-восточный регион, который находится в Арктической зоне Российской Федерации. Там проживает 49348 чел., из которых 14553 чел. – сельское население¹. Коренные малочисленные народы (КМН) традиционно расселены на всей территории округа. Чукотка отнесена к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН Российской Федерации. В регионе проживают 7 коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ): чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, коряки, кереки, юкагиры. Наиболее многочисленными коренными народами Чукотки являются чукчи (12772 чел.), эскимосы (1529 чел.), эвены (1392 чел.).

В настоящее время в округе 30 муниципальных образований, в том числе 3 муниципальных района и 4 городских округа (Анадырь, Певек, Провиденский, Эгвекинот), 3 городских (Угольные Копи, Беринговский, Билибино) и 20 сельских поселений. Административный центр округа – г. Анадырь. Более 60% населенных пунктов округа имеют численность населения менее 500 человек.

Территорию округа отличает от других регионов России ряд особенностей в социально-экономическом развитии. Среди основных отличий можно выделить низкую плотность населения (численность населения Чукотки сопоставима с небольшим микрорайоном крупного города, распределенного по территории размером в несколько Франций), отсутствие дорожной сети (доставка автомобильным транспортом генеральных грузов и товаров осуществляется в ограниченный период по зимникам), высокие тарифы на энергоносители, удаленность от экономически развитых регионов, крайне непродолжительный период навигации. Эти особенности определяют «лицо экономики» округа, в частности, несколько крупных ресурсных корпораций, добывающих драгоценные металлы, формируют до 47% валового регионального продукта. Недропользователи Чукотки относятся к категории крупнейших налогоплательщиков региона. На 2-ом месте находятся предприятия сферы услуг и розничной торговли, которые преимущественно относятся к категории микропредприятий (с численностью работников от 1 до 10 чел.).

Таким образом, в экономическом развитии округа усматривается полярность, которая выражается в том, что основная масса занятых сосредоточена на крупных и микропредприятиях. Число средних предприятий и доля занятых в них сравнительно невелика. Преимущественная форма бизнеса, в которой успешно проявляет себя коренное население, проживающее как в сельской местности, так и в городах Чукотки, – микропредприятия.

Цель настоящей работы – определить степень вовлеченности коренных жителей Чукотки в предпринимательскую среду. Выделение из общего числа предпринимателей представителей КМНЧ в качестве самостоятельного объекта исследования обусловлено несколькими факторами: малочисленностью коренных жителей, географией проживания (основная масса коренного населения сосредоточена в сельской местности), особенностями жизнедеятельности (значительная доля КМНЧ занята в традиционных отраслях экономики – оленеводстве, рыболовстве, морском зверобойном промысле).

¹ Информация актуальна на 1 января 2018 г. (Численность населения 2018).

Источниковую базу данной работы составили статистические и аналитические материалы, отчеты Департамента сельскохозяйственной и промышленной политики ЧАО, опубликованные статьи, касающиеся проблем предпринимательства, интервью с предпринимателями – коренными жителями Чукотки, собранными автором в разные годы в Анадырском, Билибинском, Чукотском районах ЧАО и в г. Анадыре.

В настоящее время на территории округа зарегистрировано 993 юридических лица, из которых 68 – родовые или территориально-соседские общины коренных малочисленных народов Севера (КМНС), 1162 индивидуальных предпринимателя, из них около 100 – предприниматели из числа коренных жителей Чукотки. Для нас представляет интерес именно данная категория предпринимателей. В данном контексте важно, чтобы представитель КМНЧ являлся собственником бизнеса или руководил предприятием. В статье мы употребим для них условный термин «аборигенные предприниматели». Отметим, что эта группа занята исключительно в микробизнесе, чаще всего это индивидуальные предприниматели, не использующие труд наемных работников. Феномен арктического предпринимательства описан в работах российских ученых, преимущественно экономистов (*Пилясов 2015: 133–145; Мешалкин и др. 2017: 198–209; Никулкина и др. 2014: 111–115; Максимов и др. 2018: 157–177*). Так, А.Н. Пилясов определяет его как специфический вид экономической деятельности, который развивается в полярной зоне в условиях многочисленных природных и социальных ограничений и отражает естественную потребность человека в самостоятельной деловой активности, реализации творческих деловых идей, рациональном риске и инновационном поиске (*Пилясов 2015: 136*).

Т.И. Богданова выявила специфические черты предпринимательской деятельности, присущие коренным малочисленным народам Севера, а также наиболее характерные для них организационно-правовые формы бизнеса: семейные (родовые) и территориально-соседские общины и национальные предприятия (*Богданова 2006; Богданова 2017: 16*).

Специалисты в области экономики арктических территорий едины во мнении, что у Севера есть все возможности для развития малого предпринимательства и самозанятости по многим направлениям. Прежде всего, необходимо развивать частную инициативу в сфере традиционного природопользования, с обязательным использованием новых безотходных технологий для переработки продуктов оленеводства, морского зверобойного промысла, рыболовства, охоты – так называемое «общинное» предпринимательство; производства сувенирных изделий из кожи, кости моржа, кита, рога оленя; пошива и ремонта меховых изделий; развития современного этнодизайна; транспортных услуг; услуг по дневной занятости детей (няни для малышей, развивающие группы для дошкольников, дополнительное обучение для школьников); строительных и ремонтных работ; бытовых услуг; общественного питания; туристских услуг.

В Чукотском автономном округе отмечается рост количества индивидуальных предпринимателей. Предпринимательская деятельность там поддерживается федеральными и региональными властями, частными фондами. Приведем далее примеры мер поддержки малого предпринимательства в ЧАО. Прежде всего, это целевое финансирование, направленное на поддержку предпринимателей. Формы поддержки выражаются в виде возмещения части расходов по приобретению оборудования для производства товаров или оказания услуг, по оплате коммунальных услуг в сельской местности, аренды торговых и производственных площадей, заключенных сельскохо-

зяйственными потребительскими кооперативами, на оплату процентов по кредитам, привлеченным в целях «северного завоза» 2018 г. (% по кредиту на «Северный завоз»).

Кроме того, для снижения налоговой нагрузки на предпринимателей округа, региональным законодательством установлен ряд налоговых льгот (№ 47-ОЗ от 18 мая 2015 г. № 47-ОЗ «О некоторых вопросах налогового регулирования в Чукотском автономном округе»), предусмотрены двухлетние «налоговые каникулы» для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения и/или патентную систему налогообложения, для предпринимателей, применяющих систему налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД) с 01.01.2016 г. во всех муниципальных образованиях ЧАО приняты решения о снижении ставки налога в зависимости от осуществляемых видов деятельности с 15% до 7,5%. В качестве примера приведем ситуацию, которая еще недавно существовала в с. Лаврентия Чукотского района. В населенном пункте, где проживает более 1000 чел., долгое время отсутствовал парикмахер. Совет депутатов муниципального образования, в чью компетенцию входит регулирование ЕНВД, принял решение о снижении до минимально установленных налоговым законодательством размера корректирующего коэффициента (K2), что позволило существенно снизить налог по данному виду деятельности. В настоящее время в поселке стали оказывать парикмахерские услуги.

Еще одним ярким примером поддержки бизнеса на Чукотке является льготное кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Например, указанные категории бизнеса могут взять кредиты в уполномоченных банках по ставке не более 8,5% на пополнение оборотных средств и на реализацию проектов.

В целях оказания имущественной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в 2017 г. создан промышленный парк «Анадырь».

В округе действуют две территории с особым режимом предпринимательской деятельности: территория опережающего социально-экономического развития (ТОР) «Чукотка» и Свободный порт Владивосток в городском округе Певек. Для резидентов ТОРов предусмотрены еще более существенные меры поддержки (например, ставка налога при применении упрощенной системы налогообложения с 01.01.2019 г. составляет 1%).

С 2017 г. в ЧАО работает региональная гарантийная организация – Некоммерческая организация «Фонд развития экономики и прямых инвестиций Чукотского автономного округа», основной задачей которой является содействие субъектам малого и среднего предпринимательства в получении необходимого им финансирования путем предоставления поручительства по кредитным договорам, договорам лизинга, договорам о предоставлении банковской гарантии. Организация бесплатно оказывает услуги субъектам предпринимательства, планирующим осуществлять или осуществляющим деятельность на территории Чукотского АО (Поддержка предпринимательства 2018).

Но при этом возникает вопрос, почему на Чукотке аборигенные предприниматели так немногочисленны? В настоящей статье будут рассмотрены основные формы и стратегии предпринимательской деятельности в среде коренного населения округа.

В начале 2000-х годов на Чукотке пытались использовать опыт Аляски по развитию малого предпринимательства в селах. В округ приезжали специалисты, работающие с эскимосами. Многолетний зарубежный опыт показывал, что все предпринимательские проекты в национальных селах требуют стабильного финансирования,

беспроцентных займов, административной поддержки. Главное в них – поддержать различные формы занятости коренного населения. Американские коллеги наибольшие перспективы для аборигенных предпринимателей видели в развитии туризма. Для консультативной помощи в создании и продвижении начинающих бизнес идей в Анадыре было создано некоммерческое учреждение «Бизнес-центр Чукотки» (Бизнесмены из чукотской 2006: 43). Эта организация существует и по сей день, но, к сожалению, реальной точкой опоры для чукотского малого бизнеса она так и не стала. Причины этого в нехватке специалистов, их оторванности от территории (зачастую это приезжие люди, слабо знающие специфику региона), недостаточности финансирования, слабости и нежизнеспособности представляемых проектов.

Бизнес-центр Чукотки осуществлял два российско-американских проекта, направленных на поддержку малого предпринимательства в национальных селах Чукотки. Первый проект по переработке мяса морского зверя «Лорино», второй – по созданию станции технического обслуживания и ремонта алюминиевых лодок.

Проект «Лорино». В реализации этого проекта принимали участие Университет Анкориджа (США), Красный Крест Чукотки, Бизнес-центр Чукотки, муниципальное унитарное предприятие сельхозпроизводителей (МУП СХП) «КЭпэр» (организация ликвидирована в 2016 г.), морские зверобои Чукотского района. В 2004 г. с целью создания новых рабочих мест для коренных жителей и внедрения современных методов переработки продукции в с. Лорино Чукотского района было приобретено и установлено специальное оборудование, разработана рецептура и технология приготовления тушеного мяса моржа. В 2006 г. был зарегистрирован мини-завод по переработке мяса морзверя ООО «Лорино». Предприятие должно было заниматься переработкой мяса, сала-сырца, субпродуктов и костей морских ластоногих; получать качественные продукты переработки сырья для пищевых, кормовых и технических целей. На должность директора пригласили перспективного молодого специалиста, представителя КМНС. В 2009 г. производство перешло в СХП «КЭпэр», консервный цех стал одним из подразделений предприятия, в нем работало 10 специалистов. Цех занялся изготовлением тушенки трех видов – из мяса моржа, лахтака и акибы. Производительность консервного цеха – 600 банок тушенки за 8-часовую смену. На реализацию этого проекта были затрачены значительные средства, но запустить работу цеха на полную мощность так и не удалось по причине отсутствия спроса на продукцию, невозможности закрепить постоянного специалиста-технолога, проблем с рынком сбыта продукции (тушенку можно продавать только в пределах Чукотского АО, так как морж – краснокнижное животное), убыточности производства. Из интервью с жителем с. Лорино: «В Лорино консервный завод не пошел. Оборудование ржавое завезли. Да и коренным тушенка из морзверя зачем? Вопрос не изучили, а деньги вбухнули. Мясо морзверя очень быстро окисляется, нельзя его консервировать» (*Тишков и др.* 2016: 182). В одной из статей, упоминающих запуск завода в Лорино читаем, что «в данном случае администрация округа руководствуется тем, что самый эффективный способ поддержки МП в районах Севера – «дать в руки удочку» (*Часовской* 2009: 15–17). Однако опыт управления этим цехом показал, что одной «удочки» мало.

Второй проект, который курировал Бизнес-центр Чукотки, – по изготовлению и ремонту алюминиевых лодок в Чукотском районе, к сожалению, тоже был обречен на неудачу. В рамках этого проекта 10 коренных жителей сёл Лорино и Лаврентия были обучены на Аляске производству легких лодок для морзверобоев. Затем в с.

Лорино завезли оборудование, алюминиевые листы и начались пробные работы по строительству лодок. В полную силу верфь так и не заработала. Проект закрыли, хотя охотники отзывались о продукции весьма положительно.

В настоящее время идею строительства и ремонта лодок на Чукотке реализует ООО «Алеут». Специалисты занимаются изготовлением и ремонтом плавсредств для морских охотников прибрежных сел Чукотки. Это производство имеет особую важность для развития морзверобойного промысла – одного из основных видов деятельности коренного населения в регионе (*Морзверобои испытывают* 2018). Есть надежда, что этому ремеслу в перспективе обучат сельских жителей, чтобы они организовали и обслуживали ремонтные пункты.

Крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ). История создания фермерских хозяйств на Чукотке берет начало в середине 90-х годов XX в., когда оленеводческие совхозы были реорганизованы в фермерские хозяйства с разделом оленей, основных производственных фондов, техники на паи. Например, совхоз им. XXII съезда КПСС разделился на 5 хозяйств, совхоз «Омолон» – на 9. Ни руководители, ни тем более оленеводы, не владели теоретическими и практическими навыками по организации новых форм собственности, что привело к потере оленепоголовья и упадку отрасли (*Нувано, Етылин* 2000: 61–62). В начале 2000-х годов все выжившие оленеводческие хозяйства были реорганизованы в муниципальные унитарные предприятия (МУП) и практически все стадо находилось в муниципальной собственности. В отличие от других регионов, на Чукотке по-прежнему доминируют крупные государственные оленеводческие хозяйства. Только в 2016 г. было зарегистрировано первое фермерское хозяйство в оленеводстве (*Антонов и др.* 2018: 29).

В настоящее время в округе зарегистрировано 29 крестьянско-фермерских хозяйств. Там занимаются выращиванием плодовоовощной продукции в открытом и закрытом грунте, растениеводством, клеточным звероводством, свиноводством, птицеводством, оленеводством, переработкой рыбы и мяса и др. видами деятельности. Значительная часть КФХ поддерживается с помощью субсидий и грантов. Есть примеры успешных КФХ, есть и негативный опыт ведения фермерского хозяйства. Так, крестьянско-фермерское хозяйство Анатолия Чейвытегина занимается возрождением оленеводства в Мейныпильгынской тундре. В 2016 г. Окружная конкурсная комиссия выделила ему грант в размере 1,5 млн руб. для создания и развития фермерского оленеводческого хозяйства в с. Мейныпильгыно, утерянного во второй половине 1990-х гг. Кроме того, данное КФХ профинансировал и Департамент промышленной и сельскохозяйственной политики ЧАО, что позволило закупить предпринимателю оленей. Общий объем стада, приобретенный в МУП СХП «Канчалан» и «Хатырское», насчитывал 619 оленей. На полученные средства были закуплены: меховая палатка, снаряжение для 4-х оленеводов, горюче-смазочные материалы, снегоход и квадроцикл. К большому сожалению, представителей старшего поколения, которые могли бы передать молодежи навыки выпаса, отбивки и перегона оленей, выступить в роли наставников, сейчас в селе Мейныпильгыно уже фактически нет. Данное обстоятельство привело к тому, что за три года существования КФХ фермер практически утратил стадо. Кроме того, оленеводы испытывают постоянные трудности с доставкой продуктов питания на перевалбазу, так как в селе нет свободного транспорта. Переданная фермеру в безвозмездное пользование техника находится в нерабочем состоянии.

Несмотря на печальный опыт А. Чейвытегина, жители соседнего села Алькатваам хотят организовать свое крестьянско-фермерское оленеводческое хозяйство. Бригаду оленеводов может возглавить сын оленевода Григория Пелькинтина – Анатолий. Также планируется создание небольшой фермы по разведению северных оленей в селе Снежное. Новое КФХ, возможно, станет первым шагом к возрождению ликвидированного оленеводческого хозяйства.

В селе Омолон Билибинского района также существует КФХ. Руководитель хозяйства Владимир Етылин в 2018 г. получил финансовую поддержку окружного правительства и Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке (АРЧК). На первом этапе планируется закупить 20 лошадей в помощь оленеводам – 15 голов якутских племенных и 5 голов рабочей породы. На втором этапе запланировано создание небольшой фермы для крупного рогатого скота (на 3-5 коров), свинофермы и птичника для обеспечения нужд села. Завершающая стадия проекта – создание таежного оленеводческого стада на тысячу голов. Фермер хочет возродить в Омолоне эвенскую породу оленей. В планах руководителя омолонского хозяйства – создание кооперативов по всей Чукотке при поддержке местных властей и АРЧК. Вслед за пилотным проектом в Билибинском районе Етылин и его коллеги из фермерских хозяйств с. Омолон хотят организовать кооператив в селе Лаврентия. В. Етылин – специалист в области сельского хозяйства, авторитетный общественный деятель, своим примером он показывает землякам, что есть действительные возможности для самореализации. Наилучшие перспективы он видит в кооперации: «Сейчас создается много КФХ, но реализация продукции идет с трудом. Самостоятельно сельхозпроизводителям тяжело наладить сбыт. Например, очень остро стоит вопрос по доставке продукции морского промысла оленеводам, она есть в достаточном количестве, но доставить не могут. Поэтому надо развивать так называемую ветку кооперативов «восток – запад», чтобы обеспечивать снабжение оленеводов, в том числе. В Анадыре есть два действующих кооператива, новые создавать там не планируют, просто надо помогать им организационно и финансово – развивать инфраструктуру. Подспорьем для кооператоров может стать и программа «Дальневосточный гектар». В Омолоне сейчас семь хозяйств, которые могли бы объединиться в кооперативный союз. Кроме того, если гектары по соседству берут 20 фермеров, то по закону они получают право на государственную поддержку по подводу коммуникаций» (*Кооперация Чукотки* 2018).

На поддержку традиционных видов деятельности коренных народов Чукотки и развития фермерских хозяйств на период с 2019 по 2021 гг. в бюджете региона предусмотрено 4,7 млн рублей. Финансирование будет направлено на зарплаты оленеводам, покупку техники, пошив меховой одежды, наращивание поголовья северных оленей, поддержку племенного животноводства и стимулирование уничтожения волков на маршрутах оленеводческих бригад. В селе Лаврентия, городах Билибино и Певек планируют финансировать КФХ, которые занимаются птицеводством, овощеводством, рыболовством, пищевой перерабатывающей промышленностью и сбором дикоросов.

Общины коренных малочисленных народов Чукотки. В настоящее время одной из перспективных организационно-экономических форм деятельности коренного населения являются общины. На Чукотке в результате изменений в Федеральном законе «О рыболовстве», предоставлявших право на традиционное рыболовство только представителям коренных народов и их общинам, муниципальные сельхозпредпри-

ятия (МП СХП) потеряли право на получение квот на добычу морских животных. Поэтому в прибрежных селах на базе бывших МП СХП были созданы общины, для того чтобы получить квоты на добычу морских видов животных и обеспечить традиционное питание жителям сел.

На Чукотке действует 68 общин коренных малочисленных народов – семейно-родовые (СРО) и территориально-соседские общины (ТСО). Данная форма организации труда в полной мере позволяет населению поддерживать традиционный образ жизни (тундровое и таежное оленеводство, морзверобойный промысел, рыболовство, сбор дикоросов и пр.) и обеспечить себя официальной работой и стабильным заработком. Опросы населения показали, что общинный принцип организации труда им близок.

Девять ТСО занимаются морским зверобойным промыслом, в них работает около 300 чел. Территориально-соседские общины КМНС Чукотки «Лорино» (с. Лорино, Чукотский район) и «Дауркин» (с. Лаврентия, Чукотский район) являются примером успешного развития традиционного промысла в современных условиях. Общины кроме непосредственного промысла моржей, лахтаков, нерп, китов занимаются сопутствующими видами деятельности: заготовкой нерпичьих и лахтачьих шкур, заготовкой и продажей моржовой кости; применяют новые технологии при хранении мяса морских животных (использование вакуумной упаковки, современных морозильных камер). В общине «Лорино» ее председателем Алексеем Оттоем была организована косторезная мастерская, что позволило увеличить доходы работников. Общины, получая государственную поддержку в виде субсидий, с одной стороны, и зарабатывая собственные средства – с другой, имеют возможность тратить их на дальнейшее развитие (ПМА 1: Оттой). Принимая во внимание положительный опыт ТСО «Лорино», именно для этой общины приобрели скороморозильный плиточный аппарат стоимостью 3 млн руб., производственные помещения общин «Лорино», «Чаплино» оснащены ветряными генераторами и солнечными батареями для уменьшения затрат на коммунальные услуги (*Современное состояние* 2018: 18).

В рамках реализации госпрограммы «Развитие агропромышленного комплекса Чукотского автономного округа на 2014–2020 годы» ТСО «Дауркин» в 2018 г. получила девять новых лодок для морзверобоев. Шесть лодок производства ООО «Алеут» поставлены для морских охотников сёл Лорино, Сиреники, Новое Чаплино, Янракыннот и Уэлькаль. За счет средств гранта некоммерческого фонда «Купол» и собственных средств ТСО «Дауркин» приобретены цех по ремонту плавсредств, холодильные камеры для хранения продукции емкостью 5 тонн, два бульдозера на базе трактора ДТ-45.

Для ТСО «Лорино» осенью 2018 г. на средства госпрограммы по поддержке морзверобойного промысла в Чукотском автономном округе приобрели оборудование для цеха по переработке жира морских животных. Стоимость проекта – около 5,5 млн руб. В настоящее время осуществляется установка программного обеспечения на модулях и проверка оборудования. В собственность общины передано два модуля для переработки жира морзверя на 700 и 200 л, укомплектованные необходимым для работы оборудованием, инвентарем и расходными материалами. В 20-футовом контейнере, выполненном по технологии термоса, находятся котел для плавки жира, разделочные и упаковочные столы, стеллаж для готовой продукции и умывальник с функцией подогрева воды. Здесь же предусмотрено техническое помещение для переодевания персонала, а также шкаф для хранения инвентаря и мини-мойки. На этом оборудовании планируется перерабатывать жир морских млекопитающих –

лахтака, кита, моржа. Первый полученный продукт будет отправлен в Москву для проведения исследований и получения одобрения на сбыт. Полученный жир может быть востребован в парфюмерной и фармацевтической промышленности.

В результате создания береговой производственной инфраструктуры в 14 национальных сёлах округа для общин, занимающихся морским зверобойным промыслом, решена задача по обеспечению коренного населения пищевой продукцией. Ежегодно промысловиками для населения добывается более 600 т мяса морзверя (Николаев 2017: 16).

Отдельного внимания требуют общины КМНС, которые были созданы для занятия рыболовством. В последние годы наблюдается резкий рост числа территориально-соседских и родовых общин КМНС на Чукотке (в 2014 г. – 19, в 2019 г. – 68). Большинство из них находятся на территории Анадырского района (15 общин). С 2016 г. общины коренных жителей должны рыбачить только на оформленных промысловых участках. Но далеко не все общины способны выдержать конкуренцию с рыбодобывающими компаниями. Многие общины не допускаются к конкурсам по распределению водных участков для традиционного рыболовства. Причина заключается в нарушении правил оформления конкурсных заявок для получения рыбопромыслового участка на территории Анадырского района (с целью осуществления рыболовства и обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности). Так, в мае 2018 г. из 20 заявленных участков распределили только восемь. Двенадцать участков остались не распределенными, потому что общины не смогли должным образом заполнить нужные документы (На Чукотке 2018). Кроме того, договор о предоставлении рыбопромыслового участка налагает на общинников серьезную ответственность: необходимо подавать отчеты о добыче (вылове) анадромных видов рыб каждые 5 дней, на остальные виды рыб – каждые 15 дней. Также необходимо следить за соблюдением чистоты и порядка на предоставленном участке. Для координации деятельности общин и оказания консультативной помощи в решении административных проблем была создана Региональная ассоциация общин коренных малочисленных народов Чукотки, в настоящее время в нее входит только 21 община. Одна из главных задач ассоциации – создание механизма деятельности и защиты общин КМНЧ, поддержка добросовестных общинников.

Сельское и городское предпринимательство. Андрей Морозов, житель с. Ваеги Анадырского района, стал индивидуальным предпринимателем в 2014 г. с целью изготовления и реализации в округе традиционных чукотских нартов. Нарты до сих пор активно используют оленеводы по всей Чукотке, несмотря на то, что снегоходная техника прочно вошла в быт коренного населения. Лучшие мастера проживают в южной части Чукотки (граница Билибинского и Анадырского районов, где есть лес). В Ваегах существует давняя традиция изготовления транспортного инвентаря, ваежские нарты считаются одними из самых надежных. Поэтому предприниматель рассчитывал на стабильный спрос на свою продукцию. В 2018 г. проект мастера был поддержан и профинансирован Фондом социального развития «Купол». За все время своей предпринимательской деятельности А. Морозову удалось изготовить и реализовать 16 нартов. Для оленеводческих хозяйств стоимость нарты в 60 тыс. руб. оказалась очень высокой. После приобретения на конкурсные средства снегохода, предприниматель снизил цену до 48 тыс. руб. Но ситуация со сбытом в лучшую сторону не изменилась. По словам предпринимателя, ему обещали включение в го-

сударственную программу по ездовому оленеводству, но этого так и не случилось из-за экономического кризиса. До настоящего времени стабильного дохода от предпринимательской деятельности он так и не получает (ПМА 2: Морозов).

В 2017 г. одно из КФХ Чукотки получило государственную поддержку на приобретение теплицы. Комплекующие тепличного комплекса были закуплены предпринимателем в г. Хабаровске, доставлены до г. Анадыря, но до села Ваеги, где должна располагаться теплица, груз так и не дошел из-за отсутствия денежных средств у предпринимателя (масса груза около 12 т, а стоимость 1 кг веса по авиа-тарифу – варьируется от 50 до 100 руб.). В этом случае причина неудачи проекта кроется, прежде всего, в непродуманности всех деталей бизнес-плана: предусмотрели средства на покупку теплицы, но сложности доставки в национальное село не учли.

В 2018 г. в селе Кепервеем Билибинского района индивидуальным предпринимателем В.В. Ситаровой был открыт мини-цех по выпуску меховой продукции «Недеса». Предприниматель имела собственные средства (214 тыс. руб.), выиграла грант фонда «Купол» на приобретение оборудования (1,5 млн руб.), получила средства от департамента финансов, экономики и имущественных отношений ЧАО (500 тыс. руб.) и администрации Билибинского района (150 тыс. руб.). Сотрудники Фонда развития Чукотки помогли разработать детальный бизнес-план, маркетинговую и рекламную стратегии, предложили меры по содействию в сертификации продукции, что позволит выйти на рынки других регионов. Предпринимателю также помогут разработать собственную страницу на YouTube, принять участие в ярмарочно-выставочных мероприятиях и выпустить рекламные буклеты для продвижения своего производства. Такая весомая поддержка помогла В. Ситаровой открыть предприятие с современным оборудованием и снизить потребность в кредитах. На предприятии производят выделку шкур оленей, росомах, песцов, волков и соболей, шьют одежду для оленеводов и охотников, кукули, обувь из камуса, меховые палатки и головные уборы, сувениры, занимаются ремонтом и чисткой меховой одежды. Предприниматель имеет опыт пошива меховых изделий, в советские годы она работала в меховой мастерской совхоза «Вперед». Сейчас эта ниша практически никем не занята, если не считать немногочисленных мастериц, работающих на дому. Потребности округа в меховой одежде довольно высокие, как у населения, так и у оленеводческих и промысловых предприятий. Предприниматель планирует закупать сырье у охотников и у оленеводческих и в хозяйствах Билибинского района (*Арсенал бизнес-поддержки* 2018).

Индивидуальный предприниматель, резидент промышленного парка «Анадырь» Александр Оратчек в 2018 г. заключил соглашение с АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (АО «КРДВ») и стал резидентом ТОР «Беринговский» (в настоящее время – ТОР «Чукотка»). Он планирует построить рыбоперерабатывающий завод, производить свежемороженную рыбу лососёвых пород и солёную икру. Выпуск первой продукции запланирован на конец 2019 г. В рамках проекта планируется создать шесть рабочих мест. Общий объем финансирования проекта составляет порядка 5,5 млн. рублей, включая заемные деньги и собственные средства предпринимателя (*На базе* 2018). В случае успеха проекта, А. Оратчек станет первым коренным жителем в округе – владельцем рыбоперерабатывающего предприятия.

Занятие розничной торговлей – один самых распространенных видов предпринимательской деятельности в округе. Один из информантов, владелец магазинов в национальном селе и в г. Анадыре отмечает, что административных препонов никто

не чинит, кредиты от банков предприниматели получают без труда, региональные власти компенсируют расходы на электроэнергию, тепло. При этом сельские предприниматели сетуют на трудности с доставкой товаров в навигационный период, на нежелание некоторых региональных поставщиков продуктов работать с «мелкими частниками». Некоторые, отвечая на вопрос, как долго они собираются заниматься торговлей, отвечают, что благодаря торговле копят средства для того, чтобы приобрести оборудование для переработки рыбы, копильного цеха или открыть пizzeria, чебуречную и пр. (МПА 3: Захарченко).

Примеры наиболее успешной предпринимательской деятельности коренных жителей связаны со сферой услуг в городах. Так, в Анадыре, Билибино, Певеке работают несколько парикмахеров, специалистов ногтевого сервиса; предприниматели занимаются частным извозом (услуги такси, грузоперевозки), несколько лет успешно работает клининговая компания; открылись несколько кофеин. Так, предприниматель В. Гомозова, владелица клинингового центра «Сервис Чистоты» в г. Анадыре, планирует расширить бизнес и создать мини-химчистку. Такого рода бытовые услуги не оказываются на Чукотке с 1990-х годов, с момента упразднения Райбыткомбината, и очень востребованы населением. Несколько лет назад у Виктории Гомозовой была идея создания в г. Анадыре теплицы по выращиванию зелени, но проект оказался дорогостоящим и не был реализован (ПМА 4: Гомозова).

Народные художественные промыслы. Коренные жители Чукотки – прекрасные мастера в области декоративно-прикладного искусства (ДПИ). Художественные произведения из моржового клыка, китового уса, рога оленя и лося, изделия из меха и кожи, из бисера, с применением традиционных видов вышивки и аппликации высоко ценятся знатоками искусства. У чукотских и эскимосских мастеров существуют давние стилевые традиции, до настоящего времени сохранилась своя косторезная школа, известная на весь мир Уэленская косторезная мастерская. В косторезной мастерской Уэлена и в ее филиалах в соседних поселках на протяжении многих лет работал большой творческий коллектив, который воплощал в художественных изделиях ключевые черты традиционного искусства чукчей и эскимосов. В этот коллектив входили десятки местных народных художников (Бронштейн 2016: 132). В 2010 г. большую часть резчиков и граверов Уэленской косторезной мастерской перевели на новую форму организации художественной деятельности – индивидуальное предпринимательство. На данный момент в штате вновь созданного Центра развития народных промыслов «Уэленская косторезная мастерская» осталось только пять мастеров (Уэленская косторезная 2019). Перевод мастерской на рыночные рельсы осуществлялся с вполне рациональной целью: «Возможность самостоятельно планировать рабочее время имеет большое значение для народных художников, особенно в весенне-летний период, когда мужчинам необходимо ежедневно выходить в море на охоту, а женщинам собирать в тундре травы и корни на зиму» (Народные художественные 2019). По факту, в настоящее время в с. Уэлен зарегистрировано шесть мастеров – индивидуальных предпринимателей, в Лаврентия – пять, ни в Нешкане, ни в Инчоуне официально предпринимательством в сфере ДПИ не занимаются. При этом в Базе данных мастеров Чукотского автономного округа за 2013 год числится 87 мастеров ДПИ в Чукотском районе (База данных 2013). Всего на Чукотке, по данным Департамента образования, культуры и спорта ЧАО насчитывается около 300 мастеров народных художественных промыслов (точная статистика велась до

2013 г.). Мастера не стремятся регистрировать ИП в силу нескольких причин и, в первую очередь, из-за сложности с самой регистрацией. On-line регистрации препятствует низкое качество или отсутствие интернета в национальных селах, а поездка в окружную столицу обходится слишком дорого, после регистрации возникает обязательство по предоставлению налоговой и иной отчетности, а также по уплате обязательных платежей во внебюджетные фонды (ПФР, ФОМС и ФСС), затраты на приобретение контрольно-кассовой техники и другие трудности.

У мастеров существуют проблемы с приобретением сырья. Несколько лет назад стоимость моржового клыка поднялась до 17 тыс. руб. за 1 кг, что отразилось на цене готовых изделий. В настоящее время цены на данное сырье стабилизировались (цена за кг в 2018 г. варьировалась в пределах 6 тыс. руб.). В дефиците местное кожевенно-меховое сырье с качественной выделкой.

Специалисты обозначили и еще одну проблему, связанную с качеством современных художественных изделий. С одной стороны, значительно расширилась география чукотских мастеров – они работают в Анадыре, Providения, Эгвекиноте, Билибино, в национальных селах. С другой, многие художники, резчики и граверы, перейдя на коммерческие рельсы, снизили качество своих изделий (*Бронштейн* 2016: 135). Приведем мнение путешественника, посетившего Уэлен в 2015 г.: «Все меньше сегодня создается шедевров. Мастера ориентированы на клиента. А клиент не готов в массовом порядке покупать шедевры, ему нужны дешевые сувениры. И потихоньку промысел хиреет. Все меньше остается мастеров, которые вырезают оригинальные сюжеты из жизни морских охотников и оленеводов, все больше появляется реплик на знаменитые авторские темы мастеров прошлого» (*Путешествие на мыс* 2015).

В последние годы в г. Анадыре регулярно проводятся выставки-ярмарки мастеров. Авторы сотрудничают с сувенир-холлом «Эскимосский мяч» Музейного центра «Наследие Чукотки», с сувенирной лавкой торгового центра «Новомариинский», с художественной галереей «Кайныран», в которых демонстрируются и реализуются их работы.

Этно-туризм. Специалисты в области туриндустрии отмечают, что у Чукотки имеются все возможности для развития туризма, однако в настоящее время этот сегмент занимает 1% в структуре экономики региона. В Чукотском АО осуществляют деятельность три туристические компании, специализирующиеся на въездном туризме: ООО «Чукотка – Дискавери» (Анадырь), ООО «Кутхтрел» (Анадырь), ООО «Чукотское бюро путешествий» (Анадырь). Компании занимаются организацией и сопровождением эксклюзивных индивидуальных и групповых приключенческих, спортивных, этнографических туров. ООО «Пасифик Нетворк» (Петропавловск-Камчатский) и ООО Тревел Пасифик (г. Елизово) организуют круизные туры для иностранных туристов. Побережье Чукотского полуострова ежегодно посещают круизные суда с американскими, канадскими, новозеландскими и российскими туристами на борту. Путешествуя вдоль побережья, туристы имеют возможность высадиться на острова Аракамчечен, Ыттыгран, Ратманова, Врангеля и мыс Дежнева, увидеть уникальные природные и культурные памятники (Китовая аллея, Лоринские горячие ключи и др.), посетить прибрежные поселки. Так, практически каждое лето жители с. Уэлен (Чукотский район) принимают у себя круизные суда. Для туристов на берегу организуют концерты сельского фольклорного ансамбля, выставки-продажи предметов декоративно-прикладного искусства, дегустации традиционных блюд.

Несмотря на высокую стоимость туров, слабую инфраструктуру гостеприимства (мало средств размещения, особенно в поселках, точек общественного питания, ограниченность пакета экскурсионных услуг и др.), специалисты отмечают, что у региона есть все возможности для существенного увеличения турпотока. В июне 2018 г. на всей территории Чукотки была отменена пограничная зона (за исключением островов Ратманова, Врангеля, Геральд) для российских граждан. Для иностранцев ЧАО остается территорией с регламентированным посещением.

При всем этом, сложно оценить степень влияния развития сферы туристских услуг на коренных жителей округа, так как туркомпании редко привлекают их для реализации туров, работа носит разовый и сезонный характер, не приносит людям стабильного дохода. До настоящего времени в округе не зарегистрировано ни одного аборигенного предпринимателя, сфера деятельности которого напрямую связана с туризмом. Туризм, как сфера бизнеса населения Чукотки, до сих пор остается только далекой перспективой.

Заключение. Малое предпринимательство среди коренных жителей Чукотки до настоящего времени не получило широкого распространения. Как и в других северных регионах, частная инициатива на этой территории в силу многих обстоятельств развивается слабо. Одна из важнейших причин – особенности менталитета. Среди народов Севера традиции предпринимательства были сильны лишь в части обмена продуктов оленеводства и морского зверобойного промысла на товары российских купцов и американских торговцев, а также обмена товарами с соседями. Чаще всего такие люди выступали в качестве посредников, управляющих у приезжих предпринимателей. Формы частной кооперации, фермерства, ремесла также не нашли среди коренных жителей серьезного развития. Традиционное хозяйствование предполагает коллективные формы деятельности, тогда как предпринимательство заставляет нести индивидуальные риски. Многие люди, первоначально загоревшись идеей, не выдерживают трудностей и быстро бросают задуманное. Надо сказать, что с подобными проблемами легче справляется молодежь. Кроме того, коренное население проживает преимущественно в сельской местности, что сильно сужает возможные виды предпринимательской деятельности.

Аборигенное предпринимательство, сопряженное с традиционной хозяйственной деятельностью, успешно развивается в тех районах, где оно накладывается на исторически сложившийся тип природопользования – например, самое большое число действующих территориально-соседских общин находится в Чукотском и Провиденском районах (Восточная Чукотка – родина морских зверобоев), образованных оленеводческих крестьянско-фермерских хозяйств – в Билибинском и Анадырском районах (территории, благоприятные для развития оленеводства), действующих семейно-родовых общин – в Анадырском районе (где есть наиболее комфортные условия для рыбного промысла).

Одна из тенденций, которая усматривается в аборигенном предпринимательстве Чукотки – снижение индивидуальных рисков путем закрытия ИП и создания ТСО и СРО. Индивидуальный предприниматель, даже если он не получил доход и у него нет обязанностей по уплате налога, должен произвести отчисления во внебюджетные фонды (за 2018 г. эта сумма составляла свыше 30 тыс. руб.). Общины, у которых нет наемных работников (общинники – семья, родственники), от вышеуказанных платежей освобождены. Многие предприниматели сделали выбор в пользу общинных форм хозяйствования (регистрации юридического лица) для снижения финансовой нагрузки и иных рисков.

Устойчивые темпы развития демонстрируют бизнес-структуры, осуществляющие деятельность в сфере розничной торговли, предоставления бытовых и иных услуг. Отчасти это объясняется тем, что данная категория предпринимателей имеет доступ к государственным муниципальным контрактам, что обеспечивает им стабильное финансирование и гарантированные рынки сбыта. Есть положительные примеры ведения семейного бизнеса. Например, индивидуальный предприниматель, предоставляет услуги по ремонту офисов и квартир, его супруга ведет бухгалтерию, брат и племянник работают в его строительной бригаде. Или, мать держит сувенирную лавку, в которой в числе других реализуются художественные изделия сына. Мастерицам, занимающимся пошивом меховых изделий и сувениров, как правило, помогают дочери и внучки. Такая семейная кооперация дает возможность предпринимателям «удержаться на плаву», сэкономить на найме дополнительных работников.

Общины и крестьянско-фермерские хозяйства, удаленные от крупных населенных пунктов, в свою очередь, ограничены в рынках сбыта, в силу того что производимые продукты промысла предназначены для внутреннего потребления аборигенного населения (мясо морзверя, рыба, оленина, дикоросы). Кроме того, по ряду наименований продукции существуют законодательные ограничения на коммерческую продажу (например, на мясо, шкуры краснокнижных видов животных). Вместе с тем, и администрация округа и руководители хозяйствующих субъектов едины во мнении: для роста экономической прибыли от традиционного природопользования и увеличения собственных доходов необходимо дальнейшее внедрение глубокой переработки продукции (внедрение современных убойных пунктов, разделочных комплексов, высокотехнологичной переработки продуктов и пр.), новых технологий организации труда.

Поступательное развитие малого предпринимательства, бизнес-среды, формирование новых рынков на территории округа возможно только в условиях постоянной поддержки и координации со стороны региональных и муниципальных властей. Необходимо активнее вовлекать коренное население в предпринимательскую деятельность, при этом оказывать действенную административную и финансовую помощь.

Несмотря на многочисленные трудности, развитие различных форм аборигенного предпринимательства в сфере торговли и услуг, фермерско-крестьянских хозяйств, территориально-соседских и семейных (родовых) общин и других альтернатив в виде коопераций, при серьезной государственной поддержке начинающих свой бизнес, свидетельствует о том, что у коренных жителей Чукотки есть возможности для адаптации к современной рыночной экономике.

Источники

Арсенал бизнес-поддержки 2019 – Арсенал бизнес-поддержки под единым брендом. Доступ: <https://www.eastrussia.ru/material/arsenal-biznes-podderzhki-pod-edinym-brendom> (дата обращения 17.03.2019).

База данных 2013 – База данных мастеров народных художественных промыслов за 2013 г. Доступ: <http://remeslachukotki.edu87.ru/2014-09-25-17-53-35/66-2013/1462013> (дата обращения: 15.03.2019).

Кооперация Чукотки 2019 – Кооперация Чукотки получит второе дыхание. Доступ: <https://prochukotku.ru/20180507/5978.html#sthash.СЕТКyJmz.dpuf> (дата обращения: 01.03.2019).

Морзверобои испытают 2019 – Морзверобои испытают лодки в деле. Доступ: <http://www.ks87.ru/20/28/8174.html> (дата обращения: 10.03.2019).

Народные художественные промыслы 2018 – Народные художественные промыслы Чукот-

- ки. Доступ: <http://remeslachukotki.edu87.ru/history-uelen-bone-carving-workshop> (дата обращения: 15.03.2018).
- На базе Чукотской 2019* – На базе Чукотской ТОР построят рыбоперерабатывающий завод. Доступ: <https://prochukotku.ru/20181224/7684.html#sthash.SRb6Tncz.dpuf> (дата обращения: 02.03.2019).
- На Чукотке распределили 2019* – На Чукотке распределили восемь участков для традиционного рыболовства. Доступ: <http://rusfishjournal.ru/news/8-plots/> (дата обращения: 12.03.2019).
- Современное состояние 2018* – Современное состояние агропромышленного комплекса Чукотского автономного округа. Отчет Департамента сельскохозяйственной и промышленной политики ЧАО, 2018 г.
- Поддержка предпринимательства 2019* – Поддержка предпринимательства и инвестиционных проектов на территории ЧАО. Доступ: <http://narodychukotki.ru/attachments/article/633/> (дата обращения: 02.03.2019).
- Путешествие на мыс Дежнёва 2019* – Путешествие на мыс Дежнёва. Доступ: <https://basovchukotka.livejournal.com/141069.html> (дата обращения: 02.03.2019).
- ПМА 1 2013 – ПМА 1 – Полевые материалы автора. Интервью с информантами – индивидуальными предпринимателями: Чукотский район, с. Лорино, декабрь 2013 г. (Оттой А.А.).
- ПМА 2 2019 – ПМА 2 – Полевые материалы автора. Интервью с информантами – индивидуальными предпринимателями: г. Анадырь, октябрь 2017 г, март 2019 г. (Морозов А.О.).
- ПМА 3 2019 – ПМА 3 – Полевые материалы автора. Интервью с информантами – индивидуальными предпринимателями: Анадырский район, с. Усть-Белая, март 2019 г. (Захарченко Т.А.).
- ПМА 4 2014 – ПМА 4 – Полевые материалы автора. Интервью с информантами – индивидуальными предпринимателями: Билибинский район, г. Билибино, сентябрь 2014 г. (Гомозова В.А.).
- Уэленская косторезная мастерская 2019* – Уэленская косторезная мастерская. Доступ: <http://xn--j1aet.ru.com/page-meet-the-team/> (дата обращения: 15.03.2019).
- Численность населения 2019* – Численность населения Чукотского автономного округа. Доступ: <http://xn--80atarud1a.xn--p1ai/naselenie/ch-nasel-chao.php> (дата обращения: 05.03.2019).

Литература

- Антонов, Литвиненко, Нувано 2018 – Антонов Е.В., Литвиненко Т.В., Нувано В.Н. Полимасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутренние и локальные различия // *Известия РАН. Серия географическая*, 2018. № 5. С. 21–35. DOI: 10.1134/S2587556618050035
- Бизнесмены из чукотской глубинки 2006* – Бизнесмены из чукотской глубинки // *Российский Красный Крест*, 2006. № 5. С. 42–53.
- Богданова 2006 – Богданова Т.И. *Организационно-экономический механизм поддержки предпринимательской деятельности коренных малочисленных народов Севера (на примере Камчатской области)*. Автореферат диссертации на соиск. ученой степени канд. эконом. наук. Москва, 2006. 30 с.
- Богданова 2017 – Богданова Т.И. Развитие и поддержка малых форм предпринимательства коренных малочисленных народов Севера Камчатки // *Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. Материалы Шестой международной научно-практической конференции «Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами»* / отв. ред. Н.Г. Клочкова. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2017. С. 13–17.
- Бронштейн, Карахан, Чубарова 2016 – Бронштейн М.М., Карахан И.Л., Чубарова Л.И. «Уэленский феномен» // *Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12-14 апреля 2016 г.* / Отв. ред. М.М. Бронштейн. Москва, 2016. Вып. 1. С. 130–137.
- Максимов, Уханова, Смак 2018 – Максимов А.М., Уханова А.В., Смак Т.С. Социокультурные

- и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в Российской Арктике // *Арктика и Север*, 2018. № 33. С. 157–177.
- Мешалкин, Виноградова, Жужгина 2017 – Мешалкин В.П., Виноградова А.В., Жужгина И.А. Обеспечение развития системы малого предпринимательства Арктики // *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 2017. № 3. С. 198–209.
- Николаев 2017 – Николаев Л.А. Сельскохозяйственный потенциал Чукотского автономного округа // *Аналитический вестник*, 2017. № 28. С. 14–17.
- Никулкина, Сукнева, Луковцева 2014 – Никулкина И.В., Сукнева С.А., Луковцева А.С. Налоговые инструменты стимулирования малого предпринимательства коренных малочисленных народов Российской Арктики // *Экономика. Налоги. Право*, 2014. № 6. С. 111–115.
- Нувано, Етылин 2000 – Нувано В., Етылин О. Оленеводство Чукотки в период перестройки экономических отношений // *Новости оленеводства. Информационный общественно-научный бюллетень*, 2000. № 4. С. 61–69.
- Пилясов 2015 – Пилясов А.Н. Арктическое предпринимательство: сущность, оценка ситуации 2014 года и меры поддержки // *Современные производительные силы*, 2015. № 3. С. 133–142.
- Тишков 2016 – Тишков В.А. (отв. ред.) *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Часовской 2009 – Часовской В.П. Проблемы развития малого предпринимательства в районах Крайнего Севера // *Транспортное дело России*, 2009. № 11. С. 15–17.

References

- Antonov, E.V., T.V. Litvinenko, and V.N. Nuvano. 2018. Polimasshtabnyi analiz dinamiki domashnego oленеводства v arkticheskikh regionakh: territorial'nye sdvigi, vnutrennie i lokal'nye razlichii [Multiscale analysis of domestic reindeer breeding dynamics in the Arctic regions: territorial shifts, intraregional and local differences]. *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaya* 5: 21–35. <https://doi.org/10.1134/S2587556618050035>
2006. Biznesmeny iz chukotskoi glubinki [Businessmen from the Chukchi remote place]. *Rossiiskii Krasnyi Krest* 5: 42–53.
- Bogdanova, T.I. 2006. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm podderzhki predprinimatel'skoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa (na primere Kamchatskoi oblasti) [The organizational and economic mechanism of support of business activity of indigenous ethnic groups of the North (on the example of the Kamchatka region)]. PhD diss., Moscow State University of service.
- Bogdanova, T.I. 2017. Razvitie i podderzhka malykh form predprinimatel'stva korennykh malochislennykh narodov Severa Kamchatki. In *Razvitie teorii i praktiki upravleniia sotsial'nymi i ekonomicheskimi sistemami. Materialy Shestoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Razvitie teorii i praktiki upravleniia sotsial'nymi i ekonomicheskimi sistemami»*. [Development and support of small enterprises of indigenous minorities in Kamchatka. Development of the theory and practice of management of social and economic systems. Proceedings of the Sixth international scientific and practical conference «Development of the theory and practice of management of social and economic systems»], edited by N.G. Klochkova. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Pp. 13–17.
- Bronshtein, M.M., I.L. Karakhan, and L.I. Chubarova. 2016. «Uelenskii fenomen». In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniia. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii v Anadyre, 12-14 apreliia 2016 g.* [«Uelen phenomenon». Safeguard and ensure. Cultural heritage of Chukotka: prospects in protection and conservation. Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12-14 April, 2016], edited by M.M. Bronshtein. Moscow. Pp. 130–137.
- Maksimov, A.M., A.V. Ukhanova, and T.S. Smak. 2018. Sotsiokul'turnye i sotsial'no-psikhologicheskie faktory predprinimatel'skogo potentsiala v Rossiiskoi Arktike [Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic].

- chological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* 33: 157–177.
- Meshalkin, V.P., A.V. Vinogradova, and I.A. Zhuzhgina. 2017. Obespechenie razvitiia sistemy malogo predprinimatel'stva Arktiki [Development of system of small businesses in the Arctic]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka* 3: 198–209.
- Nikolaev, L.A. 2017. Sel'skokhoziaistvennyi potentsial Chukotskogo avtonomnogo okruga [Agricultural capacity of Chukotka Autonomous Area]. *Analiticheskii vestnik* 28: 14–17.
- Nikulkina, I.V., S.A. Sukneva, and A.S. Lukovtseva. 2014. Nalogovye instrumenty stimulirovaniia malogo predprinimatel'stva korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Arktiki [Tax instruments of stimulation of small business of indigenous ethnic groups of the Russian Arctic]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* 6: 111–115.
- Nuvano, V., and O. Etylin. 2000. Olenevodstvo Chukotki v period perestroiki ekonomicheskikh otshosenii [Reindeer breeding of Chukotka during reorganization of the economic relations]. *Novosti olenevodstva. Informatsionnyi obshchestvenno-nauchnyi biulleten'* 4: 61–69.
- Piliasov, A.N. 2015. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: sushchnost', otsenka situatsii 2014 goda i mery podderzhki [Arctic business: essence, assessment of the situation of 2014 and measure of support]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* 3: 133–142.
- Tishkov, V.A., O.P. Kolomiets, N.I. Novikova, E.A. Pivneva, and A.N. Terekhina. 2016. Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie [The Russian Arctic: The Indigenous Peoples and the Industrial Development]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 272 p.
- Chasovskoi, V.P. 2009. Problemy razvitiia malogo predprinimatel'stva v raionakh Krainego Severa [Problems of development of small business in the region of the Far North]. *Transportnoe delo Rossii* 11: 15–17.

Oksana P. Kolomiets. Business in Chukotka: modern forms of entrepreneurship of the indigenous people of the Chukotian Autonomous Region

The article discusses the forms of business activities that have been common among the indigenous people of Chukotka since the beginning of the 2000s. It is important to study how the opportunities for the development of small business and self-employment are realized in practice. Currently 993 legal entities are registered in the district, 68 of them are tribal or territorially-neighboring communities of the indigenous peoples of Chukotka, 29 of them are peasant farms; of 1162 individual entrepreneurs 100 are entrepreneurs from among the indigenous people of Chukotka. The area of business in which indigenous people who live in both rural areas and Chukotka cities can be realized is micro-enterprises. On the territory of the region there are special state and private programs to support small business, but the difficulties for Chukchi businessmen do not become less. The main problems identified are the high cost of delivering goods (for rural entrepreneurs airline fares are unbearable), high utility rates, the lack of stable sales markets for goods and services produced, the low level of economic knowledge required for conducting financial and economic activities and reporting to government bodies.

At the same time further development of the region is not possible without the development of a private initiative in the field of traditional environmental management, without the mandatory use of new waste-free technologies for the processing of reindeer products, marine hunting, fishing, hunting, for the so-called «community» business; production of souvenirs of leather, bone walrus, whales, deer horns; tailoring and repair of fur products; development of modern ethno-design; transportation services; daytime employment services for children; construction and repair work; personal services; catering; tourist services.

This article is intended to attract scientific and public interest to this issue.

Keywords: Chukotka, indigenous people, forms of entrepreneurship, traditional environmental management, modern technologies.

© Е.П. Мартынова

АБОРИГЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ

В статье рассматривается история появления и развития предпринимательства в Северном Приобье среди ненцев, хантов и манси. Автор называет его аборигенным и указывает, что понимает его как экономическую деятельность, приносящую прибыль от выполнения работ, связанных непосредственно с традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) или от продажи продукции этих отраслей. Источниковой базой послужили полевые материалы автора, полученные в ходе многолетних полевых исследований (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 гг.) в разных районах ХМАО-Югры и ЯНАО.

Представленные в статье материалы показывают, что в Северном Приобье развиваются два вида аборигенного предпринимательства – институциональное и неформальное. Первое представлено общинами КМНС (родовыми или национальными) и фермерскими крестьянскими хозяйствами. В их организации заметна социальная направленность: общины, прежде всего, являются местом работы для рыболовов и оленеводов. Общинное предпринимательство поддерживаются органами власти на окружном и районном уровне через систему субсидий и грантов. Доходы большинства общинников невелики, что вынуждает их искать дополнительные возможности для заработка. Структура общин КМНС во многом основывается на родственных связях.

Неформальное аборигенное предпринимательство стихийно возникло в кризисные 1990-е годы и до сих пор не сдает своих позиций, поскольку обеспечивает основной доход семьям оленеводов-частников и рыболовов. В результате такого аборигенного бизнеса формируются довольно устойчивые клиентские сети, способствующие социальной интеграции местных сообществ. Такое предпринимательство приносит более высокие доходы, по сравнению с узаконенным формальным, несмотря на отсутствие поддержки «сверху» от властей. Это во многом способствует его устойчивости в северных суровых условиях, где рынок сбыта невелик. Риск быть обманутыми не является препятствием для развития подобного бизнеса.

Границы между институциональной и неформальной экономикой на Севере проницаемы и подвижны. Оленевод-частник может быть членом родовой общины, а после выполнения минимальной нормы сдачи продукции тра-

Мартынова Елена Петровна – д.и.н., профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Тула, проспект Ленина, 125). Эл. почта: ep_martynova@mail.ru. **Martynova Elena P.** – Tula State Pedagogical University (Russian Federation, Tula, Lenin Avenue, 125). E-mail: ep_martynova@mail.ru.

*Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

диционных отраслей выступать как самостоятельный бизнесмен, реализуя продукцию через своих клиентов или приезжих коммерсантов. То же самое можно сказать про членов рыболовецких общин. Переплетение институционального и неформального предпринимательства образует сложную сеть социально-экономического взаимодействия в местных сообществах.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, аборигены, Северное Приобье, экономика, предпринимательство, родовые общины, сбыт продукции.*

Введение

К изучению арктического предпринимательства ученые обратились недавно. Анализируя этот специфичный феномен в северных регионах РФ, исследователи обратили внимание, что развиваясь в очень жестких внешних условиях, он имеет определенные особенности. Это императив на инновационный поиск, диалектика крупных организаций и малого бизнеса, социальная значимость, квазигосударственный характер деятельности (зависимость от государственной и муниципальной поддержки). Кроме того, рынок товаров и услуг в Арктике ограничен редкой сетью населенных пунктов (Пилясов, Замятина 2016). Особое место среди арктического предпринимательства занимает аборигенное, анализу которого посвящена данная статья. Под термином «аборигенное предпринимательство» автор понимает экономическую деятельность, приносящую прибыль от выполнения работ, связанных непосредственно с традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) или от продажи продукции этих отраслей. Источниковой базой послужили полевые материалы автора, полученные в ходе многолетних полевых исследований (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 гг.) в разных районах ХМАО-Югры и ЯНАО. Этнографические данные собирались методами опроса и включенного наблюдения. Информантами выступали работники администраций муниципальных образований, сотрудники отделов по работе с коренным населением в районах, руководители общин, рыболовы, оленеводы. Анализ разных форм предпринимательской деятельности аборигенов Северного Приобья проводился с использованием методов экономической антропологии. Автор опирался на положения Н.К. Сирополиса, который рассматривает предпринимательство как институциональную силу, влияющую на развитие местных сообществ. Важнейшей стратегией развития местных сообществ, по его мнению, являются действия по устранению препятствий для предпринимательской деятельности (Сирополис 1997: 25).

В августе 2017 г. на Генеральной Ассамблее ООН был заслушан Доклад о предпринимательской деятельности коренных народов. (*Передовая практика и вызовы* 2017) В нем отмечалось, что существует «стереотипное мнение о том, что они (коренные народы – Е.М.) представляют собой препятствие на пути развития или что их экономическая деятельность не вносит вклад в экономику стран, в которых они проживают. Экономические модели деятельности коренных народов часто воспринимаются как расточительные с точки зрения ресурсов, обреченные на вымирание и «мешающие развитию» (*Передовая практика и вызовы* 2017: 11) В действительности это не так, поскольку традиционные отрасли хозяйства коренных народов Севера

ра играют значимую роль в экономике, хотя вклад аборигенных сообществ в экономику России и ее регионов пока не оценен и отсутствуют соответствующие данные.

Анализ фактических материалов, имеющихся в распоряжении автора, выявил две основные формы аборигенного предпринимательства, которые будут рассмотрены ниже.

Институциональное предпринимательство: фермерские хозяйства и общины

В 1990-е годы в ХМАО и ЯНАО стали создаваться общины, которые получили название «родовых». Рядом исследователей они оценивались как один из эффективных способов самоорганизации коренных малочисленных народов Севера в контексте воплощения идеи самоуправления и как шаг к самоопределению (*Сирина* 2010: 61–70; *Новикова* 2014: 229).

Однако, помимо стремления к самоуправлению и со-управлению ресурсами, в основе формирования общин коренных народов Севера лежали другие важные причины. Их появление во многом было обусловлено кризисом в экономике рубежа 1980–1990-х годов, который привел к падению производства на большинстве предприятий аграрно-промышленного комплекса страны. В таких условиях началась реорганизация колхозно-совхозной системы СССР. Ее направленность определили сторонники либеральных (буржуазных) преобразований. В основу аграрной политики государства легла идея перехода к рынку, началось создание новых субъектов хозяйствования на основе частной собственности на землю и имущество, т.е. переход к фермерским и крестьянским хозяйствам. Министр сельского хозяйства РФ (1999–2009 гг.) А.В. Гордеев заметил что тогда «разговоры о преимуществах крупных хозяйств считались чуть ли не крамольными, так как политический компас стоял на отметке “мелкотоварный сектор”» (*Гордеев* 2001: 7) Быстрыми темпами формировалась новая нормативно-правовая база: Закон «О земельной реформе» (1990 г.) установил институт частной собственности; Постановление правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» (1991 г.) предусматривало перерегистрацию всех коллективных хозяйств, независимо от эффективности их деятельности. Параллельно принимались законы и указы, регламентирующие предпринимательскую деятельность. Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности (1990 г.) разрешил учреждать различные формы индивидуальной трудовой деятельности, частные предприятия, товарищества и т.д. Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве (1990 г.) гарантировал гражданам РФ право на создание и самостоятельную деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств. В итоге в 1990-е гг. повсеместно развернулся процесс создания фермерских хозяйств, число которых в России к началу 1994 г. достигло 270 тыс. (*Российский статистический ежегодник* 1994: 711–713). Северное Приобье не было исключением. Здесь, как и по всей стране, создавались фермерские хозяйства. Они получили распространение в пригодных для занятия земледелием, огородничеством районах ХМАО, в меньших масштабах в ЯНАО, и создавались они некоренными народами.

Среди коренного населения фермерских хозяйств организовывалось очень и очень мало. В качестве примера рассмотрим предпринимательскую деятельность П.А. Озелова в пос. Мужы Шурышкарского района ЯНАО, который в 1991 г. организовал крестьянское фермерское хозяйство «Хонрут». Основной сферой его деятельности было оленеводство. Петр Александрович оформил в аренду 350 тыс. га земли для пастбищ и арендовал 300 голов бывших совхозных оленей. В те времена это было довольно большое поголовье, поскольку в советские времена в личной

собственности у хантов Шурышкарского района было всего по несколько десятков животных. Оленеемкость пастбищ хантыйский бизнесмен оценивал в 1600 голов. К 1993 г. ему удалось увеличить поголовье оленей до 560 голов, которое к 2003 г. сократилось до 500. Выпасом оленей занимались родственники главы фермерского хозяйства (7 человек). Помимо оленеводства, фермерское хозяйство занималось выловом рыбы, сбором дикоросов, охотой. Выловленная рыба реализовывалась через рыбозавод. Деятельность «Хонрут» поддерживалась администрацией Шурышкарского района, поскольку районные власти видели и оценивали социальное значение такого предпринимательства. В условиях возникшей безработицы предоставление хотя бы семи рабочих мест было весьма ценным. Главной проблемой в деятельности фермерского хозяйства П.А. Озелов считал систему налогообложения, поскольку приходилось заниматься сложной бухгалтерской отчетностью.

Подобных предпринимателей среди КМНС в Шурышкарском районе ЯНАО было всего четверо. Помимо П.А. Озелова, бизнесом в сфере рыболовства занимался Г.Н. Конкин в дер. Анжигорт, также зарегистрировавший фермерское хозяйство. Стоит обратить внимание, что в первой волне предпринимателей КМНС района были две женщины, занимавшиеся пошивом одежды, обуви из шкур оленей и изготовлением сувенирной продукции. Можно утверждать, что малое предпринимательство в форме фермерских хозяйств не получило распространения среди коренных народов Севера. Причины этого можно увидеть в следующем – бюрократические барьеры в виде сложной финансовой отчетности, неразвитость информационной, консультативной, технической поддержки, а также отсутствие инициативы у большинства представителей КМНС. Все это сдерживало массовое развитие фермерских хозяйств среди аборигенов Нижнего Приобья.

Между тем распавшаяся колхозно-совхозная система привела к колоссальному росту безработицы в северных поселках. Остро стоял вопрос о том, какую альтернативу выдвинуть бывшим советским предприятиям агропромышленного комплекса. В северных регионах, в местах проживания и хозяйствования народов Севера, появилась идея о том, что наряду с фермерскими хозяйствами следует сформировать общины КМНС, которые станут преемниками государственных и колхозных оленеводческих, рыболовецких и промысловых хозяйств. Также предполагалось, что на начальной стадии общины будут выполнять функции госструктур по реализации программ для КМНС и одной из форм организации общественного самоуправления (Федорова 2010: 204).

Формирование общин происходило на основе различных законов и указов. Детальный анализ формирования законодательной базы в РФ по реализации самоуправления у северных аборигенов проведен Н.И. Новиковой (Новикова 2014: 229–234). В официальных документах общины КМНС называются «родовые», «национальные» или «общины коренных народов». Сегодня в соответствии с Законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2004 г.) они существуют как одна из особых форм хозяйственной деятельности КМНС. Как отмечает Н.И. Новикова, в законопроекте 2000 г. община рассматривалась как орган самоуправления, хозяйствования и владелец земли (Новикова 2014: 231), однако в законе от 2004 г. эта идея не нашла отражения. Нужно отметить активную роль в популяризации общинного движения Ассоциаций КМНС округов – «Ямал – потомкам!» и «Спасение Югры».

Первые общины в ХМАО появились в начале 1990-х годов. Указом Президента РФ от 22 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» в целях обеспечения законных прав и интересов этих народов, сохранения и развития традиционных форм хозяйства предусматривалось: а) выделение в местах их проживания территорий традиционного природопользования (ТПП); б) бесплатная передача пастбищ и угодий родовым общинам и семьям из числа малочисленных народов Севера в пожизненное наследуемое владение, либо в аренду; в) преимущественное право на заключение договоров и получения лицензий на использование возобновляемых природных ресурсов родовым общинам, семьям, отдельным представителям малочисленных народов Севера. Этот указ положил начало организации общин.

Более активно родовые общины создавались в Ханты-Мансийском округе. Е.Г. Федорова обратила внимание, что до конца 1990-х годов создание общин шло сверху: «Подбирали подходящего человека, готовили под него документы» (Федорова 2010: 204). Одной из первых и наиболее известной среди них была родовая община «Карым», созданная в 1993 г. в одноименном селе Кондинского района братьями Вахрушевыми. Община объединила несколько семей родных и двоюродных братьев, оформивших родовые угодья на общину в соответствии с «Положением о статусе родовых угодий ХМАО» 1992 г. Основными направлениями деятельности общины были охота, рыболовство, сбор грибов, ягод, орехов. Общину активно поддерживала администрация округа, благодаря чему она могла закупать транспортные средства и даже построить небольшой завод по переработке рыбной продукции. Деятельность родовой общины «Карым» оценивалась местными властями как успешная, ее члены уже в 1990-е годы имели достаточно высокий уровень благосостояния для сельского населения округа¹. Не менее успешно в 1990-е годы действовала община «Турупья» в селе Саранпауль Березовского района, специализирующаяся на рыболовстве и охоте. Об общинах Березовского района «Кимкьясуй», «СТАС» и др. писала Е.Г. Федорова (Федорова 2010).

В 1990 – начале 2000-х годов среди общественных деятелей ХМАО и ЯНАО, как и среди исследователей-этнологов, преобладали представления, что родовые общины создаются для возрождения и развития традиционных отраслей хозяйства коренных народов Севера, сохранения их традиционного образа жизни и культуры. Важным критерием образования общин было то обстоятельство, что они создавались на «исконных» землях этих народов, где их предки занимались традиционными отраслями хозяйства. Не менее значимым было и то, что имея организацию, аборигены могли отстаивать свои права на территории, на которые посягали нефтяники и газовики. Нужно отметить, что далеко не все одобряли создание родовых общин. В ходе полевых исследований в 2000 г. часто можно было услышать сетования хантов и манси: «Раньше нас в колхозы стогнали, а сейчас в общины». Главные опасения были относительно того, помогут ли общины в условиях рыночных отношений их членам поддерживать нормальный уровень жизни? Многие делали ставку на нелегальную и почти неконтролируемую в те времена продажу рыбы заезжим дельцам.

Общинное движение в ХМАО активизировалось в середине 2000-х годов. Сейчас в округе зарегистрировано и действуют около 50 общин КМНС. Большинство из них занимаются рыболовством, охотой и сбором дикоросов (ягод, грибов, орехов). На реализацию рыбы и мяса общины получают субсидии от районных вла-

¹ Об общине «Карым» см. также: Новикова 2014: 234.

стей. Система грантовой поддержки, активно развивающаяся в округе, позволяет организовать мощности по переработке продукции, закупать транспортные средства, развивать туристическое направление в деятельности. Например, община «Остяко-Вогульск» в пос. Шапша Ханты-Мансийского района организовала этнотуристическую базу, где гостей знакомят с традиционной культурой хантов, по желанию организуют любительскую рыбалку или охоту.

В ЯНАО родовые общины коренных народов появились, также как в ХМАО, в 1990-е годы. Общинное движение заметно активизировалось в середине 2000-х годов. Наибольшее число общин было зарегистрировано в 2008 г. – 75. По данным Реестра общин коренных малочисленных народов Севера, в них насчитывалось около 1000 человек. Число общинников в одной общине варьирует от 4 до 50 чел. Почти все общины заявили такие виды деятельности как оленеводство и рыболовство, охота, некоторые заявили о стремлении развивать народные промыслы и туризм.

В 2003 г. в ЯНАО было создано Государственного учреждения «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Целью создания была поддержка развития традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС, в том числе создание условий для обеспечения занятости и самозанятости лиц, ведущих традиционный образ жизни. По существу это учреждение стало выполнять функции куратора по отношению к общинам. Сферами деятельности были заявлены: подготовка документов для регистрации общин и иных производственных объединений; подготовка и предоставление бухгалтерской и налоговой отчетности; составление планов и расчетов производственно-хозяйственной деятельности; составление инвестиционных и бизнес-проектов; предоставление консультативной помощи, подготовка методических материалов и рекомендаций.

Важным представляется обратить внимание на то, что в 1990-е – начале 2000-х годов общины КМНС на Обском Севере называли родовыми. Затем определение «родовые» стало употребляться реже, более распространенным стало понятие «общины коренных народов». Прилагательное «родовая» по отношению к общине указывало на ее создание по родовому принципу. Однако нужно иметь в виду, что этнологи с трудом реконструируют родовую структуру народов Севера. Ни у обских угров, ни у ненцев род никогда не был хозяйственно-экономической ячейкой. Родовая организация этих народов выполняла в основном брачно-регулирующую и ритуально-культурную функции. А.А. Сирина усмотрела политические причины в распространении терминов «родовая община», «родовые угодья» в Якутии. Их ввели «чтобы подчеркнуть специфику общин с точки зрения традиционности хозяйственных занятий, отличия общин от крестьянско-фермерских и других категорий хозяйств». Немаловажным было и стремление подчеркнуть их особые права на занимаемые территории (Сирина 2010: 73–74). Эти доводы справедливы и по отношению к Северному Приобью.

Общины КМНС неоднородны по составу и структуре, но большинство людей в них связаны той или иной степенью родства или свойства. В ходе этнографических опросов часто обнаруживается, что в общины объединяются братья (родные, двоюродные, троюродные), дяди и племянники и т.п. Родственные связи особенно заметны в общинах оленеводов Ямала. В рыбопромысловых общинах хантов и манси иногда на первый план выступает принцип соседства, когда в общину входят жители одной деревни.

Придя в начале 1990-х годов на смену колхозам и совхозам, общины КМНС разворачивали деятельность при остром социально-экономическом кризисе в стране. В но-

вых рыночных условиях они были в какой-то степени обречены стать одной из форм аборигенного предпринимательства наряду с фермерскими (крестьянскими) хозяйствами. Такое предпринимательство является институциональным, поскольку официально закреплено в своем общественном статусе. Во время полевых исследований автор имела возможность встречаться со многими руководителями и членами общин КМНС, с работниками местных и районных администраций, на территории которых действуют общины, с сотрудниками «Объединения по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Все они признавали тот факт, что большинство общин были созданы по инициативе районных властей и ведут свою деятельность не без их помощи. Все общины получают субсидии и дотации на сдачу рыбы, мяса и другой продукции через Отделы по делам КМНС в районах, которые оформляют соответствующие заявки в округа. Между членами одной общины не возникают прочные производственные связи. Каждый ведет промысел, осуществляет выпас оленей, сбор дикоросов самостоятельно или силами семьи. Община, точнее ее руководство в лице председателя, организует прием рыбы, пушнины, оленины, пантов, ягод, орехов и т.д. Закупочные цены при приеме продукции низкие, поэтому и не устраивают рядовых членов. Информанты признают, что уровень доходов общинников невысокий, большинство остаются в общине только потому, что в трудовой книжке членов делается запись о трудоустройстве, что важно при начислении пенсии в будущем. Другой выгоды от нахождения в общине ее члены не находят. Можно сказать, что главная роль у общин КМНС – социальная, что характерно для арктического предпринимательства в целом. Специалисты отмечают, что в Арктике «социальное предпринимательство ориентировано на вовлечение жителей таких районов в более активную экономическую деятельность с целью поднятия уровня жизни» (Пилясов, Замятина 2016: 12).

Опыт общинного предпринимательства аборигенов нельзя назвать успешным. Проблемы, с которыми сталкиваются общины в своей деятельности, схожи в разных хозяйствах, их можно свести к следующим:

- недостаток финансовых средств на развитие;
- недостаток материально-технической базы (автотранспорт, холодильники, складские помещения и т.п.);
- высокие финансовые затраты, связанные с транспортировкой продукции до потребителя;
- низкие закупочные цены на перерабатывающих предприятиях;
- нехватка квалифицированных специалистов;
- трудности при подготовке бухгалтерской отчетности.

Оленеводческие общины обеспокоены тем, что у них нет юридически закрепленных прав на пользование пастбищами и отсутствуют четкие механизмы возмещения ущерба при изъятии участков оленьих пастбищ для строительства промышленных объектов. Сложности в развитии аборигенного предпринимательства на Севере признают ученые-экономисты. По их мнению, развитие общин и в целом аборигенного предпринимательства наталкивается на многочисленные бюрократические и законодательные барьеры, идет очень неустойчиво и вяло (Пилясов, Замятина 2016: 13).

В последние годы общины коренных народов Севера все больше и больше стремятся к расширению сфер деятельности – это изготовление сувениров и развитие этнотуризма. Н.И. Новикова обратила внимание на то, что художественные промыслы могут рассматриваться не только как индивидуальная творческая деятельность,

но и как предпринимательская по производству сувениров, народных костюмов и произведений декоративно-прикладного искусства. (Новикова 2014: 229). Во многих общинах Северного Приобья мастера изготавливают сувениры, шьют национальную одежду и обувь, мастерят нарты и т.д. Члены общин регулярно участвуют в выставках-продажах, ярмарках. В г. Салехард реализацией сувенирной продукции занимается Дом ремесленника, Салон художника. Общины «Ярцанги» и «Нядэна» Надымского района ежегодно участвуют в работе выставки «Северная цивилизация» в Москве. В целом же общины реализуют свою продукцию скорее ситуативно, чем регулярно. Дело в том, что в округах не столь большой рынок сбыта для подобного рода изделий, а создание торговых точек за пределами округов пока остается перспективой на будущее.

Туристическая индустрия в Северном Приобье делает первые шаги. Окружные и районные органы власти уделяют большое внимание развитию туризма через общины коренных народов. Определенный позитивный опыт уже есть. Так, в 2017 г. общий туристический поток в Югре составил 530 тыс. человек, в том числе по этнотурам регион посетили более 15 тыс. туристов. В Ямало-Ненецком округе на протяжении нескольких лет действуют этнографические туристические маршруты: «В кочевья к ненцам», «В стойбище ханты», «Салехард-Лаборовая», «Летнее кочевье», «Зимнее кочевье», «По следам мамонтов». Информация для привлечения туристов размещается на разных сайтах, в том числе Представительства ЯНАО в С-Петербурге². На Ямале, например, в п. Салемал популярен спортивный лов нельмы на спиннинг, в котором активно участвуют работники промышленных нефтегазовых предприятий. Для дальнейшего развития этнотуризма необходимо создание инфраструктуры, предусмотренной индустрией турбизнеса в целом. Пока в общинах нет достаточного снаряжения, не хватает специалистов, плохо организована реклама.

С аборигенным предпринимательством тесно связаны фактории, деятельность которых возобновилась в Северном Приобье в 2000-е годы. Они выполняют важные функции в системе жизнеобеспечения оленеводов-кочевников и жителей отдаленных таежных деревень. Фактория расценивается как интегральная снабженческо-сбытовая структура сельской экономики, которая организует обмен продукции аборигенов на орудия лова, снаряжение, другие товары, а также кредитует оленеводов, охотников и рыболовов под будущую поставку продукции. Они обслуживают оленеводческие бригады, оленеводов-частников, охотников, занимаясь их снабжением продуктами питания и товарами первой необходимости, на них просчитывают поголовье оленей, кроме того через них идет обеспечение связью, распространение периодической печати. На территории фактории обычно имеются магазин, пекарня, кораль, электрогенератор, снегоходы, радиостанция. В будущем планируется организовать на факториях переработку продукции промыслов и оленеводства и наладить бытовое обслуживание, создать мастерские народных художественных промыслов. В ЯНАО функционирует более 50 факторий, в ХМАО-Югре – 10. Фактории принадлежат районным администрациям, потребительским обществам, общинам КМНС, акционерным обществам.

Озабоченность представителей КМНС вызывает то, что на факториях низкие цены на закупку товаров традиционных отраслей хозяйства, в то время как цены на реализуемые товары значительно превосходят рыночные. В связи с этим необхо-

² Подробнее о развитии туризма в ЯНАО см.: *Серебрякова 2016*.

димо установление баланса между закупочными ценами на товары традиционных отраслей, установленными на факториях, и цен на реализуемые товары, пользующиеся спросом у кочевого населения. Помимо этого, нужен контроль за качеством реализуемых продуктов питания, товаров и топлива.

Неформальное предпринимательство: продажа продукции традиционных отраслей

Пожалуй, наиболее острой социальной проблемой коренных народов Севера является высокий уровень безработицы³. Во многих селениях среди аборигенов половина не имеют постоянной работы. Между тем, система традиционного жизнеобеспечения северных народов дает большие возможности для обеспечения самозанятости. Это относится, прежде всего, к оленеводству, в меньшей степени – к рыболовству, поскольку новые правила не позволяют превышать квоты, установленные на вылов. Кроме того, действует запрет на добычу ценной обской рыбы муксуна, пользующейся большим спросом.

Специалисты отмечают, что с 1991 г. более двух третей оленьего поголовья ЯНАО приходится на личные хозяйства населения и ведущую роль в оленеводстве играют частники (*Клоков, Хрущев* 2004: 62, 64). Это около 3 тыс. семей, более 16 тыс. человек. Они нигде не трудоустроены и живут на полном самообеспечении за счет продажи оленьего мяса и рыбы. По сути, они занимаются предпринимательской деятельностью, которая официально не оформлена. Такими же незаконными предпринимателями являются и рыболовы, проживающие в ЯНАО и ХМАО-Югре. Назвать их численность невозможно, поскольку никакому учету такого рода бизнес не поддается.

С 1990-х годов коренное население Обского Севера использует разные практики сбыта продукции традиционных отраслей: сбыт на предприятиях (рыбозаводы, ОАО, ООО), продажа приезжающим на Север частным предпринимателям; самостоятельная торговля в городах и крупных поселках⁴.

Утверждение в стране рыночных отношений в 1990-е годы способствовало коммерциализации разных сфер жизни в северных поселках. Особенно наглядно это проявилось в различных практиках реализации рыбы и оленьего мяса. Полевые исследования показывают, что в условиях экономического кризиса и дефицита денежной массы на Севере широко распространились бартерные сделки. Аборигены оказались активно втянутыми в этот процесс. Неконтролируемый сбыт рыбы, прежде всего ценных пород – муксуна, нельмы – приобрел гигантские масштабы в Северном Приобье. Торговым эквивалентом, как когда-то в дореволюционное время, вновь стал муксун, получивший статус «сибирской валюты». За счет нелегальной продажи этой ценной рыбы аборигены приобретали лодочные моторы, снегоходы, а в тех районах, где существовали дороги с твердым покрытием, даже автомобили. В тундровой зоне огромные масштабы приобрел сбыт оленьих пантов. В июне-июле в тундру направлялись целые десанты разного рода коммерсантов, скупавшие это ценное сырье. Они привозили с собой продукты питания и товары, пользующиеся спросом у оленеводов: бензин, дизель-генераторы, одежду.

³ О проблемах безработицы в ЯНАО см.: *Василькова, Евай и др.* 2011: 98–102; Российская Арктика... 2016: 109–115.

⁴ Подробнее и сбыте продукции традиционных отраслей хозяйства см.: *Мартынова* 2018: 705–715.

Бартер не ушёл с Обского Севера и поныне, хотя экономическая ситуация в регионе, как и в стране, стабилизировалась, а заработная плата вновь стала выплачиваться в денежной форме. Бартер по-прежнему практикуется в сделках между представителями коренных народов и временно приезжающими на Север людьми. В условиях интенсивного промышленного освоения Ямала оленеводы часто прибегают к бартеру при контактах с вахтовиками на буровых станциях, обменивая рыбу и мясо на бензин и продукты питания. Для оленеводов бартер удобен тем, что можно «сразу и здесь» получить необходимое, прежде всего, горючее (бензин и газоконденсат). В таком бартере акторы заинтересованы одинаково: тундровикам выгодно «затовариваться» бензином и продуктами, не преодолевая огромных расстояний до поселков или факторий, а вахтовики имеют возможность получить свежие продукты питания и тем самым разнообразить «столовский» пищевой рацион во время вахты. Кроме того, они закупают рыбу как подарок родным и близким на «большой земле».

Неформальная торговля с «газовиками» и «нефтяниками» приносит оленеводческим семьям существенные доходы. Информанты говорят: «Сейчас у всех своя клиентура. Прямой товарообмен хорошо налажен. Без этого мы не сможем жить». Тундровые оленеводы Ямала стремятся сбывать мясо и рыбу на одних и тех же буровых станциях. Один из наших информантов заметил: «Сейчас у каждого чума есть свой вахтовик». На эту сторону бартерного обмена обратил внимание К. Хамфри: бартер повторяется с одним и тем же партнером, требует доверия и устойчивых социальных связей (Humphrey 2000: 75). Х. Шрадер отмечал, что между участниками сделок возникают особые отношения, которые он назвал «торговые партнерства». «Такие партнёрства возникают в рамках торговли на дальние расстояния, представляющей собой очень рискованное мероприятие на незнакомой местности, которое предполагает контакт с культурно и социально отличными людьми. В этих условиях торговое партнерство сокращает для продавцов риск быть обманутыми. Сохранение такого рода партнерства бывает зачастую важнее, нежели получение высоких прибылей» (Шрадер 1999: 116).

Аборигены Северного Приобья освоили выездную торговлю. В зимний период рыболовы из поселков и деревень, а оленеводы из тундровых стойбищ доставляют рыбу, мясо в районные центры и крупные поселки на собственных снегоходах. С товаром располагаются у рынков, супермаркетов, где больше покупателей. При такой мелкорозничной торговле рыба и мясо продаются по приемлемым для продавцов ценам, выгодным и покупателям. Нередко выездная торговля приурочивается к праздникам (Новый Год, 23 февраля, 8 марта, День оленевода). Она является незаконной, т.к. продавцы не зарегистрированы как частные предприниматели, не платят налоги. Многие продавцы-аборигены формируют устойчивые клиентские сети: «У меня в мобильнике много телефонов друзей. Они мне звонят, когда рыба нужна. Я тогда еду. Или они приезжают».

Продавать мясо и рыбу в городах и на буровых станциях стало возможным с появлением у коренных жителей собственного транспорта – снегоходов. По сравнению с оленьей упряжкой, снегоход более скоростной. Д.В. Арзютов указал на то, что появление снегоходов в частной собственности у ненцев значительно изменило ненецкую экономику, выведя бензин на первое место в числе эквивалентов в цепочках обменов (Арзютов 2017: 323–324).

По сравнению с рыболовством и оленеводством, охотничий промысел не имеет ярко выраженной коммерческой направленности на Обском Севере. Это можно объ-

яснить низким спросом на пушнину и низкими закупочными ценами. В то же время некоторые охотники говорили, что на сбыте шкурки пушных животных можно заработать не хуже, чем на рыбе.

Предпринимательство аборигенов во многом основывается на отношениях взаимопомощи, эгалитарности и реципрокности (Новикова 2017: 117). В аборигенном неформальном бизнесе обнаруживаются разные виды реципрокности. Так, в бартерных и торговых сделках между представителями коренных народов и временно приезжающими на Север людьми усматривается сбалансированная реципрокность. Она менее «личностна», поскольку стороны вступают во взаимодействие как носители далеких друг от друга экономических и социальных интересов. Материальная сторона трансакций столь же важна, как социальная, поскольку акторы одинаково заинтересованы в торговле или обмене. Негативная реципрокность на Севере – это сбыт продукции традиционных отраслей хозяйства заезжим «коммерсантами». При такой торговле участники вступают во взаимодействие как носители противоположных интересов, и каждый из них стремится достичь максимальной выгоды. Сбыт продукции частным предпринимателям выступает как наиболее обезличенная форма торговли и обмена, стороны не стремятся налаживать устойчивые связи, ориентируются только на получение выгоды.

Выводы

Представленные в статье материалы показывают, что в Северном Приобье развиваются два вида аборигенного предпринимательства – институциональное и неформальное. Первое представлено общинами КМНС (родовыми или территориальными) и фермерскими крестьянскими хозяйствами. В их организации заметна социальная направленность: общины, прежде всего, являются местом работы для рыболовов и оленеводов. Общинное предпринимательство поддерживается органами власти на окружном и районном уровнях через систему субсидий и грантов. Доходы большинства общинников невелики, что вынуждает их искать дополнительные возможности для заработка. Структура общин КМНС во многом основывается на родственных связях.

Неформальное аборигенное предпринимательство стихийно возникло в кризисные 1990-е годы и до сих пор не сдает своих позиций, поскольку обеспечивает основной доход семьям оленеводов-частников и рыболовов. В результате такого аборигенного бизнеса формируются довольно устойчивые клиентские сети, способствующие социальной интеграции местных сообществ. Такое предпринимательство приносит более высокие доходы, по сравнению с узаконенным формальным, несмотря на отсутствие поддержки «сверху» от властей. Это во многом способствует его устойчивости в северных суровых условиях, где рынок сбыта невелик. Риск быть обманутыми не является препятствием для развития подобного бизнеса.

Границы между институциональной и неформальной экономикой на Севере проницаемы и подвижны. Оленевод-частник может быть членом родовой общины, а после выполнения минимальной нормы сдачи продукции традиционных отраслей выступать как самостоятельный бизнесмен, реализуя продукцию через своих клиентов или приезжих коммерсантов. То же самое можно сказать про членов рыболовецких общин. Переплетение институционального и неформального предпринимательства образует сложную сеть социально-экономического взаимодействия в местных сообществах.

Источники

- Полевые материалы автора, ЯНАО, 2012 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2002 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2008 г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2011 г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2013 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, 2017 г.

Литература

- Арзютов 2017 – Арзютов Д.В. *Олени и/или бензин: эссе об обменах в северо-ямальской тундре* // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.
- Василькова и др. 2011 – Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. *Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе)*. Москва; Шадринск: изд-во ОГУП «Шадринский дом печати», 2011. 268 с.
- Гордеев 2001 – Гордеев А. *За эффективное агропроизводство и качественную продукцию* // АПК: экономика, управление, 2001. № 5. С. 5–14.
- Клоков, Хрущев 2004 – Клоков К.Б., Хрущев С.А. *Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор*. Т. 1. СПб: ВВМ, 2004. 182 с.
- Мартынова 2018 – Мартынова Е.П. «Куда рыбу и мясо сдаёте?»: экономические практики на Обском Севере // *Вестник угроведения*, 2018. Т. 8. № 4. С. 705–715.
- Новикова 2014 – Новикова Н.И. *Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии*. М.: Наука, 2014. 407 с.
- Новикова 2017 – Новикова Н.И. Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов // *Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики. Сб. науч. трудов* / отв. ред. Ю.В. Попков, И.С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2017. С. 110–120.
- Передовая практика и вызовы 2017 – *Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам*. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года. Доступ: <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>.
- Пилясов, Замятина 2016 – Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // *Арктика: экология и экономика*, 2016. № 4 (24). С. 4–15.
- Тишков 2016 – Тишков В.А. (под ред.) *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение* М., СПб: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Российский статистический ежегодник 1994 – *Российский статистический ежегодник*. М.: Госкомстат России, 1994. 799 с.
- Серебрякова 2016 – Серебрякова Р.В. *Развитие этнографического туризма в Ямало-Ненецком автономном округе. Проблемы привлечения иностранных туристов* // *Universonum: Общественные науки: электрон. научн. журнал*, 2016. № 12 (30). Доступ: <http://universonum.com/ru/social/archive/item/4044>
- Сирина 2010 – Сирина А.А. *От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века*. М.: ИЭА РАН, 2010. 185 с.
- Сирополис 1997 – Сирополис Н.К. *Управление малым бизнесом*. М.: Дело, 1997. 672 с.
- Федорова 2010 – Федорова Е.Г. *Национальные общины средней Сосьвы и их создатели* // *Этно-*

- культурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / отв. ред. Е.А. Пивнева. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 203–210.
- Шрадер 1999 – Шрадер Х. *Экономическая антропология*. СПб: Петербургское Востоковедение, 1999. 192 с.
- Humphrey 2000 – Humphrey C. *An Anthropology View of Barter in Russia // The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 71–90.

References

- Arzyutov, D.V. 2017. Oleni i/ili benzin: esse ob obmenax v severo-yamalskoj tundra [Deer and/or gasoline: an essay on the exchanges in the North of the Yamal tundra]. In *Socialnye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri*, 314–348. St. Petersburg: MAE RAN.
- Fedorova, E.G. 2010. Nacionalnye obshhiny srednej Sosvy i ix sozdateli [National community middle Sosva and their creators]. In *Etnokulturnoe nasledie narodov Severa Rossii: K yubileyu doktora istoricheskix nauk, professora Z.P. Sokolovoj*, edited by E.A. Pivneva, 203–210. Moscow: ООО «Август Борг».
- Gordeev, A. 2001. Za effektivnoe agroproduzvodstvo i kachestvennyuyu produkciyu [For effective agricultural production and quality products]. *APK: ekonomika, upravlenie* 5: 5–14.
- Humphrey, C. 2000. An Anthropology View of Barter in Russia. *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*, 71–90. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klovok, K.B., S.A. Xrushhev. 2004. *Olenevodcheskoe xozyajstvo korenny`x narodov Severa Rossii: informacionno-analiticheskij obzor* [Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North of Russia: information and analytical review]. Vol. 1. St. Petersburg: BBM. 182 p.
- Martynova, E.P. 2018. «Kuda rybu i myaso sdayote?»: ekonomicheskie praktiki na Obskom Severe [«Where do you sell fish and meat?»: economic practices in the Ob North]. In *Vestnik ugrovedeniya* 4: 705–715.
- Novikova, N.I. 2014. *Oxotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oil workers: the Study in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
- Novikova, N.I. 2017. Kollektivnoe pravo korennyx narodov na samobytnoe razvitie: kulturnaya cennost' ili konflikt interesov [The collective right of indigenous peoples to the distinctive development: cultural values or conflict of interests]. In *Kollektivnye prava etnicheskix soobshhestv: problem teorii i praktiki*, edited by Yu.V. Popkov, I.S. Tarbastaeva; IFPR SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo «Manuskript».
- Peredovaya praktika i vyzovy, vklyuchaya diskriminaciyu, v predprinimatel'skoj deyatel'nosti i v oblasti dostupa korennyx narodov, v osobennosti zhenshin i invalidov iz chisla korennyx narodov, k finansovym uslugam* [Best practices and challenges, including discrimination, in business and access to financial services for indigenous peoples, in particular indigenous women and persons with disabilities]. Issledovanie, podgotovlennoe E`kspertny`m mexanizmom po pravam korenny`x narodov, Sovet po pravam cheloveka, 36 sessiya, 11–29 sentyabrya 2017. <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>.
- Pilyasov, A.N., N.Yu. Zamyatina. 2016. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya [Arctic enterprise: the conditions and possibilities of development]. *Arktika: e`kologiya i e`konomika* 4: 4–15.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* [Russian statistical yearbook] 1994. Moscow: Goskomstat Rossii.
- Serebryakova, R.V. 2016. Razvitie etnograficheskogo turizma v Yamalo-Neneczkom avtonomnom okruge. Problemy privlecheniya inostrannyx turistov [Development of ethnographic tourism in the Yamal-Nenets Autonomous district. Problems of attracting foreign tourists] *Universum: Obshhestvenny`e nauki: e`lektron. nauchnyi zhurnal* 12 (30). <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4044>.

- Shrader X. *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999.
- Sirina A.A. 2010. *Ot sovhoza k rodovoj obshhine: socialno-ekonomicheskie transformacii u narodov Severa v konce XX veka* [From the state farm to the tribal community: socio-economic transformation of the peoples of the North in the late twentieth century]. Moscow: IEA RAN.
- Siropolis N.K. 1997. *Upravlenie malym biznesom* [Small business management]. Moscow: Delo.
- Tishkov V.A. Ed. 2016. *Rossijskaya Arktika: korennye narody i promy shlennoe osvoenie* [Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Vasilkova, T.N., A.V. Evaj, E.P. Martynova, and N.I. Novikova. 2011. *Korennye malochislennye narody i promy shlennoe razvitie Arktiki (Etnologicheskij monitoring v Yamalo-Neneczkom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamal-Nenets Autonomous district)]. Moscow; Shadrinsk.

Elena P. Martynova. Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region

The article deals with the history of the development of entrepreneurship in the Northern Ob region among the Nenets, Khanty and Mansi. The author calls it «aboriginal» meaning that it as an economic activity that makes profit from the works directly related to the traditional sectors of the economy of the indigenous North peoples or from sale of products of economy. The article is based on the author's field materials obtained during many years of field research (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 years) in different areas of Khanty–Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

It was found that two types of aboriginal entrepreneurship are developed in the Northern Ob region: institutional and informal. The first is represented by communities (either tribal or national) of indigenous people and farms. Their organization is socially oriented: communities are primarily a place of work for fishermen and reindeer herders. Community entrepreneurship is supported by the authorities of the district and the Okrug through a system of grants. The income of most community members is low, forcing them to seek additional income opportunities. The structure of communities of indigenous people is based on family ties.

Informal aboriginal entrepreneurship spontaneously emerged in the crisis of the 1990-s and still does not give up its position. It provides the main income to families of private reindeer herders and fishermen. As a result of this aboriginal business quite stable client networks are formed that contribute to the social integration of local communities. Such entrepreneurship brings higher incomes, compared with the legalized formal ones, despite the lack of support from the “top” of the authorities. This largely contributes to its stability in the harsh northern conditions, where the market is small. The risk of being deceived is not an obstacle to the development of such business.

The boundaries between institutional and informal economies in the North are penetrable and fluid. A private reindeer herder can be a member of the family community, and after delivering the minimum rate of products traditional industries can act as an independent businessman, selling products through his customers or visiting merchants. The same can be true for members of fishing communities. The interweaving of institutional and informal entrepreneurship forms a complex network of social and economic interaction in local communities.

Keywords: *indigenous peoples of the North, aborigines, Northern Ob region, economy, entrepreneurship, tribal communities, sales.*

«СКОЛЬКО ВЕСИТ РЫБИЙ ХВОСТ?»: ЭТНИЧНОСТЬ И БЮРОКРАТИЯ В ТРАДИЦИОННОМ РЫБОЛОВСТВЕ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ*

В статье рассматривается влияние государственных мер по регулированию добычи рыбных ресурсов на повседневную жизнь рыбацких сообществ Обского Севера и связанные с этим общественные настроения. Основные выводы строятся на полученных в ходе экспедиционных работ данных (Белоярский, Октябрьский и Березовский районы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) с включением в научный дискурс мнения самих коренных народов. Используются также имеющие отношение к теме статьи нормативные документы, научная литература и публикации в СМИ.

В ходе исследования выявлены позитивные и негативные факторы, оказывающие влияние на социально-экономическое состояние сельских сообществ Обского Севера. Отмечено, что в ХМАО – Югре сформирована широкая система государственной поддержки, которая позволяет оказывать содействие развитию традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, в т.ч. в сфере рыболовства. Вместе с тем в реальной ситуации люди сталкиваются со множеством бюрократических препон, делающих их «браконьерами поневоле». Среди такого рода препятствий заявительный принцип предоставления прав на рыбодобычу; объемы квот на личное потребление; ограничения по орудиям лова, видам и срокам вылова рыбы; сложный порядок учета улова и отчетности по вылову рыбы; проблемы сбыта; несовершенство законодательной и нормативной базы, на основе которой осуществляется традиционное рыболовство.

Особое внимание уделено идентификационным коллизиям, связанным с отсутствием порядка документального подтверждения принадлежности граждан Российской Федерации к коренным малочисленным народам. Это затрудняет для них реализацию предусмотренных законодательством прав и ставит в сложное положение природоохранные органы, осуществляющие контроль за законностью добычи (вылова) рыбных ресурсов. Сама по себе эта ситуация содержит конфликтогенный потенциал и требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Обского Севера, традиционное рыболовство, меры государственной поддержки, этничность, бюрократия.

Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: pivnel@mail.ru. **Pivneva Elena A.** – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: pivnel@mail.ru.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Введение

В настоящей статье анализируется вопрос о влиянии государственных мер по регулированию добычи рыбных ресурсов на повседневную жизнь населения малых деревень Обского Севера. Рассмотрена ситуация в традиционном рыболовстве северных локальных сообществ по результатам экспедиционной поездки летом 2017 г. в Ханты-Мансийский автономный округ – Югру (ХМАО – Югра)¹. Для получения более широкой картины использованы также нормативные документы, научная литература и интернет-публикации СМИ по существу вопроса².

Мониторинг ситуации в сфере традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (КМНС) имеет как научное, так и практическое значение. Сегодня среди исследователей по-прежнему существует устойчивое мнение, что одной из главных отличительных черт этих народов является наличие особых (т.н. традиционных) систем жизнеобеспечения, основанных на специфической хозяйственной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство). Зависящие преимущественно от этих отраслей хозяйства локальные сообщества наиболее ярко демонстрируют неразрывную связь человека с природой. То есть существует некая сопряженность этнической специфики (и жизнеобеспечения населения) и наличия и доступности того или иного биологического возобновляемого ресурса, такого, например, как рыба. Изучение отношения членов рыболовецких сообществ к государственным мерам по регулированию добычи и охране рыбных ресурсов ставит и вполне практические вопросы о причинах и масштабах возможного несовпадения между нормами обычного и государственного права, а также способствует выявлению и эффективному разрешению потенциальных конфликтов в сфере природопользования.

В отечественном североведении существует немало замечательных исследований разных рыболовецких сообществ (Смоляк 1984; Головнев 1993; Павлинская 1997; Федорова 2000; Павлинская 2007 и др.). Традиционно большое значение имело рыболовство в жизнедеятельности расселенных в бассейне Оби хантов и манси (их общее название – обские угры), не случайно в исторических источниках их называли «рыбоядцами»³. С рыболовством были связаны многие особенности культуры этих народов. Речь идет о таких, например, вещах, как отражение данной отрасли хозяйства в обрядах жизненного цикла, в фольклоре и системе питания (в т.ч. в повседневных, праздничных и ритуальных блюдах), о степени зависимости годового цикла жизнедеятельности (и «народного календаря») от сезонов рыбной ловли, а также о некоторых особенностях социальных отношений (распределение наиболее продуктивных участков для лова рыбы и перераспределение улова в рамках местных сообществ и т.д.) (Ямсков, Власкина 2013).

¹ Экспедиционная поездка в июле–августе 2017 г. в с. Тугияны (Белоярский р-н), д. Нижние Нарыкары (Ок-тябрьский р-н), с. Ванзетур и д. Шайтанка (Березовский р-н). Кроме автора статьи в этнографической экспедиции принимали участие Р.К. Бардина и Е.П. Мартынова. Полевые материалы собирались путем включенного наблюдения, опросов местных жителей и представителей администраций.

² Статья не касается изменений, произошедших в традиционном рыболовстве после 2017 г.

³ Определенную роль в системе жизнеобеспечения обских угров играли также охота и животноводство (разведение лошадей, коров, овец). Вспомогательное значение имел сбор дикоросов (кедровых орехов, ягод).

У некоторых групп обских угров до сих пор сохраняются старинные этические установки и соблюдаются обычаи, отражающие уважительное отношение к рыбе как основной кормилице. Например, в пос. Теги Березовского р-на ХМАО – Югры, по наблюдениям уроженки этого поселка М.А. Лапиной, соблюдается запрет на язя и карася: «Нельзя есть их в сыром виде, иначе *шинхийн талайн* (“стянет сухожилия ног”). Тегинские легенды гласят, что образ язя, карася имеют пуговицы на поясе богатыря *Тэк ики* (Тегинский богатырь) [который] является покровителем жителей п. Теги. И действительно, свежельвовленный язь, карась блестят, как новенькие пуговицы. В священных сорах и озерах рыбу ловили только в случае острой нужды. Здесь были выработаны свои нормы и правила. Из такого сора воду не пили и рыбу не ели. Если нужно было сварить уху, воду брали из протоки и рыбу привозили в этот священный сор из другого места. Женщины закрывали лицо, соблюдали обряд избегания, находясь на территории этого сора. В период заборного лова, после того как закрывали священный сор, нельзя было чистить чешую сырка после захода солнца. Если была необходимость в чистке рыбы, чешую снимали вместе с кожей» (Лапина 1996: 69).

Аборигенные сообщества Западной Сибири издревле находили в рыболовстве большое подспорье в хозяйстве, а с проникновением в их быт товарно-денежных отношений эта отрасль стала приносить и небольшой доход в семейный бюджет. Уже к началу XIX в. для части коренных жителей Западной Сибири добыча рыбы приобрела товарный характер. При этом обские угры, особенно расселенные по руслу Оби, входили в число северных народов, наиболее широко охваченных товарными отношениями (Сергеев 1955: 109). Некоторое представление о состоянии промышленного рыболовства на Оби и ее притоках в дореволюционный период можно получить благодаря трудам Н.А. Варпаховского, А.А. Дунина-Горкавича, И.С. Полякова, в которых дается широкая картина развития рыбного промысла у населения северо-западной части Западной Сибири⁴ (Поляков 1877; Варпаховский 1898; Дунин-Горкавич 1904; Дунин-Горкавич 1911).

В период советской модернизации эта отрасль традиционной экономики претерпела существенные структурные трансформации. Рыболовство было включено в систему государственного производства, значительная часть коренных жителей оказалась оторванной от прежней («исконной») среды обитания, были утрачены многие традиционные способы и орудия рыболовства, а также элементы материальной и духовной культуры, связанные с осуществлением данного вида природопользования. В 1990-е годы прекратилось государственное финансирование традиционных отраслей хозяйства, тогда же начались реорганизация, а затем и распад колхозов, совхозов, госпромхозов и т.п. Аборигенное население лишилось работы и постоянной заработной платы и было переведено на режим самовывживания (Мартынова, Пивнева 2001).

Состояние традиционных отраслей хозяйства в условиях рыночной экономики является предметом пристального внимания специалистов самых разных отраслей знания (Харамзин 2004; Арсланов 2008; Куриков 2012, Пермитина 2015; Хакназаров 2016 и др.). Этнологов прежде всего интересуют возможности и перспективы развития традиционного хозяйства аборигенных народов, этнические механизмы адаптации к рыночным условиям, вопросы современных изменений в образе жизни, трансформаций этнической культуры (Мартынова, Пивнева 2001; Север и Северяне 2012; Функ 2015; Мартынова 2017 и др.).

⁴ В основном промыслы выступали как хорошо организованные промышленные предприятия, имевшие внутреннее разделение труда, ориентированные в производстве на рынок.

Рыболовство как адаптивная стратегия

В малых населенных пунктах, где мы побывали, бросаются в глаза следы развала прежней колхозной экономики (фундаменты от старых построек, заброшенная техника и т.п.). Одной из самых актуальных является проблема безработицы. В д. Тугияны, например, где постоянно проживает около 40 чел., рабочих мест 12: в отделении «Ценроспаса» – 5, в фельдшерско-акушерском пункте – 2, в клубе – 2, в магазине – 1, на дизельной станции – 1, в администрации (староста) – 1. В д. Шайтанка (всего 122 жителя) 31 рабочее место (из них 2 заняты «вахтовиками» из Березово); официально зарегистрировано 16 безработных трудоспособного возраста (Мартынова 2017). В существующих условиях для многих жителей прибрежных деревень рыбная ловля является основой существования и единственным способом жизнеобеспечения их семей.

Главная рыба в крае – муксун. Когда-то она служила своего рода валютой при обменных операциях: как плата за услуги, единица натурального обмена или для угощения. Последние три года, по словам местных жителей, «муksуна не стало». Высказываются опасения, что его занесут в Красную книгу и тогда вообще запретят вылов. Ходят слухи, что муksуна «потравили наверху» (на Ямале) газовики и нефтяники («Муksуна в этом году еще ни одного не поймал, потравили его в Обской губе»). Деятельность промышленных компаний – одна из основных угроз в репертуаре здешних представлений об экологических рисках. Экологические проблемы на слуху, поскольку касаются каждого: от состояния окружающей среды зависит не только возобновление рыбных ресурсов, но и здоровье людей («Пьем с реки. Возим воду летом на мотоцикле, зимой – на “Буране”, а раньше на лошади возили») (Пивнева 2018).

В условиях кризиса промыслового хозяйства и деградации села в целом происходит ренатурализация хозяйственной деятельности, возврат к ее прежним формам. Основой существования для значительной части сельского населения стала т.н. экономика примитивного выживания (Логинов, Попков, Тюгашев 2009). В ходе экспедиции были выявлены некоторые специфические способы организации современной хозяйственной деятельности населения обских деревень, основанные на системе персональных контактов и клиентских отношений. Выдержка из интервью: «Договариваемся. Друг в Березово есть, он посредником служит. Есть постоянные клиенты. Они могут позвонить, сказать, что нужна, например, нельма. Сегодня только у меня на 2 тыс. сырка взяли. Есть запасы на такой случай, спасают морозильники. Зимой за рыбой приезжают “коммерсанты”. Все хотят подешевле. Шуку по 30 руб. за кг зимой скупали, сырок 250 руб. стоит». Рыбу (в пересчете на деньги) можно обменять на мед, масло, другие продукты, а также на крайне необходимый в этих местах бензин. Обмен происходит в основном сразу, но иногда рыбу дают в долг («Весной рыбы много, вся в холодильнике не умещается. Мужик из Березово взял в долг в феврале, а деньги отдал кое-как в апреле») (Пивнева 2018).

В целом рыболовство (как, впрочем, и другие традиционные отрасли) в существующей ситуации можно рассматривать как адаптивную стратегию коренного и местного населения в современных условиях рыночной экономики и высокого уровня безработицы. Более того, для многих аборигенов оно имеет символическое значение, поскольку воспринимается как элемент традиционного образа жизни и хозяйства.

Меры государственной поддержки традиционного рыболовства

В настоящее время деятельность по добыче (вылову) рыбы и производству пищевой рыбной продукции на территории ХМАО – Югры осуществляют более 40 предприятий различных форм собственности с участием представителей коренных малочисленных народов Севера, из них шесть предприятий занимаются переработкой пищевой рыбы. 1210 рыбопромысловых участков закреплены за 167 пользователями, из них 52 (31%) – организации КМНС, которые имеют права на 468 участков (38% от общего числа)⁵.

Зафиксированная в российском законодательстве социальная категория «коренные малочисленные народы Севера» дает представителям этих народов определенные права и привилегии в сфере природопользования. В частности, предусматривается ведение рыболовства «в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности»⁶ (т.н. традиционное рыболовство). Принятый в 2004 г. Федеральный закон № 166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» закрепляет основные положения, в соответствии с которыми коренные народы могут вести традиционное рыболовство. Им могут заниматься граждане из числа коренных малочисленных народов и их общины (для общин условием является наличие рыбопромыслового участка, полученного на конкурсной основе).

В ХМАО – Югре традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера рассматривается как важнейшая основа жизнеобеспечения, а также как существенный фактор, влияющий на сохранение традиционного образа жизни, языка и культуры. Для содействия развитию традиционной хозяйственной деятельности, включая и создание предприятий, работающих в этой сфере, в округе разработан широкий перечень мер государственной поддержки КМНС⁷. Существует также система грантовой поддержки, которая осуществляется в т.ч. и в рамках проекта «Развитие рыбного промысла» («Заготовка, хранение и транспортировка продукции» – 3800,00 тыс. рублей; «Переработка продукции» – 2700,00 тыс. рублей). Гранты предоставляются на конкурсной основе. Обязательным условием для участия в конкурсе является софинансирование проекта получателем в размере не менее 50% от запрашиваемой суммы.

В стратегических окружных планах – модернизация традиционной хозяйственной деятельности коренных народов за счет внедрения информационных технологий и

⁵ Об итогах реализации I этапа Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Доступ: <https://deprigrad.admhmao.ru/deyatelnost> (дата обращения: 24.10.2017).

⁶ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», ст. 25.

⁷ За 2011 г. на поддержку рыбной отрасли национальным общинам коренных малочисленных народов Севера выплачено субсидий 29 млн рублей. За период январь–декабрь 2011 г. вылов составил 2 814,84 тонн, произведено пищевой рыбной продукции 1 804,89 тонн.

За 2012 г. на поддержку рыбной отрасли национальным общинам коренных малочисленных народов Севера выплачено субсидий 27,9 млн рублей. За период январь–декабрь 2012 г. вылов составил 3 141,94 тонн, произведено пищевой рыбной продукции 1 569,59 тонн.

За 2013 г. на поддержку рыбной отрасли национальным общинам коренных малочисленных народов Севера выплачено субсидий 29,0 млн рублей. За период январь–декабрь 2013 г. вылов составил 2 133,0 тонн, произведено пищевой рыбной продукции 1 458,507 тонн.

повышения транспортной доступности. Задачу внедрения ИТ-технологий в деятельность КМНС призвана решить созданная в округе Территориальная информационная система ХМАО – Югры (ТИС Югры). Она обеспечивает в режиме реального времени данными о состоянии экологической обстановки в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС, о границах особо охраняемых природных территорий, местах осуществления хозяйственной деятельности, не связанной с традиционными промыслами (Хакназаров 2016: 28–29).

Эксперты в целом позитивно отзываются о реализации целевых программ, отмечают значительные финансовые и материальные ресурсы, направляемые органами власти округа на решение проблем КМНС. В качестве негативных факторов называются отсутствие специализированного департамента, бюрократизм, несогласованность нормативно-правовой базы, а также пренебрежительное отношение к аборигенам со стороны некоторых рядовых чиновников (Отчет 2012: 84).

Бюрократические преграды

В реальной ситуации люди сталкиваются со множеством бюрократических препон, затрудняющих реализацию законных прав представителей КМНС. Среди такого рода препятствий – заявительный принцип предоставления прав на рыбодобычу.

Существует постановление Правительства РФ № 765 от 15 октября 2008 г. «О порядке подготовки и принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование», согласно которому относящиеся к коренным малочисленным народам граждане и их общины ежегодно, в срок до 01 сентября года, предшествующего году осуществления традиционного рыболовства, должны обращаться в соответствующие уполномоченные органы с заявкой на добычу (вылов) водных биологических ресурсов. При этом она может быть отклонена по причине несоответствия установленному порядку заполнения документов. Иногда из-за транспортных и иных проблем люди просто не успевают подать заявку в срок и не получают права на рыбодобычу.

Существенным вопросом для рыболовов является объем квот на личное потребление, который устанавливается в результате длительных бюрократических процедур⁸. Для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна Минсельхозом России определены следующие суточные лимиты на вылов водных биоресурсов рыболовами-любителями (по состоянию на август 2017 г.): тугун – 3 кг; хариус сибирский – 3 кг; язь,

⁸ В соответствии с Федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.12.2005 № 768 «О распределении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов применительно к видам квот их добычи (вылова)» общие допустимые уловы, а также квоты добычи (вылова) водных биоресурсов для целей обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренного малочисленного населения Российской Федерации и для организации любительского и спортивного рыболовства определяются Федеральным агентством по рыболовству на основании предложений соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Предложения по объемам квот на вылов водных биоресурсов для осуществления традиционного промысла формируются также органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с установленными нормами потребления и количеством проживающего в субъекте Российской Федерации коренного малочисленного населения, затем направляются в Минсельхоз России для утверждения, после чего распределяются между пользователями органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

щука, налим, судак (суммарно) – 10 кг; окунь, плотва, елец, карась (суммарно) – 30 кг. При этом общая суточная норма вылова составляет не более 30 кг. Не важно, поймал ты десять мелких рыбешек или одну большую, вес не должен превышать этот показатель⁹. Люди шутят: «Наверное, надо хвост у рыбы отрезать, если вес больше окажется».

По сведениям, полученным в Отделе по вопросам малочисленных народов Севера, природопользования, сельского хозяйства и экологии (п. Березово), один человек в год может выловить 300 кг рыбы, в т.ч. 33,6 кг «белой» (сырок, сосвинская селедка) и 226,4 кг «черной» (щука, налим, язь). «Получается, что семья из пяти человек в год гарантированно может выловить полторы тонны рыбы, из них 150 кг – “белой”», – заключают СМИ¹⁰. Представители малочисленных народов Севера могут получить квоты на вылов рыбы бесплатно, не относящиеся к этой категории должны покупать путевки. Следует при этом иметь в виду, что действующее законодательство запрещает переуступку права на приоритетное пользование животным миром – традиционное рыболовство может осуществляться только самими гражданами из числа малочисленных народов Севера. Не относящиеся к этой категории лица, если они ведут лов по разрешениям представителей КМНС, считаются нарушителями закона и могут быть привлечены к ответственности. За ребенка в возрасте до 18 лет вылов рыбы могут осуществлять его отец или мать как законные представители, однако по достижении совершеннолетия пользоваться выданным разрешением может только он сам. Судя по публикациям в СМИ, эта проблема весьма актуальна для современных этнически смешанных семей: «Началась путина, а вопрос о доверенности вылова рыбы детям КМНС так и остался без решения. Каждый год мы ищем способ, как и где оформить доверенность на вылов рыбы дочери, изменившей фамилию. Ловит отец. Ясно, что дочь с детьми не будет заниматься выловом. Однако вести добычу водных биоресурсов отцу представительницы КМНС запрещено, поскольку он не имеет соответствующего разрешения. Где можно подтвердить родство? Нотариально это делать каждый год очень дорого»¹¹.

Недовольство местных жителей вызывают существующие ограничения по орудиям лова, видам и срокам вылова рыбы.

Приказом Минсельхоза России от 22.10.2014 № 402 (ред. от 28.06.2017) «Об утверждении правил рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна» (VIII. Традиционное рыболовство) регламентированы способы добычи (вылова) водных биоресурсов:

П. 52.1. В Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе запрещается применение любых орудий и способов добычи (вылова), за исключением традиционных способов добычи (вылова) водных биоресурсов <...>

в русле р. Обь, в протоках и сорах при осуществлении добычи (вылова) чира (щекура) – одной ставной или плавной сети длиной не более 75 м, высотой стены (стенью) не более 3 м, с размером (шагом) ячеи – 60–65 мм;

при осуществлении добычи (вылова) пеляди (сырка) и стерляди – ставных или плавных сетей, длиной не более 75 м, высотой стены (стенью) не более 3 м, с размером (шагом) ячеи – 40–45 мм;

в реке Северная Сосьва при осуществлении добычи (вылова) тугуна (со-

⁹ Для рыбаков ХМАО установили суточный лимит на вылов рыбы. Доступ: <http://ugra-news.ru> (дата обращения: 28.08.2017).

¹⁰ Югорские коренные жители согласны на квоту 300 килограммов рыбы в год на человека. Доступ: <http://sever-press.ru/vse-novosti/item/35575> (дата обращения: 16.12.2017).

¹¹ Магаданская правда. Доступ: <http://magadanpravda.ru/article/105968/>.

сьвинская сельдь) – плавных сетей длиной не более 75 м, высотой стены (стенью) не более 2 м, с размером (шагом) ячеи – 18 мм; неводов длиной не более 25 м, с размером (шагом) ячеи в крыльях – 18 мм, в мотне – 10 мм;

При осуществлении традиционного рыболовства лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинами запрещается применение сетных орудий добычи (вылова) из лески (мононити)¹².

Крайне забюрократчены также порядок учета улова и приемки водных биоресурсов, отчетность по вылову рыбы. Этот же приказ (П. 47.3.) гласит, что в случае осуществления традиционного рыболовства лица из числа КМНС и их общины:

а) обеспечивают отдельный учет улова водных биоресурсов и приемки уловов водных биоресурсов *по видам* водных биоресурсов, *указание весового* (размерного) или *поштучного* (для водных млекопитающих) *соотношения* видов в улове водных биоресурсов, *орудий добычи (вылова) и мест добычи* (вылова) (район, подрайон, промысловая подзона, квадрат) в промысловом журнале и других отчетных документах;

б) представляют в территориальные органы Росрыболовства сведения о добыче (вылове) водных биоресурсов:

- не позднее 18 и 3 числа каждого месяца по состоянию на 15 и последнее число месяца – в случае осуществления добычи (вылова) с предоставлением рыбопромыслового участка;

- ежегодно, не позднее 20 января года, следующего за отчетным, – в случае осуществления добычи (вылова) без предоставления рыбопромыслового участка¹³.

Заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по делам национальностей, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Г.П. Ледков утверждает, что «несовершенство законодательной базы, бюрократизм и бумажная волокита, попускаемая недобросовестными чиновниками, не позволяют коренным малочисленным народам воспользоваться в полной мере своими правами» (Ледков 2015: 4). Выдержка из другого его интервью: «Сегодня охотник или рыбак, имеющий вроде бы законное право на “свободную” добычу, вынужден ехать из тундры за сотни километров в ближайший населенный пункт, чтобы на общих основаниях подать в электронном виде заявку <...> И если даже вдруг он получит мизерную квоту на промысел, а потом вдруг не сможет вовремя приехать и отчитаться, то на него наложат штрафные санкции и лишат доступа к биоресурсам»¹⁴.

Более того, в нормативные документы, на основе которых северные аборигены занимаются добычей рыбы, периодически вносятся изменения, усложняющие промысел (например, отменено внеконкурсное предоставление промысловых

¹² Приказ Минсельхоза России от 22.10.2014 № 402 (ред. от 28.06.2017) «Об утверждении правил рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 24.10.2017).

¹³ Там же.

¹⁴ О правах коренных народов и устаревшем законодательстве // Тюменские известия, 2019. № 37 (7096). Дос-тип: https://t-i.ru/articles/25393?fbclid=IwAR1jz8gzDSKytrsEWQL_DqvmGcQB-DrPQjQV0HLg-KOXFn_oMwKrm02QPEJk.

участков, исключен принцип приоритетности их предоставления и др.)¹⁵. Попытки ограничить общинное рыболовство даже квалифицируются некоторыми исследователями как один из видов дискриминации: лишение коренных народов возможности принимать участие в экономической жизни страны в доступных для них формах (Тураев 2017: 177–194).

Браконьеры поневоле?

В сложившихся условиях одной из актуальных для коренных жителей является проблема браконьерства («Раньше мы назывались рыбаками, а теперь – браконьерами»). Некоторые из них откровенно заявляют, что им проще заплатить штраф, «если поймают», чем следовать всем предписаниям. Существует негласный, но непрекращающийся конфликт с рыбнадзором («Обложили народ законами»; «Он тут живет, имеет право на использование природных ресурсов»; «Рыбоохрана влезла в систему межнациональных отношений»; «Вы лучше преступников ловите, а не рыбаков. Наркоманов, казнокрадов и жуликов»).

Проблема истощения рыбных запасов в Оби между тем существует. В одном из интервью СМИ представитель Нижнеобского территориального управления Федерального агентства по рыболовству сообщил, что по усредненным данным, ежегодно в Югре незаконно добывается около 30% водных биоресурсов. Борьба с браконьерством ведется посредством штрафных санкций: «У нас за каждый незаконный вылов одной мужской особи муксуна налагается 420 рублей штрафа. За самочку икрынюю – в два раза больше. При этом размер рыбы значения не имеет. Учитывая, что муксун находится на грани исчезновения, такие штрафы слишком малы. За осетра нашего обского – сегодня 10 тысяч рублей штрафа, за стерлядь – 420 рублей. Просто эти штрафы с 2000-го года еще не пересматривались. Идет инфляция, все дорожает, а размер наказаний за нанесенный ущерб водным биологическим ресурсам остается на прежнем уровне»¹⁶. Для нашей темы показательным дальнейшее рассуждение инспектора, отвечающего на вопросы журналиста:

- Браконьеры в Югре – это прежде всего славяне или представители малочисленных народов Севера?

- Для воровства, так же, как и для браконьерства, нет национальности. Есть по-

¹⁵ Если в соответствии с прежним порядком, утвержденным Приказом Минсельхоза РФ от 22.02.2006 № 56, рыбопромысловые участки для осуществления традиционного рыболовства предоставлялись лицам, относящимся к малочисленным народам, и их общинам на основании договоров пользования рыбопромысловыми участками без проведения конкурсов на право заключения указанных договоров, то в настоящее время к коренным малочисленным народам применяется общий порядок заключения договоров, установленный ст. 33.3 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». В соответствии с этой статьей договор о предоставлении рыбопромыслового участка заключается по результатам конкурса на право заключения такого договора. В такой ситуации коренные малочисленные народы проигрывают конкурсы промышленным компаниям, ведь они создавались не для получения прибыли, что является первостепенным условием для любой коммерческой структуры, а для обеспечения традиционного образа жизни. Например, за последнее время около 30 общин коренных малочисленных народов в Камчатской области постепенно через конкурсы лишились рыбопромысловых участков (Анисимова 2009). См. также: Кряжков 2010.

¹⁶ Югра: Рыбоохрана России. В ближайшие годы муксун может исчезнуть. Доступ: <http://hanty-mansiysk.fishretail.ru> (дата публикации: 19.09. 2013).

нятие браконьер, а есть – нарушители рыболовства. Это две большие разницы. Возьмите наш Ханты-Мансийский автономный округ – у нас самый большой вид браконьерства с выловом сиговых и осетровых видов рыб в Березовском, Октябрьском и Ханты-Мансийском районах. С чем это связано? Возьмите карту – посмотрите. У нас Нижневартовский, Сургутский, Нефтеюганский районы – нефтяники и газовики. То есть народ обеспечен работой. У них другой вид заработка. Они все имеют постоянный доход. Взять территорию ниже Ханты-Мансийска по реке. Там находятся деревни, население которых раньше было занято в леспромпхозах, колхозах, совхозах. Отсутствие постоянного заработка провоцирует браконьерство. Они в открытую, не стесняясь, говорят инспекторам рыбоохраны в ходе профилактических бесед: «Извините, но у меня четверо детей. Получаю дотацию. Работы нету. А семью кормить надо: или дайте мне работу, или не мешайте. Да, я летом в путину ловлю рыбу, зимой – меняю ее или продаю». Отсюда семейные драмы. И такое положение дел наблюдается вплоть до Обской губы. Гляньте на карту – сколько деревень!

- *Получается, если людей обеспечить рабочими местами, то и незаконный вылов рыбы пойдет на спад?*

- Да! Такого же раньше не было. Я с 1986 года работаю в рыбоохране в Югре. Раньше если люди незаконно ловили, то только для личного потребления. А сейчас в первую очередь на продажу.

То же самое со стороны коренного национального населения. Сегодня традиционное рыболовство, на мой взгляд, превратилось в бизнес, средство наживы. Я же вижу на реке, что он ловит до тех пор, пока не запишешь, что он квоту закрыл. Если в 2011 году аборигенам было выдано 1 200 тонневых журналов (специальная книга, в которой указывается количество выловленной рыбы), то в 2012-м – 3 200, в текущем – 3 120. Добавьте к этому 1 200 разрешений на промышленное рыболовство. В общей сложности, по моим подсчетам, учитывая еще браконьерский лов, то более 5 тысяч бударок (лодка, оборудованная специализированными орудиями лова: в частности, сетями от 150 до 300 метров длиной. – Е.П.), занято на рыбном промысле в Югре¹⁷.

Действительно, в аборигенных сообществах существует своя правда. Там различают формальный «государственный закон» и «моральный закон», который может стать оправданием браконьерства. Ведь то, что определяется как браконьерство по закону, для многих представителей КМНС – это способ выжить в ситуации, когда рыболовство для человека является основной сферой занятости и у него нет другой работы (Функ 2015 и др.). Сами люди так говорят о своих проблемах: «Вот у нас ввели эти лицензии или квоты, да?! <...> Живущие в деревне, я по своей деревне скажу, они все безработные, они добывают рыбу, ну, сколько может рыбак, пусть сто муксунов поймает, раньше сто муксунов это ноль было. А ему эту рыбу надо продать, чтобы купить муку, сахар. Вот, сюда привозят, начинают втихаря где-то продавать. Вот это проблема большая. Если в открытую ловят, все! Сколько дел заводят, вплоть до уголовного дела»; «В связи с этим законом, который принят у нас, он сам не может реализовать эту рыбу, он должен через общину. Сам должен по квотам 2 кг в день белой рыбы, в сутки 2 кг рыбы, что это значит. А если у него сто штук, это уже браконьерство, и он уже нарушитель закона, если он попадется, то его осудят. А если бы он через общину как-то, да, то он может реализовать, он сдал председателю общины. А общине проблема – сбыть эту рыбу некуда фактически» (Отчет 2012).

¹⁷ Югра: Рыбоохрана России. В ближайшие годы муксун может исчезнуть. Доступ: <http://hanty-mansiysk.fishretail.ru> (дата публикации: 19.09. 2013).

Идентификационные коллизии

В числе препятствий для практического решения вопросов, касающихся защиты интересов северных аборигенов в сфере природопользования, особо следует отметить идентификационные коллизии, связанные с определением коллективных и индивидуальных прав КМНС, а именно, с выделением (идентификацией) субъектов таких прав. Для того чтобы воспользоваться гарантированным правом, человек должен представить документы, подтверждающие его принадлежность к коренным малочисленным народам. Отсутствие в Российской Федерации официального порядка такого подтверждения затрудняет представителям КМНС реализацию прав, предусмотренных законодательством, и в то же время ставит иногда в сложное положение природоохранные и правоохранительные органы, осуществляющие контроль за законностью добычи (вылова) водных ресурсов.

Социальные преференции делают экономически привлекательным социальный статус «коренные малочисленные народы» для некоторых лиц, имеющих к этим народам весьма далекое отношение. При этом настоящим аборигенам, жителям прибрежных рыбацких сел, бывает сложно конкурировать с пробивными дельцами, развивающими теневой бизнес на социальных обязательствах государства¹⁸. В такой ситуации реализация приоритетных прав коренных малочисленных народов сводится к злоупотреблению со стороны одних лиц (фактически не являющихся представителями КМНС) и незащищенности других. Сама по себе эта ситуация содержит конфликтогенный потенциал и требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Федеральным агентством по делам национальностей совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока были разработаны поправки в Федеральный закон о «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», касающиеся создания реестра коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни и осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности. Законопроект, касающийся этих поправок, был внесен в начале 2016 г. в Государственную Думу, однако получил отрицательный отзыв в Министерстве юстиции РФ.

14 марта 2017 г. вопросы правового регулирования традиционного рыболовства и внесения изменений в закон об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов России были рассмотрены в Госдуме в рамках круглого стола на тему «Совершенствование федерального законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В ходе дискуссии заместитель руководителя Росрыболовства В.И. Соколов подчеркнул: чтобы изменить ситуацию, необходимо перейти на адресное закрепление права пользования водными биоресурсами для осуществления традиционного рыболовства. Предлагается уйти от заявительного принципа, создать реестр КМНС при каждом субъекте и передать полномочия по регулированию этого вида рыболовства на уровень субъектов Российской Федерации¹⁹.

Сегодня многие эксперты поддерживают идею создания «именных реестров», хотя выработка критериев отнесения граждан к коренным малочисленным народам

¹⁸ Там же.

¹⁹ Таюрский В. По тундре на ошупь // *Российская газета – Экономика Дальнего Востока*. № 6844 (0) Доступ: <http://rg.ru>

остаётся проблемой. Ещё в 1989 г. В.А. Тишков предлагал паспортную фиксацию заменить иной практикой: «... сугубо индивидуальное право самоидентификации должно дополняться коллективным правом местных общин и органов власти определять принадлежность граждан к той или иной группе, чтобы избежать возможных попыток намеренно отнести себя к национальности, члены которой пользуются <...> определенными привилегиями и специфическими правами» (Тишков 2009: 18). В современных условиях необходимость выполнения такой работы возрастает в связи с существующей конкуренцией за доступ к природным ресурсам в условиях их промышленного освоения. Для обретения статуса коренных малочисленных народов необходимо выработать процедуру его получения отдельными гражданами, а пока этот вопрос юридически не урегулирован, должны быть найдены другие пути, возможно, составление списков органами местного самоуправления совместно с организациями коренных народов (Новикова 2014: 72).

Выводы и рекомендации

В ходе исследования выявлены позитивные и негативные факторы, оказывающие влияние на социально-экономическое состояние сельских сообществ Обского Севера. Отмечено, что в ХМАО – Югре действует разветвленная система государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, охватывающая в т.ч. и сферу рыболовства. Тем не менее сегодня реализация законных прав представителей КМНС затруднена множеством бюрократических преград, делающих людей «браконьерами поневоле». Это и несовершенство законодательной и нормативной базы, на основе которой осуществляется традиционное рыболовство, и заявительный принцип получения прав на рыбодобычу, и объемы квот на вылов для личного потребления, и ограничения по орудиям лова, видам и срокам вылова рыбы, и сложный порядок учета улова и отчетности по вылову рыбы, и проблемы сбыта.

В качестве рекомендаций по улучшению ситуации предлагается:

- совершенствовать законодательную и нормативную базу, на основе которой осуществляется традиционное рыболовство;
- упростить систему доступа к водным биоресурсам законным представителям коренных малочисленных народов Севера;
- повысить уровень участия самих аборигенов и их объединений в принятии решений, касающихся традиционного рыболовства;
- развивать систему информирования и юридического консультирования по вопросам, связанным с осуществлением традиционной хозяйственной деятельности народов Севера.

Литература

- Анисимова 2009 – Анисимова К.Л. Обеспечение прав коренных малочисленных народов на рыболовство // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 2009. № 2. С. 135–139.
- Арсланов 2008 – Арсланов Р.К. Развитие традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера как одно из направлений диверсификации экономики ХМАО–ЮГРЫ // *Вестник Югорского государственного университета*, 2008. Вып. 1 (8). С. 3–8.
- Бударин 1952 – Бударин М.Е. *Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири*.

- Омск, 1952. 187 с.
- Варпаховский 1898 – Варпаховский Н.А. *Рыболовство в бассейне реки Оби*. Санкт-Петербург, 1898. Т. 1. 143 с.
- Головнев 1993 – Головнев А.В. *Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири*. Новосибирск: НГУ, 1993. 203 с.
- Дунин-Горкавич 1904 – Дунин-Горкавич А.А. *Тобольский Север*. Т. 1. Тобольск; Санкт-Петербург, Тобольск. 1904.
- Дунин-Горкавич 1911 – Дунин-Горкавич А.А. *Тобольский Север*. Т. 3. Тобольск; Санкт-Петербург, Тобольск, 1911. 140 с.
- Дунин-Горкавич 1915 – Дунин-Горкавич А.А. *Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера (по регистрации 1914 г.)*. Тобольск, 1915. 97 с.
- Карих 2004 – Карих Е.В. *Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX–начале XX вв.* Томск, 2004. 232 с.
- Карцов 1937 – Карцов В.Г. *Очерки истории народов Северо-Западной Сибири*. М., 1937. 132 с.
- Кряжков 2010 – Кряжков В.А. *Коренные малочисленные народы Севера в российском праве*. Москва: Норма, 2010. 560 с.
- Куриков 2012 – Куриков В.М. Перспективы развития традиционных отраслей хозяйствования на территориях сельских поселений Югры // *Вестник угроведения*, 2012. Т. 2. № 4 (11). С. 147–154.
- Лапина 1996 – Лапина М.А. *Нормативные установки хантов в обращении с рыбой // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н.В. Лукиной*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. Вып. 3. С. 66–70. С. 69.
- Ледков 2015 – Ледков Г.П. Смена, которой можно доверять // *Мир коренных народов. Живая Арктика*, 2015. № 32. С. 4–8.
- Логинов, Попков, Тюгашев 2009 – Логинов В.Г., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. *Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 138 с.
- Мартынова 2017 – Мартынова Е.П. Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике // *Вестник угроведения*, 2017. Том 31 (4). С. 119–130.
- Мартынова, Пивнева 2001 – Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. *Традиционное природопользование народов Северного Приобья*. М., 2001. 152 с.
- Новикова 2014 – Новикова Н.И. *Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии*. Москва: Наука, 2014. 407 с.
- Отчет 2012 – Отчет о научно-исследовательской работе. *Социологическое исследование на тему: «Изучение потребностей представителей коренных малочисленных народов Севера в вопросах сохранения родного языка и традиционной культуры»*. Ханты-Мансийск [б.и.] 2012. 120 с.
- Павлинская 1997 – Павлинская Л.Р. (отв. ред.). *Природа и цивилизация: Реки и культуры*. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. 271 с.
- Павлинская 2007 – Павлинская Л.Р. (отв. ред.). *Реки и народы Сибири*. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 281 с.
- Пермитина 2015 – Пермитина М. А. Проблемы и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // *Вестник Югорского университета*, 2015. № 2 (38). С. 74–82.
- Пивнева 2018 – Пивнева Е.А. Рыболовы Обского Севера в картинах повседневности // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)*. Материалы международной научной конференции, 15–17 марта 2018 г. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 244–248.
- Поляков 1877 – Поляков И.С. *Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Приложение к XXX-му тому Записок Имп. Акад. Наук*. Санкт-Петербург, 1877. 187 с.

- Санкин 2008 – Санкин Е.В. *Масштабы рыболовства и его регулирование в Западной Сибири в XIX – начале XX вв.* Дисс...канд. ист. наук. Сургут, 2008. 188 с.
- Новикова, Функ 2012 –Новикова Н.И., Функ Д.А. (отв. ред.) *Север и Северяне: Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.* М.: ИЭА РАН, 2012. 282 с.
- Сергеев 1955 – Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // *Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVII.* Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 571 с.
- Смоляк 1984 – Смоляк А.В. *Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект.* Москва: Наука, 1984. 246 с.
- Тишков 2009 – Тишков В.А. Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений (Материалы для обсуждения на методологическом семинаре ИЭА РАН 26 ноября 2009 г.) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* Москва, 2009. Вып. 200. 47 с.
- Тураев 2017 – Тураев В.А. Традиционное рыболовство как конфликт интересов аборигенных сообществ, бизнеса и власти // *Россия и АТР.* 2017. № 2. С. 177–194.
- Федорова 2000 – Федорова Е.Г. *Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси.* Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2000. 365 с.
- Функ 2015 – Функ Д.А. (под ред.). *Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина.* М.: ООО «Издательство Демос», 2015. 272 с.
- Хакназаров 2016 – Хакназаров С.Х. *Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО – Югры (по материалам социологических исследований).* Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.
- Харамзин 2004 – Харамзин Т.Г. *Традиционное природопользование как основа развития материальной и духовной культуры обских угров (по материалам социологических исследований).* Москва: Изд-во ИКАР, 2004. 240 с.
- Ямсков, Власкина 2013 – Ямсков А.Н., Власкина Т.Ю. Рыболовецкие сообщества и традиционное рыболовство на казачьем юге России // *Этнографическое обозрение,* 2013. № 5. С. 3–13.

References

- Anisimova, K.L. 2009. Obespechenie prav korenny`x malochislenny`x narodov na ry`bolovstvo [Ensuring the rights of indigenous peoples to fishing]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social`no-e`konomicheskie i pra-vovy`e issledovaniya.* 2: 135–139.
- Arslanov, R.K. 2008. Razvitie tradicionny`x promy`slov korenny`x malochislenny`x narodov Severa kak odno iz napravlenij diversifikacii e`konomiki XMAO–YuGRY [Development of traditional crafts of indigenous peoples of the North as one of the directions of diversification of the economy of the KHAMAO–YUGRA]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1 (8): 3–8.
- Budarin, M.E. 1952. *Proshloe i nastoyashhee narodov Severo-Zapadnoj Sibiri* [Past and present of the peoples of North-Western Siberia]. Omsk [w.p.].
- Varpaxovskij, N.A. 1898; 1902. *Ry`bolovstvo v bassejne reki Obi* [Fishing in the Ob river basin.] St.Peterburg, Vol. 1, 2.
- Golovnev, A.V. 1993. *Istoricheskaya tipologiya xozyajstva narodov Severo-Zapadnoj Sibiri.* Novosibirsk: NSU.
- Dunin-Gorkavich, A.A. 1904; 1910; 1911. *Tobol`skij Sever* [Tobolsk North]. Vol. 1, 2, 3. Tobol`sk; St.Peterburg, Tobol`sk.
- Dunin-Gorkavich, A.A. 1915. *Svedeniya o ry`bolovny`x ugod`yax Tobol`skogo Severa (po registracii 1914 g.)* [Data on fishing grounds of the Tobolsk North (by registration of 1914)]. Tobol`sk [w.p.].

- Karikh, E.V. 2004. *Mezhe`tnicheskie otnosheniya v Zapadnoj Sibiri v processe ee xozyajstven-nogo osvoeniya v XIX–nachale XX vv.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the XIX – early XX centuries]. Tomsk.
- Karczew, V.G. 1937. *Ocherki istorii narodov Severo-Zapadnoj Sibiri* [Essays on the history of the peoples of North-Western Siberia]. Moscow.
- Kryazhkov, V.A. 2010. *Korenny`e malochislenny`e narody` Severa v rossijskom prave* [Indigenous peoples of the North in Russian law]. Moscow: Norma.
- Kurikov, V. M. 2012. Perspektivy` razvitiya tradicionny`x otraslej xozyajstvovaniya na ter-ritoriyax sel`skix poselenij Yugry` [Prospects of development of traditional branches of economy on territories of rural settlements of Yugra]. *Vestnik ugrovedeniya*. 4 (11): 147–154.
- Lapina, M.A. 1996. Normativny`e ustanovki xantov v obrashhenii s ry`boj. In *Narody` Severo-Zapadnoj Sibiri*, edited by N.V. Lukina, 66–70. Tomsk: Tomsk University. Vol. 3. Ledkov, G.P. 2015. Smena, kotoroj možno doveryat` [Change, which can be trusted]. *Mir korenny`x narodov. Zhivaya Arktika*. 32: 4–8.
- Loginov, V.G., Yu.V. Popkov, and E.A. Tyugashev 2009. *Korenny`e malochislenny`e narody` Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka: politiko-pravovoj status i social`no-e`konomicheskoe polozenie* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: political and legal status and socio-economic situation. Yekaterinburg: Institute of Economics]. Ekaterinburg: Institute of Economics, UB RAS.
- Martynova, E.P. 2017. Tradicionny`e otrasli xozyajstva obskix ugrov: sovremenny`e adaptivny`e strategii v ry`nochnoj e`konomie [Traditional branches of economy of Ob Ugrians: modern adaptive strategies in market economy]. *Vestnik ugrovedeniya*. 31 (4): 119–130.
- Martynova, E.P., Pivneva E.A. 2001. *Tradicionnoe prirodopol`zovanie narodov Severnogo Priob`ya* [Traditional nature management of the peoples of the Northern Ob region]. Moscow. 152 p.
- Novikova, N.I. 2014. *Oxotniki i neftyaniki: Issledovanie po juridicheskoy antropologii* [Hunters and oilmen: a study in legal anthropology]. Moscow: Nauka. 407 p.
- Otchet o nauchno-issledovatel`skoj rabote. Sociologicheskoe issledovanie na temu: «Izuchenie potrebnoej predstavitelej korenny`x malochislenny`x narodov Severa v vo-prosax soxraneniya rodnogo yazy`ka i tradicionnoj kul`tury`»* [Report on research work. Sociological study on the topic: «Studying the needs of representatives of the indigenous minorities of the North in the issues of preserving their native language and traditional culture»]. Khanty-Mansijsk [w.p.].
- Pavlinkaya, L.R. (ed.). 1997. *Priroda i civilizaciya: Reki i kul`tury`* [Nature and civilization: Rivers and cultures]. St. Petersburg: Evropejskij Dom.
- Pavlinkaya, L.R. (ed.). 2007. *Reki i narody` Sibiri* [The river and the peoples of Siberia]. St. Petersburg: Nauka.
- Permitina, M.A. 2015. Problemy` i perspektivy` razvitiya ry`boxozyajstvennogo kompleksa v Xanty`-Mansijskom avtonomnom okruge – Yugre [Problems and prospects of development of fishery complex in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. *Vestnik Yugorskogo universiteta*. 2 (38): 74–82.
- Pivneva, E.A. 2018. Ry`bolovy` Obskogo Severa v kartinax povsednevnosti. *Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost` (regional`ny`j aspekt)*. *Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 marta 2018 g.* [Anglers of the Ob North in pictures of everyday life // Private and public in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspect). Proceedings of the international scientific conference, 15-17 March 2018]. 244–248. St. Peterburg: Kul`turno-prosvetitel`skoe tovarishhestvo.
- Polyakov, I.S. 1877. *Pis`ma i otchety` o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po poru-cheniyu Imperatorskoj Akademii nauk. Prilozhenie k XXX-mu tomu Zapisok Imp. Akad. Nauk* [Letters and reports on the journey to the valley of the Ob river, executed at the time of the Imperial Academy of Sciences. Annex to the XXX-th that Briefs Uti. Acad. Sciences']. St. Peterburg.
- Sankin, E.V. 2008. Masshtaby` ry`bolovstva i ego regulirovanie v Zapadnoj Sibiri v XIX – nachale

- XX vv [Scales of fishery and its regulation in Western Siberia in XIX – the beginning of XX centuries]. PhD diss. Surgut.
- Novikova, N.I., and D.A. Funk (eds). 2012. *Sever i Severjane: Sovremennoe polozhenie korenny`x malochislenny`x narodov Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka* [North and Northerners: The current situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. Moscow: IEA RAS.
- Sergeev, M.A. 1955. *Nekapitalisticheskiy put` razvitiya maly`x narodov Severa* [Non-Capitalist way of development of small peoples of the North // Proceedings of the Institute of Ethnography. New series.]. *Trudy` In-stituta e`tnografii. Novaya seriya*. Vol. XXVII. Moscow; Leningrad: Izd. Akad. nauk USSR.
- Smolyak, A.V. 1984. *Tradicionnoe xozyajstvo i material`naya kul`tura narodov Nizhnego Amura i Saxalina. E`tnogeneticheskij aspekt* [Traditional economy and material culture of the peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2009. Dvadczat` let spustya: Opy`t pereosmy`sleniya teorii i praktiki mezhnacional`ny`x otnoshenij (Materialy` dlya obsuzhdeniya na metodologicheskom seminare IE`ARAN 26 noyabrya 2009 g.) [Twenty years later: The Experience of rethinking the theory and practice of interethnic relations (Materials for discussion at the methodological seminar of IEA RAS November 26, 2009)]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj e`tnologii*. Moscow. Vol. 200.
- Turaev, V.A. 2017. Tradicionnoe ry`bolovstvo kak konflikt interesov aborigenny`x soob-shhestv, biznesa i vlasti [Traditional fishing as a conflict of interests of aboriginal communities, business and government]. *Rossiya i ATR* 2: 177–194.
- Fedorova, E.G. 2000. Ry`bolovy` i oxotniki bassejna Obi: problemy` formirovaniya kul`tury` xantov i mansi [Anglers and hunters of the Ob basin: problems of formation of culture of hunts and Mansi]. St. Peterburg: Evropejskij Dom.
- Fun.k D.A. (ed.). 2015. Kul`tura i resursy`. Opy`t e`tnologicheskogo obsledovaniya sovre-mennogo polozheniya narodov Severa Saxalina [Culture and resources. Experience of ethnological examination of the modern situation of the peoples of the North of Sakhalin]. Moscow: OOO «Izdatel`stvo Demos».
- Haknazarov, S.X. 2016. *Problemy` social`no-e`konomicheskogo razvitiya territorij tradi-cionnogo prirodopol`zovaniya korenny`x narodov XMAO – Yugry` (po materialam sociolo-gicheskix issledovaniy)* [Problems of socio-economic development of the territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (based on sociological research).]. Khanty`-Mansijsk: Yugorskij format.
- Haramzin, T.G. 2004. *Tradicionnoe prirodopol`zovanie kak osnova razvitiya material`noj i duxovnoj kul`tury` obskix ugrov (po materialam sociologicheskix issledovaniy)* [Traditional nature management as the basis for the development of the material and spiritual culture of the Ob Ugrians (based on sociological research).]. Moscow: IKAR.
- Yamskov, A.N., Vlaskina T.Yu. 2013. Ry`boloveczkie soobshhestva i tradicionnoe ry`bolovstvo na kazach`em yuge Rossii [Fishing communities and traditional fishing in the Cossack South of Russia]. *E`tnograficheskoe obozrenie*. 5: 3–13.

Elena A. Pivneva. «How much does a fish tail weigh?»: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North

The article discusses the impact of government measures in regulating production of fish resources on daily life of fishing communities of the Ob North and on related public moods. The main conclusions are based on the data obtained during expeditionary works in Beloyarsky, Oktyabrsky and Berezovsky districts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Ugra) and introduce indigenous peoples' opinions in scientific discourse. Associated normative documents, scientific literature and publications in the media were also used in the article.

The study identified positive and negative factors affecting the socio-economic condition of rural communities of the Ob North. It is noted that a wide system of state support has been formed in Yugra, which allows to promote the development of indigenous traditional economic activities

including fishing. At the same time, in reality people faced many bureaucratic obstacles that impede realization of their legal rights and make them « involuntary poachers». Among such obstacles are: the declarative principle of granting rights to fish production; quotas for personal consumption; restrictions on fishing gear, species of fish and the timing of its catch; complicated procedure for accounting catch amount and reporting on it; selling problems; imperfection of legislative and regulatory framework on the basis of which traditional fishing is carried out.

Special attention is paid to identification of collisions related to the lack of documentary evidence of the Russian Federation citizens belonging to indigenous peoples. It makes difficult the implementation of their rights provided by the legislation and confuses environmental authorities, which are monitoring the legality of the extraction (catch) of water resources. Existing situation creates potential conflicts and requires corresponding changes in the current legislation.

Key words: *indigenous peoples of the Ob North, traditional fishing, measures of state support, ethnicity, bureaucracy.*

ЛИЧНОСТИ И АНТРОПОЛОГИЯ

DOI:10.33876/2311-0546/2019-46-2/103-118
УДК 572+101.9

© Ю.Н. Феденок, В.Н. Буркова, Д.А. Дронова,
Ю.И. Апалькова, Е.В. Веселовская

МАРИНА ЛЬВОВНА БУТОВСКАЯ: ЧЕЛОВЕК ОДНОЙ ИДЕИ – ИДЕИ НАУКИ!

В статье представлены биография и анализ работ известного ученого-этолога Марины Львовны Бутовской. М.Л. Бутовская внесла выдающийся вклад в изучение эволюционных основ поведения человека, в развитие фундаментальных представлений об эволюции социального поведения человека и его универсальных биосоциальных основ. Марина Львовна получила известность и признание как ученый, ориентированный на решение

*Рис. 1. Марина Львовна Бутовская,
г. Москва, 1982 г.
(семейный архив семьи Бутовских).*

Феденок Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32 А). Эл.почта: fedenok.julia@gmail.com. **Fedenok Julia N.** – Institute of Ethnology and anthropology (Russia, Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: fedenok.julia@gmail.com.

Буркова Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32 А). Эл.почта: burkovav@gmail.com. **Burkova Valentina N.** – Institute of Ethnology and anthropology (Russia, Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: burkovav@gmail.com.

Дронова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32 А). Эл. почта: dariadronova@yandex.ru. **Dronova Daria A.** – Institute of Ethnology and anthropology (Russia, Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: dariadronova@yandex.ru.

Апалькова Юлия Игоревна – младший научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32 А). Эл.почта: julia.apalkova@gmail.ru. **Apalkova Julia I.** – Institute of Ethnology and anthropology (Russia, Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: julia.apalkova@gmail.ru.

Веселовская Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32 А). Эл.почта: labrecon@yandex.ru. **Veselovskaya Elizaveta V.** – Institute of Ethnology and anthropology (Russia, Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: labrecon@yandex.ru.

*Статья подготовлена в рамках НИР №01201370995 «Кросскультурные и междисциплинарные исследования».

фундаментальных вопросов эволюции, связанных с формированием морфологического облика и поведенческих стратегий современного человека. Ей принадлежит заслуга в изучении целого ряда теоретических проблем исторического, антропологического и в целом гуманитарного знания.

Ключевые слова: *Марина Львовна Бутовская, этология человека, эволюционная психология, генетика поведения, кросскультурная психология*

27 июня 2019 года исполняется 60 лет выдающемуся российскому ученому-антропологу, талантливому педагогу и популяризатору науки, профессору, доктору исторических наук, Марине Львовне Бутовской. Биография Марины Львовны – это жизнь в науке и для науки, с полной самоотдачей любимому делу. Как верно отметила коллега и друг М.Л. Бутовской со студенческих лет, доктор исторических наук Е.В. Веселовская: «Марина Львовна – человек одной идеи – идеи науки!»

Родилась Марина Львовна Бутовская в семье врачей в г. Черкассы Украинской АССР. Марина Львовна – человек одаренный во многих областях, с детства профессионально занималась художественной гимнастикой и даже какое-то время хотела связать свою жизнь с этим видом спорта, но главным ее увлечением была биология и поведение человека и животных.

После окончания школы с золотой медалью в 1977 г. она поступила на Биологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, где специализировалась по кафедре «Антропология». Со своим научным руководителем доктором биологических наук М.А. Дерягиной Марина Львовна проводила первые в своей научной деятельности исследования в области этологии приматов. М.Л. Бутовская изучала поведение обезьян (социальное, агрессивное, коммуникативное),

Рис. 2. Учеба в МГУ – М.Л. Бутовская с научным руководителем М.А.Дерягиной, Москва, 1980 г. (семейный архив семьи Бутовских).

принимала активное участие в экспедициях, публиковала свои первые научные работы по реконструкции ранних этапов антропогенеза.

Огромное значение в развитии и становлении взглядов Марины Львовны на природу поведения человека оказали длительные полевые экспедиции, связанные с изучением социального поведения приматов в Сухумском приматологическом центре и его филиале в с. Тамыш Абхазской АССР (1979–1991 гг.). Данный опыт позволил молодому учено-

му приобрести ценные навыки исследователя-полевика, так пригодившиеся в будущем. В дальнейшем М.Л. Бутовская проводила исследования в Российском приматологическом центре (ныне НИИ медицинской приматологии РАН) в г. Адлер (с 1992 – по настоящее время), в приматологических центрах Кассельского университета Германии (1992–1993 гг.) и Страсбургского университета Франции (1999–2001 гг.).

Уже в студенческие годы Марину Львовну отличало страстное увлечение наукой. Все ее интересы, все стороны жизни были подчинены антропологии. Даже в обыденных беседах с друзьями и коллегами разговор обязательно сводился к обсуждению различных аспектов любимой науки. Еще учась в Университете, Марина Львовна вышла замуж за своего однокурсника, Руслана Олеговича Бутовского, ныне известного специалиста в области экологии, доктора биологических наук, профессора, который всегда горячо поддерживал свою супругу в ее служении науке, часто сопровождая ее в трудных экспедициях. У молодых супругов-студентов вскоре родилась дочь.

После окончания университета в 1982 г. увлечение антропосоциогенезом и эволюцией человека привели М.Л. Бутовскую в очную аспирантуру Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН). Здесь в 1985 г. под научным руководством выдающегося отечественного ученого эволюциониста профессора, д.и.н. А.А. Зубова она защитила кандидатскую диссертацию на тему

Рис. 3. М.Л. Бутовская в Московском зоопарке с орангутаном Мариной, 1980 г. (семейный архив семьи Бутовских).

Рис. 4. М.Л. Бутовская с мужем Р.О. Бутовским в студенческие годы, Москва, 1981 г. (семейный архив семьи Бутовских).

«Этологические механизмы некоторых форм группового поведения приматов как предпосылка антропосоциогенеза» и была зачислена в Отдел физической антропологии. Здесь она под руководством ученицы и сподвижницы М.М. Герасимова кандидата исторических наук Галины Вячеславовны Лебединской освоила метод восстановления лица по черепу и выполнила свои знаменитые реконструкции самки австралопитека афарского «Люси», архантропа с о. Ява, местонахождения Сангиран и др.

Рис. 5. Реконструкции самки австралопитека афарского «Люси», выполненная М.Л. Бутовской (фото Бурковой В.Н.).

Большое влияние на научные интересы М.Л. Бутовской оказала совместная работа и дальнейшая дружба с выдающимися российскими антропологами, академиками РАН Валерием Павловичем и Татьяной Ивановной Алексеевыми. Под совместной редакцией В.П. Алексеева и М.Л. Бутовской в 1989 г. вышел двухтомный труд «Биологические предпосылки антропосоциогенеза», где Мариной Львовной написана глава о реконструкции групповой

организации и социального поведения ранних гоминид в свете данных приматологии. В 2006 г. под редакцией Т.А. Алексеевой вышла монография «Как человек заселил планету Земля» с работами ведущих антропологов России, в том числе М.Л. Бутовской.

Вся научная жизнь М.Л. Бутовской связана с Институтом этнологии и антропологии РАН, где она прошла путь от младшего до главного научного сотрудника. В 1994 г. там же Марина Львовна защитила докторскую диссертацию на тему «Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека». С 2002 г. возглавила Центр эволюционной антропологии ИЭА РАН, в 2005 г. стала заведующей Сектором этологии человека, а с 2008 г. – Сектором кросс-культурной психологии и этологии человека, которым руководит по настоящее время.

С середины 1990-х гг. М.Л. Бутовская ведет активную научно-педагогическую работу. В 1998 г. Марина Львовна была одним из основателей Учебно-научной лаборатории социальной и культурной антропологии (в настоящее время Учебно-научный Центр социальной антропологии) в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). В УНЦСА Марина Львовна по сей день читает авторские курсы «Эволюция человека», «Этология человека», «Теория и практика межкультурной коммуникации», «Полевые методы в этологии человека» будущим социальным антропологам. В 2004 г. Марине Львовне Бутовской было присвоено звание профессо-

ра по кафедре теории и истории культуры в РГГУ.

В настоящее время М.Л. Бутовская также читает курсы «Этология человека с основами эволюционной психологии», «Эволюционные основы поведения человека», «Физическая антропология с основами эволюционной антропологии» в МГУ, Национальном университете «Высшая школа экономики». Марина Львовна работала приглашенным исследователем и читала лекции в крупнейших научных и образовательных центрах мира: в университете Касселя (Кассель, Германия), Страсбургском университете (Страсбург, Франция), Институте этологии человека Общества им. Макса Планка (Андекс, Германия), университете Гронингена (Гронинген, Нидерланды), университете Геттингена (Геттинген, Германия), Вроцлавском университете (Вроцлав, Польша), Карловом университете (Прага, Чехия), Ереванском университете (Ереван, Армения), Венском университете (Вена, Австрия), Томском государственном университете.

В Институте этнологии и антропологии РАН под руководством Марины Львовны плодотворно работает научная группа, в которую входят ее ученики – бывшие студенты РГГУ и МГУ. Также М.Л. Бутовская регулярно читает лекции для аспирантов Института. Под её руководством защищен ряд кандидатских диссертаций.

М.Л. Бутовская получила известность и признание как ученый, ориентированный на

решение фундаментальных вопросов эволюции человека, связанных с формированием морфологического облика и поведенческих стратегий современного человека. Марина Львовна внесла вклад в изучение целого ряда теоретических проблем исторического, антропологического и в целом гуманитарного знания. Сфера научных интересов ученого необычайно широка:

- этология человека и приматов (в том числе изучение универсальных моделей социального поведения и структуры социальных отношений у разных видов приматов, реконструкция ранних этапов развития человеческого общества);
- агрессия и способы мирного разрешения конфликтов (изучение этологических и физиологических механизмов агрессии и ее урегулирования, изучение роли стресса в пост-конфликтном поведении, факторы контроля социальной напряженности на групповом и межгрупповом уровне);
- антропология пола (эволюционные основы выбора полового партнера у че-

Рис. 6. Защита кандидатских диссертаций сотрудников ИЭА РАН Бурковой В.Н. и Феденок Ю.Н. под руководством Марины Львовны Бутовской, Москва, 2012 (архив В.Н. Бурковой).

ловека в традиционных и индустриальных обществах, в том числе половые стратегии, репродуктивный успех, родительское поведение);

- ольфакторная коммуникация;
- невербальная коммуникация и пространственное поведение человека;
- социально-психологическая адаптация человека в новой культурной среде;
- исследования альтруизма и кооперации;
- феномен буллинга (травли в школе);
- поведенческая генетика (этологические вопросы генетики);
- история первобытного общества;
- антропология субсахарской Африки (многолетняя работа среди традиционных бродячих охотников-собирателей (хадза), скотоводов (датога и масаи), земледельцев (исанзу и меру);
- городская антропология (исследования поведения горожан в условиях анонимного взаимодействия на улицах города, структурирование пространственного поведения в разных культурах, изучение структуры городской популяции нищих и взаимоотношений нищих с горожанами).

Исследования народов Восточной Африки, проводимые М.Л. Бутовской с 2003 г., являются уникальными. Многолетние экспедиции сплотили исследователя и исследуемых буквально до родственных доверительных отношений. Именно поэтому Марина Львовна допускается до тайных обрядов и церемоний, которые вряд ли могли быть открыты другому «белому» исследователю. Она является автором ряда фильмов, несущих эту уникальную информацию в научный мир.

Рис. 7. М.Л. Бутовская за работой с мужчиной датога, Танзания, 2010 г. (архив В.Н. Бурковой).

М.Л. Бутовской создан цикл фундаментальных научных трудов. Её работы активно публикуются в многочисленных отечественных и зарубежных изданиях, около ста из которых входят в базы WoS и Scopus. Марина Львовна является автором более 380 публикаций, в том числе более 10 монографий, ставшими уже классическими, – «Этология приматов» (1992, совместно с Дерягиной М.А.) «У истоков человеческого общества» (1993, совместно с Файнбергом Л.А.), «Natural Conflict resolution» (2000, в соавторстве с Ф. Аурели, Ф. де Ваалем, П. Вербик и др.), «Систематика и поведение приматов» (2004, совместно с Дерягиной М.А.), «Язык тела: природа и культура» (2004), «Мужчина и женщина в зеркале эволюции» (2004), «Власть, пол и репродуктивный успех» (2005), «Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции» (2004), «Агрессия и мирное сосуществование» (2006, с соавторами), «Обнажение

Рис. 8. Бутовская М.Л. с одним из соавторов монографии «War, Peace and Human Nature» Д. Фраем (крайний слева), известным приматологом П. Вербик (в центре) и другими учеными на Международной конференции по этологии человека в Венгрии, 2008 г. (архив В.Н. Бурковой).

языка: семантика древнего жеста» (2008, совместно с Морозовым И.А., Маховым А.Е.), «Бредущие среди нас» (2007, совместно с Дьяконовым И.Ю., Ванчатовой М.), «Культура и экономическое поведение» (2011, в соавторстве с Белик А.А., Беляниным А.В. и др.), «Антропология пола» (2013), «War, Peace and Human Nature» (2013, в соавторстве с Д. Фрай и др.), «Evolutionary Science of Human Behavior: An interdisciplinary approach» (2014, в соавторстве в соавторстве с П. Лафренье и Г. Вейсфельдом), «Человек и социум: от конкуренции к толерантности» (2017, в соавторстве) и многие другие. В 2016 г. опубликованы лекции для аспирантов по этнологии и антропологии (Морозов, Бутовская 2016 г.). В 2018 г. вышел первый в российском общественном вузовский учебник «Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры» под редакцией В.А. Тишкова, в котором М.Л. Бутовской написано 4 главы. В 2019 г. вышло учебное пособие «Основы гуманитарного знания. Учебное пособие для инженерных вузов естественно-научного профиля» под редакцией В.А. Тишкова, в котором М.Л. Бутовской написана глава по эволюции человека.

Марина Львовна проводит полевые исследования в странах субсахарской Африки. С 2003 г. под ее руководством на ежегодной основе ведется работа среди представителей традиционных африканских обществ, в том числе бродячих охотников-собирателей (хадза), скотоводов (датоба, маасаи), земледельцев (исанзу, меру, ираку, аруша, хайя). К настоящему времени научная группа М.Л. Бутовской выполнила ряд исследовательских проектов в 6 странах субсахарской Африки, причем основной страной для исследований остается Танзания.

Наряду с антропологическими данными научной группой М.Л. Бутовской описаны и сняты на Рис. и видео ритуалы жизненного цикла (церемонии включения

Рис. 9. М.Л. Бутовская со своими учениками Бурковой В.Н. и Дроновой Д.А. и датого, Танзания, 2006 г. (архив В.Н. Бурковой).

и отделения ребенка, свадебные и поминальные церемонии), в том числе и гендерно-специфичные, присутствие на которых стало возможным благодаря тесной интеграции в принимающую культуру и высокой степени доверия к исследователям со стороны членов данного общества (Бутовская, Буркова 2009а, б; Бутовская и др. 2008; Буркова, Бутовская 2017; Бутовская, Дронова 2019; Butovskaya et al. 2015).

В настоящее время можно утверждать, что Мариной Львовной Бутовской создана самостоятельная научная школа. Она одна из первых в России начала проводить систематические исследования этологии человека, ее научной группой были организованы первые международные конференции по этологии человека в России (летняя школа «Эволюция, поведение, общество: Этология человека» в Звенигороде (19-26 июня 2001 г.) и Пущино (30 июня – 7 июля 2002 г.), IV летняя школа «Поведение человека в настоящем и будущем» в Москве на базе РГГУ (19-20 июня 2007), на которые съезжались и читали лекции ведущие этологи, приматологи и антропологи мира – И. Айбл-Айбесфельд, В. Шифенхофель, Н. Сигал, У. МакГрю, К. Граммер, Г. Вейсфельд, П. Лафренье, П. Вербик, Л. Мили, Б. Тьерри, К. Бьерквист и другие. Отметим, что приезд многих знаменитых лекторов – личная заслуга Марины Львовны. По сей день группа Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека сотрудничает с ведущими этологами и эволюционными психологами мира.

С середины 1990-х годов М.Л. Бутовская ведет также активную просветительскую деятельность, выступает с лекциями в средствах массовой информации в нашей стране и за ее пределами. Она приняла участие в таких проектах как «ACADEMIA» телеканала «Культура», «ПостНаука», Гордон «Диалоги», Культурно-Просветительский центр «Архэ», Научно-просветительский Форум «Ученые против мифов» и многие другие.

Марина Львовна Бутовская неоднократно являлась руководителем исследовательских и экспедиционных грантов РФФИ, РГНФ, РНФ, Немецкой Академии наук,

Рис. 10. Участники первой летней школы «Эволюция, поведение, общество: Этология человека» в России – в Звенигороде, 2001 г. (архив В.Н. Бурковой).

Французской Академии наук, гранта Сороса, Открытого Общества «Схема поддержки исследований», Международного общества по изучению агрессии, Международного общества этологии человека, Коллоквиума по изучению мозга и проблем агрессивности. В 2001 г. она была удостоена грант-премии от президиума РАН по программе «Выдающиеся ученые, молодые доктора и кандидаты», в 2018 г. – премии им. академика В.П. Алексеева и академика Т.И. Алексеевой в области в антропологии и археологии и премией ФАНО.

М.Л. Бутовская является членом ряда отечественных и международных профессиональных ассоциаций (Ассоциация этнографов и антропологов России, Европейская антропологическая ассоциация, Американская ассоциация физических антропологов, Общество по изучению поведения и эволюции человека, Международное общество по изучению агрессии, Международное общество по этологии человека, Международное приматологическое общество, Европейская ассоциация поведения человека и эволюции и т.д.), входит в состав редколлегий российских и зарубежных научных журналов.

Своими трудами М.Л. Бутовская внесла признанный в мировой науке вклад в изучение эволюционных основ поведения человека и в развитие фундаментальных представлений об эволюции социального поведения человека, его универсальных биосоциальных основах, в частности, показала сходство общих механизмов контроля социальной напряженности на кросс-культурном уровне, единство этологической структуры процессов примирения на внутригрупповом уровне и т. д. На основе изучения особенностей поведения детей и подростков в современных обществах, а также данных по социальному поведению приматов, М.Л. Бутовская пришла к выводу о наличии у человека универсальных базовых механизмов, обеспечивающих контроль социальной напряженности и препятствующих распаду социума, унаследованных в процессе эволюции от общих предков (Агрессия и примирение 1998; *Бутовская*

1999; *Butovskaya* 2008; *Butovskaya Kozintsev* 1999; *Butovskaya et al.* 2013; *Butovskaya et al.* 2015; и др.). Используя современные методы математического моделирования М.Л. Бутовская с коллегами наглядно продемонстрировала наличие базовых факторов, необходимых и достаточных для реализации пост-конфликтного примирения и участия третьих особей в урегулировании социальных конфликтов (*Puga-Gonzalez et al.* 2014), а также доказала наличие универсальных системных ограничений на формирование социальных систем и специфику внутригрупповых социальных взаимоотношений (*Balasubramaniam et al.* 2012).

Одним из актуальных направлений исследований М.Л. Бутовской является исследование альтруизма и кооперации в традиционных и индустриальных обществах. Было продемонстрировано, что дружба (членство в группе) является важным фактором в принятии решений о распределении ценных ресурсов среди африканских детей и подростков. Полученные Мариной Львовной результаты показали, что предпочтение в проявлении просоциального и альтруистичного поведения по отношению к друзьям в подростковом возрасте является универсальным свойством социального поведения человека, присутствующим как в традиционных, так и индустриальных обществах (*Ростовцева, Бутовская* 2018а,б; *Butovskaya et al.* 2019; *Rostovtseva, Butovskaya* 2018).

Результаты исследования степени эмпатии и толерантности российской молодежи в отношении инвалидов показали, что развитие способности к эмпатии может приводить к снижению числа проявлений неприятия, неприязни и агрессии (а следовательно, и страха) в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья. (*Буркова и др.* 2017, 2019).

Работы М.Л. Бутовской по эволюции пола и гендерным различиям обосновывают причины формирования различающихся моделей мужского и женского поведения у человека, связанных с комплексом биосоциальных факторов и историей распределения ролей в первобытном человеческом обществе (*Бутовская* 1997, 2013; *Butovskaya, Guchinova* 2001; *Butovskaya et al.* 2000, 2012; *Бутовская и др.* 2012). В рамках кросс-культурной проблематики проанализированы феномены мужской и женской ревности, привязанности к брачному партнеру, связи между удовлетворенностью браком и количеством детей в семье в современной России, США, Испании, Китае, Турции (*Weisfeld et al.* 2011a, b; *Dillon et al.* 2014, 2015; *Groyecka et al.* 2019; *Nowak et al.* 2014).

Важное место в исследованиях М.Л. Бутовской работы по эволюционным маркерам привлекательности при выборе полового партнера. В них показано, что на наши представления (в условиях свободного выбора партнера), оказывает влияние целый комплекс биосоциальных факторов, включая запах пота, строения лица и тела, особенности движения при ходьбе (в том числе и скорость), набор невербальных сигналов (мимических, позных и жестовых), а также особенности одежды и искусственной (культурно-специфичной) деформации тела. При сравнении индустриальных европейских обществ и доиндустриальных традиционных обществ Восточной Африки М.Л. Бутовская с коллегами демонстрирует наличие ряд общих закономерностей (определяемых ею как эволюционно универсальные), равно как и культурно-специфических предпочтений (связанных с потребностью, адаптироваться к требованиям культуры и экономики (*Бутовская* 2011а,б; *Бутовская, Буркова* 2011; *Бутовская и др.* 2012, 2014; *Бутовская, Мезенцева* 2018; *Sorokowski, Butovskaya* 2012; *Butovskaya et al.* 2013, 2015; *Sorokowski et al.* 2015, 2017 и др.; *Fink et al.* 2017, 2019; *Sorokowska et al.* 2018).

В настоящее время научная группа М.Л. Бутовской используют в своих исследованиях комплексный подход, применяя методы социальной антропологии, этологии человека, физической антропологии, психологии, эндокринологии, физиологии, генетики, статистики и математического моделирования, с целью выявления социокультурных и биологических факторов, определяющих выбор поведенческих стратегий человека. Так, анализ ассоциации генетических факторов с индивидуальной агрессией и репродуктивным успехом у мужчин в традиционных африканских обществах позволил эмпирически доказать гипотезу о наличии направленного отбора на доминирование и конкурентные качества у мужчин в человеческом обществе как одной из ведущих эволюционно стабильных стратегий у человека. Доказано также наличие устойчивой альтернативной мужской стратегии в рамках тех же традиционных обществ, ориентированной на более персонифицированный вклад в заботу о детях, способствующий их более успешному выживанию (на примере хадза).

Рис. 11. М.Л. Бутовская среди хадза, Танзания, 2015г. (архив Д.А. Дроновой).

М.Л. Бутовская показала, что эти две эволюционно стабильные стратегии продолжают оставаться актуальными в условиях индустриальных и постиндустриальных обществ, однако доля мужчин, практикующих указанные стратегии меняется в условиях регулирования рождаемости в пользу стратегий «заботливого отца», что связано с возрастающими требованиями к обеспечению жизненного успеха потомства (резкое возрастание финансовых вложений в образование и экономическую состоятельность). Большой цикл работ посвящен связи агрессивного поведения, морфологических характеристик (пальцевого маркера как показателя андрогенизации, сила кисти и др.) и генетических маркеров как в традиционных, так и в индустриальных культурах (Бутовская и др. 2010; Васильев и др. 2011, 2014; Постовцева, Бутовская 2018; Суходольская и др. 2014; Apalkova et al. 2018; Butovskaya et al. 2010, 2012, 2013a,b; 2014, 2015a, b, c, 2016, 2017, 2018a,b; Ribeiro et al. 2016; Sukhodolskaya et al. 2015, 2018; Znazen et al. 2016a, b).

М.Л. Бутовская входит в топ 100 наиболее публикуемых и цитируемых ученых историков нашей страны согласно РИНЦ, около 100 публикаций вышли в журналах, входящих базу Web of Science или Scopus, 374 – в РИНЦ. Общее число ссылок на публикации М.Л. Бутовской – 2728.

Коллектив Института этнологии и антропологии РАН и, в особенности, сотрудники Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека и Лаборатории антропологической реконструкции, желает Марине Львовне здоровья, творческих сил и новых интересных полевых выездов.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ДОРОГАЯ МАРИНА ЛЬВОВНА!

Рис. 12. Сотрудники Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН с Мариной Львовной Бутовской, Москва, 2018 г. (архив В.Н. Бурковой).

Литература

- Алексеев, Бутовская 1989 – Алексеев В.П., Бутовская М.Л. (ред.) *Биологические предпосылки антропосоциогенеза*. В 2 т. М.: ИЭА РАН, 1989.
- Алексеева 2006 – Алексеева Т.А. (ред.) *Как человек заселил планету Земля*. М.: Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие», 2006. 317 с.
- Буркова и др. 2019 – Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Эмпатия и интолерантность российской молодежи в отношении инвалидов: половые и личностные различия. *Экспериментальная психология*, 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69.
- Бутовская 2004а – Бутовская М.Л. *Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции*. Фрязино: Век-2, 2004.
- Бутовская 2004б – Бутовская М.Л. *Язык тела: природа и культура*. М.: Научный мир, 2004.
- Бутовская 2005 – Бутовская М.Л. *Власть, пол и репродуктивный успех*. Фрязино: Век-2, 2005.
- Бутовская 2006 – Бутовская М.Л. (ред.) *Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека*. М.: Научный мир, 2006.
- Бутовская 2011 – Бутовская 2011б – Бутовская М.Л. Номо есопотісис в свете теории эволюции: рациональное и эмоциональное в основе экономических решений в простых (племенных) обществах // *Культура и экономическое поведение* / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Макс Пресс, 2011. С. 48–89.
- Бутовская 2013 – Бутовская М.Л. *Антропология пола*. М.: Век-2, 2013.
- Бутовская и др. 2007 – Бутовская М.Л., Дьяконов И.Ю., Ванчатова М.А. *Бредущие среди*

- нас: нищие в России и странах Европы, история и современность. М.: Научный мир, 2007.
- Бутовская, Дерягина 1992 – Бутовская М.Л., Дерягина М.А. *Этология приматов*. М.: Энциклопедия российских деревень, 1992.
- Бутовская, Дерягина 2004 – Бутовская М.Л., Дерягина М.А. Систематика и поведение приматов. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. 272 с.
- Бутовская, Дронова 2019 – Бутовская М.Л., Дронова Д.А. Поминальные церемонии у даотога в контексте единого социального пространства живых и мертвых: этологический анализ. *Этнографическое обозрение*, 2019. № 1. С. 42–64.
- Бутовская, Файнберг 1993 – Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. *У истоков человеческого общества*. М.: Наука, 1993.
- Бутовская, Феденок 2017 – Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. (ред.) *Человек и социум: от конкуренции к толерантности*. М.: ИЭА РАН, 2017. 256 с.
- Морозов, Бутовская 2016 – Морозов И.А., Бутовская М.Л. Социальное пространство и пространственное поведение: способы репрезентации, универсалии и культурные различия // *Предмет и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов*. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 304–334.
- Морозов и др. 2008 – Морозов И.А., Бутовская М.Л., Махов А.Е. *Обнажение языка: семантика древнего жеста*. М.: Языки славянской культуры, 2008. 318 с.
- Тишков 2019 – Тишков В.А. (ред.) *Основы гуманитарного знания. Учебное пособие для инженерных вузов естественно-научного профиля*. М.: НИЯУ МИФИ, 2019.
- Тишков и др. 2018 – Тишков В.А., Артемова О.Ю., Бондаренко Д.М., Бутовская М.Л., Кабицкий М.Е., Тендрякова М.В., Уварова Т.Б. *Антропология и этнология: Учебник для бакалавриата и магистратуры*. М.: КДУ, Университетская книга, 2018.
- Apalkova et al. 2018 – Apalkova Y., Butovskaya M.L., Bronnikova N., Burkova V., Shackelford T.K., Fink B. Assessment of male physical risk-taking behavior in a sample of Russian men and women. *Evolutionary Psychological Science*, 2018. P. 1–8.
- Balasubramaniam et al. 2012 – Balasubramaniam K.N., Dittmar K., Berman C.M., Butovskaya M., Cooper M.A., Majolo B., De Waal F.B.M. Hierarchical steepness and phylogenetic models: phylogenetic signals in Macaca. *Animal Behaviour*, 2012. No. 83 (5). P. 1207–1218.
- Butovskaya 2008 – Butovskaya M. Reconciliation, dominance and cortisol levels in children and adolescents (7-15 year-old boys). *Behaviour*, 2008. No. 145. P. 1557–1576.
- Butovskaya 2013 – Butovskaya M.L. Aggression and conflict resolution among the nomadic Hadza of Tanzania as compared with their pastoralist neighbors // *War, Peace, and Human Nature* / ed. by D. Fry. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 278–296.
- Butovskaya 2014 – Butovskaya M.L. Anthropology // *Evolutionary science of human behavior: An evolutionary approach* / ed. by P. Lafrenere, G. Weisfeld. N.Y.: Linus Press, 2014. P. 89–114.
- Butovskaya et al. 2000 – Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A. Multicultural view of peacemaking among young children // *Natural Conflict Resolution* / ed. by F. Aureli, F. de Waal. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 423–450.
- Butovskaya et al. 2013 – Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Rostovtseva V.V., Selverova N.B., Ermakova I.V. Mechanisms of human reproductive behavior: Olfactory markers of male attractiveness. *Biology Bulletin Reviews*, May 2013. Vol. 3. Is. 3. P. 196–208.
- Butovskaya et al. 2015a – Butovskaya M.L., Burkova V.N., Mabulla A. Manipulations of the corpus in the context of life cycle rites among the Datoga cattle breeders of Northern Tanzania. *Social Evolution and History*, 2015. No. 14 (1). P. 87–104.
- Butovskaya et al. 2015b – Butovskaya M.L., Meishvili N.V., Chalyan V.G. Redirection of aggression and consolation in hamadryas baboons. *Neuroscience and Behavioral Physiology*, 2015. Vol. 45. No. 4. P. 417–422.
- Butovskaya et al. 2017 – Butovskaya M., Sorokowska A., Karwowski M., Sabiniewicz A., Fedенок J., Dronova D., Negasheva M., Selivanova E., Sorokowski P. Waist-to-hip ratio, body-mass

- index, age and number of children in seven traditional societies. *Scientific Reports*, 2017. Vol. 7 (1). P. 1–9.
- Butovskaya et al. 2018a – Butovskaya M.L., Butovskaya P.R., Vasilyev V.A., Sukhodolskaya J.M., Fekhrudinova D.I., Karelin D.V., Lazebny O.E. Serotonergic gene polymorphisms (5-HTTLPR, 5 HTR1A, 5 HTR2A), and population differences in aggression: traditional (Hadza and Datoga) and industrial (Russians) populations compared. *Journal of Physiological Anthropology*, 2018. Vol. 37 (1). P. 10.
- Butovskaya et al. 2018b – Butovskaya, M.L., S. Windhager, D. Karelin, A. Mezentseva, K. Schaefer, and B. Fink. 2018. Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania. *PLoS One* 13 (5), e0197738.
- Fink et al. 2019 – Fink B., Butovskaya M.L., Shackelford T.K. Assessment of physical strength from gait: data from the Maasai of Tanzania. *Biology Letters*, 2019. Vol. 15. doi: 10.1098/rsbl.2018.0803
- Groyecka et al. 2019 – Groyecka A., Witzel C., Butovskaya M., Sorokowski P. Similarities in color preferences between women and men: The case of Hadza, the hunter-gatherers from Tanzania. *Perception*, 2019. Vol. 48 (5). P. 428–436.
- Puga-Gonzalez et al. 2014 – Puga-Gonzalez I., Butovskaya M., Thierry B., Hemelrijk C.K. Empathy versus parsimony in understanding post-conflict affiliation in monkeys: model and empirical data. *PLoS One*, 2014. Vol. 9. No. 3, e91262.
- Rostovtseva, Butovskaya 2018 – Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L. The impact of prenatal androgenization on cooperative behavior in young men. *Journal of Institute of Anthropology MSU*, 2018. Is. 4. P. 51–52.
- Sorokowski, Butovskaya 2012 – Sorokowski P., Butovskaya M. Height preferences may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania. *Body Image*, 2012. Vol. 9. No. 4. P. 510–516.

References

- Alekseev, V.P., and M.L. Butovskaya, eds. 1989. *Biologicheskie predposylki antroposotsiogeneza* [Biological background of anthroposociogenesis]. 2 vol. Moscow: IEA RAN.
- Alekseeva, T.A., ed. 2006. *Kak chelovek zaselil planetu Zemlia* [How a human inhabited the planet Earth]. Moscow: Arkheologicheskoe nasledie.
- Apalkova, Y., M.L. Butovskaya, N. Bronnikova, V. Burkova, T. K. Shackelford, and B. Fink. 2018. Assessment of male physical risk-taking behavior in a sample of Russian men and women. *Evolutionary Psychological Science*: 1–8.
- Balasubramaniam, K.N., K. Dittmar, C.M. Berman, M. Butovskaya, M.A. Cooper, B. Majolo, and F.B.M. De Waal. 2012. Hierarchical steepness and phylogenetic models: phylogenetic signals in *Macaca*. *Animal Behaviour* 83 (5): 1207–1218.
- Burkova, V.N., Yu.N. Fedenok, and M.L. Butovskaya. 2019. Empatiia i intolerantnost' rossiiskoi molodezhi v otnoshenii invalidov: polovye i lichnostnye razlichii [Empathy and intolerance of Russian youth in respect of disabled people: gender and personality differences]. *Ekspierimental'naia psikhologiya* 12 (1): 53–69.
- Butovskaya, M.L. 2004a. *Tainy pola: muzhchina i zhenshchina v zerkale evoliutsii* [Secrets of gender: man and woman in the mirror of evolution]. Fryazino: Vek-2.
- Butovskaya, M.L. 2004b. *Iazyk tela: priroda i kul'tura* [Body language: nature and culture]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Butovskaya, M.L. 2005. *Vlast', pol i reproduktivnyi uspekh* [Power, gender and reproductive success]. Fryazino: Vek-2.
- Butovskaya, M.L., ed. 2006. *Agressiia i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontroliia sotsial'noi napriazhennosti u cheloveka* [Aggression and peaceful coexistence: universal mechanisms of social tension control among humans]. Moscow: Nauchnyi mir.

- Butovskaya, M. 2008. Reconciliation, dominance and cortisol levels in children and adolescents (7-15 year-old boys). *Behaviour* 145: 1557–1576.
- Butovskaya, M.L. 2011. Homo economicus v svete teorii evoliutsii: ratsional'noe i emotsional'noe v osnove ekonomicheskikh reshenii v prostykh (plemennykh) obshchestvakh [Homo economicus in the light of the theory of evolution: rational and emotional at the heart of economic decisions in simple (tribal) societies]. In *Kul'tura i ekonomicheskoe povedenie* [Culture and economic behavior], edited by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko. Moscow: MAX Press: 48–89.
- Butovskaya, M.L. 2013. Aggression and conflict resolution among the nomadic Hadza of Tanzania as compared with their pastoralist neighbors. In *War, Peace, and Human Nature*, edited by D. Fry. Oxford: Oxford University Press: 278–296.
- Butovskaya, M.L. 2013. *Antropologiya pola* [Anthropology of gender]. Moscow: Vek-2.
- Butovskaya, M.L. 2014. Anthropology. In *Evolutionary science of human behavior: An evolutionary approach*, edited by P. Lafrere, G. Weisfeld. New York: Linus Press: 89–114.
- Butovskaya, M.L., V.N. Burkova, and A. Mabulla. 2015. Manipulations of the corpus in the context of life cycle rites among the Datoga cattle breeders of Northern Tanzania. *Social Evolution and History* 14 (1): 87–104.
- Butovskaya, M.L., and Fedenok Yu.N., eds. 2017. *Chelovek i sotsium: ot konkurentsii k tolerantnosti* [Man and society: from competition to tolerance]. Moscow: IEA RAN.
- Butovskaya, M.L., and L.A. Feinberg. 1993. *U istokov chelovecheskogo obshchestva* [At the origins of human society]. Moscow: Nauka.
- Butovskaya, M.L., I.Yu. Diakonov, and M.A. Vanchatova. 2007. *Bredushchie sredi nas: nishchie v Rossii i stranakh Evropy, istoriya i sovremennost'* [Wandering among us: the poor in Russia and Europe, history and modernity]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Butovskaya, M.L., and M.A. Deryagina. 1992. *Etologiya primatov* [Primate ethology]. Moscow: Entsiklopediya rossiiskikh dereven'.
- Butovskaya, M.L., and M.A. Deryagina. 1992. *Sistematika i povedeniye primatov* [Systematics and behavior of primates]. Moscow: Entsiklopediya rossiiskikh dereven'.
- Butovskaya, M.L., and D.A. Dronova. 2019. Pominal'nye tseremonii u datoga v kontekste edinogo sotsial'nogo prostranstva zhivykh i mertvykh: etologicheskii analiz [Datoga memorial ceremonies in the context of the living and the dead common social space: ethological analysis]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 42–64.
- Butovskaya, M.L., N.V. Meishvili, and V.G. Chalyan. 2015b. Redirection of aggression and consolation in hamadryas baboons. *Neuroscience and Behavioral Physiology* 45 (4): 417–422.
- Butovskaya, M., A. Sorokowska, M. Karwowski, A. Sabiniewicz, J. Fedenok, D. Dronova, M. Negasheva, E. Selivanova, and P. Sorokowski. 2017. Waist-to-hip ratio, body-mass index, age and number of children in seven traditional societies. *Scientific Reports* 7 (1): 1–9.
- Butovskaya, M., P. Verbeek, T. Ljungberg, and A. Lunardini. 2000. Multicultural view of peacemaking among young children. In *Natural Conflict Resolution*, edited by F. Aureli, F. de Waal. Princeton: Princeton University Press: 423–450.
- Butovskaya, M.L., E.V. Veselovskaya, V.V. Rostovtseva, N.B. Selverova, and I.V. Ermakova. 2013. Mechanisms of human reproductive behavior: Olfactory markers of male attractiveness. *Biology Bulletin Reviews* 3 (3): 196–208.
- Butovskaya, M.L., S. Windhager, D. Karelin, A. Mezentseva, K. Schaefer, and B. Fink. 2018. Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania. *PloS One* 13 (5), e0197738.
- Butovskaya, M.L., P.R. Butovskaya, V.A. Vasilyev, J.M. Sukhodolskaya, D.I. Fekhdredtinova, D.V. Karelin, and O.E. Lazebny. 2018. Serotonergic gene polymorphisms (5-HTTLPR, 5 HTR1A, 5 HTR2A), and population differences in aggression: traditional (Hadza and Datoga) and industrial (Russians) populations compared. *Journal of Physiological Anthropology* 37 (1): 10.
- Fink, B., M.L. Butovskaya, and T.K. Shackelford. 2019. Assessment of physical strength from gait: data from the Maasai of Tanzania. *Biology Letters* 15. doi: 10.1098/rsbl.2018.0803

- Groyecka, A., C. Witzel, M. Butovskaya, and P. Sorokowski. 2019. Similarities in color preferences between women and men: The case of Hadza, the hunter-gatherers from Tanzania. *Perception* 48 (5): 428–436.
- Morozov, I.A., and M.L. Butovskaya. 2016. Sotsial'noe prostranstvo i prostranstvennoe povedenie: sposoby reprezentatsii, universalii i kul'turnye razlichiiia [Social space and spatial behavior: ways of representation, universals and cultural differences]. In *Predmet i problemy etnologii i antropologii. Lektsii dlia aspirantov* [Subject and problems of ethnology and anthropology. Lectures for graduate students]. Moscow: IEA RAN: 304–334.
- Morozov, I.A., M.L. Butovskaya, and A.E. Makhov. 2008. *Obnazhenie iazyka: semantika drevnego zhesta* [Language exposure: semantics of ancient gesture]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Puga-Gonzalez, I., M. Butovskaya, B. Thierry, and C.K. Hemelrijk. 2014. Empathy versus parsimony in understanding post-conflict affiliation in monkeys: model and empirical data. *PloS One* 9 (3), e91262.
- Rostovtseva, V.V., and M.L. Butovskaya. 2018. The impact of prenatal androgenization on cooperative behavior in young men. *Journal of Institute of Anthropology MSU* 4: 51–52.
- Sorokowski, P., and M. Butovskaya. 2012. Height preferences may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania. *Body Image* 9 (4): 510–516.
- Tishkov, V.A., ed. 2019. *Osnovy gumanitarnogo znaniia. Uchebnoe posobie dlia inzhenernykh vuzov estestvenno-nauchnogo profilia* [Basics of humanitarian knowledge. Textbook for engineering universities of natural science]. Moscow: MIFI.
- Tishkov, V.A., O.Yu. Artemova, D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya, M.E. Kabitsky, M.V. Tendryakova, and T.B. Uvarova. 2018. *Antropologiya i etnologiya: Uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Anthropology and ethnology: Textbook for undergraduate and graduate programs]. Moscow: KDU, Universitetskaya kniga.

Julia N. Fedunok, Valentina N. Burkova, Darya A. Dronova, Julia I. Apalkova, Elizabeth V. Veselovskaya. Marina Lvovna Butovskaya: a person of one idea - the idea of science

The article presents a biography and a work analysis of the outstanding scientist-ethologist Marina L. Butovskaya. She made an extraordinary contribution in the study of the evolutionary foundations of human behavior; in the development of fundamental ideas about the evolution of human social behavior and its universal biosocial foundations. Marina L. Butovskaya gained fame and recognition as a scientist focused on solving fundamental issues of evolution associated with the formation of morphological appearance and behavioral strategies of modern human. She is credited with the study of a number of theoretical problems of historical, anthropological and humanitarian knowledge.

Key words: *Marina L. Butovskaya, human ethology, evolutionary psychology, genetics of behavior, cross-cultural psychology.*

© Д.В. Воробьев

МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ: Ж. РУССО И НАЧАЛО КВЕБЕКСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

В статье речь идет о канадском этнологе и ботанике Жаке Руссо – одном из основоположников антропологии в Квебеке: прослеживается его путь в науке от ботаники к этноботанике, а затем от этноботаники к экологическому подходу в антропологии; на примере плана исследователя по интродукции оленеводства на севере Квебека-Лабрадора рассматриваются его попытки решить экономические и социальные проблемы этого района.

Ключевые слова: квебекский антрополог Жак Руссо, квебекская антропология, монтанье, наскапи, этноботаника, цивилизация березы, север провинции Квебек, карибу.

Сразу необходимо отметить, что героем этой статьи вовсе не является знаменитый французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо. Речь в ней пойдет о научных взглядах и творчестве его все-таки не столь известного тезки – квебекского ученого и путешественника, ботаника и социального антрополога, географа и историка Жака Руссо.

К сожалению, богатое наследие Ж. Руссо остается малоизученным в российских научных кругах, как, впрочем, и квебекская социальная антропология в целом. Так, его имя даже не упомянуто в наиболее известной отечественной работе по становлению канадской этнологии (Евтух 1989). Тем временем в Канаде, в особенности в среде франко-канадских исследователей, репутация Руссо – ученого, преподавателя и общественного деятеля очень высока. Его часто оценивают как фигуру мирового уровня представители разных научных направлений, а его многочисленные труды весьма разнообразной тематики получили всеобщее признание. Свидетельством тому служат высказывания современников, библиографические работы о нем и труды, посвященные анализу его научной и общественной деятельности (Audet 1970; Tremblay, Thivierge 1986; Laverdière, Carette 1999; Laverdière 1999; Couture, Laverdière 2000; Mathieu 2005).

В Квебеке научное наследие Жака Руссо оценено по достоинству, однако и здесь существуют некоторые лакуны. Так, Луи-Эдмон Амелен, руководитель Центра исследований Севера (Centre d'Etudes nordiques) Университета Лаваль, в тексте, посвященном памяти Ж. Руссо, упомянув о его плодотворных экспедициях на север

Воробьев Денис Валерьевич – к.и.н., научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: pakamagan@rambler.ru. **Vorobiev Denis V.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: pakamagan@rambler.ru.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Многообразие культур и стратегий развития. Институты и управление в полиэтничных обществах». Подтема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

Квебека в 1940-е – начале 1950-х годов, отметил: «К несчастью для Квебека, значительная часть материалов этих экспедиций все еще остается в состоянии рукописей» (*Hamelin* 1970: 258). Мемориальный текст Амелена вышел в 1970 г. – в год смерти Жака Руссо. С тех пор об этой выдающейся личности написаны книги и статьи, но, по всей видимости, многое из интереснейших материалов экспедиций Руссо, упомянутых Амеленом, по-прежнему остается неопубликованным. По крайней мере, мне ничего не известно о существовании какого-либо сборника работ Руссо, появившегося уже после 1970 г., хотя я и предпринимал попытки найти что-нибудь подобное. Удалось обнаружить только перечень архивных документов, содержащихся в Фонде Жака Руссо, насчитывающий 151 страницу (*Répertoire numérique* 2004).

Научно-биографический очерк

Жак Руссо родился 5 октября 1905 г. в Сен-Ламбер близ Монреаля, умер 4 августа 1970 г. в саду своего дома на оз. Уаро (муниципалитет Сен-Дона) в Лаврентийских горах, к северу от Монреаля.

Знакомство с основателем Монреальского ботанического сада, а, по сути, всей квебекской научной традиции, ботаником Жозефом-Луи Мари-Виктореном определило дальнейшую жизнь Ж. Руссо. В 1923 г. он начинает посещать лекции Мари-Викторена в Ботаническом институте Монреальского университета как вольнослушатель, а с 1926 г. как студент, совмещающий учебу с работой лаборанта. В 1928 г. Руссо получает лицензию на право заниматься научной деятельностью и одновременно должность старшего преподавателя, ведет семинары по палеоботанике и экономической ботанике. Летом 1932 г. Руссо прослушивает курс по антропологии и археологии США в Университете Нью-Мексико; в 1934 г. защищает диссертацию по теме «Астрагалы Квебека и ближайшие представители этого рода» (*Les Astragalus du Québec et leurs alliés immédiats*)¹ и получает степень доктора наук, а в 1935 г. – звание доцента. С 1938 по 1944 гг. Руссо – заместитель директора и администратор Монреальского ботанического сада, а с 1944 до 1957 г. (после трагической гибели Мари-Викторена) – его директор. С 1957 по 1959 гг. он возглавляет открывшееся Подразделение истории человечества Национального музея Канады (Музея человека) в Оттаве. Затем Руссо уезжает во Францию, где, находясь на должности приглашенного профессора, два года преподает этноботанику в Сорбонне. С момента возвращения в Квебек в 1962 г. и до самой своей смерти он – главный преподаватель-исследователь Центра исследований Севера Университета Лаваль в Квебеке, куда его пригласил друг и коллега, руководитель Центра, географ Луи-Эдмон Амелен (*Audet* 1970: 8; *Hamelin* 1970: 257–258; *Tremblay, Thivierge* 1986: 164, 178; *Mathieu* 2005: 127).

Отдельно следует сказать о многочисленных полевых исследованиях Ж. Руссо, большую часть которых он провел на севере Канады, исходив практически всю северную часть провинции Квебек и сопредельные территории п-ва Лабрадор. Еще в 1930-е годы он совершает экспедиции в различные районы бассейна р. Св. Лаврентия и на п-ов Гаспе, в 1942 г. проводит этноботаническое исследование населения о. Антикости в заливе Св. Лаврентия. В 1944–1948 гг. он четыре раза посещает озеро Мистассини. Помимо этого, в 1947 г. Руссо предпринимает с несколькими

¹ Монография была опубликована еще в 1933 г. (*Rousseau* 1933).

проводниками-индейцами свое знаменитое путешествие на каноэ по р. Джордж, протекающей по наиболее труднодоступной части Унгава (северных районов Квебека-Лабрадора), где до этого более 40 лет не было ни одного европейца. Затем были экспедиции по рекам Арктического Квебека – Когалук и Арно; в 1949 г. – полевая работа в горах Отиш; в 1951 г. – исследование части залива Унгава, р. Корок и прилегающих к горам Торнгат районов. Наконец, в 1965 г. Руссо принял участие в археологических раскопках на оз. Пейн на п-ве Унгава (Caron 1971: 151).

Несмотря на то, что начало пути в науке Жака Руссо было связано с ботаникой и что в дальнейшем он всегда обращался к ней. В данной статье речь пойдет о Руссо *в первую очередь* как о социальном антропологе, более того, как об одном из основателей социальной антропологии в Квебеке. Для ученого была характерна широкая междисциплинарность подхода. Он прекрасно разбирался в самых разных, казалось бы, далеких друг от друга областях – и естественных, и гуманитарных. Помимо сугубо ботанических он публиковал работы по географии, климату Квебека, рассматривал геологические (см., напр.: Rousseau 1967b) и иные вопросы естественной истории региона. Известны многочисленные труды ученого по картографии и истории исследования Квебека. Так, он сумел достоверно определить маршрут Шарля Албанеля, миссионера второй половины XVII в., на оз. Мистассини и далее к заливу Джеймс (Rousseau 1950: 586). В более широком плане он интересовался историей географических открытий в Северной Америке.

Как сказал Амелен: «...нужно отметить истинный масштаб Жака Руссо, который всегда был универсальным исследователем, как мэтры прошедших веков» (Hamelin 1970: 258). Коллега и друг Руссо сравнивает его с учеными прошлого, как правило, обладавшими энциклопедическими знаниями и являвшимися специалистами в различных областях, поскольку наука того времени еще не достигла уровня специализации, характерного для XX в. Данная оценка много говорит о талантах Руссо как исследователя.

Однако этнологическая тематика занимает одно из ведущих мест в работах Руссо. Может быть, она и не преобладает над чисто ботаническими исследованиями, но складывается впечатление, что и не уступает им в отношении общего объема написанных трудов. В первую очередь здесь речь идет о различных сторонах жизни, о культуре и современном положении индейцев и эскимосов Квебека. Но этим Руссо не ограничивается, у него есть работы общего плана, посвященные коренному населению Нового Света.

Еще одним достоинством Ж. Руссо как автора является свойственный ему особый легкий и живой стиль изложения и подачи материала. Читать и воспринимать самые серьезные антропологические тексты ученого часто бывает не просто легко, но и, не побоюсь столь эмоционального определения, весело. На первый взгляд такой стиль может показаться слишком популярным, но это ни в коем случае не является показателем недостаточной глубины исследования. Напротив, выводы Руссо практически всегда выглядят фундаментальными.

Может возникнуть вопрос: как произошло, что автор, по сути, специально не учававшийся антропологии, становится основоположником целой научной школы в данной области? Все дело в таланте и широких интересах исследователя и, как следствие, в его богатейшем опыте работы в поле. Уже в своих первых выездах для сбора ботанического материала и гербаризации в различные районы бассейна р. Св. Лаврен-

тия Руссо уделяет большое внимание знанию и использованию растений живущими в этих местах людьми, фольклору, связанному с растительной тематикой, и культуре в целом. В дальнейшем это привело к профессиональному изучению самых разнообразных антропологических тем. Так, во время одной из наиболее ранних экспедиций 1927 г. в своем полевом дневнике тогда еще студент Руссо описывает праздничное шествие в Сен-Жан-Батист-о-Бик с интересными этнографическими подробностями (Mathieu 2005: 132). Его последующие многочисленные поездки в северные районы Квебека всегда носили комплексный, не просто этноботанический, а «ботанико-этнологический» характер. Детального и всеобъемлющего научного описания различных сторон жизни автохтонного населения Квебека до Руссо не предпринималось. С определением Ж. Руссо как «пионера квебекской индеанистики», данным Марком-Аделаром Трембли и Жозе Тивьерж (*Tremblay et Thivierge* 1986: 164), следует полностью согласиться. По мнению этих авторов, его деятельность обусловила скорое появление целой плеяды квебекских этнологов, связанных с журналом «Америндеанистские исследования в Квебеке» (*Recherches amérindiennes au Québec*) (Ibid.), первый номер которого вышел в 1971 г., вскоре после смерти ученого.

Первым квебекским социальным антропологом принято считать Мариуса Барбо (*Smith* 1974: 72). С данным утверждением можно согласиться, поскольку он был, по-видимому, первым ученым в Квебеке, получившим антропологическое образование. Однако подавляющее большинство трудов Барбо о коренных жителях Америки либо посвящено населению северо-западного побережья Канады, либо имеет обзорный характер, а кроме того, создано преимущественно на английском языке. По-французски он писал в основном о фольклоре франко-канадцев, тогда как специальных работ, где рассматривались бы различные стороны жизни квебекских автохтонов, у него практически нет. В отличие от Барбо, Руссо не имел базового антропологического образования, но его вклад в изучение коренного населения Квебека, полагаю, весомей. Руссо, пожалуй, глубже, чем кто-либо другой, благодаря своим многочисленным исследовательским экспедициям и частому обращению к ранним письменным источникам, знал автохтонов Квебека. Все остальные франко-канадские авторы – современники Руссо, затрагивавшие эту тему (Лео Поль Дерозье, Аристид Богран-Шампань, Жерар Мальшелос), были историками и рассматривали сугубо исторические ее аспекты. Они не имели того полевого опыта и знаний в области традиционной культуры и современного на тот момент положения коренных жителей, которыми обладал Ж. Руссо.

От ботаники к этноботанике

Как уже было отмечено, первым и очень важным шагом Ж. Руссо в сторону антропологии стал его интерес к представлениям о местной флоре жителей тех областей, где он проводил свои ботанические исследования – что выглядит закономерным, учитывая тесную взаимосвязь ботаники и этноботаники. Затем, на основе записей в полевых дневниках, он публикует специальные труды, посвященные представлениям автохтонов о растениях. Особо следует отметить его работы, написанные по данным экспедиций 1930-х годов в районы реки и залива Св. Лаврентия. Это материалы по этноботанике абенаков из поселков Оданак и Беканкур, могавков Кохнаваги, а также жителей о-ва Антикости и п-ва Гаспе (*Rousseau et Raymond* 1945; *Rousseau* 1946; *Rousseau* 1947; *Rousseau* 1948).

По утверждению самого Руссо, особенно его интересовала лингвистическая составляющая этноботаники – автохтонные и локальные наименования растений и ботанический фольклор (Rousseau 1946: 60–61). В то же время складывается впечатление, что в работах ученого содержится объемная информация о различном назначении используемых его информантами растений (лекарственном, пищевом, ремесленном), тогда как непосредственно связанные с тем или иным видом флоры фольклорные тексты обнаруживаются не так уж и часто.

Эти работы, как правило, написаны по идентичным планам: все они содержат раздел «Системное описание» – пространный перечень растений, о которых автору удалось собрать какие-либо сведения; обязательно дается латинское наименование растения, его название по-французски или по-английски, характерный для исследуемого сообщества автохтонный или локальный термин и его этимология в переводе на французский, если такое возможно. Часто эта информация дополняется пояснениями информантов о сферах применения растения, реже – о связанных с ним поверьях и фигурированием в фольклоре. По возможности Руссо привлекает компаративные данные относительно роли данного растения в жизни других групп коренного населения.

Приведу по примеру из работ по этноботанике абенаков и могавков:

Абенаки. «*Coptis Groenlandica (Savoyane)*. (Многолетнее травянистое растение савоян или коптис трехлистный. – Д.В.). *wijô`warap`kôs* означает “желтый”. От насморка используют отвар савояна (это французское название известно информанту и используется им) и *Asarum canadense* (копытня канадского. – Д.В.). У *тет-дэ-буль Мануана савоян* также применяется при насморке. Могавкское название растения означает “желтый корень”. Так же обстоит дело во многих америндейских языках северо-востока США» (Rousseau 1947: 167).

Могавки. «*Abies balsamea (Пихта)*. *O-tso-ko-ton*. При полной луне из дерева течет камедь, которую собирают ложкой. Это ценный антисептик для многочисленных случаев. ...От рака делают компресс из пихтовой камеди и сухой бобровой железы... Компресс “притягивает” болезнь. После использования компресс ни в коем случае нельзя сжигать. Иначе болезнь вместе с дымом распространится по соседству. Пластырь следует завернуть в шкуру мускусной крысы и закопать... Название на языке онондага – *cho-koh-ton*, переводится как “волдырь”, “пузырь”» (Rousseau, Raymond 1945: 37).

Пример из могавкских материалов содержит один из редких моментов, фиксирующих связь растений с религиозными представлениями. Хотя Руссо выделяет в своих трудах именно фольклорную составляющую этноботаники, следует, однако, признать, что конкретных тому подтверждений в его работах по этой тематике не так много. В данном случае запрет на сжигание пихтовой припарки, контактировавшей с болезнью, и представления о вредоносности дыма явно имеют магическую основу. Нельзя исключить существование фольклорных материалов, объясняющих нейтрализацию вредоносности именно шкурой ондатры, но автор их не привел.

В качестве отдельной проблемы Ж. Руссо выделяет самое разноплановое воздействие европейского окружения на автохтонные этноботанические знания. Его интересует, какое осмысление в народной традиции получают виды, происхождение которых связано с другими регионами Америки или появившиеся в результате

европейской колонизации. Так, внимание ученого привлек факт значительных, с его точки зрения, расхождений в количественном соотношении местных и распространившихся сравнительно недавно видов в материалах из Кохнаваги и Оданака. Из 115 растений, содержащихся в кохнавагском перечне, 35 являются привнесенными, тогда как у абенаков из 69 видов чужеродными являются только 12. Причину тому Руссо обоснованно видит вовсе не в том, что в Кохнаваге произрастает больше интродуцировавшихся видов, чем в Оданаке, он принимает в расчет личные особенности своих собеседников и характер информации, которую они могут ему дать, что характеризует его как уже вполне квалифицированного антрополога. Текахагека, женщина преклонного возраста из Кохнаваги, его основная информантка, была великолепным знатоком лекарственных и прочих растений, произрастающих в окрестностях ее родного поселка, где количество привнесенных видов велико. Информант-абенак Робер Пакет, напротив, большую часть своей жизни провел в удаленных от поселка лесах, его знание флоры связано именно с ними, и в целом оно принципиально иное (Rousseau 1947: 160).

Если термин «этноботаника» встречается в ранних работах Ж. Руссо почти повсеместно, то на тему взаимодействия человека и мира фауны, вероятно, в силу меньшей глубины накопленных знаний, он высказывается несколько реже. Термином «этнозоология», которая также рассматривается им через язык и фольклор, он оперирует только в статье по материалам, собранным на п-ве Гаспе. Статья содержит пространный список местных наименований различных животных (от простейших до крупных млекопитающих) с этнографическими комментариями автора, иногда весьма объемными, и пояснениями его информантов. Например: «*Бурго*» – народное название брюхоногого моллюска *Viccinium undatum*. «*Бурго* – это начало омара. Это, как говорят, яйцо омара...» (Жильбер Карон, Гранд Вале). ...*Бурго* (рожок. – Д.В.) из березовой коры, применяющийся на охоте на лося, определенно ведет происхождение от наименования этого моллюска, использовавшегося прежде в качестве резонатора» (Rousseau 1948: 59).

Помимо полевых исследований Ж. Руссо интересовали исторические данные по этноботанике, содержащиеся в ранних письменных источниках. Авторы, изучающие его деятельность, подчеркивая мультидисциплинарность подходов, часто говорят о нем как об историке и географе. Тем не менее необходимо уточнить, что затрагиваемые ученым темы в первую очередь имеют отношение к исторической географии и исторической антропологии. Характерным примером из сферы исторической этноботаники является загадка дерева *аннедда*, которую Руссо удалось разгадать.

Это дерево упомянуто в рассказе о втором путешествии Жака Картье на р. Св. Лаврентия, датированном 1535 г. Во время тяжелой зимовки команду Картье поразила цинга, и индейцы принесли морякам ветви растения, именуемого *аннедда*, отвар из которых позволил быстро справиться с болезнью (Cartier, *la Grosse Maladie* 1953: 73–76). Видовая принадлежность *аннедды* на протяжении более чем 400 лет оставалась окончательно невыясненной. Ж. Руссо посвятил решению этой проблемы несколько статей. Он обратился к инструментарию различных наук – и гуманитарных, и естественных. Данные ботаники позволили определить *аннедду* как большое хвойное дерево, остающееся зеленым в конце зимы, что позволило исключить из числа «претендентов» можжевельник и лиственницу (Rousseau 1953: 106–107). Согласно лингвистическим данным, та или иная форма слова *аннедда* в различных ирокезских языках может означать и об-

щее название хвойных растений, и отдельные конкретные виды (Rousseau 1954: 179). Фольклор в форме воспоминаний об использовании растений в прошлом, по мнению исследователя, ничего не дает для решения проблемы, т.к. почти из всех видов хвойных и автохтоны Квебека, и европейцы готовят различные отвары и припарки. Материал по могавкам Кохнаваги, среди которых Ж. Руссо, как нам известно, провел этноботаническое исследование, оказался недостаточно надежен, поскольку трудно было определить, что они сохранили с доколониальных времен, а что заимствовали у европейцев (Rousseau 1953: 111). Письменные исторические источники, созданные в XVII в. после основания колонии Новая Франция, также не помогли в решении проблемы. Однако в документах времен Картье (XVI в.) Ж. Руссо нашел свидетельства в пользу того, что под названием *annedda* может скрываться туя (*Thuja occidentalis*) (Ibid.: 112–114). Биохимические данные подтвердили это предположение. Вывод Ж. Руссо таков: дерево *annedda* – это туя западная (Rousseau 1953: 111; Rousseau 1954: 201).

Экологический подход к антропологии

Последующие экспедиции Ж. Руссо в 1940-х – начале 1950-х годов по изучению флоры севера Квебека окончательно укрепили его интерес к антропологии. Это были не только ботанические поездки. Ученый исследовал северные экосистемы в комплексе и, естественно, тесным образом контактировал с жителями тех мест – монтанье, наскапи и эскимосами². В итоге Руссо были накоплены обширные знания, позволившие понять и осмыслить образ жизни и культуру этих групп, собран богатейший этнологический материал. Общение с евроканадцами в путешествиях по Унгаве могло происходить только в конечных точках маршрута – в населенных пунктах на побережье. Все остальное время Руссо был погружен в местную среду, а его проводниками почти всегда были монтанье из Сет-Иля. Жизнь с автохтонами в естественных для них условиях и участие в их повседневных делах позволяли осуществлять глубокое включенное наблюдение и в результате сделали Руссо одним из лучших знатоков культуры и реалий жизни этих людей. Трембли и Тивьерж, проследив хронологию его работ, считают вторую половину 1940-х годов моментом, когда данная тематика становится основным сюжетом его исследований. Библиографический список америндеанистских работ Руссо они начинают с 1946 г. (Tremblay, Thivierge 1986: 166, 179). Постепенно все более четко вырисовываются взгляды Ж. Руссо-антрополога и его понимание механизмов функционирования человеческих сообществ.

В основе теоретических изысканий Ж. Руссо лежит экологический подход. Влияние природной среды на развитие общества для него во многом первично. Если принять во внимание то влияние, которое оказали на его формирование как ученого биологические (естественные) науки, такой тезис выглядит вполне закономерным. Тем не менее, взгляды Руссо не следует сводить к упрощенному географическому детерминизму, они значительно сложнее. Между материальной культурой и технологиями, с одной стороны, и социальной структурой – с другой, существует тесная взаимосвязь, т.к. обе эти категории являются ответом человека/общества на условия природной среды, к которым он/она адаптируется и в которые гармонично вписывается. Мировоззрение и религиозные верования, пусть и более опосредованно, тоже представляют собой звенья этой взаимосвязи, выступающей, по Руссо, залогом культурного разнообразия на земле.

² «Монтанье», «наскапи» и «эскимосы» – терминология эпохи Ж. Руссо. В настоящий момент в качестве наименований этих групп утвердились этнонимы «инну», «наскапи» и «инуиты».

Полагаю, наиболее полное понимание ученым связи материальная культура–природная среда раскрывается в статье под названием «Индеец бореального леса – элемент экологической системы», где лес представлен как бесконечный симбиоз деревьев и остального растительного покрова, представителей фауны, обитающих в нем и находящих себе пропитание, низших бактерий, измельчающих почву. *«Но это еще не все, – пишет Руссо, – потому что человек тоже живет в нем. Индеец северо-востока Америки, составная часть хвойного бореального леса, адаптировал свою культуру к экологическим условиям»* (Rousseau 1957a: 37).

С одной стороны, виды животных и растений в борьбе между собой образуют в итоге гармоничные сообщества, в которых каждый находит свое место. Эти сообщества реагируют на присутствие человека, а человеческое общество, в свою очередь, несет на себе отпечаток среды. С другой стороны, одновременно с этим Ж. Руссо видит базис человеческого общества в постоянной борьбе между средой обитания, часто враждебной человеку, и культурной традицией, которая не всегда четко согласуется с условиями природной среды, а иногда вступает в противоречие с ними (Ibid.). То есть культурная традиция не является просто отпечатком условий среды обитания.

И все-таки адаптация культуры именно к природной среде для Руссо, по всей видимости, представляется наиболее важным фактором. Так, в таежном лесу Квебека заниматься земледелием при почти полном отсутствии видов, пригодных для культивирования, а также учитывая тяжелые условия существования и низкий уровень развития агротехники, было невозможно. Поэтому основу жизнеобеспечения местного населения составляли охота и собирательство. Эти виды деятельности, как и суровая природа, требовали подвижного образа жизни для оптимального освоения доступных ресурсов и протяженных территорий. Это, в свою очередь, обуславливало то, что самодостаточные охотничьи коллективы, ядром которых являлись нуклеарные семьи, были численно невелики и большую часть года дисперсно рассеяны по угодьям. Только в короткий летний период люди собирались вместе обычно на берегах крупных озер или на побережье для поддержания социальных связей. Четкой племенной структуры не существовало (Tremblay, Thivierge 1986: 167). Таким образом, таежный лес влиял на хозяйство и социальную организацию людей.

Безусловно, с вычлениением подобной цепи взаимосвязей, формирующих культурный облик человека, вполне можно согласиться. В то же время трудно принять эволюционистские по сути построения Руссо, согласно которым первичной базой существования человека было исключительно собирательство. В дальнейшем люди, окончательно не отказываясь от него, в зависимости от условий среды переходили либо к этапу охоты, либо к этапу земледелия. Рыболовство же всегда служило лишь дополнительным элементом жизнеобеспечения на всех этих этапах (Rousseau 1958a: 62). Так, Руссо утверждает, что мистассини (Rousseau 1957a: 44) и наסקапи (Rousseau 1958a: 75) до появления европейцев не пользовались рыболовными сетями. Вопрос о бытовании сетей у автохтонов Северного Квебека действительно еще далек от своего окончательного решения, но последние исследования показали их однозначное присутствие у атапасков бассейна Маккензи (Шишелов 2018: 37-53) – таежных охотников очень близких в плане культуры жизнеобеспечения. Как бы то ни было, рыболовство у всех групп автохтонов квебекской тайги и тундры подсобным занятием назвать трудно. В случае неудач на охоте оно сразу выходило на первый план и уж точно всегда преобладало над собирательством. Впрочем, справедливости ради следует

отметить, что Руссо вовсе не отрицал важности рыбной ловли и даже отметил, что те же мистассини *«даже сегодня больше полагаются на рыбу, чем на дичь в сфере пропитания»* (Rousseau 1957b: 204). Сомнению подлежат только его теоретические выкладки общего плана о месте и роли рыболовства в ранней истории человечества.

Также нельзя не сказать, что Ж. Руссо само понятие собирательства рассматривал шире, чем это обычно принято, что, на мой взгляд, в корне должно менять оценку его роли в системе жизнеобеспечения. Например, помимо сбора пищевых и лекарственных растений он включил в сферу собирательства заготовку бересты – материала, без которого вся традиционная культура автохтонов бореальных лесов Квебека имела бы кардинально иной облик. Как известно, культура жизнеобеспечения не ограничивается только добычей пропитания, еще в нее следует включать одежду, транспорт, а также материалы и навыки, необходимые для их изготовления.

В связи с этим особо выделим кору белой или бумажной березы (*Betula papyrifera*), которая, согласно Руссо, играет *«роль первого плана в лесной цивилизации»* (Rousseau 1958a: 64). В его концепции «цивилизации березы» экологический подход, на мой взгляд, находит свое наиболее полное выражение. В первую очередь речь идет о транспортных средствах, являющихся *«великолепными экологическими индикаторами»* (Rousseau 1957a: 40). Например, эскимосы арктических областей обычно применяли для покрытия лодок кожу тюленя, тогда как *«алгонкин бореального леса нашел себе союзника в виде бумажной березы. Ее легкая кора, сложенная в форме лодочки, проштампованная ватопом³. хвойных пород и проконопаченная смолой, скользила по текучим водным путям или перевернутая на голову позволяла обойти пороги⁴. Без этой коры хвойный лес был бы непроходим»* (Ibid.). У Ж. Руссо не вызывает абсолютно никаких сомнений, что, не имея березовой коры, без которой не было бы каноэ, ни автохтоны, ни затем европейские торговцы и колонисты не смогли бы освоить и заселить бореальный лес. Все географические открытия европейцев и вся торговля во внутренних областях Канады производились на берестяных каноэ, опыт использования которых был получен исключительно благодаря индейцам (Rousseau 1949: 9).

Итак, с одной стороны, кора бумажной березы представляет собой широко распространенный, доступный, легкий, гибкий и водонепроницаемый материал. Все эти качества делают ее идеальной для изготовления маловесных, маневренных, быстроходных и достаточно грузоподъемных каноэ. С другой стороны, ландшафты Канадского кристаллического щита (с частым выходом на поверхность горных пород, поросшего таежным лесом, перемежающимся заболоченными участками) труднопроходимы в тот период года, когда они свободны от снега и льда. Руссо даже, как мы выяснили, называл бореальный лес «непроходимым», но это некоторое преувеличение или, скорее, метафора. Кроме того, Канадский щит испещрен многочисленными озерами и реками, соединенными между собой напрямую или системами волоков. Водные пути как сети коммуникации между различными группами местного населения и маршруты кочевания действительно было трудно переоценить. Берестяное каноэ в результате стало единственным видом транспорта. Помимо незаменимости как средства сообщения Руссо отмечает его важность для рыбной ловли и преследования зверя на

³ Ватап (watap) – канадское название корней деревьев хвойных пород (ели, пихты, сосны), применявшихся главным образом для сшивания берестяных изделий и плетения корзин.

⁴ Здесь Руссо имеет в виду небольшой вес берестяного каноэ, что позволяло человеку обходить опасные порожистые места по берегу, неся лодку на голове дном вверх.

охоте (Rousseau 1958a: 83). Таким образом, использование каноэ, а значит и бересты, являлось важнейшим фактором адаптации человека к окружающей среде.

Однако одним берестяным каноэ «цивилизация березы» для Руссо не исчерпывается, т.к. *«монтанье-наскани хвойного леса, перемещающие свои палатки вслед за капризными миграциями дичи, безусловно, стремились к наиболее легким материалам. На конический каркас из шестов они клали березовую кору. При смене места стоянки было достаточно всего лишь свернуть ее листы в рулон, предварительно нагрев их на огне»* (Rousseau 1957a: 41–42). Из бересты также делались коробка и разнообразные виды посуды, а из древесины выгибались рамы для снегоступов и сани-тобогганы – зимние средства передвижения (Ibid.: 41).

Говоря о «цивилизации березы», необходимо упомянуть еще один очень важный постулат Ж. Руссо компаративного характера. Являясь признанным знатоком Американского Севера, он делает интересное предположение, имеющее отношение к аналогичным территориям Старого Света. Безусловно, его знания о сибирских реалиях были не столь глубоки хотя бы в силу того, что он там никогда не был и мог черпать информацию лишь из небогатой литературы, которую в то время можно было получить в Канаде. Тем не менее он берет на себя смелость предположить, что в Северной Азии также сформировалась «цивилизация березы», причем, что для нас особенно важно, без прямых связей с Америкой. Недостаток знания ученый компенсирует особенностями своего исследовательского подхода, согласно которому, сходство ландшафтно-климатических условий обязательно влечет за собой сходные формы и стратегии адаптации. По Руссо, такой идеальный материал, как береста, уже сам по себе располагает к конвергентному выявлению его свойств и дальнейшему использованию. В подтверждение своему предположению он приводит еще один, возможно, спорный довод. *«К тому же, – пишет он, – если предки алгонкинов, как принято считать, достигли американского побережья до исчезновения ледника, они, возможно, тогда совсем не знали деревьев»* (Rousseau 1958a: 82).

Генеральное направление мысли Ж. Руссо, несомненно, надо признать верным. Во многом одинаковые условия среды существенно повлияли на культурное сходство охотников Сибири и Канадской Субарктики. «Цивилизация березы» на севере Евразии, безусловно, существовала и развивалась конвергентно канадскому варианту. Однако позволю себе сделать предположение, что она не имела здесь столь ярко выраженного характера, как у субарктических алгонкинов и атапасков (о последних Руссо, кстати, пишет очень редко). Лодки-берестянки в первую очередь ассоциируются с тунгусо-маньчжурской культурной традицией; они были широко распространены у многих групп эвенков и тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура. У других народов Сибири зафиксированы главным образом лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева (облас – на Оби, ветка – в бассейне Енисея). Берестянки, безусловно, прежде бытовали у большинства из них, но очень часто наряду с лодками-долбленками. Сейчас о них, как правило, если и есть, то лишь отдельные упоминания. В Канадской Субарктике, напротив, если долбленки и существовали, то имели очень ограниченное распространение. Так или иначе, берестяная лодка, вероятно, не сыграла той единственной основополагающей роли в русском заселении Сибири, которая была отведена каноэ во французской и английской колонизации Канады.

Природная среда также определяла стратегию и ритмы освоения территорий. Образ жизни всех таежных народов Канады в той или иной степени характеризовался

подвижностью и частой сменой мест стоянок. Это было обусловлено по большей части требованиями охотничьего промысла. Во многих, в т.ч. этнографических, работах канадских авторов таежные алгонкинские группы характеризуются как номады. Это в некоторой степени расходится с российской научной традицией, где обычно кочевниками/номадами называют только кочевых скотоводов (коневодов, оленеводов), которым, с одной стороны, необходимо кочевать, чтобы менять необходимые для животных пастбища, а с другой стороны, использование их тягловой силы позволяет перемещаться на значительные расстояния. Пеших охотников-рыболовов кочевниками называть обычно не принято.

У Ж. Руссо на этот счет также есть свое оригинальное мнение. В плане жизнеобеспечения он разделяет алгонкинов Квебека на две части. Это монтанье и мистассини, населяющие непосредственно бореальный лес (по Руссо, умеренная бореальная зона), и наскапи Унгавы, связанные с лесотундровыми и тундровыми территориями – субарктикой и эмиарктикой (*hemiarctique*) согласно терминологии Руссо (*Rousseau* 1957a: 38). Это деление базируется в первую очередь на особенностях этологии промысловых животных, к ритму жизни которых человек вынужден был приспосабливаться. Для животных бореального леса не характерны массовые сезонные миграции и образование крупных стад, поэтому и люди здесь расселены дисперсно, они выработали по большей части индивидуальные приемы охоты на лося, бобра, зайца, дикобраза, водоплавающих птиц. Это накладывало определенный отпечаток на структуру их поселений: в одном небольшом жилище обычно размещалась одна семья. Руссо не называет этих людей номадами, он использует термин «*migrateurs*» («ведущие неоседлый образ жизни») и характеризует их как «*неисправимых странников*» (*Rousseau* 1957a: 42; *Rousseau* 1961: 38). Основой жизнеобеспечения наскапи Унгавы были стада тундровых карибу, для которых характерны массовые весенние и осенние миграции; остальные ресурсы имели второстепенный характер. Главным методом охоты у них был совместный промысел мигрирующих животных во время их переправ через реки и озера. Это, по мысли Руссо, способствовало коллективизму и жизни в многосемейных жилищах – «*длинных, прямоугольных или овальных в плане, палатках*». Именно наскапи он считает истинными номадами, «*паразитирующими на этих жвачных животных*», т.е. повсюду следующими за стадами карибу (*Rousseau* 1957a: 42; *Rousseau* 1961: 29; *Rousseau* 1968: 60–61).

Ж. Руссо был абсолютно прав, обратив внимание на отличия в стратегиях адаптации разных групп автохтонов Квебека. Основываясь на его трудах, можно с уверенностью говорить о существовании в обоих полушариях в зонах южной и северной тайги, а также в лесотундре охотничьих культурно-экологических типов территорий, которые можно условно назвать ареал лося и ареал карибу. Для первого была характерна генерализованная стратегия адаптации с более-менее равномерным использованием различных ресурсов. Второй был особенно тесно связан с мигрирующими карибу и, соответственно, со специализированной стратегией адаптации. Тем не менее с определением ученым жителей Унгавы как настоящих номадов можно согласиться лишь отчасти. Их весьма подвижный ритм освоения угодий не вызывает сомнений, но уровень неоседлости вряд ли в данном случае был выше, чем у тех же монтанье и мистассини – полагаю, пеший человек не в состоянии постоянно следовать за карибу, он попросту не может за ними успевать. Охотники, скорее, поджидали стада у постоянных мест переправы через водоемы. Позднее, когда живот-

ные рассредоточивались по зимним таежным станциям, начинался промысел силами небольших коллективов или индивидуальная охота. Только в случае внезапных изменений маршрутов миграций, что случалось не часто, людям приходилось отправляться на поиски карibu и переключаться на другие доступные ресурсы.

Ж. Руссо и этнонаука

В этом разделе хотелось бы коротко сказать о Ж. Руссо, как об одном из пионеров этнонаучного направления в антропологии, приверженцы которого изучают всевозможные традиционные знания, стараются их понять и проанализировать с точки зрения самих носителей этих знаний – членов различных этнических сообществ. И рациональные, и иррациональные представления людей трактуются как научные и ставятся в один ряд со знанием официальной науки.

Безоговорочно считать Руссо сторонником этнонауки будет не совсем правомерно. Это направление окончательно оформилось лет через десять после его смерти и в квебекской антропологии связано в первую очередь с именем Даниэля Клемана (см.: Clément 2012: 7–11). Тем не менее этнонаучные элементы в работах Руссо, безусловно, есть. Сюда, вне всяких сомнений, следует включить этноботанические исследования Руссо, о которых уже было сказано выше, но это лишь наиболее изученная часть его этнонаучных изысканий. Трембли и Тивьерж отметили, что ученый не использовал в своих работах термин «этнонаука», однако он имеет определенное отношение к данному направлению (Tremblay et Thivierge 1986: 176–177). Полагаю, для подобного заявления есть все основания.

Прочитую лишь одно из многих высказываний Ж. Руссо, в котором можно обнаружить этнонаучную составляющую: *«В автохтоне соединены знания натуралиста с чутьем ищейки. С малых лет он познает повадки представителей фауны. Следы (pistes), пощипанная трава, обглоданная кора, экскременты, малейшие отпечатки служат для него знаком»* (Rousseau 1958a: 73). На мой взгляд, особую важность здесь приобретает выражение «знания натуралиста». Возможно, тем самым Руссо не отказывает знаниям и адаптивным навыкам индейцев в том, что в них есть и научная составляющая, и ставит их в один ряд со знаниями ученых-натуралистов. Думаю, в этом вопросе он значительно опередил свое время.

Антропология и социальные проблемы (план интродукции оленеводства на севере Квебека)

Жак Руссо был не просто ученым, работавшим исключительно в русле фундаментальной науки, он был и общественным деятелем, живо реагировавшим на проблемы современного ему канадского общества, в особенности на социально-экономическое положение автохтонного населения провинции Квебек. В его трудах научная составляющая часто неотделима от поиска решения проблем индейцев, многие из которых за долгие годы общения стали его друзьями.

Хорошим примером, иллюстрирующим гармоничное сочетание фундаментальной и прикладной науки в трудах Руссо, являются его размышления о процессе доместикации человеком животных и вынашиваемые им планы интродукции домашних оленей в тундре Северного Квебека. Согласно хорошо обоснованным утверждениям Руссо, последнее было необходимо для спасения от голода и вымирания индейцев-на-

скапи Северного Лабрадора. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Как отмечалось выше, культура жизнеобеспечения северных алгонкинских групп тяготела к внутренним лесотундровым районам и базировалась в первую очередь на промысле мигрирующих стад диких оленей-карибу. В отличие от инуитов, осваивавших прибрежные территории и всегда в случае необходимости переходивших от охоты на карибу к промыслу морских млекопитающих (тюленей, моржей, белухи и т.п.), таежные охотники такой альтернативы не имели. Начиная с 1910-х годов популяция карибу в Квебеке неуклонно сокращалась. К 1947 г. численность этих животных снизилась с трехсот тысяч до катастрофических шести. Руссо полагал, что такое положение дел приведет в конечном итоге к вымиранию наскапи и со всех трибун взывал к незамедлительному решению этой проблемы (Rousseau 1968: 56, 65). Выход из сложившейся ситуации виделся ему в переориентации системы жизнеобеспечения наскапи от охоты на карибу к пастушескому оленеводству, это должно было в первую очередь решить проблему голода, не прерывая связи между человеком и средой обитания, что было для Руссо принципиально важным. Как совершенно справедливо отметили Трембли и Тивьерж, Руссо просто не мог сначала не выяснить вопрос о пригодности этих территорий для домашнего оленеводства (Tremblay et Thivierge 1986: 167). Ученый провел специальное исследование и пришел к выводу, что пастбища Унгавы вполне способны прокормить 500 000 северных оленей, и, если численность популяции не будет бесконтрольно увеличиваться, интенсивный выпас животных не нарушит природный баланс (Rousseau 1952: 69). По мнению Руссо, *«арктическая тундра и субарктический лес Квебека представляют собой прекрасное пастбище для северного оленя. ...Интродукция северного оленя в Квебеке – это проблема только психологического характера»* (Rousseau 1958b: 398).

Необходимо отметить, что мысли о распространении оленеводства как меры по улучшению условий существования охотничьих народов Американского Севера посещали некоторых авторов и ранее. Католический миссионер Эмиль Птито еще во второй половине XIX в. очень хотел сделать из охотников-атапасков (дене) бассейна р. Маккензи оленеводов-пастухов. Для достижения данной цели он полагал достаточным всего лишь приручить карибу, огромные стада которых в то время совершали свои осенние и весенние миграции. Увидев животных возле залива Смит на Большом Медвежьем озере, Птито с удивлением заметил, что карибу не боятся людей: *«Вся тундра была полна свободных, но ручных, а вовсе не диких оленей. ... Олени, собравшиеся в войско в одну или две тысячи особей, ничуть не пугающиеся нашего приближения, двигались прямо на нас ...»* (Petitot 1893: 128). В результате он задался вопросом: *«Что мешает дене сделаться хозяевами этих бесчисленных стад и по собственной воле стать счастливыми, богатыми и беззаботными пастухами?»* (Ibid.: 130). Ответы атапасков, кстати, вполне закономерные для классических таежных охотников, незнакомых с оленеводством, вызвали у миссионера не меньшее удивление. Их содержание сводилось в целом к следующему: *«Мы никогда не слышали, что оленя можно приручить, как собаку, и с выгодой ее им заменить. Наши предки убивали оленей, чтобы ими кормиться, и мы делаем, как они... Ловить живых оленей! ...Водить их от пастбища к пастбищу! Пить оленьё молоко, делать из него масло и сыр и по случаю выполнять работу мясника! Слышал ли кто когда-нибудь столь странные и абсурдные вещи? ...Олени – это древние люди. Они бы покинули наши охотничьи территории. Они бы обиделись на то, что находятся в*

состоянии рабства, а не вражды с нами) (Ibid.: 130–131). Призрачные планы Птито по приручению диких оленей-карибу охотниками-атапасками, что вполне естественно, никогда не были претворены в жизнь.

Из практики оленеводства в Евразии хорошо известно, что, невзирая, по сути, на единую видовую принадлежность, грань между диким и домашним оленем пролегает вполне четко, и попытки приручить диких оленят оказывались, как правило, неудачными. Оленеводческие народы никогда не пополняли свои стада путем отлова диких особей, поскольку те оказывались для этого непригодными (Максимов 1997: 282–283).

В отличие от Птито, Жак Руссо видел данную проблему более глубокой и сложной. В одной из работ он лишь мимоходом упомянул о неудачном опыте внедрения оленеводства в дельте Маккензи, обмолвившись, что, если принять во внимание использовавшиеся методы, быть по-другому попросту не могло (Rousseau 1958b: 398). Нельзя исключить, что он имел в виду в т.ч. и замыслы Птито, но точных подтверждений тому нет. В работе, вышедший несколькими годами ранее, Руссо утверждает, что отрицательный результат на Аляске и в районе Маккензи вовсе не говорит об обреченности подобного опыта в Квебеке, и ссылается на успешную практику оленеводства в Скандинавии, известную с «*доисторических времен*» (Rousseau 1952: 71).

Руссо, вне всяких сомнений, прекрасно понимал, что сделать автохтонов Канадского Севера оленеводами путем простого приручения карибу абсолютно невозможно. Согласно его теоретическим постулатам, для запуска процесса доместикиации необходимы некие мутации самих видов, направляющие их на путь одомашнивания, в некоторой степени даже независимо от воли человека. «*Иногда дикие животные подвергаются мутациям, имеющим доместикационный характер, и оказываются приговоренными к исчезновению, если их не окружить заботой. Доместикация не является осознанным процессом, как дрессировка*», – написал он в одной из статей (Rousseau 1958a: 63). Человек не одомашнивает животное, а всего лишь подбирает «*мутации доместикационного характера*». Например, можно приручить отдельных особей львов, тигров, зебр, но эти виды никогда не станут одомашненными; в этом отношении речь может идти только о животных, которые сами искали контакта с людьми. Многие (теперь домашние) виды животных обязаны своим выживанием заключенному когда-то союзу с человеком (Rousseau 1958b: 398).

Почти полное отсутствие домашних животных в доколумбовой Америке Руссо объясняет именно тем, что такие американские виды, как бизон, снежный баран (американский муфлон в терминологии Руссо), горная коза, мускусный бык, карибу и лось «*к несчастью, не произвели “доместикационных мутаций”, заставляющих животных искать общество человека*». Собака в качестве домашнего животного не смогла заменить ни овец и свиней, ни буйволов и лошадей, ни «*лапландского северного оленя*» как равноценную тягловую силу (Rousseau 1958a: 66). В Евразии же олень сам предложил себя охотникам для доместикиации в неолитическую эпоху, в результате чего люди впоследствии перешли к оленеводству (Rousseau 1952: 72). Получается, карибу в Америке, в отличие от северного оленя в тайге и тундре Старого Света, не подвергся «доместикационным мутациям». Общеизвестно, что американский карибу, дикий и домашний северные олени являются представителями одного и того же вида, сформировавшегося и существующего в сходных природных условиях. Не отрицает этого и Руссо, признающий родство карибу и «лапландского северного оленя» (Rousseau 1961: 28). Возникают закономерные вопросы: почему

одно и то же, по сути, животное в Старом Свете в какой-то момент пошло на контакт с человеком, а в Новом Свете нет? Если в Старом Свете северные олени, подвергшись мутациям, стали тянуться к людям, то как в таком случае объяснить факт существования диких северных оленей в Евразии, вообще не имеющих никаких отличий от карибу? Ответы на эти вопросы у Руссо мне найти не удалось.

Надо сказать, что взгляды Руссо на причины возникновения домашних животных выглядят немного наивными. Думается, он несколько недооценивает роль человека в этом процессе. Впрочем, не будучи специалистом-биологом, я не обладаю достаточной компетенцией для критических замечаний по этому вопросу. Отмечу лишь, что еще в 1928 г. русский этнограф Александр Николаевич Максимов убедительно, на мой взгляд, опроверг точку зрения, согласно которой олень сам шел навстречу приручению, ища у человека защиту от хищников, кровососущих насекомых и источник необходимой ему соли (Максимов 1997: 282).

Неоспоримая заслуга Жака Руссо состоит в другом. Планами интродукции оленеводства он искренне пытался спасти зависящие от карибу автохтонные группы. Резкое падение численности этих животных на Лабрадоре в первой половине XX в. действительно привело систему жизнеобеспечения на скапи к глубокому кризису, а некоторые семьи оказались на грани голодной смерти. Предложенный Руссо план вовсе не был утопичным, и в случае его успеха проблемы питания для этих людей были бы разрешены. Если ученый считал карибу животным, не подвергшимся «доместикационным мутациям», то он, безусловно, базировал свои планы интродукции оленеводства в Квебеке не на его приручении. Хотя об этом в известных мне работах не упоминается, речь наверняка шла о получении домашних оленей, например, из Скандинавии и Финляндии или, что менее вероятно, из аляскинского стада, выпасаемого на п-ве Сьюард. Руссо глубоко изучил проблему и убедился в том, что природные условия севера Квебека вполне пригодны для интродукции оленеводства. Он отчасти справедливо полагал, что переход к разведению домашних оленей положительно скажется на восстановлении популяции карибу, поскольку, имея альтернативный источник жизнеобеспечения, монтанье-на скапи и эскимосы смогут значительно меньше охотиться на этих животных. Для сохранения карибу он предлагал создать резерват по всему бассейну р. Джордж и ввести полный запрет на их отстрел в первые годы действия плана – пока не восстановится численность популяции (Rousseau 1952: 67).

План Ж. Руссо по интродукции оленеводства был основательно и глубоко проработан. Базируясь на материалах своих многочисленных экспедиций и обширных ботанических знаниях, на территории Нового Квебека и Лабрадора (материковая часть провинции Ньюфаундленд) он выделил семь участков с наиболее благоприятными условиями для ведения различными автохтонными группами оленеводческого хозяйства: 1) для индейцев «кри или кри-монтанье» – в бассейне р. Рогган в северо-восточном секторе залива Джеймс; 2) для эскимосов Гудзонова залива – в устьях рек Гранд-Ривьер-де-ля-Бален и Птит-Ривьер-Де-Ля-Бален; 3) для эскимосов залива Унгава – между пос. Форт-Шимо и устьем р. Ривьер-о-Фёй; 4) для эскимосов низовьев р. Джордж и Северного Лабрадора – по всему бассейну р. Корок; 5) для эскимосов Центрального Лабрадора – небольшое стадо в лесах около пос. Нейн; 6) для индейцев-на скапи р. Каниаписко – в районе Форта-Маккензи; 7) для монтанье-на скапи Лабрадора – в окрестностях пос. Норт-Вэст-Ривер. Ж. Руссо отдельно

оговаривает, что четыре последних стада следует сформировать в первую очередь, поскольку живущие в тех местах наסקапи и эскимосы могут окончательно уничтожить карибу реки Джордж (*Rousseau* 1952: 69–70).

Руссо понимал всю сложность воплощения своего замысла. Помимо экономических и биологических он выделял также проблемы психологического характера, которые могли возникнуть у местного населения в процессе изменения хозяйственной деятельности. Он приводил мнение Гаррисона Льюиса, видевшего причину неудачного опыта внедрения оленеводства на Аляске в отказе от европейской системы закрытого выпаса и в практике открытого выпаса: эскимосы попросту убивали большое количество домашних оленей для еды. Сам Руссо этим же объясняет крах оленеводства в дельте Маккензи (*Rousseau* 1952: 70, 72). Судя по планам Руссо, касающимся выделения не слишком больших по площади участков, он явно имел в виду закрытую систему выпаса. Он не согласен с утверждением, согласно которому противоречие интродукции оленеводства состоит в том, что во всех районах Канады не наберется достаточного количества людей, способных выполнять работу пастуха-оленевода. *«Эта точка зрения вполне применима к Аляске и территории Маккензи, но определенно не к полуострову Квебек-Лабрадор, где монтанье-наסקапи, которых я очень хорошо узнал за многие годы экспедиций, сумеют с выгодой для себя заняться стадами. Возможно, таким же образом дело обстоит с эскимосами Унгавы и Лабрадора»* (Ibid.: 71). В то же время Руссо признает, что в процессе превращения в кратчайшие сроки охотника в оленевода могут возникнуть сложности. Сделать старого охотника оленеводом невозможно, поэтому пастухов следует отбирать очень внимательно, а обучать до того, как они *«подвергнутся тлетворному влиянию»* профессиональной охоты, с юмором отмечает он. Все упирается в квалифицированных инструкторов – индейцы и эскимосы не должны быть предоставлены сами себе, как это произошло на Маккензи. Кроме того, их необходимо подвести к мысли о необходимости защиты и сохранения естественных ресурсов. На роль таких наставников Руссо предлагает нескольких прежних служащих Компании Гудзонова залива, которые, общаясь с автохтонами многие годы, обладают достаточной *«лингвистической, этнологической и научной квалификацией»* (Ibid.: 72).

На мой взгляд, с выводами Руссо во многом можно согласиться. Его замыслы по интродукции оленеводства на востоке Канадской Арктики и Субарктики, сложись для этого благоприятные обстоятельства, вполне могли иметь успешное продолжение и, возможно, позитивно сказались бы на положении автохтонных групп севера Лабрадора. Однако этого не произошло.

Руссо, с моей точки зрения, не обратил внимания на такой фактор, как традиционные религиозные воззрения охотников на карибу, согласно которым приручение оленят считалось недопустимым. Это расценивалось как проявление неуважения к карибу, что, по представлениям автохтонов, могло рассердить духа-хозяина карибу и самих этих животных. Результат – потеря удачи на охоте и, как следствие, гибель людей. Выше уже отмечалось, что атапаски в ответ на призывы Птито приручить карибу говорили, что это может обидеть животных. У инну (монтанье-наסקапи во времена Руссо) также существовал запрет на приручение оленят-карибу: Атик-напеу (Хозяин карибу) в наказание мог наслать на людей Ачена (великана-каннибала) (*Gagnon* 2007: 461). Приручать детенышей дикого северного оленя считалось «грехом» даже у некоторых сибирских групп, знакомых с оленеводством (*Миддендорф*

1878: 707; Давыдов 2014: 369–370). Также мне остается не совсем понятным, почему Руссо, соглашаясь с тем, что среди индейцев и эскимосов северо-запада Канады трудно найти людей, которые могут стать пастухами, положительно оценил оленеводческий потенциал автохтонов Квебека. И те, и другие – охотники тайги и тундры – имели очень мало различий в культурном плане. Безусловно, привезенные извне домашние северные олени наверняка получили бы в автохтонном «бестиарии» совершенно иной статус по сравнению с их дикими собратьями-карибу. Степень неукоснительности следования архаичным запретам религиозно-этического происхождения могла быть в середине XX в. уже не столь высока и у алгонкинов, и у атапасков Субарктики. Тем не менее окончательно отбрасывать фактор особенностей традиционных верований, полагаю, все-таки не следует.

Этнонимия в работах Ж. Руссо

Проблемы этнонимии занимают в работах Жака Руссо далеко не главное место, но и их он не обошел своим вниманием.

Начиная с XVII в. этноним «дикарь» (*sauvage*) во франко-канадской традиции применялся ко всем автохтонным группам Америки, и зачастую те, кто их так называл, не придавали своим словам негативный оттенок. Тем не менее этот этноним имеет совершенно очевидную пейоративную окраску. Еще в 1960-х годах его нередко можно было обнаружить даже в научных работах. В 1970-х годах, на волне активизации национальных движений коренного населения, данный этноним перестал употребляться. Сначала он был заменен на «америндейцы» (*Amerindiens*), а в дальнейшем на «первые нации» – для индейцев в целом и на самоназвания – для отдельных групп. Для обозначения эскимосов использовалось общее самоназвание «инуиты». Например, монтанье и наскапи, о которых так много писал Руссо, в настоящий момент принято называть «инну» (*Innu, Innuat pl.*), что означает на их языке «люди». Этнонимы «индеец», «эскимос», «монтанье», не говоря уже о «дикарях», больше не употребляются и даже считаются оскорбительными, но во времена Руссо все было совсем не так.

Руссо еще в 1950-е годы предлагал отказаться от этнонима «дикарь», в смысловом значении которого содержится намек на «степень цивилизованности» тех или иных групп людей (*Rousseau* 1958a: 54). Уже одно только его использование, даже без малейшего желания как-то принизить автохтонов, несло в себе своего рода указание на их более низкие умственные способности по сравнению с канадцами европейского происхождения. Именно Жак Руссо активно ратовал за единый для всех канадских автохтонов (и индейцев, и эскимосов) термин – америндейцы. По его мнению, это позволило бы во французском и английском языках избегать понятий «дикарь» (*Sauvage*) и «туземец» (*Native*), которые неточны и имеют пейоративный оттенок, а «слово америндейцы лучше, чем любое другое способствовало бы реабилитации в общественном мнении этих людей, которых называют дикарями» (*Rousseau* 1955: 197). Здесь этнонимические воззрения Руссо тесно переплетаются с его антирасистскими взглядами и борьбой с предрассудками в отношении коренного населения – наиболее важным направлением его общественной деятельности. Не случайно Дональд Б. Смит, исследуя историю и эволюцию образа «дикаря» от «рождения» до отказа от данного понятия в общественной мысли Французской Канады, считает,

что именно Жак Руссо нанес ему окончательное поражение, как и представлениям о расовом неравенстве во франко-канадской традиции (Smith 1974: 84).

На этнонимию коренного населения Квебека у Руссо также были свои взгляды, заслуживающие внимания. К примеру, он полагал, что этноним «кри» неправомерно употреблять по отношению к индейцам Квебека, так можно называть только кри степных районов Канады и района оз. Виннипег. Его аргументация состоит в том, что слово «кри» происходит из французского языка. Англичане, в конце XVII в. основавшие Компанию Гудзонова Залива, сначала стали называть так индейцев, населявших берега оз. Виннипег, и только значительно позднее группы, жившие восточнее залива Джеймс. Руссо полагал, что, если именовать автохтонов Нового Квебека «кри», нужно отказаться от этнонима «монтанье», поскольку все алгонкинское население п-ва Лабрадор говорит на близкородственных диалектах. Дальнейшее закрепление этнонима «кри» за группами озер Мистассини, Ничикун и восточного побережья залива Джеймс Руссо связывает с ошибочным, с его точки зрения, утверждением канадского антрополога Даймонда Дженнесса, «который никогда не был у автохтонов Квебека и имел о них весьма поверхностные знания» (Rousseau 1967a: 634–635).

Действительно, Ж. Руссо в своих работах всегда рассматривал индейцев-мистассини как отдельную этническую общность и не причислял их ни к монтанье, ни к кри, но одновременно с этим признавал за всеми лесными охотничьими народами Квебека, к которым относил «монтанье, наскапи, тет-де-буль, собственно алгонкинов, мистассини», родство с кри (Rousseau 1945: 71). Данное утверждение, вне всяких сомнений, справедливо, но только за одним исключением: алгонкины юго-запада Квебека, по сути, являются частью оджибве, но не кри. Также необходимо отметить, что современные автохтоны района оз. Мистассини и восточного побережья залива Джеймс четко позиционируют свою принадлежность именно к кри.

* * *

Данный очерк антропологических взглядов и творчества Жака Руссо совсем не претендует на широкомасштабный охват. В нем упомянута лишь небольшая часть научного багажа ученого. Сама его личность, не говоря уже о проблемах, интересовавших его как исследователя, существенно выходят за рамки того, о чем здесь говорилось. Например, я ничего не сказал о работах Руссо, посвященных его пониманию религиозных представлений коренных жителей Квебека; не упомянул статьи по антропологии питания, где кухня различных автохтонных групп представлена в том виде, в каком он увидел ее в своих многочисленных путешествиях; мало внимания уделил его этногеографическим и топонимическим изысканиям; не затронул некоторые частные вопросы. Я лишь попытался сконцентрировать внимание на отдельных фрагментах его наследия, имеющего отношение к антропологии, и в качестве иллюстраций привести примеры, которые, на мой взгляд, наиболее объемно отражают исследовательские интересы Жака Руссо и значение его фигуры в становлении квебекской антропологии.

Источники и материалы

Jaques Cartier et «La Grosse Maladie». XIXe Congrès international de Physiologie. Montréal, 1953.

Répertoire numérique... 2004 – Répertoire numérique du fonds Jaques Rousseau (P 174). Septem-

- bre 2004. Université Laval, Bureau du secrétaire général, Division des archives.
- Rousseau 1933 – Rousseau J. Les Astragalus du Québec et leurs alliés immédiats. Contributions du Laboratoire de Botanique de l'Université de Montréal. N.-Y.; Montréal; Leipzig: 1933. No. 24.
- Rousseau 1945 – Rousseau J. Chez les Mistassini, Indiens chasseurs de la forêt canadienne // *La Revue de l'IFAL* / revue trimestrielle de l'Institut Française d'Amérique Latine. México: 1945. No. 2. Pp. 64–91.
- Rousseau 1946 – Rousseau J. Notes sur l'ethnobotanique d'Anticosti // *Archives de folklore*, 1946. Vol. 1. Pp. 60–71.
- Rousseau 1947 – Rousseau J. Ethnobotanique abénaquise // *Archives de folklore*, 1947. No 2. Pp. 145–182.
- Rousseau 1948 – Rousseau J. Ethnobotanique et ethnozoologie gaspésiennes. (Simples notes) // *Archives de folklore*, 1948. No 3. Pp. 51–64.
- Rousseau 1949 – Rousseau J. Le canot d'écorce de bouleau // *Chasse et pêche*, 1949. Vol. 1. No. 2. Pp. 9–11.
- Rousseau 1950 – Rousseau J. Les voyages du Père Albanel au lac Mistassini et à la Baie James // *Revue d'Histoire de l'Amérique française*. Montréal: 1950. Vol. 3. No. 4. Pp. 556–586.
- Rousseau 1952 – Rousseau J. Les problèmes de conservation de l'Ungava et du Labrador // *Mémoires du Jardin botanique de Montréal*. Montréal: 1952. Pp. 51–79.
- Rousseau 1953 – Rousseau J. Le mystère de l'annedda / *Jaques Cartier et "La Grosse Maladie"*. XIXe Congrès international physiologie de Montréal. Montréal: 1953. Pp. 105–116.
- Rousseau 1954 – Rousseau J. L'Annedda et l'arbre de vie // *Revue d'histoire de l'Amérique française*, 1954. Vol. 8. No. 2. Pp. 171–212.
- Rousseau 1955 – Rousseau J. L'origine et l'évolution du mot esquimau // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 1955. Vol. 20. Pp. 179–198.
- Rousseau 1957a – Rousseau J. L'Indien de la forêt boréale, élément de la formation écologique // *Studia varia*. Société Royale du Canada. Ottawa: 1957a. Pp. 37–51.
- Rousseau 1957b – Rousseau J. Astam mitchoun! Essai sur la gastronomie amérindienne // *Les Cahiers des Dix*. Montreal: 1957b. Vol. 22. Pp. 193–211.
- Rousseau 1958a – Rousseau J. Ces gens qu'on dits sauvages // *Les Cahiers des Dix*. Montréal, 1958a. Vol. 23. Pp. 53–90.
- Rousseau 1958b – Rousseau J. La mise en valeur des territoires arides de la province de Québec // *La terre et la vie. Revue d'Histoire naturelle*, 1958b. No. 4. Pp. 396–399.
- Rousseau 1961 – Rousseau J. La trame forestière de l'histoire canadienne // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 1961. Vol. 26. Pp. 17–54.
- Rousseau 1967a – Rousseau J. BIAYS, Pierre, *Les marges de l'oekoumène dans l'est du Canada*. (En sous-titre) : *Partie orientale du Bouclier canadien et île de Terre-Neuve*. Travaux et documents du Centre d'Etudes Nordiques. No. 2. Les Presses de l'Université Laval, xxix-760 p., fig., tableaux et cartes, dans le texte, et hors-texte, 1964 // *Revue d'Histoire de l'Amérique française*. Montréal: 1967a. Vol. 20. No. 4. Pp. 631–636. doi:10.7202/302620ar
- Rousseau 1967b – Rousseau J. Pour une esquisse biogéographique du Saint-Laurent // *Cahier de Cahiers de géographie du Québec*, 1967b. Vol. 11. No 23. Pp. 181–241. Doi:10.7202/020725ar
- Rousseau 1968 – Rousseau J. L'avenir des Amérindiens de la toundra et de la taïga québécoises // *Les Cahiers des Dix*. Montréal, 1968. Vol. 33. Pp. 55–77.
- Rousseau et Raymond 1945 – Rousseau J. et Raymond M. Études ethnobotaniques québécoises. *Contributions de l'Institut botanique de l'Université de Montréal*. Montréal, 1945. No. 55.

Литература

- Давыдов 2014 – Давыдов В.Н. От дикого к домашнему: стратегии доместикации оленя в Северном Забайкалье // *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г.* СПб.: 2014. С. 365–371.

- Евтух* 1989 – Евтух Е.Б. Современная этнология в Канаде // *Этнология в США и Канаде*. М.: «Наука», 1989. С. 285–312.
- Максимов* 1997 – Максимов А.Н. *Избранные труды* // сост., автор послесл. и коммент. О.Ю. Артемова. М.: «Восточная литература», 1997.
- Миддендорф* 1878 – Миддендорф А. *Путешествие на Север и Восток Сибири. Коренные жители Сибири*. СПб.: 1878. Ч. II. Отдел VI.
- Шишелов* 2018 – Шишелов Н.С. *Рыболовная культура атапасков Арктического Бассейна (XVIII–XXI вв.)*. М.: Издательские решения, 2018.
- Audet* 1970 – Audet L.-Ph. Jacques Rousseau. *Cahiers des dix*. Montréal, 1970. Vol. 35. Pp. 7–11, doi:10.7202/1025267ar
- Caron* 1971 – Caron F. Jacques Rousseau (1905–1970). *Arctic*. Montreal, 1971. Vol. 24. No. 2. Pp. 151–152.
- Clément* 2012 – Clément D. *Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. Collection «Mondes Autochtones»*. Québec: Presse de l'Université Laval, 2012.
- Couture et Laverdière* 2000 – Couture P. et Laverdière C. *Jacques Rousseau. La science des livres et des voyages*. Montréal: «les Grandes Figures». 2000.
- Hamelin* 1970 – Hamelin L.-E. Notice nécrologique: Jacques Rousseau (1905–1970). *Cahier de géographie Québec*, 1970. Vol. 14. No. 32. Pp. 257–260, doi:107202/020912ar
- Gagnon* 2007 – Gagnon D. Sainte Anne et le pouvoir manitushuun: l'inversion de la cosmologie mamit innuat dans le contexte de la sédentarisation, edited by Laugrand F.B., J.G. Oosten. *La nature des esprits dans les cosmologies autochtones. Nature of Spirits in Aboriginal Cosmologies*. Québec.: Presse de l'Université Laval, 2007. Pp. 449–478.
- Laverdière* 1999 – Laverdière C. Jacques Rousseau: Le dernier des grands explorateurs du Nouveau Québec // *Cap-aux-Diamants*. 1999. No 56. Pp. 44-47.
- Laverdière et Carette* 1999 – *Laverdière C. et Carette N.* Jacques Rousseau 1905-1970. Bio-bibliographie. Saint-Fois, Presse de L'Université Lavale. 1999.
- Mathieu* 2005 – *Mathieu J.* L'intellectuel et le lion: Jacques Rousseau: homme de tête et de passion // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 2005. Vol. 59. Pp. 127–147. doi:10.720/2045756ar
- Petitot* 1893 – *Petitot E.* Exploration de la Region du Grand Lac des Ours. (Fin de Quinze ans sous le Cercle Polaire). Paris: 1893.
- Smith* 1976 – *Smith D.B.* Le Sauvage. The Native People in Quebec historical writing on the Heroic Period (1534-1663) of New France. National Museum of Man. History Division. Ottawa: 1976. No. 6.
- Tremblay et Thivierge* 1986 – *Tremblay M.-A. et Thivierge J.* La nature et la portée de l'oeuvre amérindienne de Jacques Rousseau // *Anthropologie et Sociétés*, 1986. Vol. 10. No 2. Pp. 163–182. doi:10.7202/006356ar

Reference

- Davydov, V.N. 2014. Ot dikogo k domashnemu: strategii domestikat'sii oleniya v Severnom Zabaikal'e [From wild to domestic: the strategy of domestication of a deer in the Northern Transbaikalia]. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAĖ RAN v 2013 g.* [Radlov collection: research and museum projects of the MAĖ RAS in 2013], 365–371. St-Petersburg.
- Evtukh, E.B. 1989. Sovremennaya etnologiya v Kanade [Modern Ethnology in Canada]. *Etnologiya v USA & Canada* [Ethnology in the United States and Canada], 285–312. Moscow: Nauka.
- Maksimov, A.N. 1997. Izbrannye Trudy [Selected Works], edited by O.Yu. Artemova. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997
- Middendorf, A. 1878. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. Korennye zhiteli Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia. Aboriginal people of Siberia]. St-Petersburg: Vol. II (Pt.VI).
- Shishelov, N.S. 2018. *Rybolovnaya kul'tura atapaskov Arkticheskogo Basseina (XVIII–XXI vv.)* [Fishing culture of the Arctic Basin patches (XVIII – XXI centuries)]. Moscow: Izdatel'skie resheniya.

- Audet, L.-Ph. 1970. *Jacques Rousseau. Cahiers des dix*. Montréal: 1970. Vol. 35. Pp. 7–11. doi:10.7202/1025267ar
- Caron, F. 1971. Jacques Rousseau (1905–1970). *Arctic* 24 (2): 151–152. Montreal.
- Clément, D. 2012. Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. *Collection «Mondes Autochtones»* [The Innu Bestiary: Quadrupeds. Collection “Mondes Autochtones”]. Québec: Presse de l’Université Laval.
- Couture, P. et J.R. Laverdière C. 2000. *La science des livres et des voyages* [The science of books and voyages]. Montréal : «les Grandes Figures».
- Hamelin, L.-E. 1970. Notice nécrologique: Jacques Rousseau (1905–1970) [Obituary note: Jacques Rousseau (1905-1970)]. *Cahier de géographie Québec* 14(32): 257–260. Doi:107202/020912ar.
- Gagnon, D. 2007. Sainte Anne et le pouvoir manitushiu: l’inversion de la cosmologie mamit inuat dans le contexte de la sédentarisation [Sainte Anne and manitushiu power: the inversion of cosmology mamit inuat in the context of sedentarisation]. In *La nature des esprits dans les cosmologies autochtones. Nature of Spirits in Aboriginal Cosmologies*, edited by F.B. Laugrand, J.G.Oosten, 449–478. Québec: Presse de l’Université Laval.
- Laverdière, C. 1999. Jacques Rousseau: Le dernier des grands explorateurs du Nouveau Québec [Jacques Rousseau: The last of the big explorers of the New Quebec]. *Cap-aux-Diamants* 56: 44–47.
- Laverdière, C. and N. Carette. 1999. *Jacques Rousseau 1905–1970. Bio-bibliographie* [Jacques Rousseau 1905-1970. Bio-bibliography]. Saint-Fois, Presse de L’Université Lavale.
- Mathieu, J. 2005. L’intellectuel et le lion: Jacques Rousseau: homme de tête et de passion [The intellectual and the lion: Jacques Rousseau: man of head and of passion]. *Les Cahiers des Dix* 59: 127–147. Montréal. Doi:10.7202/2045756ar
- Petitot, E. 1893. *Exploration de la Région du Grand Lac des Ours. (Fin de Quinze ans sous le Cercle Polaire)* [Exploration of Region of the Great Bear Lake. (The end of fifteen years behind a polar circle)]. Paris.
- Smith, D.B. 1976. Le Sauvage. The Native People in Quebec historical writing on the Heroic Period (1534–1663) of New France. *National Museum of Man. History Division* 6. Ottawa.
- Tremblay, M.-A. and J. Thivierge. 1986. La nature et la portée de l’oeuvre amérindienne de Jacques Rousseau [The nature and scope of Jacques Rousseau’s amerindian production]. *Anthropologie et Sociétés* 10 (2): 163–182. Doi:10.7202/006356ar.

Denis V. Vorobiev. Between nature and culture: Jacques Rousseau and the beginning of Quebec anthropology

The article is about the Canadian ethnologist and the botanist Jacques Rousseau, one of the founders of anthropology in Quebec. It follows his footsteps in science from botany to ethnobotany, and then his way from ethnobotany to ecological approach in anthropology is traced. The article considers his efforts in solving the economical and social problems of this area with his plans on reindeer breeding introduction in the north of Quebec-Labrador as an example.

Keywords: *Quebec anthropologist Jacques Rousseau, Quebec anthropology, Montagnais, Naskapi, ethnobotany, "birch civilization", North of the Province of Quebec, caribou.*

© А.Е. Загребин

БЕРНАТ МУНКАЧИ И ВЕНГЕРСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.*

В статье представлена хронология научных поисков венгерского лингвиста и этнографа – финно-угроведа Берната Мункачи (1860–1937). Первая научная поездка Б. Мункачи состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Маршрут экспедиции 1885 г. привел его к разным этнографическим группам удмуртов. Самой длительной была поездка 1888 г. на Северный Урал и в Западную Сибирь к обско-угорским народам. Отдельное место занимает анализ его собирательской работы среди военнопленных в годы Первой мировой войны. Автор-составитель фундаментальных сводов произведений народной поэзии и этнографических текстов об удмуртах и манси, Мункачи вошел в историю финно-угроведения как один из первопроходцев полевых исследований и ученый-гуманист.

Ключевые слова: Бернат Мункачи, финно-угроведение, Венгрия, удмурты, обские угры, полевые исследования, Первая мировая война.

В декабре 1928 г., выступая на годичном собрании Финно-Угорского Общества с докладом о роли мировой войны в судьбах родственных финнам народов профессор Хельсинкского университета Ю. Вихманн, рассказал о научных результатах, полученных учеными в ходе работы в лагерях для военнопленных (Wichmann 1930). Тогда же прозвучало имя венгерского исследователя Берната Мункачи, собиравшего фольклорно-этнографические материалы среди российских солдат, бывших в плену на территории Австро-Венгрии.

Путь в науку: Мунк=Мункачи

Бернат Мункачи (Дов-Бер, Бернхард Мунк) родился в 18-й день месяца Адар (12 марта) в трансильванском г. Надьварад (ныне г. Орадя, Румыния) в семье, чьи предки, издавна жившие в Верхней Венгрии, придерживались ортодоксального иудаизма. Приняв хунгаризированную форму семейной фамилии, он оставался верен религии Моисея и, будучи уже известным ученым, совмещал науку с должностью инспектора еврейских школ Пештского округа (Kozmács 2010: 173). В период обучения в гимназии Мункачи показал способности к языкам, успешно занимаясь турецким, а в Будапештском университете освоил русский язык.

Загребин Алексей Егорович – д.и.н., проф. РАН, главный научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: zagreb72@izh.com. **Zagrebín Alexey E.** – Institute of Ethnology and anthropology, RAS (Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: zagreb72@izh.com.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Многообразие культур и стратегий развития. Институты и управление в полиэтничных обществах». Подтема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

Как и многих интеллектуалов тех лет, начинающего филолога увлекали рассказы о странствиях по восточным странам его соплеменника, «хромого дервиша» – А. Вамбери, того, что искал в Центральной Азии следы древних венгров (*Вамбери* 1885, *Vámbéry* 1885). Не меньше пища для размышлений давали лекции приглашенного в Венгрию немецкого лингвиста Й. Буденца, учеником которого он стал. По примеру наставника Мункачи старался не замыкаться в узкой специализации, в равной степени погружаясь в корпус алтайских, кавказских и индоевропейских языков, но больше его занимали вопросы венгерской диалектологии. Буденц смог убедить многих влиятельных венгров в финно-угорском происхождении их языка, но сторонников точки зрения о тюркских корнях оставалось достаточно¹. «Тюрко-угорские войны» в венгерском языкознании и политике, требовали притока качественных фактических данных, делая экспедицию необходимым элементом профессионального становления научной молодежи.

Первая поездка Б. Мункачи и его товарища И. Куноша в поисках живого народного слова состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Знакомство с жизнью людей в самой что ни на есть натуральной обстановке дало им возможность собрать языковой материал в среде его бытования. Нахождение в контакте с носителями языка делало более понятным происхождение и применение тех или иных слов, идиоматических выражений и фольклорных произведений. Он писал: «Множество неудобных, опасных моментов сменялось минутами радости. Как бы то ни было, я исключительно рад успешно пройденному пути, поскольку, не считая привезенного нами ценного материала, я освоил большую науку, имя которой – практичность, приспособление к различным условиям и людям – я считаю, что смогу получить пользу от предстоящего, возможно, еще большего по важности пути» (*Kozmács* 2008: 188–189). С этим знанием прошли его дальнейшие экспедиции к удмуртам и обским уграм, превращая трудолюбивого перспективного ученого юношу в самостоятельного исследователя.

Экспедиции к удмуртам и обско-угорским народам

В конце апреля 1885 г., командированный Венгерской академии наук, Б. Мункачи приехал в Казань, снискавшую заслуженную славу научного центра, через который шла дорога к родственным народам Востока (*Загребин* 2005). За сорок лет до этого по ней прошел А. Регули, чьи нерасшифрованные дневники стали легендой при жизни пионера венгерского финно-угроведения (*Kodolányi* 1968). Но, прежде чем подступиться к западносибирским собраниям, он, очевидно, хотел получить опыт исследований в переходных условиях Волго-Камья, где современные тенденции сосуществовали с развитой инфраструктурой народной традиции. Удачной представлялась ситуация с удмуртским языком, как писал Мункачи: «До сих пор сведения о вотяцком языке происходили, как правило, основываясь на переводных текстах, часто религиозных по содержанию. Оригинальные языковые данные в достаточном количестве появились лишь за два года до этого в издании Казанского миссионерского

¹ Много лет Й. Буденц работал над составлением сравнительного венгерско-угорского словаря / Budenz J. Magyar. – ugrisches vergleichendes Wörterbuch. Pest, 1873–1881., внесшего большой вклад в победу «угорской партии», над сторонниками тюркской теории происхождения венгров (*Korhonen* 1987–1988: 121–122, *Загребин* 2009).

общества под названием «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний»². Кроме того, полиэтничный регион представлял возможность для сопоставительных наблюдений за языками, как финно-угорскими, так и тюркскими.

Наладив товарищеские взаимоотношения с казанскими филологами и этнографами, Мункачи проштудировал все основные труды, касавшиеся предмета предстоявших ему изысканий, начиная с удмуртской грамматики Ф.И. Видеманна (*Wiedemann* 1851). Предусмотрительно он заручился поддержкой директора Казанской учительской (инородческой) семинарии Н.И. Ильминского, много лет готовившего миссионеров и учителей для распространения православного вероучения и грамотности среди народов Среднего Поволжья (*Ислаев* 2005). Профессор Ильминский вскоре познакомил венгерского коллегу со своим учеником, семинаристом-удмуртом Н.И. Ивановым, которому предстояло стать экспедиционным проводником и переводчиком Мункачи³. Не меньшую помощь ему оказал ученый секретарь Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете С.К. Кузнецов, который в преддверии отъезда в Томск консультировал Мункачи как один из признанных в этнографическом сообществе специалистов по народной культуре восточных финнов (*Попов* 2005). Известный библиофил, он обратил внимание молодого коллеги на новейшие публикации, касавшиеся удмуртской этнографии, особо отметив работы Б. Гаврилова, Г.Н. Потанина и А.Ф. Риттиха (*Pumtich* 1870, *Кузнецов* 1884). С учетом своего опыта и знания хитросплетений российской бюрократии, он помог Мункачи выстроить поведенческую парадигму в поездке, равно формируя круг его чтения до и после удмуртской экспедиции.

Маршрут экспедиции к удмуртам вел Мункачи от пристани уездного г. Сарапула к первой длительной остановке в с. Люк. Далее был Мултан в Малмыжском уезде, откуда, повернув на север, он поехал в Зуру и Балезино к глазовским удмуртам. В Шаркане он познакомился с тогда только помощником учителя, а через некоторое время первым удмуртским этнографом Г.Е. Верещагиным, чьи труды были отмечены медалями ИРГО (*Загребин, Владыкин* 2004: 19). Вернувшись в Сарапул и переправившись на другой берег Камы, чтобы побывать в удмуртских деревнях на

² В цитате автор указывает сборник удмуртского фольклора – «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в Вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний». Издание православного миссионерского общества. Казань: тип. А.А. Коковинной, 1880 (*Munkácsi* 1883–1884).

³ Б. Мункачи описал свое знакомство с будущими «местными помощниками» так: «...к этому времени в семинарии удмуртских учащихся было трое. Ко мне Ильминский приставил как знатока удмуртского языка одного из них – Николая Ивановича Иванова, который затем и стал лучшим моим другом и, спутником и сподвижником. Выходец из Сарапульского уезда, довольно высокого роста и весьма простой на вид молодой человек, он в семинарии был одним из наиболее прилежных и, наверное, одним из самых интеллигентных учащихся из всех удмуртов; он основательно знал свой язык, целиком и полностью проникся целью моего приезда, программой моей работы, в которой проявил себя отличным знатоком. Его знания я целиком мог использовать с самого начала, ибо он хорошо разбирался в русской грамматике, понимал и тончайшие особенности родного языка. Казалось, он и сам радовался, что может знакомить с особенностями своего народа... Впрочем, он и сам принимал участие в моей работе, массу ценного материала записал по заранее составленной мной схеме. Николай чрезвычайно много рассказывал о языческом мире и обычаях своих земляков, и я вскоре принял решение, что к концу мая, как только Николай закончит экзамены, поеду с ним к нему на родину...» (*Уваров* 1983: 42).

башкирских землях, он старался максимально широко охватить этнический и языковой ареал удмуртов. Конечным этапом его трехмесячного путешествия стала работа среди елабужских удмуртов, откуда он отправился назад в Казань, сердечно простившись со своими помощниками.

Многому научился Мункачи в поездке к удмуртам, что особенно важно: методике работы в поле, поскольку на тот момент общепринятых моделей просто не существовало. Обычно процесс сбора языкового материала происходил следующим образом: после приезда на место, ученый с помощью местного сопровождающего, если позволяло время, налаживал неформальные контакты со своими информантами (*Козмач, Егоров 2015: 174–175*). Так он выбрал с. Люк и его окрестности, родину Н.И. Иванова, где можно было остановиться надолго и опереться на родственные связи своего помощника. Сложно ему приходилось во время кратких остановок на два-три дня в удмуртских деревнях на Чепце, на Вятке, в языческих селениях на р. Буй и на Тойме, когда поиск общего фактора сводился к использованию рекомендательных писем, что были заранее подготовлены. Приходской священник или сельский учитель в этом случае брали на себя посреднические функции в поиске знатоков народного слова. Собиратель предварительно договаривался с информантами о том, что он ожидает от них и какое вознаграждение они получают за «говорение»⁴. Запись вели совместно ученый и его помощник, затем последний формировал текст, придавая форму тому, с чем будет работать исследователь далее. Мункачи использовал еще такой прием: просил информанта рассказать, к примеру, сказку на русском языке (чтобы понять ее содержание), а потом под запись пересказать ее по-удмуртски. Он фиксировал имя и фамилию информанта, место жительства, о некоторых есть более подробные сведения в его дневнике. Вместе с записью фольклорных текстов, в блокноте Мункачи можно найти диалоги и отдельные выражения, которые можно отождествить с его попытками записать разговорный язык. Стремление к объективности собираемого языкового материала было подчеркнуто той тщательностью подбора информантов, с которой находились мужчины разных возрастов и девушки, не вступившие в брак, что обеспечивало качество выборки. Согласно удмуртским традициям, женщин брали замуж, как правило, из соседних деревень, из иных родов/воршудов. Соответственно, они могли быть носителями другой языковой культуры и духовной информации, нежели их мужья и дети.

Редкая работоспособность, неизбывный оптимизм и способность к анализу массы данных позволили Мункачи в короткий срок обработать обширный материал удмуртской экспедиции, что было непросто, беря в расчет отсутствие методики транскрибирования финно-угорских текстов, записанных со слов информантов. В итоге появился сборник произведений устного народного творчества удмуртов и позже – словарь удмуртского языка (*Munkácsi 1887, Munkácsi 1890–1896*). Приобретенные навыки продвигали повзрослевшего ученого к главной цели – к скрытым под спудом

⁴ Во внутренних областях России, где крайне узок был слой образованных людей, – учителя, чиновники, врачи, земские деятели и даже ссыльные нередко объединялись в краеведческие общества, либо работали самостоятельно в надежде когда-либо опубликовать собранный ими полевой материал. Некоторые из них стали «местными помощниками» профессиональных этнографов. Помощь Б. Мункачи и К. Папая в 1888–1889 гг. работавшим среди манси и хантов, оказывали политические ссыльные, контактировавшие с коренным населением. Несмотря на противодействие полицейских властей, в Березове и других населенных пунктах Нижнего Приобья они записывали тексты, работали переводчиками и собирали этнографические коллекции для венгерских ученых (*Роцевская, Чернышева 1987: 111–112*).

непонимания фольклорно-этнографическим собраниям А. Регули (Загребин 2006: 253–280). Сыграло свою роль и увлечение его наставника, Й. Буденца, обско-угорским наследием Регули, который, являясь по большей мере кабинетным ученым и преподавателем, направлял своего ученика по пути полевого исследователя.

В марте 1888 г. Б. Мункачи, вместе с венгерским антропологом К. Папаи, отправился в длительную экспедицию в Западную Сибирь, имея при себе, обеспечивающие понимание местных властей, рекомендательные письма влиятельных персон, включая напутствие академика-тюрколога В.В. Радлова. На северном Урале в Никито-Ивделе он впервые встречает манси. Переезжая из одной деревни в другую, перемещаясь по Лозье, Тавде, Конде и Пелыму, Мункачи постепенно проникал в запутанный мир «Регулианы», по следам мансийских песен и сказаний (Слинкина, Ромбандеева 2015). В январе следующего года он останавливается в Березове, чтобы привести в порядок записи и расшифровки, удивляясь обилию текстов героического эпоса обских угров и медвежьего обрядового цикла. Завершением пути продолжительностью полтора года стала остановка в полюбившейся ему Казани, где еще больше месяца Мункачи разбирал и систематизировал свои экспедиционные материалы (Munkácsi 1978: 151–153). Масштаб проделанной им работы был настолько впечатляющим, что в год своего тридцатилетия Мункачи был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук.

Дальнейшая судьба Б. Мункачи была отмечена радостями и трудностями, пусть не самой щедрой на деньги, но наполненной научными достижениями жизни. Хотя ему не пришлось возглавить кафедру финно-угорского языкознания в Будапештском университете, по качеству публикаций, их объему и новаторству подходов он превзошел многих ученых-современников. Будучи, прежде всего, лингвистом, Мункачи стремился увидеть в слове не просто форму, а смысл, включенный в культурный и социальный контекст. Интерес к народному быту, проявившийся с первой экспедиции, вошел в практическую плоскость в 1894 г., когда Венгерское этнографическое общество предложило ему стать соредктором журнала “Ethnographia”. Дело было в том, что, опираясь на опыт полевой работы, Мункачи нашел свою «этнографическую нишу», когда в отличие от коллег, увлеченных изучением хозяйственных типов, он начал писать на темы обрядовой культуры и мифологии (Munkácsi 1891, Munkácsi 1892). В 1900 г. с другом юности И. Куношем он основал и редактировал журнал “Keleti Szemle” (Восточное обозрение), на страницах которого проявились его обско-угорские интересы и новое направление поиска, связанное с этноязыковыми контактами финно-угров и индо-иранцев (Munkácsi 1905, Munkácsi 1906, Munkácsi 1909). Монографическое продолжение этих идей появилось в виде семисотстраничного труда, посвященного индо-арийским и кавказским элементам в финно-угорских языках (Munkácsi 1901). Еще ранее он обратил внимание на сравнительные перспективы финно-угорских и самодийских исследований (Munkácsi 1893). Новаторство Мункачи с некоторым сомнением было встречено венгерскими лингвистами тех лет, но время подтвердило, что им было взято верное направление. Вместе с тем, он не расставался с тюркологией, продолжая начатое в молодые годы изучение этимологии, выявляя древнетюркский пласт в венгерском языке, рассматривая слово в объеме истории и, по возможности, в этнографических реалиях.

В компаративном подходе и междисциплинарности Мункачи видел залог успеха проводимых уже немало лет поисков угорской прародины (Munkácsi 1905). Неслу-

чайно в докладе, прочитанном в 1910 г. по случаю избрания членом Венгерской академии наук он указывал необходимость создания сравнительного словаря уральских и алтайских языков как верного средства для этнолингвистических изысканий.

Лагерная этнография

Весной 1915 г. у ворот лагеря военнопленных в местечке Кенермезё неподалеку от г. Эстергом появился пожилой господин в гражданском костюме. Поговорив с комендантом, в сопровождении дежурного офицера он прошел к бараку, в котором помещались пленные солдаты русской армии. К его приходу небольшая группа заключенных была построена. К удивлению собравшихся, гость обратился к солдатам на удмуртском языке (*Мункачи* 1983: 72). Это был профессор Б. Мункачи.

Решением руководства Венгерской академии наук группа филологов и этнографов была сориентирована на работу с пленными, представителями родственных народов⁵. Определяющую роль в записи народнопоэтических произведений и этнографических сведений в лагерях сыграл сам Мункачи, имевший дело, преимущественно, с удмуртами и его ученики: А. Клемм, работавший с мордвой, Э. Беке – с марийцами и Д.Р. Фокош-Фукс – с коми и коми-пермяками (*Beke* 1938, *Fuchs* 1915–1916, *Fuchs* 1916–1917). Параллельно с венграми, фиксацией финно-угорского фольклора в лагерях занимались сотрудники Королевской Прусской Фонографической комиссии под руководством В. Дёгена и их коллеги из Австрии – этнолог Р. Пёх и композитор Р. Лах (*Zagrebina, Šmigel', Žerebtsov* 2017). Война еще не утихла, когда из печати вышли два сборника, в которых был сделан предварительный анализ марийских, чувашских, эстонских, мордовских, коми-зырянских и коми-пермяцких песен (*Lach* 1917, *Lach* 1918). Основная расшифровка, перевод и публикация объемного рукописного материала проводились уже в послевоенное время.

Небезынтересно, каким образом была построена исследовательская деятельность в таком, казалось бы, далеком от науки месте, как лагерь для военнопленных. К счастью, Б. Мункачи оставил подробное описание своей методики в подробных отчетах Венгерской академии наук. Согласно первоначальному плану, он должен был приступить к занятиям с военнопленными в марте 1915 г., но вспыхнувшая в лагере эпидемия вынудила отложить их до конца весны. Новая трудность обнаружилась уже на месте – из 39 военнопленных-удмуртов, значившихся по списку, в лагере оказалось только 11. Остальных отправили на сельскохозяйственные работы в разные комитаты Венгрии. Тем не менее, Мункачи, сняв квартиру в Эстергоме, с семи часов утра приступал к работе и с часовым перерывом на обед трудился примерно до пяти часов пополудни. К радости ученого, пять информантов были грамотными и вскоре начали самостоятельно записывать со слов товарищей тексты песен, легенд и сказаний. Такая постановка дела позволяла ему отлучаться в столицу для

⁵ Д.Р. Фокош-Фукс впоследствии писал: «Для нас стало большой новостью, что уже в первый год мировой войны среди многочисленных русских военнопленных, размещенных преимущественно в лагере в Эстергоме, были солдаты, родной язык которых, как удалось установить, был одним из финно-угорских или тюркских. Таким образом, появилась возможность изучать языки военнопленных здесь на месте. Венгерская Академия наук сделала все возможное, чтобы использовать этот благоприятный случай для изучения финно-угорских и тюркских народов. К счастью, военная администрация быстро пошла навстречу и предоставила доступ лингвистов к упомянутым категориям военнопленных» (*Fuchs* 1952: 5).

исполнения обязанностей школьного инспектора. После летнего отдыха, Мункачи вновь приезжает в Эстергом в конце августа 1915 г. и работает с военнопленными до января следующего года по три дня в неделю, стараясь уделять больше внимания носителям разных диалектных форм языка из разных губерний. Такая возможность появилась в ноябре-декабре с прибытием в лагерь новых пленных, среди которых были удмурты, после ухода русских войск из Польши и Галиции. Но, прежде, не желая сбавлять набранных темпов, он убеждает военную администрацию дать разрешение на перевод в Будапешт наиболее ценных информантов, трудоустроивая их и продолжая в свободное время работать с удмуртскими текстами (Денисов 2015). Третий период пребывания Мункачи в лагере занимает время с ноября 1916 г. до начала 1917 г., после чего весной он переключается на сбор осетинских материалов.

Около двух лет продолжалась работа Б. Мункачи с военнопленными-удмуртами. Его внимание поглощало все: песни, сказки, мифы, легенды, предания, загадки, пословицы, приметы, поверья, заговоры, рассказы этнографического и бытового содержания (Владыкин 1987: 27–28). Богатый материал, собранный за многие годы, включая записи военнопленных, нашел отражение в семисот страничном томе «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов», изданном Финно-Угорским Обществом уже после Второй мировой войны (Fuchs 1952). Заслуга подготовки столь значимого труда принадлежит ученику Мункачи – Д.Р. Фокошу-Фуксу.

Сейчас трудно сказать, все ли они шли на контакт с наукой добровольно, но личное участие Б. Мункачи в этом проекте, несомненно, повлияло на готовность военнопленных стать информантами. Он помогал пленным получать дополнительный паек, добивался перевода на облегченные работы, что при тяжелом физическом труде и недостаточном питании было немаловажно⁶. Самое главное, он вселял веру в ценность их собственной культуры, в конечном счете, самой жизни и человеческого достоинства. Скорее всего, в тех поступках было много личного. В юности ему также приходилось преодолевать барьеры общественных предубеждений, отстаивая свое право на профессиональный выбор, а в зрелые годы – на гражданскую позицию.

Источники

- Мункачи 1983 – Мункачи Б. В лагере военнопленных в Эстергоме // *Подарок Мункачи. Песни и сказания*. Ижевск: Удмуртия. 1983. С. 70–79.
- Слинкина, Ромбандеева 2015 – *Månъси mǎxum pēs йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.* / авт.-сост. Т.Д. Слинкина, отв. ред. Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 232 с.
- Уваров 1983 – *Подарок Мункачи. Песни и сказания* / сост. и автор предисловия А.Н. Уваров. Ижевск: Удмуртия, 1983. 187 с.
- Fuchs 1915–1916 – Fuchs D.R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében. *Keleti Szemle*, 1915/1916. Kt. 16. Ol. 261–262.
- Fuchs 1916–1917 – Fuchs D.R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifoglyokkal való nyelvi tanulmányairól. *Keleti Szemle*, 1916/1917. Kt. 17. Ol. 228–230.
- Fuchs 1952 – Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi / Herausgegeben von D.R. Fuchs. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 1952. Vol. 102.
- Munkácsi 1883–1884 – Munkácsi B. Wotják nyelvtanulmányok. *Nyelvtudományi Közlemények*,

⁶ В 1958–1960 гг. научный сотрудник Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Г.А. Архипов вел переписку с земляками и родственниками некоторых информантов. Все воспоминания о венгерском ученом были положительными: бывшие пленные высказывали глубокую благодарность за помощь и поддержку в трудное для них время (Архипов 1987).

- 1883–1884. Kt. 18. Ol. 428–447.
- Munkácsi* 1887 – Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 319 ol.
- Munkácsi* 1890–1896 – Munkácsi B. *A votják nyelv szótára*. Kt. 1–4. Budapest, 1890–1896.
- Munkácsi* 1891 – Munkácsi B. A medveeskü népszokása a vogulknál. *Hunfalvy Album*, 1891. Ol. 113–136.
- Munkácsi* 1892 – Munkácsi B. A votjákok közt. *Ethnographia*, 1892. Ol. 93–108.
- Munkácsi* 1893 – Munkácsi B. Adalékok az ugor-szamojéd nyelvhasználathoz. *Nyelvtudományi Közlemények*, 1893. Kt. 23. Ol. 87–93.
- Munkácsi* 1901 – Munkácsi B. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben*. Budapest, 1901. 672 ol.
- Munkácsi* 1905 – Munkácsi B. A Magyar őshaza kérdése. *Ethnographia*. 1905. Ol. 65–87.
- Munkácsi* 1905 – Munkácsi B. Seelenglaube und Totenkult der Wogulen. *Keleti Szemle*, 1905. Kt. VI. S. 98–132.
- Munkácsi* 1906 – Munkácsi B. Götzenbilder und Götzengeister im Volksglauben der Wogulen (I–II.). *Keleti Szemle*, 1906. Kt. VII. S. 89–115, 177–226.
- Munkácsi* 1909 – Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie (IV.). *Keleti Szemle*, 1909. Kt. X. S. 61–83.
- Munkácsi* 1978 – Munkácsi B. Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen. *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae*, 1978. Tom. 27. S. 151–200.

Литература

- Архипов 1987 – Архипов Г.А. О встречах с информантами Б. Мункачи, их родственниками и земляками // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 72–75.
- Вамбери 1885 – Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии: описание похода из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд*. Санкт-Петербург: тип. Ю.А. Бокрама, 1885. 240 с.
- Владыкин 1987 – Владыкин В.Е. Бернат Мункачи и вопросы удмуртской этнографии // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 25–34.
- Денисов 2015 – Денисов В.Н., Загребин А.Е. «Забывшие голоса» Первой мировой войны // *Вопросы истории*, 2015. № 10. С. 130–136.
- Загребин 2005 – Загребин А.Е. Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*, 2005. Т. 22. С. 96–117.
- Загребин 2006 – Загребин А.Е. *Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.)*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 321 с.
- Загребин 2009 – Загребин А.Е. «Тюрко-угорские войны» в контексте проблемы этнической идентификации народов Среднего Поволжья и Приуралья. *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева*. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 34–36.
- Загребин, Владыкин 2004 – Загребин А.Е., Владыкин В.Е. Торо удмуртской этнографии // *Г.Е. Верецагин и взаимодействие культур Урало-Поволжского региона*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 19–23.
- Ислаев 2005 – Ислаев Ф.Г. К вопросу об исторических предпосылках системы Н.И. Ильминского // *Studia Slavica Finlandensia*, 2005. Том. 22. Р. 51–59.
- Козмач, Егоров 2015 – Козмач И., Егоров А.В. Бернат Мункачи и начало полевых работ в венгерской лингвистике // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2015. № 9. С. 171–176.
- Кузнецов 1884 – Кузнецов С.К. Заметки по поводу реферата Г.Н. Потанина «У вотяков Елабужского уезда» // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*, 1884. Т. 3. С. 411–419.

- Попов 2005 – Попов Н.С. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // *Финно-угроведение*, 2005. № 1. С. 58–78.
- Rittich 1870 – Риттих А.Ф. *Материалы для этнографии России: Казанская губерния*. Казань, 1870. Вып. 14. Т. 1–2. 109 с., 225 с.
- Роцевская, Чернышева 1987 – Роцевская Л.П., Чернышева В.Я. Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов, 1987. С. 109–114.
- Beke 1938 – Beke Ö. *Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern*. Helsinki, 1938. 16 s.
- Kodolányi 1968 – Kodolányi (jr) J. Antal Reguly. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. P. 17–26.
- Korhonen 1987–1988 – Korhonen M. Budenz József tudományos eredményei amai nyelvészet szemszögéből. *Nyelvtudományi Közlemények*, 1987–1988. Kt. 89. Ol. 109–124.
- Kozmács 2008 – Kozmács I. *Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja*. Pozsony: AB-ART, 2008. 487 ol.
- Kozmács 2010 – Kozmács I. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas, 2010. 203 p.
- Lach 1917 – Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916*. Wien, 1917.
- Lach 1918 – Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917*. Wien, 1918.
- Vámbéry 1885 – Vámbéry H. *Das Türkenvolk. Ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. 638 s.
- Wichmann 1930 – Wichmann Y. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1930. Vol. 44. S. 10–19.
- Wiedemann 1851 – Wiedemann F.J. *Grammatik der Wotjakischen Sprache*. Reval, 1851. 291 s.
- Zagrebin, Šmigel', Žerebtsov 2017 – Zagrebin A.J., Šmigel' M., Žerebtsov I.L. “Zabudnuté hlasy” prvej svetovej vojny: fonografické nahrávky zajatcov v Rakúsko-Uhorsku a Nemecku (1915–1918) na príklade zajatých Udmurtov. *Museologia a kultúrne dedičstvo*, 2017. Vol. 5. № 1. S. 29–42.

References

- Wichmann, Y. 1930. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 44: 10–19.
- Kozmács, I. 2010. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas.
- Vamberi, A. 1865. *Puteshestvie po Srednei Azii: opisanie pokhoda iz Tegerana cherez Turkmen-skuyu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo morya v Khivu, Bukharu i Samarkand* [Journey through Central Asia: a description of a hike from Tehran through the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand]. St. Petersburg: print. Yu.A. Bokram.
- Vámbéry, H. 1885. *Das Türkenvolk. Ethnologischen und ethnographischen Beziehungen* [The Turk people. Ethnological and ethnographic relationships]. Leipzig: F.A. Brockhaus.
- Korhonen, M. 1987–1988. Budenz József tudományos eredményei amai nyelvészet szemszögéből [József Budenz's scientific results from the point of view of amai linguistics]. *Nyelvtudományi Közlemények* 89: 109–124.
- Zagrebin, A.E. 2009. «Turko-ugorskie voiny» v kontekste problemy etnicheskoi identifikatsii narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [«Turkic-Ugric wars» in the context of the problem of ethnic identification of the peoples of the Middle Volga and Ural region]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: II Kuzeevskie chteniya* [Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeev readings], 34–36. Ufa.
- Kozmács, I. 2008. *Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja*. Pozsony: AB-ART.
- Zagrebin, A.E. 2005. Kazan' kak tsentr finno-ugorskoj etnografii [Kazan as the center of Finno-Ugric ethnography]. *Studia Slavica Finlandensia* 22: 96–117.
- Kodolányi (jr), J., and A. Reguly. 1968. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*, 17–26.

- Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Munkácsi, B. 1883–1884. *Votják nyelv tanulmányok* [They take language studies]. *Nyelvtudományi Közlemények* 18: 428–447.
- Wiedemann, F.J. 1851. *Grammatik der Wotjakischen Sprache*. Reval.
- Islaev, F.G. 2005. K voprosu ob istoricheskikh predposylkakh sistemy N.I. Il'minskogo [On the question of the historical background of the system N.I. Il'minsky]. *Studia Slavica Finlandensia* 22: 51–59.
- Uvarov A.N. (ed). 1983. *Podarok Munkachi. Pesni i skazaniya* [Gift of Munkachi. Songs and legends]. Izhevsk: Udmurtia.
- Popov, N.S. 2005. Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariitsev i udmurtov [The contribution of C.K. Kuznetsova in the study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie* 1: 58–78.
- Rittikh, A.F. 1870. *Materialy dlya etnografii Rossii: Kazanskaya guberniya* [Materials for ethnography of Russia: Kazan Province]. Kazan.
- Kuznetsov, S.K. 1884. Zametki po povodu referata G.N. Potanina «U votyakov Elabuzhskogo uezda» [Notes on the abstract G.N. Potanin «At the wot of Elabuga district»]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 3: 411–419.
- Zagrebín, A.E., and V.E. Vladykin. 2004. Tõro udmurtskoi etnografii [Tõro Udmurt ethnography]. In *G.E. Vereshchagin i vzaimodeistvie kul'tur Uralo-Povolzhskogo regiona* [G.E. Vereshchagin and the interaction of cultures of the Ural-Volga region], 19–23. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.
- Kozmach I., and A.V. Egorov. 2015. Bernat Munkachi i nachalo polevykh rabot v vengerskoi lingvistike [Bernat Munkachi and the beginning of field work in Hungarian linguistics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 9: 171–176.
- Roshchevskaya, L.P., and V.Ya. Chernysheva. 1987. Russkie i zarubezhnye zhurnaly nachala XX veka o puteshestviyakh B. Munkachi i D.R. Fokosh-Fuksa k finno-ugorskim narodam Rossii [Russian and foreign journals of the early 20th century on travels B. Munkachi and DR. Fokosh-Fuchs to the Finno-Ugric peoples of Russia]. *Vengerskie uchenye i permskaya filologiya* [Hungarian scientists and Perm philology], 109–114. Ustinov.
- Munkácsi, B. 1887/ *Votják népköltészeti hagyományok* [They are traditions of folk poetry]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Munkácsi, B. 1890–1896. *A votják nyelv szótára* [The Votian language dictionary]. Vol. 1–4. Budapest.
- Zagrebín, A.E. 2006. *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Finno-Ugric ethnographic studies in Russia (XVIII – first half of the XIX century)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN

Alexei V. Zagrebín. Bernát Munkácsi and Finno-ugric studies in Hungary at the turn of 19–20 centuries

The article presents a chronology of scientific research of the Hungarian linguist and ethnographer who studied Finno-Ugric peoples – Bernát Munkácsi (1860–1937). The first scientific trip of B. Munkácsi took place in the summer of 1880 to the Hungarians speaking the Csángó dialect in Moldova province. The route of the expedition in 1885 led him to different ethnographic groups of the Udmurts. The longest trip was taken in 1888 to the Northern Urals and Western Siberia to the Ob-Ugric peoples. A special place is occupied by the analysis of his collecting work among prisoners of war during the First world war. The author of the fundamental volumes of folk poetry and ethnographic texts about Udmurts and Mansi, Munkácsi went down in the history of Finno-Ugric studies as one of the pioneers of field research and a humanist.

Keywords: *Bernát Munkácsi, Finno-ugric studies, Hungary, Udmurts, Ob-Ugrians, field work, First world war.*

© *О.В. Кириченко*

ГОРЬКИЙ И КОРИН: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ БУДУЩЕГО

Статья посвящена неисследованным ранее особенностям формирования советской идеологии, не политическому, а художественному ее ресурсу. Рассматривается первенствующая роль в этом М. Горького, создателя отдельной сферы художественной антитрадиционалистской идеологии, работающей на государственную идеологию и решающей многие задачи в этой сфере более успешно и эффективно. В этом контексте и рассматривается творчество П.Д. Корина, автора ненаписанного, масштабного полотна «Русь уходящая».

Ключевые слова: идеология, традиция, русский народ, литература, художественная культура.

Максим Горький – несомненно, крупнейший идеолог нового – советского строя, идеолог не политического, а художественного толка, единственный в своем роде. Его уникальность и состояла в полном подчинении своего художественного таланта политико-идеологическим задачам. Идеология – политическое учение, занимающееся апологетикой существующего политического строя, и обычно идеологию формируют профессионалы своего дела – политики. В данном же – исключительном – случае писатель становится идеологом нового строя, чтобы укрепить, усилить его идеологию, но самое главное – создать видимость ее несводимости только к политической реальности, через укрепление ее народными энергиями, путями формирования не только сверху, но и снизу. Последнее и заслуживает самого серьезного рассмотрения, потому, что в идеологическую программу включается этнический фактор, этническая мотивация и апелляция к этничности становится, благодаря этому средству, важнейшим фактором советской идеологии как таковой.

Случай уникальный в литературе, но имеющий свое объяснение, свои исторические корни и свои факторы объективности. Горького в его ницшеанско-нигилистской ценностной парадигме, антитрадиционализме, подчиненности художественного метода неким особым, нелитературным задачам, сформировал гениальный Л.Н. Толстой. Великий писатель сам прошел сложнейший путь революционного разрыва с духовной традицией, к которой он принадлежал по рождению и по воспитанию, получая взамен свободу действовать как угодно произвольно. Это касается как художественных текстов, так и всей его жизнедеятельности. Художник М.В. Неустерев считал типичнейшими чертами Толстого «озорничество» и «хулиганство»

Кириченко Олег Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru. **Kirichenko Oleg V.** – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00196А

(Нестеров 2006: 370). Это же отмечал в Толстом и Горький (Горький 1975: 77). К Толстому в Ясную Поляну приезжали многие писатели, художники, композиторы, театральные деятели, политики, но только Горького он *допустил так близко*, и только Горький оставил о Толстом такие глубокие и откровенные воспоминания (Горький 1975: 39–85). Одна зарисовка Толстого, сидящего у моря, чего стоит! Толстой научил Горького тому, что цинизм, доведенный до совершенства, становится орудием художественного таланта, неограниченного в своих возможностях. Сброшенный балласт традиции сразу же делает художника настолько свободным, что ему лишь остается, используя свой ум и волю смело двигаться к своей цели. Тем более, если цель достаточно простая – всемирная популярность. Горький в пору его встреч с Толстым видел уже писателя достигшего этой цели, и поставившего перед собой еще более амбициозную цель – достижения земного бессмертия, что было и непонятно Горькому, и как будто, не близко. Он осуждал Толстого и ненавидел того за его ущербную, но все же религиозность. Толстой словно пробуждал в самом Горьком те же чувства, что мучили Льва Николаевича, со слов Горького всю жизнь: «Всю жизнь он боялся и ненавидел ее (смерть. – О.К.), в его душе трепетал “арзамасский ужас”. Ему ли – великому – умирать, когда весь мир смотрит на него с замиранием. Почему бы природе не сделать для него исключения?» (Горький 1975: 68)

М. Горький вступает на путь толстовства, но не как последователь его религиозно-сектантского учения, а как *сознательный* антитрадиционалист, рвущий путы *народной* (русской этнической) и религиозной (православной) традиции. Сознательный, в данном случае, означает наличие у Горького практической цели, а не просто презрения к традиции или же отказа от нее по идейным, атеистическим и иным соображениям. Горький рушил в своей душе *русскую* традицию именно с прикидкой на творческую свободу и достижение, в конечном счете, всемирной популярности, как писателя. Однако, как ни решителен был писатель в своих намерениях, основной антирусский демарш он совершает все же *после* революции 1917 г., резонно понимая, что до того, он может быть не понят и не принят писателями и читателями в России. И действительно интеллигентская Россия Серебряного века, была повсеместно славянофильской, не зависимо от политических ее пристрастий и даже этнической принадлежности, – и такого Горького она точно бы не поддержала. Вот почему Горький пишет статью «О русском крестьянстве» в 1920-е годы, и публикует ее в 1922 г. в Берлине, в русском эмигрантском издательстве И.П. Ладыжникова (Горький 1922).

В начале статьи писатель оговаривает, что любой народ, как этнос, всегда стихия «анархическая», «хочет как можно больше есть и как можно меньше работать». По Горькому, этническое состояние – есть состояние «зоологической естественности». Таким образом, само понятие «народ» Горький уже считает формой примитивного, временного существования, которое должно смениться более высоким единично-личностным состоянием. Отталкиваясь от ущербности народной формы, писатель переходит далее к содержанию конкретного – русского – народа, которому «особенно приложимы» эти характеристики. Горький объясняет, что европейские народы сумели уйти от своих народных форм к индивидуальным, они «видят вокруг себя результаты грандиозных трудов предков. Этого нет у русских крестьян. Действительность их опустошает, высасывает нравственные силы». Интересно, что Горький, теперь, не боится бросить перчатку *всей* русской литературной художественной традиции, которая с его точки зрения создала ложный миф о русском народе, где крестьянин «добродушный,

вдумчивый, неутомимый искатель правды и справедливости». Сам Горький таких крестьян не встречал. Он не видел ни подлинно религиозных людей, ни крепких в вере, защищающих в годы революции свои святыни; не встречал милосердных крестьян, помогавших горожанам в голодные годы Гражданской войны. Но встречал только «суровых реалистов», которые хорошо могут прикидываться простаками. Словно врач, хороший диагност, он ставит свой неутомимый диагноз всему русскому народу – «природная жестокость»; и дает объяснение этому врожденному свойству: оно идет «от чтения житий великомучеников», от любви к этому чтению (!). Там, в житийных текстах, люди переносят невероятные испытания, нечеловеческие страдания. Но русский простой народ соблазняется этими жестокостями, считает Горький, и сам становится таковым. Писатель придерживается здесь той железной логики, которая задана в начале статьи: пока общество является народом, оно примитивно и живет в безнравственном мире. Поэтому, он тут же берется обелять вождей революции, которых многие пытаются обвинять в зверствах. Они – личности и уже, поэтому они не могут быть зверями. На них клеветают политические противники или просто «добросовестно заблуждающиеся люди». А те из политиков, кто действительно проявляют особую жестокость, те «подстраиваются под народ», под его вкусы и интересы «первобытных людей». Нынешние вожди революции – это жертвы, по Горькому, своей любви к народу, «ленивому, нерадивому, безталанно лежащему на своей земле». Крестьяне пожирают драгоценную революционную энергию, и революция может захлебнуться в этом море косности; но «ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило». Далее Горький рисует следующие библейские перспективы: после 40 лет блуждания по пустыне, народ, которого освободили из египетского рабства, потеряет все «полудикое, глупое, тяжелое» и вырастит в себе «грамотных, разумных, бодрых людей». Но и здесь Горький пессимистичен: «Это будет не очень милый и симпатичный русский народ (т.е. перевоспитать до конца не удастся. – *О.К.*), но это будет, наконец, деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям. У него разовьется хорошая историческая память... и он станет относиться довольно недоверчиво, если не прямо враждебно к интеллигенту и рабочему, возбудителям различных беспорядков и мятежей» (Там же: 44).

Такая категоричная позиция, где аксиомой является вывод о невозможности перевоспитать, переделать народ, а лишь – особыми способами приспособить его к задачам строительства нового общества, во многом объясняет, почему, например, Горький поддерживает строительство силами репрессированных Беломорканала или пропагандирует трудколонию ОГПУ (*Горький* 1931). Солженицын так пишет о лагерных заслугах Горького: «Так попадают плевелы в жатву славы. Но плевелы ли? Ведь нет же лагерей пушкинских, гоголевских, толстовских – а горьковские есть, да какое гнездо! А еще отдельно каторжный прииск “имени Максима Горького” (40 км от Эльгена!)» (*Солженицын* 2007). Советская власть, по мнению Горького, благодаря лагерям, нашла необходимую форму воздействия на мелкобуржуазную крестьянскую стихию. Крестьяне враги, которых нужно уничтожать физически (хотя среди них есть враги – кулаки), но «люди, испорченные буржуазным строем прежней России». Их можно перевоспитывать через труд. И Горький рисует благостную картину трудовой колонии ОГПУ в Кизеловском районе, которую создали добрые люди – Генрих Ягода, Матвей Погребинских и А. Шанин. Люди в колониях имеют работу, зарплату, обычную для рабочего, пользуются страховкой как свободные люди, у детей есть ясли дет-

ские сады, можно участвовать в общественной работе. Делается вывод: «Мы недооцениваем глубочайшее значение трудколоний, организованных коллегией ОГПУ... Этот опыт трудовых колоний для социально опасных заслуживает глубочайшего внимания и специального изучения, а организаторы его – величайших похвал со стороны советской власти и общественности» (Горький 1931: 22).

В советской стране, где слово «народ» пользовалось всеобщим уважением, Горький не мог открыто, как в Берлине, негативно отзываться о народе и поэтому публичным олицетворением его ненависти становится понятие «мещанин», некий обобщенный буржуазный тип, индивидуалист, но при этом – человек «класса», «расы» и «нации» (этнуса). Скорее даже это не человек, а набор характеристик. Горький воюет со всем традиционным, испытывающим влияние традиции; со «стареньким дедушкой», который связан с прошлым и потому он враг (Горький 1937: 318); воюет с бабушкой, которая любит внука (Горький 1937: 17), приветствует девочку, которая обличает отца за то, что женился на маме в 40 лет, а не в 27, и поэтому девочка родилась больная туберкулезом; воюет с мещанством, собирательным образом прошлого России. Каким-то непостижимым образом многомиллионное «мелкобуржуазное», пронизанное мещанскими чувствами и интересами русское крестьянство, становится у него «служителем индивидуализму». То есть внутри себя оно живет как отдельные атомы, думает только о своих интересах, наслаждается сугубо плотской жизнью, стоит на коленях перед собственником и капиталистом. В 1929 г. Горький пишет: «Еще вчера мы тоже, как ныне европейцы, были мещанами, не менее противными, чем любой европейский мещанин, да и сегодня остаемся в большинстве таковыми же. Но мы начинаем хорошо понимать, что мещанство – позор и несчастье мира, и мы уже не закрываем глаза на тот факт, что социализм у нас строится все еще индивидуалистами в окружении 125 миллионов древних индивидуалистов от земли... Сейчас главная задача – уничтожить человека расы, нации, класса и создать Человека Человечества» (Горький 1937: 341–342).

Итак, для Горького мещанин – это полный антипод подлинно советского человека, оторванного от прошлого, не связанного ни с верой (религией), ни с этничностью (национальностью), ни с принадлежностью к определенной расовой ветви, человека без корней и без традиционных признаков вообще. Мещане могут притворяться советскими людьми, т.е. могут мимикрировать, могут проникать даже в среду коммунистов, «защищая свое «я» силою хитрости, лицемерия, лжи. Они сознательно и бессознательно саботируют, лентяйничают, шкурничают, из их среды выходят бракоделы, вредители, шпионы и предатели» (Горький 1937: 349). В то время (а это 1933 г.) как политическое руководство СССР обнаруживало (и истребляло) врагов строя, то «справа», то «слева», Горький находит *обобщенного* врага, и предлагает взглянуть на него непредвзято, со всей строгостью.

Выступления (а их было несколько) Максима Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. венчают его программу создания новой идеологии в писательской и в целом, художественной среде. На открытии съезда Горький говорит о противостоянии буржуазного озверения и одичания советскому пролетарскому гуманизму. Причем, в основе западного негатива лежит комплекс нравственных отклонений, «уродств»: «зависть, жадность, пошлость, глупость». В основном докладе, призванном в первую очередь подавить писательскую аудиторию эрудицией и фундаментальностью горьковских литературных знаний, расставляются

и главные идейные акценты. Сквозная историческая ретроспектива прошла по всему накопленному человечеством литературному потенциалу, чтобы раскрыть перед писателями (а их было в стране уже 1500) смысл классовой борьбы в области художественного творчества и показать, что эта сфера жизнедеятельности стояла не в стороне от столбовой дороги, где происходила борьба лучших людей за счастливое будущее. Особо Горький останавливается на русской литературе и здесь основным обвиняемым становится Ф.М. Достоевский, гений бесспорный, но как «личность», как «судья мира», выступавший в роли «средневекового инквизитора». Именно Достоевский, по мысли Горького, сумел отвратить русскую интеллигенцию от революции и поставить ее на защиту «буржуазного порядка». Благодаря Достоевскому русская интеллигенция пришла к революции 1917 г. неготовой и даже антиреволюционной: «Время с 1907 по 1917 г. – пропаганда консервативных идей западной буржуазии. Это десятилетие бесстыдства и позора интеллигенции». Но на этом отрицательная роль Достоевского не заканчивается. Он, по мысли Горького, ответственен и за идейные процессы, происходившие в западной литературе и философии. Достоевский повлиял на Ницше, а Ницше сформировал фашистскую идеологию (*Горький* 1937: 457).

Горький предлагает советским писателям сосредоточить внимание на человеке труда: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда». И труд должен стать искусством. Если главный враг – это мещанство – нравственная система буржуазных отношений друг к другу, то антимещанство – это «система социалистической морали, регулятора нашей работы, наших взаимоотношений». Мещанство для Горького является и определенным нравственным отклонением от нормы, и, одновременно, – это «многочисленный класс паразитов, которые ничего не производя, стремятся потреблять, поглощать как можно больше, паразитируя на крестьянстве и рабочем классе, тяготея к крупной буржуазии (это всего ее «охвостье»), переходя иногда на сторону пролетариата и внося туда анархизм, эгоцентризм, пошлость мысли, питающейся фактами быта, а не внушениями труда; пропагандируя философию индивидуального роста». В основе мещанства лежит тяга к собственности, частная собственность. Горький помещает идеологию в художественное пространство, как нечто естественно органичное для человека, который через художественный образ воспринимает идеологию не только незаметно для глаз, но получает от этого эстетическое удовольствие. Приведем лишь один небольшой пример, касающийся творчества К.Г. Паустовского в 1930-е годы. Тогда молодой писатель, находясь под обаянием мировоззрения Горького, принес ему рассказ для альманаха. Разговор с писателем коснулся лишь одной темы – мещанства. Паустовский включил в рассказ описание цветка герани, приписав ему мещанские черты, будто это цветок мещанского обихода. Горький возражал Паустовскому; мещанскими цветы не могут быть, а герань – это любимый цветок городской бедноты, пролетариата, «герань очищает тяжелый воздух слесарных, сапожных и других мастерских. Поэтому ее и любят» (*Паустовский* 2014: 620). Не отдал Горький любимый цветок пролетарской бедноты нелюбимым им мещанам! Как не отдал мещанам и своего морозовского особняка, подаренного ему советской властью, и права печататься в стране сколь угодно много, и иметь деньги на долгосрочные заграничные выезды. Но, в понимании Горького, важны не деньги и собственность, а то, как человек к ним относится, зависит ли от них или живет, как будто их нет. Все просто.

Так же ловко Горький сумел объяснить, чем отличается вождь, живущий где-нибудь в Германии, от советского вождя. «Вождизм – это болезнь, развиваясь из атрофии эмоции коллективизма, она выражается в гипертрофии индивидуального начала», – смело пишет он (*Горький* 1937: 357). «Вождизм – прилипчивая болезнь мещанства, она вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства, ощущением его неизбежной гибели в борьбе капиталиста с пролетариатом и страхом перед гибелью... Внутренне “вождизм” – результат изжитости, бессилия и нищеты индивидуализма, внешне он выражается в формах, таких гнойных нарывов, каковы, например, Эберт, Носке, Гитлер и подобные им герои капиталистической действительности. У нас, где создается социалистическая действительность, такие нарывы, конечно, невозможны. Но у нас, в качестве наследия мещанства еще остались кое-какие прыщи, неспособные понять существенного различия между “вождизмом” и руководством, хотя различие ясно: руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает пути к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил, а “вождизм” индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища» (Там же: 469). Однако Горький и понимал, и знал, что сам он является ни кем иным, а *советским литературным вождем*, в «мещанском» смысле этого слова; но, зная, он не спешил бороться с этим; на писательском съезде он лишь мягко, по-отчески пожурил писателей с трибуны, за то, что все вступающие называют его «великим»: «Ну, это же мешает росту молодой литературы!»

Подведем итог философским воззрениям М. Горького, которые писатель сумел облечь в стройную идеологическую систему, коррелирующую с государственной идеологией, и имеющей цель не только через «закон» воздействовать на преобразование советского гражданина в советского человека, но и через «благодать» (художественный образ). Причем, художественная идеологическая конструкция, на деле оказывалась более жесткой, более цельной, умной и смыслово организованной, и возможно, в чем-то более эффективной, чем государственная идеологическая конструкция. При этом, за художественной конструкцией, как и за государственной идеологией стояла своя фигура вождя, каковым для советской интеллигенции был М. Горький. Вот почему, такая система работала всегда с двух точек: с идейно-содержательной (речи, статьи, книги) и с личностной (вождистской). В последнем случае, Горький, как Ленин со Сталиным, имел такую же силу вождистского (символического) влияния, какую имела сама идеология.

Большинство советских писателей испытывали влияние идеологии с двух указанных точек: идейной и личностной. Но были и такие, обладающие большим талантом, которые пытались сохранять основы традиции, (что предполагала советская идея), не уходя глубоко в советскость, а, по сути дела, отказываясь от «антимещанской программы», предлагаемой Горьким. И здесь интересно и важно посмотреть, как действовал в такой ситуации Горький, очень любивший, как и Л.Н. Толстой игру в «кошки-мышки».

В этой связи особо стоит остановиться на творчестве Павла Дмитриевича Корина (1892–1967), не только художника, но и выдающегося мыслителя, который много и плодотворно поработал над темой «бывшей Руси» и «бывших ее людях». Выходец из потомственной промысловой среды палехских иконописцев, он стал интеллигентом, светским художником, крупнейшим знатоком и мастером живописи. Считал себя учеником М.В. Нестерова. Свою картину «Русь уходящая», Корин задумал в 1925 г., сразу после кончины патриарха Тихона, на похоронах которого он был и

здесь был потрясен народной церковной силой, которая зримо проходила мимо него, собравшись в лицах разных сословий и регионов России, в одном месте. До 1937 г. художником пишутся этюды, и обдумывается замысел общей композиции; к 1935 г. созревает решение поместить общее действие внутри Успенского собора, что было поддержано М.В. Нестеровым (*Виноградова* 1985: 5). Работа над эскизом проходила с 1935 по 1959 г. (*Корин* 2013: 13). Все было сделано, чтобы картина состоялась; копировался в Третьяковке и осмыслялся А. Иванов с его картиной «Явление Христа народу»; выкристаллизовался общий смысл для обеих картин «Явления» и «Реквиема»: «Вечер. Колокольный звон. “Реквием” Берлиоза. Помни День гнева. Какое величие! Вот так бы написать картину. День гнева, день суда, который превратит мир в пепел» (Там же: 12). Ясно, что «день гнева» – это не Страшный суд, а суд земной над Святой Русью, но и за земным судом, предшествующим суду небесному, стоит Божья воля и это тоже «день гнева» и «Божьего отмщения».

День гнева, на который пришлось время революции 1917 г., застал Святую Русь не где-то на улицах и площадях и даже не в крестном ходе, выходящим из Успенского собора, как первоначально предполагалось, – он застал ее в церкви, в самом главном храме России – внутри Успенского собора. Русь успела сосредоточиться. Успела прийти в храм. Из кого она состоит – Святая Русь? Почти вся она церковная, светских только четыре человека: аристократка, княгиня Софья Михайловна Голицына, безвестный нищий, и похожие на мастеровых – отец с сыном. Массовое крестьянство, очевидно, олицетворял одинокий инвалид нищий, который, однако, был выдвинут на передний план, он первый должен был встретить того, кто войдет во врата собора. Кадило в руках архидьякона только подчеркивает, что грядет не просто физический враг, но враг, особый, духовный. Все напряжены – и живые присутствующие люди, и небесные силы, смотрящие с фресок; земные и небесные стали как одно целое, одна крепость. Однако, налицо и асинхронность небесного и земного: в церкви нет богослужения, нет соборной молитвы, нет единого времени (а через это и пространства). Цвет одежды епископата указывает на разницу во времени: архидьякон в зеленом – троическом облачении, митрополит Трифон – в пасхальном, архиерей слева от него в фиолетовом – великопостном. О временной сумятице говорит и собрание четырех патриархов, всех в патриаршем одеянии. Также на картине люди из разных времен, например, архимандрит Митрофан (Сребрянский) и схиигуменья София, настоятельница Шамординского монастыря, давно уже умершая. Время словно повернулось вспять, остановилось, как оно когда-то останавливалось, когда храмы штурмовали кочевники татаро-монголы, а «все верные» укрывались под сенью соборного храма и ждали своего дня гнева. Опять же, почему впереди патриархов митрополит Трифон (Туркестанов), почему сознательно нарушается иерархия церковных чинов? Такое впечатление, что здесь нет времени, почти нет пространства, рушится иерархия, нет соборной молитвы, когда остается только Божественной молчание и ужас от неизвестности, которая вот-вот ворвется в храм, – Святая Русь едина своим присутствием, одним фактом своего существования; своим спокойствием и суровостью лиц; утешением ангелов и святых со стен храма, всей непобедимой мощью Востока, за которым незримо таится несокрушимая сила Божия.

Первая мысль, которая приходит, глядя на страх, заставивший всех повернуться к западным дверям храма и застыть в оцепенении, что это тот самый, описанный в Евангелии «страх иудейский», заставивший апостолов, после распятия Христа, со-

браться всем вместе, запереть двери в дом, и со страхом ожидать, что же будет дальше с ними – с учениками Христа. Это событие (в таком контексте) описано только у Иоанна Богослова: «Сушу же позде в день той, во едину от суббот и дверем затворенным, идеже бяху ученицы его собрани страха ради иудейска...» (Ин. 20, 19). В Евангелии это время приходится на отрезок после распятия и до торжества Воскресения, когда все ученики убедились в победе Христа над смертью. Ученики в Евангелии ждут прихода незваных гостей в лице распинателей Христа; они находятся внутри дома, с закрытыми дверями; они не молятся; лица и чувства их обращены не на восток ко Христу, а на запад – к своим врагам. Мы знаем, из Евангелия, как дальше развивались события: к оцепенелым от страха (и очевидно, стыда за рассеяние) ученикам являются не распинатели, а Сам Христос: «прииде Иисус, и ста посреде, глаголя им: мир вам» (Ин. 20, 19). И ситуация после этого кардинально меняется.

По сути, П.Д. Корин рисует то же, что сделал А.А. Иванов в своей великой картине «Явление Христа народу», самой любимой из образцов русской живописи для Павла Дмитриевича, однако, с некоторой важной разницей. Там Христос-Мессия показался, надежды сбылись, чаяния воплотились. У Корина же Христа не видно, более того; Святая Русь, в момент ее голгофского испытания, страшится и в трепете ждет врагов Христа, а не Христа воскресшего, словно не знает Евангелия. Драматургия выбранного момента строится на противостоянии двух невидимых сил: Божественной, о которой собранные в храме забыли (причем забыли не конкретный момент истории, а после революции 1917 г.), и человеческой, имеющей подтекст соединенности ее, близости с падшими ангелами.

Интересно и другое; сам Корин, иллюстрируя Евангелие, словно бы не догадывается, что знает, как же эти события разрешатся в русской истории. Художник решает показать эту тайну русского православия только на маленьком холсте, где этюды, готовившиеся более десяти лет, хотя и воплощаются в нечто целое, но, по игрушечному, не более того. Размеры холста не отвечают реалистической задаче художественного погружения зрителя, во всей возможной полноте в глубину и трагичность происходящего. И в этом случае художник словно сам идет тем же путем, каким идут его герои; боясь и изнывая от ужаса, забыв про Христа. Он тоже не решается чисто по-человечески заставить себя написать картину *целиком* (в полный размер), что означало бы, что вера во Христа еще не воскресшего выше «страха иудейского». В мае 1926 г. учитель П.Д. Корина М.В. Нестеров, пишет в письме П.И. Нерадовскому о своих размышлениях по поводу творчества А. Иванова, словно предугадывая будущую драму любимого ученика: «С одними эскизами, но без картины, не было бы “нашего Иванова”» (Нестеров 2005: 386).

Конечно же, советская власть не только силой принудила П.Д. Корина отказаться от своего замысла, но еще чем-то иным. Искусства у самого художника особенно зримо проявлялись в той обстановке, в которой жил Павел Дмитриевич до самой своей кончины в 1967 г. Дом его, напоминал старинный особняк богатого купца, с nepотревоженным революцией интерьером. Появлением такого дома Корин был всецело обязан М. Горькому. Пролетарский писатель впервые появляется еще в старой, небольшой мастерской Корина, ютившейся на чердаке (ул. Арбат) 3 сентября 1931 года (Корин 1962: 8), когда по всей Москве уже гремела слава художника, начавшего писать этюды к «Реквиему», как первоначально предполагалось назвать картину «Русь уходящая». Горький посмотрел коринские этюды, восхитился реализмом и

поддержал замысел художника, а также предложил ему помощь. Вскоре, стараниями Горького у Корина появилась большая мастерская на Пироговке, ставшая его домом, местом жительства его семьи. Так М.В. Нестеров пишет в письме А.А. Турыгину: «Вчера получил письмо от Е.П. Она пишет о Коринных, все это настолько интересно, что я хочу поделиться с тобой и П.И. Вот точные ее слова: П.Д. получил такие предложения: за портрет М. Горького ему строят мастерскую с квартирой и дают какой-то процент с репродукций, кроме того заключают “контрактацию”. Ему обещают 1000 р. в месяц на четыре года, чтобы он писал свою картину, но кроме того, он должен написать два портрета. Музей он должен оставить, но он хочет сохранить за собой руководство» (Нестеров 2005: 408). Горький свозил Корина за границу, всячески помогал ему, например, выхлопотал разрешение в 1935 г. писать интерьер Успенского собора в Кремле. До конца жизни Павел Дмитриевич чувствовал себя обязанным Горькому: «Горький прошел через всю мою жизнь как призыв и надежда... даже после смерти Горького, я всегда как бы ощущал его присутствие и поддержку» (Там же). А это уже была определенная и очень значительная внутренняя цензура для художника, поскольку за Горьким, как личностью и писателем, стоял не просто «добрый меценат», покровитель талантливых художников, а единственный в своем роде певец революции 1917 г., ее «буревестник», тот, кто всеми силами своего художественного гения стремился привести большевиков к власти. И *взыскующий взгляд* революционера-Горького должен был постоянно корректировать работу художника. Написанный в 1932 г. Коринным портрет Горького очень напоминает хищную птицу-стервятника, которая парит над гористой местностью, зорко-сурово оглядывая окрестность, и в тоже время углубленностью в себя, являя буддистскую сосредоточенность, «птица» держит наготове орудие возмездия палку-костыль, которую в любую минуту готова пустить в ход.

С точки зрения идейной – Горький был духовным врагом Корина, его полной противоположностью, но как художественный вождь он незримо связывал художника, став на всю жизнь его душевным опекуном. Как отмечает С.М. Голицын, «Корин сразу после посещения Максимом Горьким его чердака стал известен в кругах наших вождей» (Голицын 1990: 606). Так у художника появился «добрый советчик» Клим Ворошилов, настоятельно советовавший прекратить работу над картиной (*Цигаль* 1986: 208), также «собеседник» Генрих Ягода, портрет которого пришлось писать Корину по его заказу (Корин 2013: 77). Г. Ягода, как известно, являлся другом семьи М. Горького.

Позиция М. Горького состояла в том, чтобы реализм Корина подчинить задаче прославления революции, как саморазоблачающий материал «уходящего прошлого». Поэтому Горький предложил заменить коринское «иностранный» название «Реквием», «русским» «Русь уходящая». И Корину пришлось волей-неволей включиться в эту игру; соглашаясь быть певцом революции, но незаметно, внутренне отстаивая свою правду и свои симпатии. Нестеров видел эту игру и поддерживал ее, в письмах к корреспондентам (Нестеров 2005: 414–415). Сам Корин с осторожностью также озвучивал эту тему: «Я задумал картину о Старой Руси, о целых социальных и психологических пластах жизни, навеки исчезающих под давлением нового. Уход исторически обреченных людей был непросто, нелегок» (Корин 1962: 8). До смерти Горького Павел Дмитриевич так и не смог перейти к подлинной общей идее картины, побеждало понимание идеи Горьким. В свете горьковского понимания, карти-

на «Русь уходящая» должна быть иллюстрацией ухода Святой Руси с исторической арены. Иллюстрацией динамичной и понятной. Вот почему Корин, поначалу пишет общую сцену как крестный ход, вышедший из Успенского собора (один вариант) или как торжественный молебен у южной стороны собора (другой вариант); но все эти варианты объединены одним – движением и пространством. При этом зритель знает, что это движение уже в никуда, что пространство ограничено площадью перед собором; а дальше – движение и пространство подчинено советской власти. В этом смысле картина и должна была быть контрастом окружающей жизни; прошлым, которое разоблачает и обличает само себя. Но уже при жизни Горького Корин начинает писать интерьеры Успенского собора, а после кончины писателя в 1936 г. сразу создает принципиально новый вариант общего действия – внутри Успенского собора. От Горького Корину удалось освободиться только после кончины революционно бдительного питателя, но Корин не предполагал, что Горький и после смерти будет оставаться главным смотрящим за ним. Не зря Корину Горьким была передана обширная квартира на Молчановке, которую художник попытался превратить в кусочек «Святой Руси» (Гунн 2013: 32). К этому располагал весь интерьер этого необычного дома.

Вот как описывают в 1963 г. жилище художника корреспонденты одного советского молодежного журнала: *«Как мы и ожидали, нас встретила обстановка квартиры-музея. Прихожая со стенами терракотового цвета, с большой голландской кафельной печью, тут же старая мебель, стулья красного дерева с высокими спинками, в углу голова «Давида», слепок в натуральную величину. В жилые покои открыты двери, там паркетные полы, коллекционные иконы на стенах. Во всем музейная благопристойность, чистота и тишина. Хозяин провел нас в мастерскую, влево от жилых покоев. Мастерская поразила своими размерами, высотой, правда, была не слишком светлой, с боковым освещением. Во всю ширину зал пересекал огромный нетронутый холст, величиной с картину Иванова. Возле него всякие лестнички и платформы – над верхней частью картины пришлось бы работать на высоте пяти-шести метров. Чистое полотно подавляло своими размерами, за ним стояла трагедия невоплощенного замысла, его присутствие повергало в странное состояние, как если бы в комнате стоял гроб, и мы бы старались не смотреть в ту сторону. Еще заметили мы на стене копии с центральной части нестеровских «Христиан», на другой стороне рисунки сангиной с любимых вещей Веласкеса, Тициана, Микеланджело. Штабелями стояли портреты «Уходящей Руси», лицом к стене. Большой стол посреди мастерской был заставлен банками с краской, флаконами льняного масла и пинена... Лежали также стопки бумаги, кипы писем, журналы, в том числе свежий номер журнала «Америка». К этому столу мы и подсели с хозяином. Корин был под стать своему дому – чист и аккуратен, в свежей голубой рубашке и сером шерстяном жилете. Хотя и выглядел он несколько утомленно и, пожалуй, болезненно, но был не по летам молоджав. И в старости он был красив со своей сединой, выцветшими, когда-то васильковыми глазами» (Корин 2013: 152).* Авторы репортажа обращают внимание, что возле некоторых «коллекционных» икон горят лампы, в одной из комнат стоит на столике портрет великой княгини Елизаветы. Ни в 1930-е, ни 1960-е годы Павел Дмитриевич веры не стеснялся и ни от кого ее не скрывал. К 70-летию, в 1963 г. ему разрешили организовать персональную выставку: «Успех был огромный. Впервые зрители увидели образы «Уходящей Руси», узнали подлинного Корина». Художнику решили присудить Ленинскую премию, и

она была присуждена в 1963 г. Советская власть, продолжала «по-горьковски», все эти годы опекать художника, давать ему заказы, не арестовывать, награждать премиями и медалями, словом – показывать, что Корин – свой, советский, что она ждет от него многого. И действительно, как никто другой из художников Корин в оформлении станции метро «Комсомольская» сумел органично и непротиворечиво вписать советскую эпоху в общий контекст русской истории. А были еще станция Новослободская, было мозаичное панно во Дворце Советов «Марш в будущее» – вдохновенная художественная песнь коммунизму, были портреты советских деятелей (полководцев, ученых, артистов, художников). Словом, П.Д. Корин был, безусловно, в какой-то своей части искренне (по вере) советский человек. Через художника зримо звучала идея совместимости советского и традиционно русского, что было, конечно, крайне искусительно для определенной части русской интеллигенции.

При этом Корину разрешили жить среди икон и горящих лампад; разрешили иметь на виду портрет святой мученицы великой княгини Елизаветы; разрешили показывать проходящим зрителям его этюды ненаписанной картины «Руси уходящей». Ему официально не было запрещено писать картину, но сам Корин ясно отдавал себе отчет, что если он напишет ее, то исчезнет все его художественное пространство; уйдет его прекрасный дом, уйдет возможность писать картины и выставлять их; уйдет, возможно, и личная свобода. В общем, ту проблему, которую он поставил в «Реквиеме», оказалась и для него самого жизненно актуальной. Многие великие русские люди, знавшие о замысле Корина, ждали появления ее; ждал М.В. Нестеров, ждал, посвященный в суть дела физиолог И.П. Павлов (*Нестеров* 2005: 164), ждали и другие. До самой смерти художник не оставлял мысли начать писать: «П.Т. Корина (жена художника. – О.К.) рассказывает, как Павел Дмитриевич незадолго до смерти сказал ей: «Хоть запачкаю холст. Скоро начну делать “Русь”» (*Корин* 2013: 152). Но чуть раньше, в 1958 г., за 11 лет до смерти, Корин уже признавался: Мой учитель – Михаил Васильевич Нестеров стариком говорил мне: “Я сделал все, что мог”. Я на пороге старости скажу: “Я не сделал того, что мог сделать”» (*Корин* 2013: 104). Возможно, от своего учителя, дожившего до 1942 г., П.Д. Корин знал, что тому при организации юбилейной выставки в 1936 г. (50-летие художественной деятельности) сам Сталин запретил выставлять картину «Крестный ход», после личного обращения к нему художника (*Нестеров* 2005: 413). Картина, написанная в 1914–1916 гг. под именование «На Руси (Душа народа)», была для Нестерова чрезвычайно важна.

Как назвать это качество «ненаписания» главной картины и как обозначить причину ненаписания ее? Конечно, дело не только в «страхе иудейском», но еще в чем-то, что было связано с сознательным выбором художника. Совесть, советская власть были приняты какой-то частью Корина вполне сознательно, искренне и глубоко, как объективная реальность, оправданная его творческим путем. Об этом говорят многие произведения Корина, вполне «советские по-духу», об этом говорят его слова. В интервью журналу «Огонек» в 1962 г., П.Д. Корин говорит об обстоятельствах своего разрыва с Палехом, где трудились его отцы и деды; об иконописи, как о более низкой, более примитивной форме живописи, чем светская художественная живопись: «Ведь вырваться из иконописи, из ее канонов, из иконописной полуремесленной среды поистине значило ободрать с себя кожу и как бы родиться заново» (*Корин* 1962: 8).

Приведем еще интересное мнение святейшего патриарха Алексия I о «Руси уходящей» П.Д. Корина. Патриарх говорит: «А Корин для меня не русский и не право-

славный художник. Кожа да кости есть, а духа нет... Слава Богу, что такая, коринская, Русь ушла. Но ее и не было! Я хорошо знал многих из тех, кто изображен на его подготовительных этюдах. В жизни это были совсем другие люди, в них не было ни истеричности, ни изуверства, ни фанатизма. Я не касаюсь вопросов профессионального мастерства, говорю лишь о психологических характеристиках персонажей этой русской трагедии, глядя на которые неискушенный зритель может подумать: вот и хорошо, что такая Русь уходит навеки! Странно и промыслительно, что, будучи обласкан властью, он так и не смог реализовать свой замысел» (Глазунов 2017: 972). Эта оценка появилась, судя по всему, потому, что патриарх (как и все остальные) так и не увидел большой картины «Реквием», а увидел только отдельные разрозненные, по сути, символические кусочки этой картины, связанные друг с другом лишь общим замыслом художника, словесным описанием большой картины и еще небольшим этюдом, воплощающим этот замысел. Пока картина не стала целым полотном, она была разбита на символические кусочки, которые можно было как угодно трактовать; и как «Русь уходящую» (как это сделал Горький и потом – сотни художественных критиков, знатоков творчества Корина), и как «Русь несуществующую» (как это трактовал патриарх Алексей I). То есть был возможен любой произвол, поскольку символ так и не оформился в реальность. Этим и только этим объясняется крайне субъективная трактовка патриарха Алексея I, в словах которого явно звучит обида на то, что «Русь уходящая» не нашла своего воплощения, а патриарх этого хотел.

Подведем некоторые итоги вышеизложенному. Проникновение идеологии (государственного учения) в художественную, культурную среду было, несомненно, нонсенсом, с точки зрения задач литературы, как таковых. Как бы ни был писатель идейно близок к государственной идеологии, в прежние (несоветские) времена, он решал всегда (в русской классической писательской традиции) более широкие задачи; ему были важны не только интересы государства, но и интересы общества (сословно разные), и народа в целом, ему был важен религиозный аспект; и все это *вместе* и позволяло рассматривать и художественно показывать жизнь во всей ее полноте. Писатель нуждался в традиции, в ее возможностях воспроизводства, позволяющие видеть и чувствовать динамику социума и народа в его этнической особенности. Сужение же художественных задач до идеологического уровня отбрасывало все «негосударственное» в сторону как ненужное, даже враждебное, все, что М. Горький обозначил словом «мещанство». Горьковский социалистический реализм являлся не только прокрустовым ложем для мировоззрения советских писателей, воспитывавшихся на воинствующем антитрадиционализме, но и был существенным дополнением для государственной идеологии, ясно обозначал красные линии недопустимости и проч. Опасность этого явления для подлинного художественного творчества состояла, как было показано на примере с художником П. Кориным, не только в сознательном принятии писателем или художником советской художественной идеологии, но даже в личностном сближении с писателем-вождем М. Горьким. Художественная идея П. Корина, выношенная и выстрадавшая им, готовая лишь воплотиться в жизнь, не была воплощена, ей помешал внутренний цензор Корина – Горький, и русская художественная культура не получила в связи с этим необходимого импульса для последующего развития. Вместо торжественного и трагического моцартовского «Реквиема», разрывающего мир тотальной идеологии, мир узнал лишь о замысле художника, этюдах и трагическим стал его личный жизненный путь.

Литература

- Виноградова 1985 – Виноградова Е.В. Вступительная статья // П. Корин *Избранные произведения*. М.: Советский художник, 1985.
- Глазунов 2017 – Глазунов И.С. *Россия распятая*. М., 2017. 3-е изд.
- Голицын 1990 – Голицын С.М. *Записки уцелевшего: роман*. М., 1990.
- Горький 1922 – Горький М. *О русском крестьянстве*. Берлин: изд. И.П. Ладыжникова, 1922.
- Горький 1931 – Горький М. *О трудколониях О.Г.П.У.* Кизел, 1931.
- Горький. 1937 – Горький М. «Беседа с молодыми». (1934 г.); «О грамотности» (1928 г.); О литературе; «О действительности» (1929 г.); Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 г. // Горький М. *О литературе. Статьи и речи 1928–1936 гг.* М.: Советский писатель, 1937.
- Горький 1975 – Горький М. *Очерки и воспоминания*. М.: Советская Россия, 1975.
- Гунн 2013 – Гунн Г. «Последняя Русь» Павла Корина // Корин П. *Реквием. К истории «Руси уходящей»*. М., 2013.
- Корин 1962 – Корин П.Д. Мои симпатии – Большому искусству // *Огонек*, 1962. № 29.
- Корин 2013 – Корин П.Д. *Реквием. К истории «Руси уходящей»*. М., 2013.
- Нестеров 2013 – Нестеров М.В. *Давние дни: Встречи и воспоминания* // сост. Т.Ф. Прокопова. М., 2005.
- Нестеров 2006 – Нестеров М.В. *Воспоминания. О пережитом. 1862–1917*. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Паустовский 2014 – Паустовский К.Г. *Повесть о жизни. В 2-х томах*. М.: Комсомольская правда, 2014. Т. 2.
- Солженицын 2007 – Солженицын А.И. *Архипелаг Гулаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования. В 3-х томах*. Екатеринбург: «У-Фактория», 2007. Т. III–IV. Ч. 3. Гл. 3.
- Цигаль 1986 – Цигаль В. *Не переставляя удивляться*. М., 1986.

References

- Vinogradova, E.V. 1985. Vstupitel'naia stat'ia [Introductory article]. In P. Korin. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow: Soviet artist.
- Glazunov, I.S. 2017. *Rossia raspaiataia* [Russia, Crucified]. Moscow. 3-rd edition.
- Golitsyn, S.M. 1990. *Zapiski utselevshogo: roman* [Notes survivor: a novel]. Moscow.
- Gorky, M. 1922. *O russkom krest'iansstve* [On the Russian Peasantry], edite by I.P. Ladyzhnikova. Berlin.
- Gorky, M. 1931. *O trudkoloniakh OGPU* [On labor-colonies of OGPU]. Kizel.
- Gorky, M. 1937. «Beseda s molodymi». (1934 g.); «O gramotnosti'» (1928 g.); O literature; «O deistvitel'nosti» (1929 g.); Doklad na s'ezde sovetских pisatelei 17 avgusta 1934 g. [«Conversation with the Young» (1934); «On Literacy» (1928); On literature; «On reality» (1929); A report at the congress of Soviet writers August 17, 1934]. In Gorky, M. *O literature. Stat'i i rechi 1928–1936 gg.* [On literature. Articles and speeches 1928–1936]. Moscow: Soviet writer.
- Gorky, M. 1975. *Ocherki i vospominaniia* [Essays and Memories]. Moscow: Soviet Russia.
- Gunn, G. 2013. «Posledniaia Rus» Pavla Korina [«The Last Russia» by Pavel Korin]. In Korin, P. *Rekvem. K istorii «Rusi ukhodiashchei»*. [Requiem. To the history of «Russia leaving»]. Moscow.
- Corin, P.D. 1962. *Moi simpatii – Bol'shому iskusstvu* [My sympathies – Big art]. *Ogonek* 29.
- Corin, P.D. 2013. *Rekvem. K istorii «Rusi ukhodiashchei»* [Requiem. To the history of «Russia leaving»]. Moscow.
- Nesterov, M.V. 2013. *Davnie dni: Vstrechi i vospominaniia* [Old days: Meetings and memories], edited by T.F. Prokopov. Moscow.
- Nesterov M.V. 2006. *Vospominaniia. O perezhitom* [Memories. About experienced. 1862–1917]. Moscow: Young Guard.

- Paustovsky K.G. 2014. *Povest' o zhizni. V 2-kh tomakh*. [Tale of life. In 2 volumes], 2. Moscow: Komsomolskaya Pravda.
- Solzhenitsyn A.I. 2007. *Arhipelag Gulag. 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniia. V 3-kh tomakh* [The Gulag Archipelago. 1918–1956. Experience artistic study. In 3 volumes], III–IV (3). Yekaterinburg: U-Factoring.
- Tsigal, V. 1986. *Ne perestavliaia udivliat'sia* [Without stopping to be surprised]. Moscow.

Oleg V. Kirichenko. Gorky and Korin: creating paradigm of future

The article is dedicated to some previously unstudied features of formation of the Soviet ideology; its artistic, not political, resource. The author considers the leading role of Maxim Gorky in this process, who originated an independent sphere of fictional anti-traditionalist ideology, which worked for the state ideology and manage to solve many of its tasks in a more effective way. Work of Pavel Korin, the author of the large unpainted masterpiece “Farewell to Rus” is analyzed in this context as well.

Key words: *ideology, tradition, Russian people, literature, art.*

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ (К ГОДУ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ)

DOI :10.33876/2311-0546/2019-46-2/164-177
УДК 39+342.725.3

© *М.Ю. Мартынова*

РОДНОЙ ЯЗЫК И ШКОЛА: ВЗГЛЯД АНТРОПОЛОГА*

Есть множество рычагов, благодаря которым могут, как конструироваться различия в обществе, так и наоборот, нивелироваться. Одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией. Немалая роль в воспитательном процессе принадлежит образованию, прежде всего школьному. В статье рассмотрены вопросы школьного образования на национальных языках и проблема их сохранения и изучения в регионах России.

Насколько язык можно считать исторически заданным явлением и в какой степени – конструктом, результатом “социальной инженерии”, идеологической работы? Язык является не просто инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств. Национальную и этническую идентичности можно рассматривать в тесной связи с языком. В условиях, когда во всем мире нарастает многокультурность общества, все более актуальной становится проблема сохранения этнокультурной самобытности населения, передачи молодому поколению традиций его отцов и дедов. Готовя молодежь к жизни в многоязычном и поликультурном обществе, важно найти баланс между этнокультурными потребностями того или иного гражданина страны и задачами консолидации населения в интересах единого государства.

Ключевые слова: *Государственный язык, родной язык, культурное многообразие, идентичность, образование, регионы России, республики.*

Язык играет важную роль в истории и культуре любого народа. Национальность во многом отождествляется с идеей языка. Что же влияет на жизнь языка? Почему одни из них исчезают, а другие расширяют ареалы своего распространения? На-

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель наук РФ, главный научный сотрудник, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр., 32-А). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru. **Martynova Marina Yu.** – Institute of Ethnology and anthropology (Moscow, Leninsky prospect 32-A). E-mail: martynova@iea.ras.ru.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

сколько язык можно считать исторически заданным явлением и в какой степени – конструктом, результатом “социальной инженерии”, идеологической работы? Как уже неоднократно отмечалось, язык как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу или же этот человек соотносит себя с каким-нибудь другим сообществом. Эти коллективы могут быть разными (возрастными, профессиональными и т.д.). Наиболее отчетливо по разным признакам проявляются группы, имеющие национальный или этнический характер. Таким образом, национальную и этническую идентичности можно рассматривать в тесной связи с языком. В этом случае он является не просто инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств.

Есть языки, которые признаны официальными сразу несколькими государствами и нациями. В то же время довольно много стран, в которых население говорит не на одном языке, а нескольких. Тогда, как правило, государства, которые образуются в результате объединения нескольких этнических групп или народов, должны иметь язык внутрисообщественного общения. Примерно половина стран в мире имеют государственные языки. В некоторых из них – государственный язык один, в других – их больше. Есть страны, где существует один государственный язык для всей страны и, в дополнение к нему, государственные языки для отдельных регионов. Еще один вариант – отсутствие государственного языка для всей страны, но наличие такового для отдельных ее частей. И, наконец, в ряде стран понятие государственного языка вообще отсутствует. В большинстве подобных случаев, однако, де-факто существует какой-то один основной язык, а также имеется целый ряд официальных документов, которыми устанавливаются сферы использования тех или иных языков.

Во всем мире нарастает многокультурность общества и все более актуальной в этих условиях становится проблема сохранения этнокультурной самобытности населения, передачи молодому поколению традиций его отцов и дедов. Готовя молодежь к жизни в многоязычном и поликультурном обществе, важно найти баланс между этнокультурными потребностями того или иного гражданина страны и задачами консолидации населения в интересах единого государства. Соотношение диалектического единства общечеловеческих компонентов и их этнокультурных частных в обществе во многом зависит от государственной политики. Процессом сохранения традиций тоже в какой-то степени можно управлять. Вместе с тем, воплощение теоретических умонастроений в практическую плоскость, нелегкая задача.

Я хочу акцентировать внимание на том, что есть множество рычагов, благодаря которым могут, как конструироваться различия в обществе, так и наоборот, нивелироваться. Одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией в целом. Немалая роль в воспитательном процессе принадлежит образованию, прежде всего школьному.

Правительство Российской Федерации 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное

развитие народов России» на 2014–2020 годы. В программе сформулировано пять целей: воспитание общероссийской гражданской идентичности; поддержка этнокультурного развития народов, населяющих нашу страну; укрепление межнационального мира и согласия; обеспечение прав гражданина в области удовлетворения национальных потребностей; содействие в адаптации и социальной интеграции мигрантов. На новые задачи и тенденции государственной социальной политики не могла не отреагировать педагогика. Все чаще говорится, что ключевой целью общего образования является формирование гражданской идентичности подрастающего поколения¹. Но в то же время отмечается, что этническая идентичность может существовать одновременно с гражданской идентичностью, они не взаимоисключают друг друга. Понятие «идентичность» включено в Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения. В стандарте подчеркивается, что он, в частности, «направлен на: обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся; сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализацию права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России; воспитание и социализацию обучающихся, их самоидентификацию посредством лично и общественно значимой деятельности, социального и гражданского становления».

На формирование идентичности оказывают влияние разные учебные предметы, прежде всего гуманитарной направленности – язык, литература, история, география, религиоведение, история родного края, обществознание. В первую очередь представляется важным остановиться на проблеме языка преподавания. Тем более, что вопрос о выборе языка школьного обучения для России в настоящее время является одним из принципиальных. Как известно, 14 августа 2018 г. вступил в силу принятый в окончательном чтении 25 июля Государственной Думой и подписанный 3 августа Президентом РФ Владимиром Путиным закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного². Русский язык закон тоже включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов, а не переходит в факультативную составляющую, что особо подчеркивают авторы закона.

Против первоначальной версии законопроекта выступали и власти, и общественность во многих республиках, в частности, в Татарстане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Калмыкии, Северной Осетии. Не до конца прекращены дискуссии и сейчас. Нарекания вызвал тот факт, что закон закрепляет за гражданами право не изучать языки национальных республик, в которых эти граждане живут. По мнению значительной части национальных активистов, переход изучения языков на добровольную основу повлечет за собой утрату культуры народа. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик действия Центра восприняли как принижение статуса их языков. Именно поэтому республики крайне болезненно отреагировали на решения властей, посчитав, что тем самым Москва ставит под угрозу само существование титульных языков республик. Авторы же инициативы о праве на выбор языка полагают, что на основании закона дети не будут принуждаться изучать в качестве родно-

¹ См., например, материалы круглого стола «Новый стандарт общего образования: старто-вал пилотный проект» от 22.11.2007 <http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331>.

² Закон РФ «Об образовании». 273-ФЗ. Гл. 2, ст. 14. Язык образования.

го язык, который родным для них не является. Большой резонанс в стране вызвали слова Президента РФ В.В. Путина в июле 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле о том, что недопустимо заставлять кого-либо учить неродной язык. Россия была ввергнута в полемику о языках, общественная дискуссия по этому вопросу развернулась по всей стране.

В июле 2017 г. Минобрнауки было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в восьми республиках России (из 22-х), где республиканские государственные языки изучались в школах в обязательном порядке. Это – Татарстан, Якутия, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Марий Эл, Чувашия, Коми. В остальных республиках языки титульного населения изучались добровольно. В регионах прошли прокурорские проверки. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех национальных республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии. По итогам прокуратура направила представления о вынесении штрафов и должностных взысканий. Минобрнауки РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики будет добровольным. Минобрнауки РФ более жестко отрегулировало образовательные стандарты и установило объемы изучения родного и государственного национальных языков.

Родители школьников, ранее недовольные обучением их детей национальным языкам (акции русскоязычных родителей в Татарстане и Башкортостане периодически повторялись с 2011 г.), начали ещё активнее писать отказы. В то же время в Башкортостане прошло несколько митингов в поддержку башкирского языка. В Татарстане также прошли митинги с требованием вернуть обязательное преподавание татарского языка в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка. Они говорили и о том, что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Президиум парламента Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости «сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». В Нальчике 26 июня 2018 г. прошло заседание представителей общественных движений, преподавателей, учителей и правозащитников. Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились к президенту РФ Владимиру Путину оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики. В 2014 году они уже обращались к властям с просьбой не принимать поправки к закону о родных языках, согласно которым для дополнительного изучения можно будет свободно выбирать родной язык³.

Как сторонники, так и противники этнокультурного образования обычно приводят «весомые» аргументы, обосновывая свои точки зрения. Как пример того, что принцип добровольности изучения языков в республиках правилен, академик В.А. Тишков описывает ситуацию в северных нефтегазовых поселках Республики Коми, где почти не проживают представители титульного народа, но в школьной программе коми язык был обязателен. В.А. Тишков разъясняет: «Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на

³ Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ.

изучение языка, который мог быть довольно труден для освоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», то есть у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане – изучать татарский, а не чувашский, и т.д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ» (Тишков 2017).

А исполнительный директор Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия удмуртов республики Татарстан» Марина Иванова не согласна и задается вопросом, почему нельзя считать татарский язык языком межнационального общения на территории Татарстана? По ее словам, 18 % удмуртского населения в Республике Татарстан знает татарский язык. Недавно она столкнулась с информацией о том, что эта цифра увеличилась до 35 процентов. В языке татарстанских удмуртов, говорит активистка, присутствует большое количество тюркизмов, да и вообще их речь очень близка к татарской.

Создалась парадоксальная ситуация: ущемленными в правах себя считали как сторонники, так и противники изучения национальных языков в школах. По данным ВЦИОМ, опубликованным на сайте организации 27 ноября 2017 г., за обязательное преподавание национальных языков в школах республик РФ выступили 33% россиян. Еще 56% опрошенных были уверены, что национальные языки должны быть дополнительным предметом на выбор родителей и школьников. Еще 8% заявили, что такого предмета вообще не должно быть в школе, а 3% затруднились с ответом. Считают, что в основном преподавать национальные языки нужно в начальной и средней школах соответственно 60% и 58% респондентов. С проведением таких уроков в старшей школе согласен 41% опрошенных. Возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями языкового и этнокультурного образования, довольно существенно. В российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России⁴.

Масштаб языкового многообразия России беспрецедентен. Согласно Всероссийской переписи населения, в стране зафиксировано 277 языков, а реально их порядка 150, около 100 языков – письменные, в т.ч. на 59 создаются литературные произведения, издаются книги и журналы, ставятся спектакли. При этом русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории России, владеет 98,2% населения. Кроме того, 23% владеет еще 38 языками. Остальные 114 языков распространены лишь среди 1% населения. Т.о. наблюдается, с одной стороны – языковое единство в России и языковое доминирование русского языка, с другой – большое языковое и культурное разнообразие (Степанов 2011: 11).

⁴ Сайт ВЦИОМ 27 ноября 2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804>.

Среди языков есть такие, на которых говорят миллионы людей, но есть и те, которыми владеют только тысячи, сотни или даже десятки человек. Закономерно, что наиболее распространены языки, которыми пользуются самые многочисленные в стране национальности. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов РФ. Больше всего в России людей, говорящих на татарском (5,3 млн, 3,7% населения) и башкирском (1,4 млн, 1%) языках. Далее следуют украинский – 1,3%, чеченский (0,9%), чувашский (0,9%), армянский (0,6%), аварский (0,5%) языки. Якутским владеет 0,3% населения России (Степанов 2011: 21–22).

Относительно правового статуса языков РФ, напомним, что Конституция РФ устанавливает статус языков, функционирующих на территории страны: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком страны на всей ее территории является русский язык (ст. 68, п. 1). Конституция РФ дает республикам право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти и местного самоуправления, в государственных учреждениях республик наряду с государственным языком страны. Статусом республиканских государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией РФ, конституциями республик и республиканскими законами о языках. Кроме того, некоторые языки в ряде республик не имеют статуса государственного, но обладают аналогичными функциями. Это 14 с наибольшим количеством носителей языков в Дагестане, карельский, вепский и финский языки в Республике Карелия. Отметим, в ряде республик РФ (Карелия, Хакасия, Адыгея, Коми, Бурятия, Удмуртия, Башкортостан, Алтай, Мордовия, Марий Эл, Саха – Якутия) титульные национальности составляют численное меньшинство среди местного населения, что, естественно, влияет на языковую ситуацию в этих республиках.

Особое место среди языков, на которых говорят жители Российской Федерации, занимают языки малочисленных народов – миноритарные языки. В настоящее время в их список включены 54 языка (Михальченко 2016: 12).

Согласно основному закону, человеку и гражданину предоставлено право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Конституция также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством. В то же время языки России обладают разной степенью социальных функций в силу объективных причин (численность носителей, компактность расселения, наличие традиций использования языка и др.). Но важным, на наш взгляд, является и такой фактор, как языковая политика. Россия на протяжении истории придерживалась разных моделей языковой политики, что находило отражение и в системе образования.

Россия как многоэтничное и поликультурное государство имеет давние традиции образования на разных языках. Организацию школьной системы в многоэтничном государстве, определение задач школы не только, как института просвещения, но и как инструмента языковой и духовной интеграции народов, общество ставило еще в 60-е годы XVIII в. С советского периода истории страны можно говорить о целенаправленной языковой политике. С 1917 по 1935 гг., согласно идеологическому контексту того времени, декларировалось равенство всех народов и, соответственно,

поддерживалось просвещение на разных языках. Наивысший расцвет образования на родных языках в нашей стране приходился на 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. С конца 1930 – в 40 годы был взят курс на процесс русификации. В этой связи в 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей»⁵. Он был направлен на двуязычное образование. Постепенно происходил отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. В 1952 г. вводятся новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка. Период национально-русского двуязычия длился с 1935 по 1959 г. Реальным поворотом к утрате двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей, это привело к тому, что русский язык как язык обучения стал доминировать. В 1960-е годы основным типом национальной школы в РСФСР становится школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. К концу 1970-х годов образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР. А число языков, изучавшихся в школах, к середине 1980-х годов снизилось до 44-х. Национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве. В советский период истории нашей страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике (Мартынова 2004, Мартынова 2013, Мартынова 2012).

В России 1990-х, судя по принятым документам – законам «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др. этническая политика все больше определялась как политика мультикультурализма. Мультикультурализм при всей многозначности понятия подразумевает пафос стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры. Не будем забывать, что концепция интеграции полиэтнического общества в сочетании со стратегией политического и культурного равноправия и согласия не может не реализовываться в образовательной сфере. В начале 1990-х годов обучение на разных языках стало возрождаться во всех субъектах Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «Об образовании» от 10 июля 1992 г. «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования» (ст. 6, п. 2). В этот период роль нерусских языков в общественном процессе заметно возросла.

Востребованность системы национального образования оказалась высокой. По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, в 1989 г. в общеобразовательных учреждениях функционировало (в качестве языков изучения и обучения) 55 языков. К 2010 г. в системе государственного образования работало около 9 тыс.

⁵ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 N 324 "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей" // <http://lawru.info/dok/1938/03/13/n1195090.htm>.

«национальных» школ, изучалось уже 89 языков народов России⁶. Из них на 39 велось обучение. В старших классах школы языками обучения являлись алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и другие. В качестве учебного предмета в школах Российской Федерации изучалось еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподавался в основном на всех ступенях общеобразовательных школ (с 1 по 11 классы). По данным на 2018 г. в российском образовании используется 105 языков. Из них 24 в качестве языка обучения и 81 изучается как учебный предмет. Но учебники, прошедшие федеральную экспертизу есть только на 7 языках, остальные – инициативные.

В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучались следующие языки: башкирский, татарский, коми, чувашский, саха. В практически моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува можно считать, что изучение родного языка осуществляется в статусе государственного. Характер двуязычия в республиках, безусловно, определяет и степень бикультурности среды. Необходимо отметить тенденцию, пусть незначительного, но все же увеличения в местах компактного проживания представителей тех или иных народов национальных государственных школ, где родной язык является языком обучения или предметом изучения (в основном за счет роста таких школ в городах). В начале 1990-х годов их было в среднем по России около 13 %, в первое десятилетие 2000 гг. – 45% (Артеменко 2011). Так, на территории России в 2010 г. действовало: 47 армянских школ, 85 – казахских, 66 – азербайджанских, 19 – туркменских, и других. Например, в Республике Татарстан функционировало 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работало 140 чувашских, чувашско-русских, чувашско-татарских школ, где изучали родной язык более 83 тыс. детей⁷.

Правда, если исходить из востребованности, то языки народов нашей страны по-прежнему находятся не в одинаковом положении. В наиболее выгодном положении – русский, татарский, башкирский, якутский языки. На них ведется весь цикл образования. Больше всего школ с родным языком в Татарстане, Башкортостане, Якутии, Тыве. Так, в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения в 2010 г. составляли более 40%, Республики Башкортостан – 45%, Республики Татарстан – 60%, а Республики Тыва – 80%. Соответственно увеличивается и количество детей изучающих свой родной язык. В Республике Татарстан, например, доля детей, обучающихся на родном языке, увеличилась с 12% в 1991 г. до 50% в 2006 г., в Республике Башкортостан – до 40%. В Дагестане, где по официальной статистике 32 языка, преподавание в школах ведется на 14 языках (ряд языков не имеет письменности), начальная школа – на родном, дальнейшее обучение – на русском (Артеменко 2011).

Школы с нерусским языком преподавания у нас в стране традиционно носили название «национальная школа». Закон РФ 1992 г. «Об образовании» заменил это понятие. В подзаконных актах Министерства образования РФ такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения. Как правило, эти учебные заведения ориентированы на обучение детей разных национальностей и в первую очередь в регионах их компактного проживания.

⁶ Текущий архив Минобрнауки РФ.

⁷ Текущий архив Минобрнауки РФ.

В 90-е годы XX столетия в посткоммунистических странах повсеместно наблюдалась активизация этнического самосознания, что сопровождалось формированием организаций и движений, в том числе и тех, которые заботились о путях этнокультурного развития, о сохранении своих языков и культур. Для образовательной политики идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала в эти годы одной из базовых. Тогда школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтничного окружения. Лидером в этом отношении стала Москва. Здесь возникли школы с т.н. этнокомпонентом, в которых изучались языки и культура разных народов. С нее брали пример и другие города. Например, в Оренбургской области родной язык, как предмет, в тот период изучался в 146 школах. А с учетом факультативов и кружков этнокультурный компонент образования использовали более 200 школ, в том числе с татарским языком – более 90, казахским – 55, башкирским – 47, мордовским – 17, чувашским – 6. Количество детей, охваченных всеми видами обучения, составляло более 14 тыс.

Отметим, что концепции и подходы к многогранности образования не оставались неизменными и в последние годы. В 2007 г. на основании Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 № 309-ФЗ, был ликвидирован т.н. национально-региональный компонент в образовании. В российских регионах и прежде всего в республиках неоднократно высказывались требования законодательно его восстановить. Отметим, что, с одной стороны, этот компонент спровоцировал некоторые общественные разногласия, поскольку способствовал воспитанию этнически ориентированной личности. С другой стороны, он все-таки позволял удовлетворить потребности населения в изучении и поддержании региональных языков и культур.

Произошел также ряд других изменений в сфере образования. Этому способствовала некоторая корректировка национальной и языковой политики в стране в целом.

Как было отмечено выше, Правительство России 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 годы⁸.

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. на период до 2025 г. рассматривает языковую политику в качестве одного из главных политических направлений стратегического развития страны. В ней, в частности, сказано, что «Культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения»⁹.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 г. Москва "О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)" // <https://rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html>.

⁹ Стратегия Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 "О стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" // <https://zakonbase.ru/content/part/1293590>.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что педагогические технологии требуют особой взвешенности подходов. В России в разные периоды истории отношение к этнокультурному образованию и т.н. «национальным» школам менялось. Новый закон «Об образовании» касается изучения родного языка, как предмета, а не языка, на котором ведется обучение. Но представляется, что эти две образовательные составляющие взаимосвязаны и являются звеньями одной цепи. Оценивать работу нового закона и новых подходов можно будет спустя некоторое время. Пока же отметим, что дискуссии вокруг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России. На проблему отреагировали власти, как в центре, так и в регионах, стали развиваться институты общественного управления системой образования.

В Башкортостане, к примеру, утверждена Программа развития родных языков. На нее в 2019–2024 гг. предполагается выделить более 683 млн руб. (на русский язык – 32 млн, на башкирский – 172 млн и на остальные – еще 478,7 млн). Создана ассоциация учителей башкирского и родных языков. Председатель Кабинета министров Чувашии подписал указ о том, что авторы лучших детских книг на чувашском языке получают денежные призы в размере 200 тыс. руб. Конкурс прошел в 7-ой раз.

В Казани 27-30 августа 2018 г. прошел Фестиваль национальных литератур народов России, на круглых столах которого обсуждались современные тенденции и состояние развития национальной литературы, проблемы перевода с национальных языков. Татарстан потратит почти 28 млн руб. на новые учебники по татарскому языку. В Татарстане 12 ноября 2018 г. запустили первый детский телеканал на татарском языке круглосуточного вещания. Создан сайт, на котором можно будет смотреть канал в России и за рубежом. В Казани 28-30 октября 2018 г. прошел Молодежный конкурс песен на родном языке для коренных народов «Амадины».

В Удмуртии в нескольких городах и районных центрах с октября 2018 г. стартуют курсы удмуртского языка. Организаторами обучения выступили Ассоциация учителей удмуртского языка «Выжы», Удмуртский государственный университет и Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. В Москве 27 ноября будет впервые праздноваться Всемирный день удмуртского языка. Мероприятие приурочено к принятию закона Удмуртии о государственных языках и иных языках народов Удмуртии, благодаря которому удмуртский язык получит статус государственного в УР. В Сыктывкаре (Коми) 25-26 октября состоялась VI Международная конференция «Родные языки в условиях двуязычия».

В Карелии опубликована азбука в стихах на ливвиковском наречии карельского языка.

В Дагестане появилась Ассоциация учителей родных языков и литератур. В Ботлихском районе Дагестана 14-15 июля 2018 г. состоялся уже второй Республиканский слет учителей аварского языка. Он собрал, по данным пресс-службы администрации г. Махачкалы, более тысячи педагогов из 32 муниципальных образований республики. Республиканский фестиваль родного языка прошел в Дагестане в феврале 2019 г. В Дагестанском государственном университете разрабатываются он-лайн уроки по родным языкам. Планируется записать он-лайн уроки по 7 языкам. Они предназначены для повышения квалификации учителей родных языков. Для повышения интереса детей к изучению родных языков в Дагестане создаются анимированные азбуки лезгинского, аварского, лакского, кумыкского, даргинского, чеченского, ин-

гушского, осетинского, кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, их озвучат дети. В Ингушетии также разрабатывается мобильное приложение с уроками ингушского языка. В Карачаево-Черкесии на научно-практической конференции «Табуловские чтения» в ноябре 18 г. более 100 ученых и педагогов представили доклады, посвященные проблеме изучения абазинского языка. В Осетии стали выпускать обучающие мультфильмы на осетинском языке.

Народы Севера и Сибири тоже не отстают. Наиболее успешна в плане обучения на родных языках здесь Якутия. В Якутии еще раньше существовал Совет по языковой политике при главе республики, создано специальное Управление по вопросам языковой политики. Работают программы в сфере образования и культуры.

Среди летних детских лагерей Югры самым популярным летом 2018 г. было этностойбище «Нумсанг ёх» (Мыслящие люди), где впервые проводилась языковая смена. Ее главной целью было стремление погрузить детей в хантыйскую языковую среду. Большинство детей до приезда в лагерь не говорило по-хантыйски, некоторые знали лишь отдельные слова. Занятия по специальной программе позволили им преодолеть языковой барьер и вызвали желание продолжить занятия в будущем. К дню тувинского языка детский литературный сайт «Радуга Тувы» представил новую серию «Российская классика на тувинском языке». В Хакасии объявили конкурс на сочинение на родном языке.

Очевидно, что в свете современных реформ и дискуссий позиции родных языков только усилились. В частности, это касается коренных малочисленных народов Севера, т.к. местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения их языков. Научная группа культурологов (лингвистов) Сибирского федерального университета на основе полевых материалов разрабатывает письменность для энцев, малого народа Красноярского края (должны к 15 декабря). На сегодняшний день энцы – практически единственный таймырский северный народ, не имеющий юридически зафиксированной письменности. (В 1986 г. Наталья Терещенко опубликовала проект энецкого алфавита с лесным диалектом языка в опоре). В Красноярском крае готовят учебники эвенкийского языка, там первые за несколько десятилетий подготовят учителей эвенкийского языка. На Таймыре выберут лучшего учителя родного языка. В Хабаровском крае изданы учебники по нивхскому, удэгейскому и ульчскому языкам.

Больше внимания изучению различных языков стали уделять не только в республиках. В частности, в Ульяновской области на конференции педагогов родных языков, состоявшейся 20 августа, глава области Сергей Морозов предложил запустить проект по изучению родных языков народов региона на разговорном уровне. Здесь планируется организовать дистанционную школу по продвижению родных языков. Курсы родных языков стартовали в Ставрополе (изучаются грузинский, черкесский, абазинский языки). (Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ).

VI фестиваль языков прошел 24-25 ноября 2018 г. в Великом Новгороде. Состоятся презентации самых разных языков: нанайский, грузинский, эсперанто, марийский, польский, сербский, китайский, бурятский, сербский и многие другие.

Общество тоже может повлиять на выбор детьми своего родного языка. Например, со ссылкой на министра образования и науки Республики Ирину Азимову, 16 января 2018 г. ТАСС сообщил, что в Северной Осетии 99% родителей школьников выбрали осетинский язык для изучения детьми по предмету «Родной язык». В то же время в Башкирии в 2018/2019 учебном году башкирский язык в качестве родного будут из-

учать 15,6% школьников, татарский – 9,45%, а русский – 63,05%¹⁰. Марийский язык как родной будут изучать 10% школьников Марий Эл¹¹. В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников, Образование на татарском языке в РТ получают 70 тыс. детей. Русский как родной выбрали 30% учащихся РТ. Еще 2% школьников выбрали другие языки: чувашский, марийский, мордовский, иврит и др.

Говоря о перспективах жизни языков, необходимо отметить стремление к расширению роли и функций национальных языков в республиках Российской Федерации, к возрождению их бытования на разных уровнях. Велика в этом роль, как местного руководства, так и общественности.

О реакции федеральной власти на проблему языкового многообразия России свидетельствует тот факт, что Президент РФ В.В. Путин 26 октября 2018 г. подписал Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ. Учредителями Фонда являются Минпросвещения России и Федеральное агентство по делам национальностей, фонд формируется за счет бюджетных ассигнований. Цель создания фонда, по словам В.В. Путина – создание условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства. Государственная дума 29.10.2018 провела парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы». Напомню, что ООН объявила 2019 год Международным годом родных языков. Все это вселяет надежду, что языковое богатство России и ее культурное многообразие имеют будущее, но и показывает неоднозначность ситуации по регионам.

Источники

Закон РФ «Об образовании». 273-ФЗ. Гл. 2, ст. 14. Язык образования. Доступ: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>.

Материалы круглого стола «Новый стандарт общего образования: стартовал пилотный проект» от 22.11.2007. Доступ: <http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331>.

Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 г. Москва «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”». Доступ: <https://rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html>.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Доступ: <http://lawru.info/dok/1938/03/13/n1195090.htm>.

Сайт ВЦИОМ 27 ноября 2017. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804>.

Стратегия Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 «О стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <https://zakonbase.ru/content/part/1293590>.

¹⁰ <https://www.idelreal.org/a/29439082.html>.

¹¹ <https://nazaccent.ru/.../28298-marijskij-yazyk-kak-rodnoj-bud...>

Литература

- Артеменко 2011 – Артеменко О.И. *Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность* // Евразийский юридический журнал. 2011. №8 (39). С. 124–131.
- Мартынова 2004 – Мартынова М.Ю. *Поликультурное пространство России и проблемы образования* // «Этнографическое обозрение», 2004. № 1. С. 37–51.
- Мартынова 2013 – Мартынова М.Ю. *Школьное образование и идентичность. Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М.: 2013. № 234.
- Мартынова 2012 – Мартынова М.Ю. *Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности* // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад EAWARN, М., ИЭА РАН, 2012. С. 236–243.
- Михальченко 2016 – Михальченко В.Ю. (гл. ред.) *Язык и общество. Энциклопедия*. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 12.
- Степанов 2010 – Степанов В.В. *Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации* // *Европейская языковая хартия и Россия (ред. Соколовский С.В., Тишков В.А.)*. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. № 218. С. 11.
- Тишков 2017 – Тишков В.А. *Язык до конфликта не доведет?* // «Известия». 7.12.2017.

References

- Artemenko, O.I. 2011. *Udovletvorenie etnokul'turnykh obrazovatel'nykh potrebnostei narodov Rossii: gosudarstvennost', etnicheskaia identichnost'* [Satisfaction of the ethnocultural educational needs of the peoples of Russia: statehood, ethnic identity]. *EvrAziiskii iuridicheskii zhurnal* 8 (39): 124–131.
- Martynova, M.Yu. 2004. *Polikul'turnoe prostranstvo Rossii i problemy obrazovaniia* [Polycultural space of Russia and the problems of education]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 37–51.
- Martynova, M.Yu. 2013. *Shkol'noe obrazovanie i identichnost'*. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [School education and identity. Research in applied and urgent ethnology], 234.
- Martynova, M.Yu. 2012 *Shkol'noe obrazovanie kak resurs kul'turnoi i natsional'noi identichnosti* [School education as a resource of cultural and national identity]. *In Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2011 g. Ezhegodnyi doklad EAWARN* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2011. Annual report EAWARN], edited by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov, 236–243. Moscow: IEA RAS, 2012.
- Mikhailchenko V.Yu. 2016. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediia* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow: Azbukovnik Publishing Center.
- Stepanov, V.V. 2010. *Podderzhka iazykovogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii* [Support for linguistic diversity in the Russian Federation]. In *Evro-peiskaia iazykovaia khartiia i Rossiia. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Euro-Pey Language Charter and Russia. Research in applied and urgent ethnology], edited by S.V. Sokolovskii, V.A. Tishkov. Vol. 2018. Tishkov, V.A. 2017. *Iazyk do konflikta ne dovedet?* [Language to the conflict will not bring?]. *Izvestiia'* December 7.

Marina Yu. Martynova. Native language and school. An anthropological view

There are many levers both to construct social differences and to eliminate them. In my opinion, one of the most effective tools to socially construct identities is educational policy. People belong to certain cultural traditions primarily due to upbringing and socialization. Education, especially school education, plays a significant role in the educational process. The article describes various issues of school education in ethnic languages and the problem of preservation of these languages in the regions of Russia.

To what extent is language a historically given phenomenon and to what extent is it a construct, the result of “social engineering” and ideological work? Language is not just a

tool of communication in a social group, but it also provides a feeling of uniqueness among other nations and states. National and ethnic identity should be viewed in close connection with language. Now, when the multiculturalality of society is growing all over the world, the problem of preserving the ethnocultural identity of a population, passing the traditions of fathers and grandfathers to the younger generation is becoming increasingly urgent. While preparing young people for life in a multilingual and multicultural society, it is important to find a balance between the ethnic and cultural needs of a citizen on the one hand and the tasks of consolidating the population in the interests of a single state – on the other.

Keywords: *State language, mother tongue, cultural diversity, identity, education, regions of Russia, national republics.*

©Е.А. Щербина

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: МНОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

В статье с междисциплинарных позиций рассмотрена ситуация с родными (государственными) языками в одном из регионов РФ – Карачаево-Черкесской Республике. На основании множественного измерения представлены законодательные основы языковой политики, реализуемой в регионе, и результаты социологических опросов, отражающих установки и потребности народов республики на сохранение и изучение родных языков.

Ключевые слова. *Родные языки, региональный подход, языковая политика, множественность измерения.*

При исследовании языковой ситуации в одном из российских регионов – Карачаево-Черкесской Республике, на наш взгляд, важно учитывать, что в республике заметны как общие, присущие всем или большинству регионов страны, проблемы, так и те, которые обусловлены спецификой республики, связанной, в первую очередь, с конституционно закрепленными пятью государственными языками народов, в ней проживающих. При анализе языковой ситуации нами сделан акцент на родных (государственных) языках четырех субъектообразующих народов КЧР: абазин, карачаевцев, ногайцев и черкесов. Не рассматривается ситуация, касающаяся государственного языка – русского, предполагающая несколько иные подходы к изучению на региональном уровне в полиэтничной среде.

Проблемы актуализировались в связи с международной повесткой дня: как известно, Генеральная Ассамблея ООН объявила 2019 год Международным годом языков коренных народов. В резолюции 71/178, посвященной правам коренных народов, констатируется, что большое число языков находится под угрозой исчезновения и существует настоятельная необходимость в их сохранении, поощрении и возрождении, отмечена важность для коренных народов возрождения, использования, развития и передачи будущим поколениям их истории, языков, устных традиций. Объявление 2019 г. Международным годом языков коренных народов связано с желанием привлечь внимание к этой острейшей проблеме и с необходимостью приня-

Щербина Елена Анатольевна – к.полит. н., доцент, ведущий научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (РФ, Республика Карачаево-Черкесская, город Черкесск, улица Горького, дом 1 корпус а). Эл. почта: adenas@list.ru. **Shcherbina Elena A.** – Karachaevo-Circassian Institute of Humanitarian Studies the Government of the KCR (Russia, Republic of Karachay-Cherkesskaya, Cherkessk city, Gorky street, building 1-a). E-mail: adenas@list.ru.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

тия экстренных шагов на национальном и международном уровнях по сохранению, поощрению и возрождению этих языков (*Права коренных народов* 2018).

Россия является многонациональным государством, в котором проживает более 190 народов, среди которых значительная часть является коренными или автохтонными, поэтому принятые международно-правовые акты, резолюции, имеющие прямое отношение к языкам коренных народов, актуальны и значимы для населения страны. Актуальность поднятой проблемы определяется также внутренними российскими задачами в сфере реализации языковой политики и связанной с ней языковой ситуацией, которая в регионах России существенно различается. Поэтому региональный подход, применяемый к анализу языковой ситуации в субъектах многонациональной РФ, может рассматриваться как один из основных методологических подходов.

Многовариантность измерения языковой ситуации определяется междисциплинарностью проблемы. Так, при ее изучении используются различные подходы: антропологический, точнее этно-антропологический, социологический, политологический, лингвистический, культурологический и множество других. Каждый из них ориентирован на изучение определенных сторон ситуации, что в совокупности дает возможность сформировать целостную модель изучаемого явления. В статье будут применены этно-антропологический, социологический и политологический подходы. Политологический подход позволяет представить языковую ситуацию в одном из полиэтничных регионов Российской Федерации с точки зрения реализации государственной языковой и культурной политики на федеральном и региональном уровнях, ее влияния на этнические группы. Социологический подход, примененный при исследовании разных элементов этнокультурного образования, позволяет выявить ценности, мотивы жителей региона на изучение государственных языков КЧР, их роль при определении этнической идентичности. Этно-антропологический подход, ориентированный на изучение человека как носителя определенных этнических черт, выявляет общие установки представителей отдельных этносов в сохранении этнической культуры, в том числе родных национальных (этнических) языков.

Реализация языковой политики в Карачаево-Черкесской Республике базируется на ряде федеральных и региональных доктрин, программ, указов и постановлений. Все основные законы в сфере языков народов России были приняты в 90-ых годах XX века. Среди них определяющим на федеральном уровне является подписанный 25 октября 1991 года закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» с изменениями от 24.07.1998 № 126-ФЗ и от 11.12.2002 № 165-ФЗ. Он направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации. В начале 90-ых годов XX века Верховный Совет РСФСР принял Декларацию «О языках народов России» (от 25 октября 1991 г. № 1808/1), в которой зафиксировано *право каждого человека на свободный выбор языка общения, обучения, воспитания и интеллектуального творчества*. Декларация сохраняет свою значимость в настоящее время и активно используется при разработке и декларировании принципов государственной национальной и этнокультурной политики. Значимую роль в сохранении и расширении сферы применимости родного языка имеет сфера образования и культуры. Новый Закон об образовании в РФ вступил в силу 1 сентября 2013 года (Закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года). В контексте изучаемой темы, в Законе зафиксирована необходимость разработки и реализации региональных программ развития образования с учетом региональных со-

циально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации.

В первой половине 2018 года в регионах РФ с полиэтничным составом населения развернулись дебаты вокруг поправок к закону «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”») в части изучения родных языков народов РФ и государственных языков республик. По мнению Л.М. Дробижевой, о значимости этнокультурной, языковой тематики напомнили конфликтные ситуации в ряде республик, связанные с мерами федерального правительства по урегулированию преподавания русского и государственных языков республик после поручения В.В. Путина обеспечить добровольность изучения последних (*Дробижева 2018*).

Важным законодательным актом на федеральном уровне также является Указ Президента РФ от 26 октября 2018 г. об учреждении Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации. Он создан в «целях создания условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства» (О создании Фонда 2019).

В Карачаево-Черкесской Республике основным в сфере реализации языковой политики является Закон КЧР от 14 июня 1996 года «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями от 28.12.2001 № 53-РЗ), который направлен на решение задач по сохранению, равноправному и самобытному развитию языков народов региона. В статьях закона зафиксирован статус абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского языков как государственных, право народов на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также отмечено, что обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей, обеспеченным созданием системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках жителей республики.

Применительно к сфере образования ключевым на республиканском уровне является Закон КЧР от 2 ноября 2009 года № 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями: от 11.05.2010 № 31-РЗ; от 17.05.2011 № 22-РЗ; от 17.12.2011 № 79-РЗ; от 29.05.2012 № 48-РЗ). В нем зафиксировано, что граждане Российской Федерации, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

В Законе Карачаево-Черкесской Республики № 72-РЗ от 6 декабря 2013 года «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» (в ред. Законов Карачаево-Черкесской Республики от 09.11.2015 № 78-РЗ, от 03.12.2015 № 87-РЗ, от 24.02.2016 № 5-РЗ) определены основные принципы в сфере этнокультурной составляющей образования и языковой политики. Среди них общие вопросы языковой политики, право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке, а также право на изучение родного языка из числа государственных языков Карачаево-Черкесской Республики в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании.

Члены Комитета по науке и образованию Народного Собрания (Парламента) КЧР в конце декабря 2017 года внесли на утверждение проект закона № 82-V «О внесении изменения в статью 5 Закона Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики». Согласно внесенным поправкам, в образовательных организациях (начального общего, основного общего образования), в которых обучение ведется на русском языке, для обучающихся вводятся обязательные учебные предметы по изучению государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики (абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский) с первого класса. Государственный (родной) язык, который будет изучаться, определяется по добровольному выбору родителей учащихся, в случае, если родители относятся к разным национальностям. Для учащихся 10-11 классов изучение государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики осуществляется на добровольной основе.

В обоснование принятия поправок к закону отмечено, что он затрагивает не только деятельность самих школ, но и Министерства образования и науки КЧР. В рекомендациях указана необходимость, во-первых, пересмотреть методику преподавания государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики, предусматривающей доступное их изучение для начинающих, не владеющих государственным языком КЧР, а во-вторых, акцентировать внимание преподавателей предмета на аудиторной работе в ходе обучения (Состоялась очередная 42 сессия 2019).

Национальная интеллигенция Карачаево-Черкесской Республики выступила против первоначального варианта поправок к закону «Об образовании в Российской Федерации» в части добровольного изучения родных языков народов республики в школах¹. В частности, представители научного сообщества Карачаево-Черкесии подписали резолюцию, принятую представителями 12 национальных республик РФ в результате проведенной 30 июня видеоконференции, организованной «Демократическим конгрессом народов России», в которой закон о родных языках был назван антиконституционным (*Видеоконференция по изучению родных языков 2018*).

В целом, в Карачаево-Черкесской Республике созданы законодательные основы сохранения и развития национальных (этнических) языков и этнокультуры, базирующиеся на федеральных законах в сфере образования, культуры и языков. Проблема в том, что законы о языках, как на федеральном, так и региональном уровнях были приняты в 90-ых годах 20 века и требует своего усовершенствования. Необходимо изменение законодательной базы в сфере языковой политики, с сохранением основных принципов, для отражения современных потребностей народов РФ в развитии родных языков, создании инновационных механизмов их трансляции и т.д.

Для выяснения ситуации в регионе на протяжении ряда лет проводились социологические опросы по изучению этнокультурной, в том числе, языковой ситуации, на территории Карачаево-Черкесской Республики. Опрашивались эксперты, молодежь – учащиеся средних общеобразовательных учреждений и вузов республики, родители учащихся. Исследования проводились в течение пяти лет в рамках ре-

¹ 25 июля 2018 года Государственной Думой Российской Федерации был принят федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”», который был одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 июля 2018 года и подписан президентом Российской Федерации 3 августа 2018 года.

лизации федеральных проектов². В целом, в 2015, 2017, 2018 гг. было опрошено 650 учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов республики. В 2015, 2016, 2017 гг. опрошено 310 экспертов, специалистов в сфере управления образованием, преподавателей школ и вузов республики, представителей науки. В 2015 г. было также опрошено 100 родителей учащихся. Таким образом, в целом были опрошены более тысячи человек, представляющих разные социальные слои общества и являющихся представителями народов, проживающих в Карачаево-Черкесии. Так как опросы проводились в режиме мониторинга, то есть по единой методике в течение нескольких лет, сравнительный анализ результатов в динамике позволил выявить установки, мнения, суждения представителей разных народов, проживающих в КЧР, которые можно считать модальными и устойчивыми.

В соответствии с заявленной в статье темой, опишем выявленные в ходе социологических опросов тенденции и закономерности, которые можно рассматривать как социальные установки и личностные мотивы молодежи республики, взрослого населения в отношении родных языков, их сохранения, применения в семье, обучения и развития.

Социологический подход основывается на нескольких аспектах анализа языковой ситуации: изучение значимости языка как основного идентификатора этнической идентичности, степени использования этнических языков в образовании, установок на изучение родных языков, влияния двуязычия на идентичность, социальные позиции людей (*Дробижева 2018*).

Так, экспертные³ опросы, проведенные в Карачаево-Черкесской Республике, подтверждают наличие системного преподавания родных (государственных) языков в рамках основной программы в общеобразовательных организациях и специализированных факультетах вузов КЧР.

² Социологические опросы были проведены в рамках Проекта № 3437 Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации. Исследование проблем зарубежных северокавказских диаспор в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России в СКФО. Анализ проблем этнокультурного и исторического образования. Анализ языковой политики в регионах СКФО»; Проекта 8.4504.2017 Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика); Проекта 12883.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах РФ на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика); анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика); Проекта РФФИ №17-29-09152 "Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

³ В состав экспертов вошли работники сферы образования и воспитания, управления в сфере образования, представители науки, работники органов государственного и муниципального управления, члены общественных организаций этнокультурной направленности.

По мнению экспертов, изучение родных языков в образовательных учреждениях позитивно влияет на этническое и гражданское самосознание жителей КЧР, способствуя их развитию. Значительное большинство экспертов (в среднем, 78%) полагают, что в ближайшие годы в регионе сохранится достаточное число родителей учащихся, заинтересованных в школьном обучении своих детей родным языком, при этом более половины (60%) полагают, что потребности в изучении предметов на родных языках не возникнет. Ответы экспертов показали, что общественная заинтересованность в сохранении преподавания национальных языков устойчива. Потребность в изучении предметов на национальных языках невелика, и расти не будет. Это противоречит мнению представителей национальной интеллигенции и национальных общественных организаций в необходимости расширения сферы применимости родных языков, что напрямую связано с изучением предметов на национальных языках.

По мнению экспертов, изучение родных языков способствует:

- стабильности в межэтнических отношениях в образовательных учреждениях;
- формированию и укреплению российской гражданской идентичности, при сохранении основной роли родного языка как идентификатора этнической идентичности;
- удовлетворению этнокультурных потребностей учащихся;
- уважительному отношению к другим российским культурам и языкам;
- формированию знаний и навыков в традиционных видах труда и народных промыслах;
- профессиональной ориентации учащихся, связанной с владением родными языками, на будущее их применение в туристической сфере, образовательной и воспитательной работе, в медиа-сфере.

Больше половины экспертов в Карачаево-Черкесской Республике подчеркивали, что сокращение (или полное отсутствие) часов преподавания родных языков в школах республики может стать поводом для недовольства общественности и способствовать ассимиляции этнических групп. При этом треть опрошенных негативного потенциала не видит. Наибольшую обеспокоенность демонстрируют работники научной сферы и представители этнической (национальной) интеллигенции. Сотрудники образовательных учреждений, непосредственно занимающиеся обучением молодежи, обеспокоены в меньшей степени.

Представители образовательных организаций КЧР, общественных организаций этнокультурной направленности, оценивая свой уровень участия в реализации государственной национальной и языковой политики⁴, наибольший балл поставили работе в создании условий, отвечающих национально-культурным потребностям жителей региона. Среди них: создание условий для использования национальных языков, проведения традиционных народных праздников, осуществления традици-

⁴ С 8 ноября по 1 декабря 2016 г. в Карачаево-Черкесской Республике был проведен экспертный опрос по вопросам участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации. Опрос проводился в организациях трех типов: органах государственной власти, муниципальных образованиях, институтах гражданского общества. В ходе опроса было опрошено 30 организаций республики, расположенных в разных муниципальных районах. Число комментариев составило 687 единиц. Содержательные ответы, очень объемные, были представлены специалистами из учреждений культуры и образования, которые много занимаются межэтнической и языковой сферой.

онных видов труда, содействие мероприятиям по сохранению и развитию языков народов России, обеспечению прав граждан на изучение родных языков.

Достаточно высоко представители сферы образования, учреждений культуры и информации оценили свою деятельность в содействии изучению родных языков и культур народов России в общеобразовательных школах, в обеспечении прав граждан на изучение родных языков.

Опросы учащейся и студенческой молодежи, направленные на изучение языковых потребностей, были проведены на территории КЧР в 2015 (200 чел.), 2017 (150 чел.) и 2018 (300 чел.) годах. Используя этносоциологический и этно-антропологический подходы, попытаемся представить языковую ситуацию в Карачаево-Черкесской Республике с точки зрения молодых представителей наиболее многочисленных этнических групп республики. В 2015 году было опрошено 36% карачаевцев, 19% русских, 12% черкесов, 1% ногайцев, 16% представителей других национальностей. В 2017 году среди учащихся образовательных учреждений республики было опрошено 22% абазин, 36% карачаевцев, 7% ногайцев, 12% русских, 21% черкесов. Среди студентов вузов КЧР больше всего опрошено представителей карачаевцев – более 60%, черкесов – 16%, абазин – 14%, русских – 11%, ногайцев – 5%. Представленная этническая структура респондентов в целом соответствует этнической структуре республиканского студенчества. Большинство респондентов (87%) указали одну национальность, 13% указали свою принадлежность к двум этническим группам (по матери и отцу), что является распространенным для региона явлением, который является общероссийским лидером по числу межэтнических браков (*Темрезов 2015*).

В 2018 году основной состав опрошенной студенческой молодежи: карачаевцы – 55%, русские и черкесы по 8%, абазин – 7%, ногайцы – 3%.

Результаты опросов показывают высокий уровень наличия общероссийской гражданской идентичности у учащихся и студентов вузов региона при росте интереса к истории своего народа, его национальным и культурным корням. Фиксируется хороший уровень владения родными языками, интерес к его сохранению и развитию.

Анализ ответов респондентов – представителей разных этнических групп по годам, показывает, что значительное большинство владеет родными для них языками, общаясь на них в семье, с друзьями, знакомыми. По результатам трех опросов более 90% респондентов – представителей четырех субъектообразующих народов КЧР отметили, что используют, кроме русского, другой язык в семье, при общении с родственниками и друзьями. Больше всего (86%) родной язык используют в общении представители карачаевского народа (при уровне владения в 91%) и черкесы республики – 89% (по результатам опроса 2015 года).

Молодые люди, представители разных народов, проживающих в Карачаево-Черкесии, понимают необходимость изучения родных языков. Компаративный анализ результатов опросов в динамике свидетельствует об увеличении числа молодых людей, заинтересованных в изучении родных языков. Результаты трех мониторингов позволяют говорить не о тенденциях, а о сформировавшихся закономерностях, которые можно свести к следующему: меньше половины учащихся выступают за стандартное изучение родного языка, то есть то, которое уже существует и законодательно закреплено в Карачаево-Черкесской Республике, треть – за углубленное изучение. Незначительная часть (3%) учащихся и студентов вузов региона выступает за изучение разных учебных предметов на родных языках.

Приведенные результаты опросов коррелируют с данными, полученными в ноябре 2018 года в результате проведенного республиканского школьного референдума, охватившего более 6,8 тыс. старшеклассников из 7,5 тыс. учащихся 9-11 классов во всех муниципальных образованиях республики. Подавляющее большинство учащихся – 89%, участников школьного референдума, заявили, что их устраивает качество преподавания родных языков народов республики (*Около 90% старшеклассников 2018*).

Еще одной выявленной закономерностью, интересной для исследователей, стало восприятие языка молодыми людьми разной этнической принадлежности. Так же как их родители, они воспринимают владение родным языком, в первую очередь, в качестве идентификатора этнической идентичности: «для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу». Но выявился и второй аспект, на наш взгляд, связанный с определенным проективным отношением к своей будущей профессиональной деятельности. Молодые люди связывают знание родного языка с возможностью получения специальных навыков и умений, которые могут пригодиться в воспитательной и образовательной деятельности, в сфере туризма и услуг, на радио и телевидении. То есть они видят перспективы, связанные с владением родными языками, и их практическую применимость, что чрезвычайно важно для прагматически ориентированной молодежи.

Особенностью опросов 2017 и 2018 гг. было наличие в анкете визуальной части (картинок, схем), направленных на персонификацию ответов учащейся молодежи и уточнение декларируемых взглядов и мнений. Ответы студентов в двух опросах, связанные с отношением к людям, владеющим другими языками, показали, что именно этот культурный маркер является привычным для жителей полиэтничной и полилингвальной КЧР. Люди с другими языками, по мнению учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов (по 90% по результатам двух опросов), хорошо интегрированы в своих учебных коллективах. Высокий уровень интеграции объясним полиэтничностью республики, в которой проживает более 80 национальностей, среди них пять народов, языки которых определены как государственные в Конституции КЧР. В Карачаево-Черкесии проводится последовательная образовательная политика, направленная на изучение и развитие родных языков. Основным, на наш взгляд, является то, что сохраняется семейная преемственность в трансляции языков. Поэтому множественность языков – это культурная черта КЧР. Молодые люди выросли в полилингвальной среде и, судя по ответам, они считают такую среду естественной.

Среди основных стереотипов, разделяемых большинством учащейся молодежи в отношении людей с другими языками, преобладают позитивные суждения: интерес и их поддержка в иноязычном окружении. Несколько неожиданными оказались ответы, связанные с доверием к иноязычным учащимся: только треть опрошенных в двух опросах готовы доверять таким людям, около половины ничего не ощущают (предположительно, многоязычная среда привычна для них), пятая часть испытывает тревогу. В многонациональной Карачаево-Черкесии традиционно проживают представители разных народов, между которыми сложились добрососедские отношения, много смешанных браков. Равнодушие, недоверие, тревога, которые ощущает часть респондентов по отношению к людям, разговаривающим на другом языке, является тревожным и требующим внимания.

Представленный нами анализ политических доктрин и законодательных актов в сфере языковой и образовательной политики на региональном уровне, результа-

тов социологических опросов, проведенных в разных социальных группах Карачаево-Черкесской Республики, позволяют сделать некоторые выводы:

- законодательная база в языковой сфере на федеральном и региональном уровнях требует своей доработки в связи с изменившимися реалиями, выраженным интересом к этой проблеме со стороны национальной (этнической) интеллигенции, ростом этнического самосознания молодых людей, проживающих в полиэтничной среде;
- в Карачаево-Черкесской Республике на законодательном уровне закреплено обязательное изучение родных (государственных) языков республик для носителей родных языков на начальной и основной ступени среднего образования, за реализацией процесса, наряду с профильными министерствами, наблюдает национальная (этническая) интеллигенция, представители общественных организаций этнокультурной направленности;
- результаты экспертных опросов показывают, что сфера языков и образования в части реализации этнокультурных потребностей народов региона является основной сферой деятельности не только государственных органов власти, но и общественных институтов;
- опрошенные эксперты полагают, что в регионе существует и сохранится общественная потребность в изучении родных (государственных) языков народов КЧР, при этом потребности в изучении школьных предметов на языках народов республики нет, и она вряд ли появится в ближайшем будущем. На наш взгляд, это является перспективой для деятельности национальной (этнической) интеллигенции, выступающей за расширение сферы применимости родных языков;
- учащаяся молодежь республики, в целом, удовлетворена уровнем преподавания родных языков, ощущает потребность в них и активно использует родные языки в общении;
- считая владение языком основой этнической идентичности, молодежь КЧР видит перспективы его использования в профессиональной деятельности, что выступает дополнительным стимулом для владения им и совершенствования;
- в отличие от моноэтнических российских регионов, молодые люди в полиэтничной среде приоритетное внимание уделяют культурным отличиям людей, в том числе по языку, отмечая при этом высокий уровень интеграции людей с разными языками в своих учебных коллективах;
- опросы показывают, что этнокультурное образование, являющееся составной и органичной частью образовательного процесса, способствует межэтническому согласию в учебных коллективах, реализации общественных потребностей в сохранении и развитии родных языков, в улучшении социального самочувствия населения.

Источники

Права коренных народов 2018 – 71/178. Права коренных народов. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2016 года. Доступ: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/C.19/2018/8&referer=/english/&Lang=R; <http://ethnic.ru/news/2019-god-obyavlen-oon-mezhdunarodn-ym-godom-yazykov-korenyih-narodov.html/>.

Состоялась очередная 42 сессия 2019 – Состоялась очередная 42 сессия Парламента КЧР. Доступ: <http://www.parlament09.ru/node/6293>.

Представители нацреспублик России 2018 – Представители нацреспублик России назвали закон о родных языках антиконституционным. 3 июля 2018. Доступ: <https://aheku.net/news/society/predstaviteli-naczrespublik-rossii-nazvali-zakon-o-rodnyix-yazyikah-antikonstitucionnyim/>.

Литература

Дробижьева 2018 – Дробижьева Л.М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // *Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва* / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 91.

О создании Фонда 2019 – *О создании Фонда сохранения и развития родных языков*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/58914> (дата обращения: 22.03.2019).

Темрезов 2015 – Темрезов Р. *Многовековой опыт совместной жизни разных народов и разных конфессий в КЧР – залог успеха межнациональной стабильности*. 18.06.2015. Доступ: <http://www.riakchr.ru/mnogovekovojoj-opyt-sovmestnoj-zhizni-raznykh-narodov-i-raznykh-konfessij-v-kchr-zalog-uspekha-mezhnatsionalnoj-stabilnosti-r-temrezov/>. (дата обращения 22.03.2019).

Около 90% старшеклассников 2018 – Около 90% старшеклассников в КЧР довольны качеством преподавания родных языков. 27 ноября 2018. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/5842143> (дата обращения 11.03.2019).

References

Drobizheva, L.M. 2018. Izuchenie etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnoshenii v sotsiologii. In *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otnoshenii i istorii natsional'noi politiki*. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnoshenii, edited by V.A. Tishkov and B.A. Sinanov [The study of ethnicity and interethnic relations in sociology. Research in the field of ethnicity, ethnic relations and the history of the national policy. Proceedings of the session of the Scientific Council on the complex issues of ethnicity and ethnic relations]. Moscow: IEA RAN: 91.

O sozdaniy Fondy sokhraneniya i razvitiya rodnnykh yazykov [Establishing the Fund for the preservation and development of native languages]. Dostup: <http://kremlin.ru/events/president/news/58914> (data obrashcheniya: 22.03.2019).

Temrezov, R. 2015. *Mnogovekovojoj opyt sovmestnoj zhizni raznykh narodov i raznykh konfessii v KChR – zalog uspekha mezhnatsional'noi stabil'nosti* [Centuries-long experience of living together of different peoples and different faiths in KCR – the success of inter-ethnic stability]. <http://www.riakchr.ru/mnogovekovojoj-opyt-sovmestnoj-zhizni-raznykh-narodov-i-raznykh-konfessij-v-kchr-zalog-uspekha-mezhnatsionalnoj-stabilnosti-r-temrezov/>.

Okolo 90% starsheklassnikov v KChR dovol'ny kachestvom prepodavaniya rodnnykh yazykov. 27 noyabrya 2018 [About 90% of high school students in KCR satisfied with the quality of teaching of native languages. November 27, 2018]. <https://tass.ru/obschestvo/5842143>.

Elena A. Scherbina. Linguistic situation in The Karachay-Cherkess Republic: multiple dimensions

The article considers the situation with native (state) languages in one of the regions of the Russian Federation, the Karachay-Cherkess Republic, based on interdisciplinary approach. It presents the legislative foundations of the language policy implemented in the region and the results of sociological surveys, which reflect the attitudes and needs of the peoples of the republic for the preservation and study of native languages.

Keywords. *Mother tongues, regional approach, language policy, multiple dimensions.*

© *А.В. Мартыненко*

ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлен анализ развития татарской национальной школы и особенностей преподавания татарского языка в советской и постсоветской Мордовии. Во вступительной части статьи констатируется, что в средние века и в последующий имперский период отечественной истории образование татар (в том числе на территории современной Мордовии) было в основном конфессиональным, мусульманским. Оно концентрировалось в школах двух ступеней – мектебах и медресе, и опиралось на ханафитский мазхаб (правовой толк) суннитского ислама. Далее рассказывается, что светская по своей сути система национального образования татар сложилась в первые десятилетия советской власти, заменив собой традиционную конфессиональную (мусульманскую) школу. Дается обзор особенностей формирования татарской национальной школы в Мордовской АССР и ее дальнейшего сохранения в Республике Мордовия. Показано, что советская школьная система обучения обеспечила достаточно быстрый рост грамотности татар Мордовии уже в конце 1920-х – 1930-е гг., в том числе и в рамках национальной школы. Применительно к современному периоду подчеркивается особая роль в данной сфере не только органов государственной власти Республики Мордовия, но также Региональной национально-культурной автономии татар (РНКАТ) «Якташлар» и представителей государственных и общественных структур Татарстана. В завершении статьи делается вывод о том, что сложившаяся в советский период система татарских национальных школ в Мордовии адаптировалась к новым социокультурным и этнополитическим постсоветским реалиям, и преподавание татарского языка не только сохранилось в данном субъекте Российской Федерации в 1990–2010-х гг., но продолжает эффективно функционировать и развиваться.

Ключевые слова: Республика Мордовия, татары, татарский язык, этнокультурное образование.

В настоящее время татары-мишари являются третьим по численности (после русских и мордвы) народом Республики Мордовия (РМ). Они проживают в 60 населенных пунктах республики, в том числе в городах Саранск и Рузаевка. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., татарское население РМ насчитывает 43392 чел., что составляет 5,2% жителей республики (Парамонова 2014: 68).

Мартыненко Александр Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического института (Республика Мордовия, Саранск, ул. Студенческая, 11 А). Эл. почта: arkanaddin@mail.ru. **Martynenko Alexander V.** – Mordovia State Pedagogical Institute (Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Studentskaya str., 11 A). E-mail: arkanaddin@mail.ru.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

На протяжении веков, наряду с русским и мордовским населением, татары в значительной степени формировали этноконфессиональный ландшафт и социокультурный облик региона. Более того, развивались мордовско-тюркские и, в частности, мордовско-татарские языковые взаимовлияния, о чем пишет, например, филолог Н.В. Бутылов: «Мордовско-тюркские языковые контакты своими корнями уходят в глубокое прошлое... В VII–VIII вв. после образования Хазарской державы, произошло усиление этих контактов. А после появления булгар в Среднем Поволжье, создавших в этом регионе мощное государство – Волжскую Булгарию, и особенно после монголо-татарского завоевания, мордовско-тюркские контакты приняли непрерывный характер. <...> Тюркизмы мордовского языка, – продолжает указанный автор, – не однородны по семантике. Находясь почти во всех тематических группах лексики, они отражают различные стороны жизни и деятельности человека, окружающей природы» (Бутылов 1999: 594).

Неотъемлемой и важной частью татарской культуры Мордовии, как и всего Поволжья, было распространение образования на родном языке. У татар традиция обучения грамоте на основе арабского алфавита уходила корнями в средневековье. Функция обучения осуществляли мусульманские конфессиональные школы – мектебы и медресе, которые, как правило, действовали при мечетях, и в которых процесс образования сводился к постижению исламской (суннитской) догматики и исламской юриспруденции (фикху) по ханафитскому мазхабу – традиционному для татар правовому толку.

В имперский период отечественной истории образование у татар также осуществлялось через систему мектебов и медресе. В частности, в конце XIX – начале XX века на территории современной Мордовии функционировало 78 мектебов и медресе: 30 – в Краснослободском уезде, 17 – в Саранском уезде, 15 – в Темниковском уезде, 14 – в Инсарском уезде, 2 – в Спасском уезде (Кошина 2007: 224). Наибольшее число мектебов и медресе приходилось на Инсарский, Краснослободский, Саранский и Темниковский уезды. Так, в 1900 г. в Инсарском уезде насчитывалось 14 школ, в которых обучалось 277 учеников-шакирдов; в Краснослободском уезде – 30 школ (654 шакирда и 109 учениц); в Саранском уезде – 17 школ (300 шакирдов и 67 учениц). Вплоть до революций 1917 г. в мектебах и медресе Мордовии наблюдался неуклонный рост числа учащихся (Осовский 2001: 134–135).

Именно в этих конфессиональных школах, наряду с богословскими дисциплинами, в которых большую роль играл арабский язык, и светскими дисциплинами на русском языке, преподавались татарское чтение и письмо. Однако эта система образования и просвещения татарского населения Мордовии была ликвидирована советской властью в 1920–1930-е гг. Альтернативой разрушенному большевиками конфессиональному образованию стала новая, советская система школьного образования, одним из важных сегментов которой стало формирование национальной, в том числе татарской, школы.

Большую роль в развитии советского проекта татарской национальной школы в Мордовии сыграл Окружной комитет нового тюркского алфавита, образованный в 1928 г. В том же году, на совещании актива татарской секции Мордовского окружного комитета ВКП (б) было принято решение о введении нового тюркского алфавита в татарских школах тогдашней Средневолжской области. Алфавит вводился с учетом обеспеченности татарских школ Мордовии соответствующими учебно-методическими материалами, учебными пособиями, букварями и т.п. Как известно, с 1928 г. в

основу татарской письменности был положен латинский алфавит (вместо арабского, в качестве образца здесь выступала реформа языка в кемалистской Турции, союзной в тот период Советской России). Но в 1939–1940 гг. татарская письменность была переведена на русский алфавит, что сохраняется до настоящего времени.

Согласно данным об уровне начального образования татар Мордовии в конце 1920-х гг., приведенным историком Р.Р. Юсуповым, из 890 начальных школ татарскими были 59, то есть 6,6% от их общего количества. Указанный исследователь делает вывод о большей степени обеспеченности начальным образованием татар Мордовии, по сравнению с русскими и мордвой, справедливо указывая на то, что в этой связи важно учитывать удельный вес татар в общей численности населения региона. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период средний уровень грамотности татар Мордовии был выше, чем у мордвы, а татарское население к началу 1930-х гг. достигло стопроцентного охвата школьным обучением, то есть раньше, чем русское и мордовское население. Например, во второй половине 1930-х гг. в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике в среднем строилось 2 татарские школы в год (Юсупов 2009: 132–135), а к 1960 г. число татарских школ в республике достигло 32 (Автайкин 2004: 47–48). Кроме того, с 1934 по 1954 гг. в МАССР действовало Лямбирское педагогическое училище, готовившее учительские кадры для татарских школ.

В целом, в Советском Союзе татарская национальная школа, как в Татарской АССР, так и в других регионах компактного проживания татар, включая Мордовию, развивалась параллельно с русской. Например, специалист по татарам-мишарям Р.Г. Мухамедова отмечала, что к середине 1970-х гг. «за пределами Татарии на родном языке в школах обучается 216 тыс. детей» (Мухамедова 1985: 232).

В начале постсоветского периода большую роль в развитии татарской национальной школы Мордовии сыграло региональное этнокультурное движение татар. В июне 1991 г. было создано республиканское общество национальной культуры «Якташлар» («Земляки»), на организационной основе которого через десять лет, в декабре 2001 г., была образована одноименная национально-культурная автономия (Мартыненко, Шилов 2008: 19–22). В 2007 г. «Якташлар» и НКА татар РМ объединились в единую, действующую до настоящего времени организацию, название которой объединило названия двух предыдущих – Региональная НКА татар Республики Мордовия «Якташлар».

В 1990-е – начале 2000-х гг. лидеры татарского этнокультурного движения РМ выражали открытое недовольство ситуацией в сфере преподавания татарского языка в республике, а также недостаточной степенью его обращения в местных СМИ. Все это воспринималось и трактовалось национальными активистами едва ли не как многолетняя «дискриминация» татарского населения Мордовии. Несмотря на алармистский и достаточно резкий тон подобной риторики, необходимо признать, что в «девяностые» и «нулевые» число татарских школ в республике стало снижаться, ощущался заметный дефицит преподавательских кадров и учебно-методической литературы. В этом смысле обеспокоенность активистов НКА «Якташлар» была вполне оправданной, ведь речь шла о сохранении и развитии языка, значение которого в жизни любого народа невозможно переоценить, поскольку язык «это важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и культурной идентичности» (Тишков 2005: 223).

Свою деструктивную роль сыграло и то, что в рассматриваемый период этно-

культурные связи татар РМ с Казанью были крайне слабы и непостоянны. Вплоть до начала 2000-х гг. руководство и общественно-политическая элита Республики Татарстан не проявляли должного внимания к этнокультурным и образовательным проблемам татар, живущих в Мордовии. Таким образом, «мордовские» татары фактически находились в своеобразной культурной изоляции.

Позитивные перемены, связанные с налаживанием конструктивного диалога и партнерства между республиканскими властями и этнокультурными объединениями татар Мордовии, наметились в 2003 г. Например, 22–24 января указанного года в Мордовии впервые прошли Дни татарского просвещения, в рамках которых республику посетила весьма представительная делегация из Татарстана во главе с тогдашним министром образования этой республики Ф. Харисовым. Гости, в число которых входили видные деятели татарской культуры, ученые вузов, педагоги-методисты, руководители школ и гимназий, писатели и артисты, ознакомились с учебным процессом в местных татарских школах. Кроме того, в ходе проведения Дней татарского просвещения было подписано соглашение между министерствами образования РМ и РТ о подготовке педагогических кадров для татарских школ в Мордовии и для мордовских школ в Татарстане, о комплектовании школьных библиотек учебниками по родному языку и литературе, и т. д.

Необходимо отметить, что этнокультурное образование на татарском языке в РМ по своим масштабам неизмеримо скромнее, чем в Республике Татарстан, что обусловлено относительно небольшой численностью татар Мордовии. Например, историк К.А. Аблязов характеризует ситуацию в Татарстане в данной сфере следующим образом: «Современная развитая структура татарской этнонации только в Татарстане включает более 1200 татарских школ и гимназий с десятками тысяч учителей, самостоятельные кафедры и университеты в вузах, даже отдельные вузы с сотнями преподавателей-татар» (Аблязов 2012: 267). О динамичном характере развития данной образовательной системы пишут этнологи Г.Ф. Габдрахманова и Л.В. Сагитова: «Сегодня в Татарстане сформированы и внедряются новые принципы, формы и технологии изучения татарского языка, ведется поиск эффективных механизмов, стимулирующих его изучение» (Габдрахманова, Сагитова 2015: 251).

Что же касается Республики Мордовия, то в настоящее время в ней функционируют 19 татарских школ. Национальные татарские школы есть в Дубенском, Кадошкинском, Кочкуровском, Лямбирском, Ромодановском, Рузаевском, Темниковском, Торбеевском, Ельниковском и Атюрьевском районах Мордовии.

Во многом типичным примером является школа села Татарская Пишля Рузаевского района РМ, в которой татарский язык преподается с 1 по 11 класс в объеме трех уроков еженедельно. Примечательно, что татарский язык учат все дети, независимо от национальности (в селе, наряду с татарами, проживают русские, мордва, таджики, армяне). Но татарские ученики дополнительно сдают в девятом классе экзамен по родному языку. С.С. Саляева, учитель родного языка в школе данного села, комментирует ситуацию с отношением учащихся и их родителей к данной учебной дисциплине: «Если и бывает какое-то непонимание, то только со стороны родителей, но я всегда стараюсь объяснять: чем больше человек знает о традициях, о культуре народа, который живет рядом, тем он богаче. А кто, если не школа, будет центром сохранения родного языка и культуры? Нужно просто поговорить с мамой, а ребенку и не надо ничего объяснять, он-то с удовольствием ходит на эти уроки» (Душа мордовская 2010: 3).

Несколько другой формат преподавания национального языка реализуется в двух школах районного центра Лямбиров, в котором также компактно проживает татарское население. Здесь татарский язык преподается со 2 по 7 классы в рамках образовательной программы с этнокультурным компонентом. Кроме того, в двух школах Мордовии параллельно изучаются татарский и эрзянский языки. Это школа с. Кочкурово Дубенского района и школа с. Сабаетово Кочкуровского района. Здесь на уроках родного языка каждый класс делится на «татарскую» и «эрзянскую» подгруппы.

Учебная и учебно-методическая литература по татарскому языку и татарской литературе поступает в соответствующие национальные школы Мордовии из Татарстана, в частности – в рамках программы сотрудничества правительств данных двух субъектов РФ. Так, в декабре 2018 г. в ходе заседания упомянутой выше «Якташлар» состоялась церемония передачи очередной партии учебников по татарскому языку представителям министерства образования РМ, во время которой председатель НКА татар Мордовии Р. Аширов, в частности, сказал: «У нас реализуется комплекс мер для сохранения национальной культуры и языков народов, проживающих на территории республики. В эту работу вовлечено татарское население. Люди, и, что особенно важно, молодежь, имеют возможность приобщиться к наследию предков, говорить на языке своих отцов и дедов. Татары Мордовии не теряют связи с истоками своих национальных традиций и обычаев» (Татары Мордовии 2018).

Необходимо отметить, что мониторинг ситуации с преподаванием татарского языка в Мордовии осуществляется на постоянной основе со стороны министерства образования и педагогического сообщества Татарстана, в рамках государственной программы по сохранению, изучению и развитию государственных языков РТ. Так, например, в ноябре 2016 г. в РМ работала делегация татарстанских педагогов во главе с заместителем министра образования и науки РТ И. Мухаметовым. Делегация ознакомилась с работой Республиканского межшкольного центра национальных культур, действующего на организационной площадке саранской гимназии № 19, а также татарской национальной школы с. Кривозерье Лямбирского района РМ и Лямбирского детского сада № 3. Подводя итоги данного визита, И. Мухаметов отметил: «Мы благодарны региональным властям за то, что они бережно относятся к этнокультурным школам. Это продуманная, мудрая политика руководства Мордовии... Два региона во многом поддерживают друг друга. Учебники для татарских школ Мордовии Татарстан передает бесплатно. Мордовия также помогает мордовским школам в регионах, в том числе в Татарстане» (Никитина 2016: 6).

Что касается ситуации с подготовкой кадров учителей татарского языка и татарской литературы для школ Мордовии, то в настоящее время такая работа ведется только в одном республиканском вузе – Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева. В 2010 г. здесь было открыто соответствующее отделение филологического факультета, обучение на котором проводится как в дневной, так и заочной форме. Причем выпускники «татарского» отделения получают две специальности – «учитель татарского языка и литературы» и «учитель русского языка и литературы» (Давыдова 2015: 1). К слову, на сегодняшний день учителей татарского языка готовят в трех регионах страны – Татарстане, Башкортостане и в Мордовии.

Кроме того, с 2017 г. в стенах Мордовского педагогического института, также на организационной площадке филологического факультета, проводятся курсы повышения квалификации «Методика преподавания родного (татарского) языка и ли-

тературы в условиях ФГОС ОО» для учителей татарского языка и литературы. Для проведения курсов на регулярной основе привлекаются ведущие и высококвалифицированные специалисты Казанского (Приволжского) федерального университета.

Проявлением интегративного взаимодействия школы и вуза в развитии преподавания татарского языка являются республиканские предметные олимпиады по татарскому языку, которые также организует и проводит Мордовский педагогический институт. Данные олимпиады ориентированы на учащихся старшей школы (9–11 классы), а победители делегируются в Казань на межрегиональную языковую олимпиаду. Задания разрабатываются специалистами Татарстана, с учетом особенностей изучения и преподавания татарского языка в разных субъектах РФ. Олимпиадные упражнения содержат тесты на проверку знания татарской грамматики, а также творческие задания.

В целом, ситуация с преподаванием татарского языка в национальных школах Мордовии в значительной степени отражает общероссийскую динамику развития национальной школы во всем ее этнокультурном разнообразии. Этнологи В. А. Тишков и Ю. П. Шабаев по данному поводу отмечают следующее: «В настоящее время из примерно 200 языков и диалектов, на которых говорит население России, в качестве родных языков обучения и языков изучения в системе общего образования функционирует 89 языков (помимо русского). С точки зрения этнокультурной политики это очень высокий стандарт защиты языков, которого нет в других странах с подобным языковым разнообразием. За последние двадцать лет увеличилось количество школ (в основном в городской местности), в которых изучается родной язык или на нем ведется преподавание. В настоящее время такими являются 56% всех российских школ, тогда как в 1991 г. их было всего 13%» (Тишков, Шабаев 2013: 328).

Таким образом, сложившаяся в советский период система татарских национальных школ в Мордовии адаптировалась к новым социокультурным и этнополитическим постсоветским реалиям, и преподавание татарского языка не только сохранилось в данном субъекте Российской Федерации 1990–2010-х гг., но продолжает эффективно функционировать и развиваться.

Литература

- Аблязов 2012 – Аблязов К. А. Историческая судьба татар. В 2 т. Т. II. *Этническая мобилизация и возрождение национальной государственности*. Саратов: Научная книга, 2012. 368 с.
- Автайкин 2004 – Автайкин И.А. Проблемы национального образования в Республике Мордовия // *Успехи современного естествознания*. , 2004. № 11. С. 47–48.
- Бутылов 1999 – Бутылов Н.В. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // *Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: сб. ст.* Саранск, 1999. С. 594–595.
- Габдрахманова, Сагитова 2015 – Габдрахманова Г.Ф., Сагитова Л.В. (под ред) Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Монография. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2015. 268 с.
- Давыдова 2015 – Давыдова А. Первый выпуск учителей татарского языка в Мордовском пединституте // *Юлдаш. Общественно-политическая газета татар Республики Мордовия*,. 2015. № 26. 8 июля 2015. С. 1.
- Душа мордовская 2010 – Душа мордовская, язык татарский // *Известия Мордовии. Периодическое издание*. 18 февраля 2010. С. 3.
- Кошина 2007 – Кошина О.В. Этноконфессиональная ситуация на территории Мордовии и ее влияние на развитие образования во второй половине XIX – начале XX в. // *Социально-демо-*

- графические проблемы Поволжья в этническом измерении: сб. ст.* Саранск, 2007. С. 224–227.
- Мартыненко, Шилов 2008 – Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Республика Мордовия. Национально-культурная автономия татар: потенциал, проблемы, перспективы // *Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН*. 2008. № 138. С. 19–22.
- Мухамедова 1985 – Мухамедова Р. Г. Татары // *Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки*. М.: Наука, 1985. С. 200–236.
- Никитина 2016 – Никитина Т. Представители Татарстана благодарны руководству Мордовии за сохранение татарских школ // *Известия Мордовии. Периодическое издание*. 29 ноября 2016. С. 6.
- Осовский 2001 – Осовский Е.Г. (под ред.) *Очерки истории образования и педагогической мысли в Мордовском крае (середина XVI – – начало XX в.)*. Саранск, 2001. 178 с.
- Парамонова 2014 – Парамонова И.В. (под ред) *Мордовия: статистический ежегодник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия*. Саранск, 2014. 463 с.
- Татары Мордовии 2018 – Татары Мордовии не теряют связи с истоками своих национальных традиций! // *Столица С. Периодическое издание*. 11 декабря 2018. Интернет-версия газеты/Доступ: <https://stolica-s.su/news/society/170607> (дата обращения 03.04.2019).
- Тишков 2005 – Тишков В.А. *Этнология и политика*. М.: Наука, 2005. 240 с.
- Тишков, Шабаетов – Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. *Этнополитология. Политические функции этничности*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 413 с.
- Юсупов 2009 – Юсупов Р.Р. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х – – 1930-е гг.: Диссертация кандидата канд. ист. наук. Саранск, 2009. 224 с.

References

- Abylazov, K.A. 2012. Istoricheskaya sudba tatar [The historical fate of the Tatars. Vol. II]. In *Etnicheskaya mobilizatsiya i vrozhdeniye natsionalnoy gosudarstvennosti* [Ethnic mobilization and the revival of national statehood]. Vol. II. Saratov, 2012.
- Avtaykin, I.A. 2004. *Problemi natsionalnogo obrazovaniya v Respublike Mordoviya* [Problems of national education in the Republic of Mordovia]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya* 11: 47–48.
- Butilov, N.V. 1999. *K probleme mordovsko-turkskih yazikovih kontaktov. Istoricheskiye i politicheskkiye nauki v kontekste spvremennoy kulturnoy traditsii: sbornik statey* [To the problem of Mordovian-Turkic language contacts. Historical and political sciences in the context of modern cultural tradition: collection of articles]. Saransk.
- Davidova, A. 2015. Perviy vipusk uchiteley tatarskogo yazika v Mordovskom ped'institute [The first graduation of Tatar language teachers in the Mordovian Pedagogical Institute]. *Yuldash*. 8 of July 2015.
- Dusha mordovskaya, yazik tatarskiy [Mordovian Soul, Tatar Language]. *Izvestiya Mordoviya*. 18 fevralya 2010.
- Gabdrakhmanova, G.F., and L.V. Sagitova (eds). 2015. *Gosudarstvenniye yaziki Respubliki Tatarstan: mnojestvennost izmereniy* [State languages of the Republic of Tatarstan: the multiplicity of measurements]. Kazan.
- Koshina, O.V. 2007. *Etnokonfessionalnaya situatziya na territoriyi Mordoviya i eyo vliyaniye na razvitiye obrazovaniya vo vtoroy polovine XIX – – nachale XX veka. Sotzialno-demograficheskkiye problemi Povoljya v etnicheskom izmereniyi: sbornik statey* [Ethno-confessional situation on the territory of Mordovia and its influence on the development of education in the second half of the XIX – early XX centuries. Socio-demographic problems of the Volga region in the ethnic dimension: collection of articles], 224–227. Saransk.
- Martynenko, A.V., and N.V. Shilov. 2008. N.V. Respublika Mordoviya. Natsionalno-kulturnaya avtonomiya tatar: potentsial, problemi, perspektivi. *Etnokonfessionalnaya situatziya v Privoljskom federalnom okruge. Bulletin Seti etnologicheskogo monitoring ii ranнего preduprejdeniya konf-*

- liktov Instituta etnologii ii antropologii Rossiyskoy Akademii nauk [The Republic of Mordovia. National-cultural autonomy of Tatars: potential, problems, prospects]. In *Etnokonfessionalnaya situatsiya v Privoljskom federalnom okruge. Bulletin Seti etnologicheskogo monitoring ii rannego preduprezhdeniya konfliktov Instituta etnologii ii antropologii Rossiyskoy Akademii nauk* 138: 19–22.
- Muhamedova, R.G. 1985. *Tatari. Narodi Povoljya i Priuralya. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Tatars. Nations of Volga Region and Ural. Historical and ethnographic essays], 200–236. Moscow.
- Nikitina, T. 2016. Predstaviteli Tatarstana blagodarni rukovodstvu Mordoviyi za sohraneniye tatarskih shkol [Representatives of Tatarstan are grateful to the leadership of Mordovia for the preservation of Tatar schools], 6. *Izvestiya Mordoviyi. Newspaper*. 2016. 29 of November.
- Osovsky, E.G. (ed.). 2001. *Ocherki istoriyi obrazovaniya i pedagogicheskoy misli v Mordovskom kraje (seredina XVI – nachalo XX veka)*. [Essays on the history of education and pedagogical thought in Mordovia (mid XVI – early XX century)]. Saransk.
- Paramonova, I.V. 2014. *Mordovia: statisticheskiy ejegodnik Territorialnogo organa Federalnoy sluzbi gosudarstvennoy statistiki po Respublike Mordovia* [Mordovia: Statistical Yearbook of the Territorial Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Mordovia]. Saransk.
- Tatari Mordoviyi ne teryayut svyazi s istokami svoih natsionalnih traditsiy!* Stolitsa S. [Tatars of Mordovia do not lose touch with the origins of their national traditions! The Capital S. Newspaper]. 11 December 2018. <https://stolica-s.ru/news/society/170607>.
- Tishkov, V.A. 2005. *Etnologiya i politika* [Ethnology and politics]. Moscow.
- Tishkov, V.A., and Y.P. Shabayev. 2013. Y.P. *Etnopolitologiya. Politicheskiye funktsiyi etnichnosti* [Ethnopolitology. Political functions of ethnicity]. Moscow.
- Yusupov, R.R. 2009. *Sotsialno-ekonomicheskoe i sotziokulturnoye tatar-misharey v period modernizatsiyi v kontze 1920–1930-e gody* [Socio-economic and socio-cultural development of the Tatar-Mishars of Mordovia during the Soviet modernization in the late 1920s – 1930s]. *Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk*. Saransk.

Alexander V. Martynenko. Tatar Language Teaching in the Republic of Mordovia: Potential, Problems, Perspectives.

The article analyses the development of the Tatar national school, including Tatar language teaching, in Soviet and Post-Soviet Mordovia. In the introductory part of the article it is explained that in the Middle Ages and the subsequent Imperial period of national history, the formation of Tatars (including on the territory of modern Mordovia) was mainly confessional, Muslim. This education was concentrated in schools of two levels - mektebah and madrasah, and was based on the Hanafi Math'hab (law school) of Sunni Islam. Further, it is concluded that in the first decades of the Soviet period the new, secular, system of national education of the Tatars developed, replacing the traditional religious (Muslim) school. The article provides an overview of formation of the Tatar national school in the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic and its preservation in the Republic of Mordovia. The Soviet school system of education provided a fairly rapid increase in the literacy of the Tatars of Mordovia already in the late 1920s – 1930s, within the framework of the national school as well. As for the modern period, the special role of teaching Tatar is emphasized not only by the state authorities of the Republic of Mordovia, but also by the Regional National Cultural Autonomy of the Tatars “Yaktashlar” and by representatives of the state and public structures of Tatarstan. The article concludes that the system of Tatar national schools in Mordovia that developed during the Soviet period has adapted to new sociocultural and ethno-political Post-Soviet realities, and Tatar language teaching has not only been preserved there in the 1990s – 2010s, but continues to function effectively and to develop.

Keywords: Republic of Mordovia, Tatars, Tatar language, ethno-cultural education.

© Е.А. Омельченко

ТЕХНОЛОГИИ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ В ШКОЛЕ

В связи с интенсификацией миграционных процессов в современном мире и вовлеченностью в них Российской Федерации все более актуальной становится проблематика адаптации и интеграции иноэтничных мигрантов в российское общество. В мире около 36 миллионов детей школьного возраста растут в семьях международных мигрантов, и их число продолжает увеличиваться. Образование этих детей – важный долгосрочный стратегический приоритет и инвестиция в будущее всего мира.

В Российской Федерации проблема адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов также становится все более актуальной, особенно в сфере образования. Для приобщения иноэтничных и иноязычных детей-мигрантов к российскому историко-культурному наследию, изучения ими русского языка и освоения норм взаимодействия в российском обществе оптимально использовать ресурс системы образования. В статье, на основе российского и зарубежного опыта, описываются некоторые технологии языковой и социокультурной адаптации детей из семей мигрантов. Анализируется возможность использования мирового опыта и практик, разработанных в регионах РФ.

Ключевые слова: *иноэтничные мигранты, интеграция мигрантов, языковая и социокультурная адаптация, дети из семей мигрантов, межэтнические отношения, политика в сфере образования.*

Интенсивные миграционные процессы, происходящие в мире в течение последних тридцати–сорока лет, оказывают значительное влияние на системы образования во всем мире. Растет доля учащихся, не владеющих языком страны пребывания и слабо знающих ее культуру. Это часто приводит к ухудшению качества предоставляемых населению образовательных услуг и побуждает образовательные системы разных стран к внесению изменений в содержание образования, внедрению различных адаптационных и интеграционных программ. Такие программы должны быть нацелены не только на включение ребенка в новое для него языковое и культурное пространство, образовательную среду, но и на формирование у всего коллектива учащихся уважения к этническому и культурному многообразию.

Проблема доступа детей из семей иммигрантов к сфере образования была решена не сразу, но на протяжении последней трети двадцатого столетия иноязычные дети все

Омельченко Елена Александровна – кандидат исторических наук, и.о. декана факультета регионоведения и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, проспект Вернадского, дом 88). Эл. почта: ea.omelchenko@mpgu.su, etno1@dol.ru. **Omelchenko Elena A.** – Moscow State Pedagogical University (Moscow, Vernadskogo Avenue, Building 88). E-mail: ea.omelchenko@mpgu.su.

больше включались в образовательную среду местного сообщества. С 70–80-х годов XX столетия миграционные процессы оказывали все возрастающее влияние на реализуемые образовательными организациями учебные планы и программы. Особенно заметным это влияние стало уже в XXI веке – в связи с интенсификацией миграции иноэтничного населения и все большим социальным расслоением между иммигрантами и принимающих их населением, наблюдающимся во многих европейских странах.

В России пока не разработан единый подход к решению вопросов интеграции иноэтничных мигрантов средствами образования. Но во многих регионах страны и практически во всех больших городах школы вынуждены самостоятельно реализовывать адаптационные и интеграционные модели, когда число детей из семей иноэтничных мигрантов в классах становится значительным. Важно отметить, что ситуация в российских образовательных учреждениях отличается от европейской: для нашей страны многоязычие и поликультурность в школе – явление не новое. Во многих субъектах РФ работают школы с преподаванием на национальных языках народов РФ; создано значительное число пособий для учащихся с неродным русским языком; в институтах развития образования работают курсы повышения квалификации для учителей русского языка как неродного.

Однако, нельзя не отметить, что нынешняя ситуация в сфере адаптации иноязычных мигрантов не всегда позволяет использовать опыт, накопленный предыдущими десятилетиями и даже столетиями развития так называемых «национальных» школ, или школ с этнокультурным компонентом образования. Следует учитывать, что для большинства учеников «национальных» школ родным являлся тот или иной, но общий язык, и опытный учитель имел возможность строить обучение своего класса русскому языку, опираясь на элементы сравнительного анализа и используя свое знание языка, родного для детей и часто для него же самого. Эти же принципы, насколько известно автору настоящей статьи, используются и сейчас при разработке различных пособий для детей с неродным русским языком. Ситуация же в современных многонациональных классах, особенно в столице и других больших городах, принципиально иная: за партами могут сидеть представители пяти – десяти национальностей, говорящие на языках разных языковых групп и семей. Попробуем разобраться, какие технологии и подходы в этом случае применимы, и каков опыт их использования в России и за рубежом.

Иммиграция в Россию как источник конфликтогенности

В первые годы после распада Советского Союза близость образа жизни и социализация в условиях единой советской культуры способствовали быстрой адаптации иммигрантов, приехавших в Россию из стран СНГ, хотя в некоторых случаях и не без конфликтных ситуаций. Например, далеко не все общины молокан и духоборов, иммигрировавших из Закавказья, смогли быстро адаптироваться на новых местах жительства в центральных областях России, и причиной этого, несмотря на языковую и культурную близость, было определенное сопротивление и неприятие их местным населением.

Но постепенно в сопредельных России государствах – основных поставщиках рабочей силы для российского рынка труда – в связи с уменьшением роли русского языка снижалось и качество образования на русском языке. В школьном образовании сосед-

них республик сокращалось количество часов, отведенных на изучение русского языка, проявлялась нехватка должного методического сопровождения, современных учебных пособий и возможностей для повышения квалификации педагогов-русистов и учителей, преподающих другие предметы на русском языке. Результатом стало появление среди иммигрантов все большего числа молодых людей из бывших советских республик, которые знали русский язык значительно хуже, чем предыдущее поколение. Немаловажную роль играл в 1990-е и 2000-е годы и фактор непопулярности русского языка в политических системах государств, приобретших независимость. Несмотря на наметившиеся в последние пять лет положительные тенденции возвращения влияния русского языка в Центральной Азии, в целом, во многих государствах постсоветского пространства сохраняется противоречие между уровнем владения русским языком и возможностью получать образование на русском языке (*Арефьев* 2015: 80–85).

Низкий уровень владения русским языком, наряду с принадлежностью многих иммигрантов к так называемым «видимым меньшинствам», стало раздражающим фактором для части российского общества и спровоцировало определенный рост ксенофобных настроений (*Мукомель* 2013: 694). Также стало очевидным, что с каждым годом растет доля тех мигрантов, которые приезжают в Россию не из города, а из сельской местности или же из небольших городов, уклад жизни которых не сильно отличается от деревенского. Социальная и культурная дистанция между вновь прибывающими мигрантами и принимающим их населением в Москве и других крупных городах России увеличивается, что делает актуальной задачу не только языковой, но и социокультурной адаптации мигрантов для содействия их мягкой интеграции в российское общество.

Наблюдения за историей взаимоотношений мигрантов и принимающего населения в различных странах убеждают в неизбежности роста конфликтного потенциала при увеличении численности иммигрантов. Но в основе групповых конфликтов лежат скорее комплексные, социально-экономические и политические причины, а не чисто культурные или этнические.

Незаслуженно недооцененным в анализе конфликтогенности миграционных процессов является фактор фрустрации, который с большой вероятностью срабатывает в определенных ситуациях в любых полиэтничных обществах. По мнению В.В. Карлова, явление фрустрации достаточно полно исследовано и в психологии личности, и в социальной психологии, однако и в области этнической психологии как науки, и тем более в конкретных ситуациях жизни страны, сопровождаемых возникновением межэтнической напряженности и требующих практического административно-государственного вмешательства, этому феномену крайне редко уделяется должное внимание. «Многонациональная страна, – пишет он, – всегда, особенно же в периоды перемен и социальной нестабильности, подвержена риску спуска механизма фрустрации в самые неожиданные и неподходящие моменты» (*Карлов* 2017: 10). Очевидно, что в условиях современной миграционной ситуации взаимодействие российского населения с плохо говорящим по-русски, не всегда включенным в российское социокультурное пространство мигрантским населением создает массу возможностей для включения упомянутого механизма фрустрации.

Адаптация и интеграция иноэтничных мигрантов в школе: можно ли использовать зарубежный опыт?

Право на получение образования детьми вне зависимости от их происхождения закреплено в Конвенции ООН о правах ребенка и ряде других международных нормативных документов. Это право распространяется и на детей из семей мигрантов, вне зависимости от правового статуса их родителей. Данные докладов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по ситуации в таких странах, как Австрия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия и другие, свидетельствуют о стабильном приросте доли детей иностранного происхождения среди учащихся общеобразовательных школ (OECD Thematic Review 2009). Российская Федерация по динамике подобных процессов пока отстает от европейских государств, но и для нашей страны характерна тенденция увеличения доли учащихся-иностранцев в общеобразовательных школах, обусловленная, в том числе, сравнительно высоким темпом воспроизводства «иммигрантского» населения – особенно для крупных российских городов. Так, по данным на 5 апреля 2016 года на территории Российской Федерации находилось более миллиона иностранных граждан в возрасте до 17 лет. Если при этом проанализировать статистику по целям их пребывания в РФ и не учитывать тех, кто находится в России транзитом или в туристической поездке, а также малышей в возрасте до трех лет, останется, по разным данным, от 600 до 800 тысяч юных иностранных граждан – потенциальных учащихся российских школ и воспитанников детских садов. К сожалению, более поздние данные для анализа в разрезе «возраст – страна – цели пребывания» в открытых источниках на территории РФ пока недоступны.

Определение интеграции, сформулированное С. Бокнером, дает понимание того, что обе контактирующие группы сохраняют свою культурную идентичность при объединении в единое сообщество на новом значимом основании (Сухов 2008: 83). М.Ю. Мартынова приводит следующее определение интеграции: «процесс, в котором многообразие элементов культуры комбинируется в единство, удерживая базовую идентичность» (Мартынова 1998). Таким образом, можно утверждать, что в процессе интеграции происходит объединение двух категорий населения в некую новую социально-культурную среду, при этом ни одна из сторон этого взаимодействия не лишается ключевых параметров исходных социально-культурных идентичностей, а доминирующей должна оказаться культурная составляющая принимающего общества.

В странах Европы накоплен значительный опыт реализации адаптационных и интеграционных программ. Однако, по мнению автора данной статьи, полностью успешной нельзя назвать ни одну интеграционную программу из тех, что реализовывались в Европе в 80-90-е годы XX века. Ряд исследований показывает, что дети из семей иммигрантов по уровню образования, шансам на получение работы и степени участия в политической жизни часто отстают от своих сверстников, рожденных в конкретной стране: для них характерна более низкая успеваемость, чаще встречаются девиантное поведение и высокий процент отсева из учреждений образования (Ломакина 2015: 123). В среднем число безработных из иммигрантской среды в странах Европы и Северной Америки на 2–9% превышает число безработных – коренных жителей (Ломакина 2015: 21). А по исследованиям экономистов, в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития каждый четвертый учащийся, относящийся ко второму поколению иммигрантов, не обладает базовыми навыками в области математики и чтения (*The Migration Policy Puzzle* 2009: 15–20).

С середины 90-х годов XX века среди управленцев в сфере образования стало звучать все чаще мнение о необходимости воспитания общих ценностей, идентичности, гражданства, введении программ «ассимиляции» иммигрантов – как альтернативы мультикультурным практикам. Этот период получил условное название «пост-мультикультурного» (Kymlicka 2012). Во многих странах были актуализированы концепции «гражданского образования» (Великобритания, Дания и др.), «социального сплочения» (Великобритания, Франция, Дания и др.), «солидарности» (Франция), «инклюзивного образования» (Франция, Венгрия и др.), которые подчеркивали необходимость консолидации общества на базе общих ценностей, языка, идентичности (Ломакина 2015: 123).

Задача интеграции детей из семей иноэтничных мигрантов в последние годы все больше связывается с общими проблемами социальной инклюзии средствами образования. Так, принятая Европейским Союзом программа «Образование и подготовка 2010» (*Education and Preparation 2010*) включила проблему образования иммигрантов в рамки трех задач: сокращения отсева из школ; грамотности в область чтения и письма; увеличения числа выпускников с общим средним образованием (Ломакина 2015: 123). Одно из центральных мест в этой программе заняла проблема формирования ключевых компетенций. Были определены восемь ключевых компетенций, необходимых каждому человеку в обществе знаний. Четыре из этих восьми компетенций имеют непосредственное отношение к обучению детей иммигрантов и межкультурному образованию. Это, во-первых, общение на родном языке; во-вторых, общение на иностранных языках; в-третьих, межличностные, межкультурные, социальные компетенции и гражданская компетенция; в-четвертых, понимание культуры (Kymlicka 2012). Основными направлениями работы в сфере интеграции детей из семей иммигрантов были определены:

- Интеграция детей из семей иммигрантов в дошкольное образование для улучшения знания языка и перспектив дальнейшего обучения.
- Реализация инициатив в области предотвращения отсева из школ и решения проблемы неблагоприятной социальной среды.
- Реализация внеурочных мероприятий, создание «местных партнерств», привлечение родителей, улучшение условий для работы педагогов и обучения учащихся.

Российские практики в сфере адаптации и интеграции иноэтничных мигрантов средствами образования

Исследования, предпринятые автором настоящей статьи в России в течение 2005–2016 годов, показывают, что педагоги и руководители образовательных организаций стабильно отмечают снижение уровня владения русским языком у учащихся из семей международных мигрантов (Омельченко 2014, Омельченко 2015). Более того, в течение последних пяти лет фиксируется в значительном числе случаев и ухудшение уровня владения русским языком у детей – выходцев из национальных республик, приезжающих в Москву и другие крупные города европейской части нашей страны. Низкий уровень владения русским языком особенно характерен для ребят из среднеазиатского региона, которые часто лишены возможности изучения русского языка в своих родных странах.

В российской практике решение проблемы интеграции и, в частности, языковой адаптации детей перекладывается, в основном, на социальный институт – сферу образования, а также на внесемейное социальное окружение. При этом данные опросов показывают, что преобладающая среда общения на русском языке подростков – мигрантов «полуторного поколения» – это школа, а в свободное от школы время общение на русском и родном языках распространено примерно в равной степени (Воропаева, Кузнецов 2015: 79). Фактически это означает, что школа является единственной реальной средой языковой адаптации детей из семей мигрантов.

В образовательных организациях разных регионов Российской Федерации с начала 2000-х годов происходило постепенное внедрение и отбор лучших практик языковой и социально-культурной адаптации иноязычных и иноэтничных обучающихся. Главной задачей конца XX и первого десятилетия XXI веков стала адаптация для дошкольного, начального и среднего образования методики преподавания русского языка как иностранного, которая ранее применялась, в основном, для языковой адаптации взрослых, прежде всего будущих студентов. В этом направлении достаточно успешно работали ученые и педагоги из Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана, Томской области, Ханты-Мансийского автономного округа и др. (Каленкова, Феоктистова 2009; Какорина и др. 2014; Синёва 2012; Шорина 2013; Лысакова, Железнякова, Пашукевич 2014; Бочарова и др. 2014; Обучение русскому 2012; Русский язык и литературное чтение 2013). Отработка технологий обучения русскому языку детей из семей мигрантов продолжается, особое внимание на данном этапе уделяется созданию методик диагностики уровня владения русским языком.

При оценке уровня языковой адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов и дальнейшей учебной работы с ними важно учитывать, что в большинстве домохозяйств мигрантов родной язык является доминирующим или используется наравне с русским языком (Макаров 2010: 97). Опросы показывают, что доля русского языка в домашнем использовании составляет всего 19% при преимущественном использовании родного языка (Воропаева, Кузнецов 2015: 79). Но, как правило, мотивация на изучение русского языка у детей из семей иноэтничных мигрантов довольно велика, особенно если говорить о младшем и среднем возрасте. Например, по результатам исследования А.Я. Макарова, более 80% детей, в семьях которых русский не является основным языком общения, подчеркивали важность его изучения (Макаров 2010: 99). С другой стороны, данные некоторых опросов показывают, что после 10 лет обучения русский язык считают родным только 11% учащихся, и еще 4% указали, что для них оба языка (русский и язык страны происхождения) являются родными (Воропаева, Кузнецов 2015: 78).

Освоение языка страны проживания – необходимое условие успешной интеграции в принимающее общество, но при этом очень важно, чтобы иммигрант сохранил и знание родного языка как «ключа» к родной культуре. Ведь язык – не только отражение реального мира, окружающего человека; он определяет в той или иной мере общественное самосознание народа, его менталитет, характер восприятия действительности (Донцов, Перельгина, Караваева 2014: 8). К сожалению, в реальности в очень малом числе образовательных организаций такая возможность детям из семей иноэтничных мигрантов пока предоставлена, даже в рамках системы дополнительного образования.

Существует несколько организационных моделей обучения русскому языку в образовательных учреждениях детей из семей иноэтничных мигрантов. Первый –

интенсивное обучение языку в течение года в отдельной группе, но в том же образовательном учреждении. Второй – сочетание занятий в обычном классе с дополнительными занятиями по русскому языку и возможностью организации обучения по индивидуальному плану и с использованием специализированных учебных пособий на обычных уроках. Третий – полное погружение иноязычных детей в новую языковую и культурную среду, посещение ими всех уроков наряду с обычными учащимися и возможность получения периодических консультаций. Выбор модели языковой адаптации зависит не только от уровня владения языком, но также и от возраста детей и их доли в классе. По мнению автора настоящей статьи, третий вариант возможен только в начальной школе, когда таких детей в классе один–два человека, при условии, что учитель обладает соответствующей квалификацией, включая методику обучения русскому языку как иностранному. Второй вариант подходит и для средней, и для начальной школы, когда детей-инофонов в классе не более трёх–четырёх человек. Если же число детей, слабо владеющих русским языком, превышает пять человек, оптимальным является первый вариант.

Автор настоящей статьи полагает, что для успешной языковой адаптации иноязычных и иноэтничных учеников необходимо как можно более раннее включение их в государственную систему образования. Оказываясь в русскоязычной среде, дети дошкольного возраста быстрее осваивают русскую речь и принятые в России нормы общения и поведения. Если же первичная социализация таких детей происходит в первом классе школы, ребенку бывает очень сложно одновременно осваивать русский язык и справляться с другими школьными предметами. Это часто становится причиной плохой успеваемости и приводит к возникновению психологических проблем и комплексов. Тем более сложно детям из семей мигрантов проявить успехи в учебе, если в российской школе они оказываются уже на средней ступени обучения.

Важно предоставлять помощь детям из семей иммигрантов в освоении предметной терминологии – особенно актуально это для средней и старшей школы. Часто ученика, слабо владеющего русским языком, преподаватели зачисляют в отстающие, поскольку он не может решить задачу или провести элементарную лабораторную работу. При этом ребенок может неплохо разбираться в сути того или иного предмета, но всего лишь не понять условия, да и то из-за незнания одного-двух терминов или понятий. Поэтому в целях успешной языковой адаптации крайне важно проводить специальные занятия по усвоению терминологии предметов школьного цикла.

Что касается особенностей языковой адаптации детей из разных регионов, педагоги, имеющие отношение к преподаванию русского языка как иностранного, отмечают, например, повышенную сложность постановки правильного произношения у детей из Юго-Восточной Азии и Китая; трудности, которые испытывают с освоением родов и падежных форм существительных ираноязычные и тюркоязычные ребята из Средней Азии (в таджикском, узбекском, киргизском языках, например, категория рода вообще отсутствует); сложности со склонением имен прилагательных, притяжательных местоимений и порядковых числительных при обучении детей из Закавказья и т.п.

Важное условие адаптации – организация дополнительных занятий по русскому языку для детей, слабо им владеющих, особенно на среднем уровне обучения, и обязательное применение на этих занятиях методики преподавания русского языка как иностранного. Овладение этой методикой важно, в условиях современной со-

циокультурной среды, не только для преподавателей русского языка и литературы, но и для педагогов-предметников. Такой подход позволяет не только полноценно адаптировать детей-инофонов, но и повысить общие результаты класса – ведь чем однороднее коллектив обучающихся по уровню своих возможностей восприятия учебной информации, тем проще педагогу давать материал.

Обращение к зарубежному опыту, в частности опыту США, позволяет также апробировать в России такие методы содействия языковой адаптации, как организация работы в парах нового ученика из семьи международных мигрантов с другим учащимся, который говорит на родном языке нового ученика. Таким образом, педагог получит помощь в объяснениях, переводе непонятных терминов, текущей помощи новому ученику. Тексты российских учебников зачастую сложны по терминологии не только для инофонов, но и для носителей языка (Уша 2014: 28).

Главным при любой организации действий по языковой адаптации обучающихся из семей мигрантов, безусловно, является коммуникативный подход. Русская речь должна стать для ребенка-инофона средством общения и решения возникающих проблем, освоения навыков этикета. Важно, чтобы такой ребенок освоил интонационные средства русского языка для выражения эмоциональных состояний, переживаний, оценки поведения. Низкий уровень владения интонационным арсеналом русского языка сейчас, к сожалению, характерен для большинства школьников и даже взрослых, поэтому крайне важно, чтобы на дополнительных занятиях по русскому языку с детьми из семей мигрантов этой теме уделялось повышенное внимание.

Даже если ребенок хорошо владеет русским языком, при обучении в российских школах и колледжах он может встретиться с определенными трудностями, связанными именно с низкой степенью культурной адаптации. Чтобы преодолеть эти трудности, педагоги, работающие с этими детьми, должны владеть приемами и методами межкультурного образования. Для этого необходимо повышать квалификацию учителей, знакомить их с особенностями быта и традиций разных стран и народов, чтобы в нужный момент они бы смогли проявить педагогическое мастерство.

Для решения этой задачи ценным может оказаться опыт, представленный педагогами нескольких столичных колледжей. На практике сложилось, что педагогу в его работе в классах с большой долей учащихся из семей международных мигрантов, если при этом состав класса более-менее однородный с точки зрения этнокультурной принадлежности, помогают тьюторы, роль которых берут на себя другие студенты, как правило, того же потока и/или той же группы. С точки зрения совершенствования русского языка такое взаимодействие не очень продуктивно – желательно, чтобы с детьми-инофонами все же работали специально подготовленные педагоги, пусть и в режиме тьюторства или консультаций. А вот с точки зрения освоения культурных и социальных норм, элементарных знаний о социальной и культурной жизни России подобное «шефство» может оказаться очень продуктивным – именно потому, что общение будет происходить на родном языке, и понимание будет обеспечено. В общеобразовательных школах обязанность такого «шефства» могли бы возлагать на себя старшеклассники, старшие по возрасту, что в полной мере соответствует укладу патриархальных культур и могло бы способствовать быстрому включению вновь прибывшего ребенка в социокультурное пространство России. Конечно же, при условии, что сам «шеф» владеет достаточным багажом знаний на этом направлении, в чем ему должны оказать помощь педагоги.

Скорейшей культурной адаптации детей младшего возраста можно и нужно содействовать через игровую терапию – путем проведения различных русских подвижных игр. По мнению психологов, народная подвижная игра обладает уникальным свойством, многократно воздействуя на телесность, включать ребенка в культурно-предметную среду с помощью невербальных текстов – поведенческих моделей, носителей традиции конкретного народа (Конькина 2013: 13). Проигрывая что-то, ребенок проживает процесс как событие, которое происходило с ним самим. Ценным для любого ребенка из семьи мигрантов приобретением являются навыки взаимодействия, умение следовать определенным правилам и т.п.

Много критических замечаний и недовольства среди работников российской системы образования вызывает необходимость направления государственных средств на обучение детей из семей международных мигрантов в российских школах. Но автору настоящей статьи очевидно: Россия не нуждается в молодых людях, не говорящих по-русски, не владеющих культурными нормами и плохо адаптированных к новой социокультурной среде. Поэтому правильнее будет дать детям – по сути являющимся невольными мигрантами – возможность получить среднее образование, нежели заставлять позже, уже во взрослом состоянии, с нуля приобретать минимум знаний по русскому языку, истории и законодательству, чтобы сдать комплексный интеграционный экзамен и получить патент на право занятия трудовой деятельности. Важно учитывать, что именно на период школьного обучения приходится выбор мигрантами наиболее привлекательной для них стратегии интеграции в российское общество, и именно в этот период наиболее успешно реализуется возможность социальной и культурно-языковой адаптации (Выхованец, Прохорова, Савинкова 2015: 27).

Многие специалисты, работающие в образовательной сфере, признают, что в условиях применения нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», когда образовательная организация получила большую самостоятельность и более широкие полномочия, в том числе по выбору (в рамках государственного образовательного стандарта) конкретной образовательной программы, современной школе крайне необходима разработка методов социальной ориентации, своеобразные инструменты навигации для повышения конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Грамотная реализация программ языковой и социокультурной адаптации детей из семей международных мигрантов и этнических меньшинств может стать весомым преимуществом конкретного образовательного учреждения, фактором устойчивого развития, привлекающим большее число учащихся и, соответственно, дающим большие финансовые возможности. А для российского государства в целом реализация программ интеграции иноэтничных мигрантов средствами образования может стать одним из эффективных средств профилактики развития межэтнической напряженности в будущем.

Литература

- Арефьев 2015 – Арефьев А.Л. Русский язык в системах образования стран мира / *Грани российского образования*. М.: Центр социологических исследований, 2015.
- Бочарова и др. 2014 – Бочарова Н.А., Розова О.Г., Уша Т.Ю., Матвеева Т.Н., Филимонова Т.А., Рашидова Д.Т., Миловинова О.В., Лысакова И.П. *Русский букварь для мигрантов*. Учебное пособие. СПб.: Кнорус, 2014.
- Воропаева, Кузнецов 2015 – Воропаева А.В., Кузнецов И.М. Особенности адаптации детей мигрантов в российской действительности // *Социология образования*, 2015. № 2. С. 74–83.

- Выхованец, Прохорова, Савинкова 2015 – Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К. и др. *Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России*. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2015.
- Донцов, Перельгина, Караваева 2014 – Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Караваева Л.П. Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция // *Национальный психологический журнал*, 2014. № 2 (14). С. 3–10.
- Какорина и др. 2014 – Какорина Е.В., Костылева Л.В., Савченко Т.В., Синева О.В., Шорина Т.А. *Русский язык: от ступени к ступени*. Учебно-методический комплект в шести книгах. М.: Этносфера, 2014.
- Каленкова, Феоктистова 2009 – Каленкова О.Н., Феоктистова Т.Л. *Методические материалы для тестирования детей-инофонов по русскому языку*. М.: Этносфера, 2009.
- Карлов 2017 – Карлов В.В. Фактор фрустрации в истории межэтнических конфликтов в России от начала XX века до наших дней // *Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития* / под ред. А.Ю. Полунова. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017.
- Конькина 2013 – Конькина Е.В. *Воспитание культуры здоровья в традициях народной педагогики*. М.: 2013. 153 с.
- Русский язык 2013 – *Русский язык и литературное чтение*. Учебно-методический комплект. Предметная линия для детей мигрантов и переселенцев (1–4 классы). СПб.: Просвещение, 2013.
- Ломакина 2015 – Ломакина И.С. Проблемы мультикультурализма в сфере образования ЕС // *Педагогика*, 2015. № 2. С. 118–126.
- Лысакова, Железнякова, Пашукевич 2014 – Лысакова И.П., Железнякова Е.А., Пашукевич Е.С. *Азбука вежливости для мигрантов*. СПб.: 2014.
- Макаров 2010 – Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // *Социологические исследования*, 2010. № 8. С. 94–101.
- Мартынова 1998 – Мартынова М.Ю. *Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств* / Этнические проблемы и политика государств Европы. М., ИЭА РАН, 1998. С. 8–39.
- Мукомель 2013 – Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов // *Миграция в России 2000 – 2012. Хрестоматия* / под ред. И.С. Иванова. В 3-х т. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 2.
- Горских 2012 – *Обучение русскому языку детей мигрантов*. Статьи и методические материалы / под ред. Т.В. Горских. Томск: 2012.
- Омельченко 2015 – Омельченко Е.А. Адаптация детей мигрантов в образовательном учреждении: как помочь директорам и педагогам в решении проблемы? // *Этнодиалоги*, 2015. № 1 (48). С. 108–120.
- Омельченко 2014 – Омельченко Е.А. Социологические подходы к исследованию проблемы интеграции детей мигрантов в образовательной среде // *Социология образования*, 2014. № 7. С. 116–130.
- Синёва 2012 – Синёва О.В. *Русский язык: от ступени к ступени. Произношение, чтение, письмо*. М.: Этносфера, 2012.
- Сухов 2008 – Сухов А.Н. *Миграция в Европе и ее последствия*. Учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 216 с.
- Уша 2014 – Уша Т.Ю. Опыт языковой адаптации инофонов как отражение миграционной политики // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2014. № 170. С. 26–34.
- Шорина 2013 – Шорина Т.А. *Говорит Москва: слушайте и запоминайте. Уроки аудирования*. М.: Этносфера, 2013.
- Kymlicka 2012 – Kymlicka W. *Multiculturalism: Success, Failure and the Future*. Washington, DC^ Migration Policy Institute, 2012.
- OECD 2009 – *OECD Thematic Review on Migrant Education*. Country Background Report for

Austria. March, 2009. Доступ: www.oecd.org/education (дата обращения: 12.03.2019 г.).

The Migration Policy 2009 – The Migration Policy Puzzle: Sharing Responsibilities for Managing Immigration and Integration. Athens, 2009.

References

- Arefev, A.L. 2015. Russkii iazyk v sistemakh obrazovaniia stran mira [Russian Language in the Educational Systems in the Countries of the World]. *Grani rossiiskogo obrazovaniia* [Facets of Education in Russia]. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniia.
- Bocharova N.A., O.G. Rozova, T.Yu. Usha, T.M. Matveeva, T.A. Filimonova, D.T. Rashidova, O.V. Milovidova, and I.P. Lysakova. 2014. *Russkii bukvar' dlia migrantov* [Russian ABC-book for Migrants]. Manual. Saint-Petersburg: Knorus.
- Voropaeva A.V., Kuznetsov I.M. 2015. Osobennosti adaptatsii detei migrantov v rossiiskoi deistvitel'nosti. [Peculiarities of Adaptation of Migrants' Children in Russia] // *Sotsiologiya obrazovaniia* 2: 74–83.
- Vykhovanets, O.D., A.V. Prokhorova, and Yu.K. Savinkova. 2015. *Transformatsiia identichnosti trudovykh migrantov kak odna iz sostavliaiushchikh stanovleniia grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Transformation of Labour Migrants' Identity as One of the Components of the Formation of Civil Society in Russia]. Moscow: Fond "Nasledie Evrazii".
- Dontsov, A.I., E.B. Perelygina, and L.P. Karavaeva. 2014. Mezhkul'turnye vzaimodeistviia i sotsial'naia distantsiia. [Intercultural Interaction and Social Distance]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* 2 (14). Pp. 3–10.
- Kakorina, E.V., L.V. Kostyleva, T.V. Savchenko, O.V. Sineva, and T.A. Shorina. 2014. *Russkii iazyk: ot stupeni k stupeni*. [Russian Language: from Step to Step]. Set of manuals in six books. Moscow: Etnosfera.
- Kalenkova, O.N., and T.L. Feoktistova. 2009. *Metodicheskie materialy dlia testirovaniia detei-inofovov po russkomu iazyku* [Methodic Materials for Russian Language Tests for Children – Other Language Speakers]. Moscow: Etnosfera.
- Karlov, V.V. 2017. Faktor frustratsii v istorii mezhetnicheskikh konfliktov v Rossii ot nachala XX veka do nashikh dni [The Factor of Frustration in the History of Interethnic Conflicts in Russia from the Beginning of XX Century till Our Days]. In *Vlast', informatsionnye tekhnologii, massovoe soznanie: osnovnye tendentsii sovremennogo politicheskogo razvitiia* [Power, Information Technologies, Public Conscience: Basic Trends of the Contemporary Political Development], edited by A.Iu. Polunova. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Konkina, E.V. 2013. *Vospitanie kul'tury zdorov'ia v traditsiakh narodnoi pedagogiki* [Bringing-Up the Culture of Health in the Traditions of Folk Pedagogics]. Moscow.
- Russkii iazyk i literaturnoe chtenie* [Russian Language and Literature Reading]. 2013. Set of Methodical Materials. Subject Line for the Children of Immigrants. Saint-Petersburg: Prosveshchenie.
- Lomakina, I.S. 2015. Problemy mul'tikul'turalizma v sfere obrazovaniia ES. [Problems of Multiculturalism in the Sphere of Education of European Council]. *Pedagogika* 2: 118–126.
- Lysakova I.P., Zhelezniakova E.A., Pashukevich E.S. 2014. *Azbuka vezhlivosti dlia migrantov* [ABC-book of Policy for Migrants]. Saint-Petersburg.
- Makarov A.Ia. 2010. Osobennosti etnokul'turnoi adaptatsii detei migrantov v moskovskikh shkolakh. [Peculiarities of Ethno-Cultural Adaptation of Migrants' Children in Moscow Schools]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8: 94–101.
- Martynova, M.Yu. 1998. Politika gosudarstv Evropy v sfere zashchity prav etnicheskikh men'shinstv [Policy of European Countries in the Sphere of Protection of Ethnic Minorities' Rights]. In *Etnicheskie problemy i politika gosudarstv Evropy* [Ethnic Problems and the Policy of European States]. Moscow: IEA RAN. Pp. 8–39.
- Mukomel, V.I. 2013. Adaptatsiia i integratsiia migrantov [Adaptation and Integration of Migrants].

- In *Migratsiia v Rossii 2000–2012* [Migration in Russia 2000–2012]. Anthology, edited by I.S. Ivanova. 3 vols. Moscow: Spetskniga. Vol. 1.
- Obuchenie russkomu iazyku detei migrantov* [Teaching of Russian Language to Migrants' Children]. Articles and Methodic Materials, edited by T.V. Gorskih. Tomsk.
- Omelchenko, E.A. 2015. Adaptatsiia detei migrantov v obrazovatel'nom uchrezhdenii: kak pomoch' direktoram i pedagogam v reshenii problemy? [Adaptation of Migrants' Children at School: How to Help Directors and Teachers In Solving Problems]. *Etnodialogi* 1 (48): 108–120.
- Omelchenko, E.A. 2014. Sotsiologicheskie podkhody k issledovaniuu problemy integratsii detei migrantov v obrazovatel'noi srede [Sociological Approaches to the Research of the Problem of the Integration of Migrants' Children in the Educational Environment]. *Sotsiologiya obrazovaniia* 7: 116–130.
- Sineva, O.V. 2012. *Russkii iazyk: ot stupeni k stupeni. Proiznoshenie, chtenie, pis'mo*. [Russian Language: From Step to Step. Pronunciation, Reading and Writing]. Moscow: Etnosfera.
- Sukhov, A.N. 2008. *Migratsiia v Evrope i ee posledstviia* [Migration in Europe and Its Consequences]. Moscow: Flinta.
- Usha, T.Yu. 2014. Opyt iazykovoï adaptatsii inofonov kak otrazhenie migratsionnoi politiki [Experience of Linguistic Adaptation of Other Language Speakers as a Reflection of Migration Policy]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 170: 26–34.
- Shorina, T.A. 2013. *Govorit Moskva: slushajte i zapominaite. Uroki audirovaniia*. [Moscow is Speaking: Listen and Remember. Lessons of Listening]. Moscow: Etnosfera.
- Kymlicka, W. *Multiculturalism: Success, Failure and the Future*. Washington, DC Migration Policy Institute, 2012.
- OECD Thematic Review on Migrant Education*. Country Background Report for Austria. March, 2009. www.oecd.org/education.
- The Migration Policy Puzzle: Sharing Responsibilities for Managing Immigration and Integration*. Athens, 2009.

Elena A. Omelchenko. Strategies for adaptation of children of foreign migrants at school

Due to the intensification of migration processes in the modern world and the Russian Federation' participation in them the problem of adaptation and integration of ethnic migrants in the Russian society becomes more pressing. Nearly 36 million of school age children grow in the families of international migrants, and this number continues to grow. Education of such children is an important strategic priority and investment into the future of the whole world.

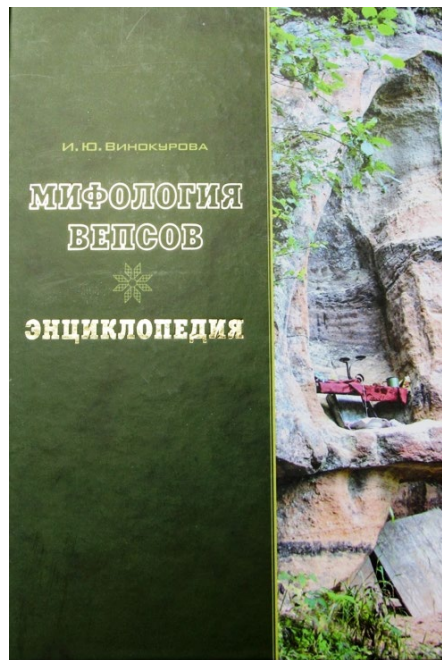
In the Russian Federation the problem of the adaptation of children from migrants' families also becomes more and more relevant, especially in the sphere of education. In order to attract migrant children to Russian historic and cultural heritage, their mastering of rules in Russian society and learning Russian language it is essential to use the resources of educational system. In this article several technologies of linguistic, social and cultural adaptation of migrant families' children, basing on Russian and foreign experience. The author also analyzes the possibility to use best practices of the foreign countries and Russian regions in this field.

Keywords: *ethnic migrants, integration of migrants, linguistic, social and cultural adaptation, children from migrants' families, interethnic relations, policy in the sphere of education.*

РЕЦЕНЗИИ

DOI :10.33876/2311-0546/2019-46-2/208-210
УДК 39+655.552

© А. Конкка

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
ВИНОКУРОВА И.Ю. МИФОЛОГИЯ
ВЕПСОВ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.
ПЕТРОЗАВОДСК:
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРГУ, 2015. 524 с.**

Появление обобщающих научных работ – всегда событие. Не является исключением и выход энциклопедии «Мифология вепсов», автором которой является Ирина Юрьевна Винокурова – признанный знаток духовной культуры вепсского народа. Книга – плод многолетней скрупулезной работы автора, которая началась более 20 лет назад, когда возник международный проект «Энциклопедия уральских мифологий» по изучению традиционного мировоззрения, народной религии и мифологии народов уральской языковой семьи.

Появление обобщающих научных работ – всегда событие. Не является исключением и выход энциклопедии «Мифология вепсов», автором которой является Ирина Юрьевна Винокурова – признанный знаток духовной культуры вепсского народа. Книга – плод многолетней скрупулезной работы автора, которая началась более 20 лет назад, когда возник международный проект «Энциклопедия уральских мифологий» по изучению традиционного мировоззрения, народной религии и мифологии народов уральской языковой семьи.

К числу источников, которые характеризуют этнос и помогают в изучении вопросов этногенеза и этнической истории, а значит, и места в исторической парадигме человечества, относятся мифологические представления того или иного народа, являющиеся основным содержанием мировоззрения. «Мировоззрение, – пишет известный исследователь религии обских угров В. Кулемзин, – не сводимо к какой-нибудь отдельной форме общественного сознания (религии, науке, искусству, морали), оно является суммарным представлением о мире, поэтому включает в себя напластования самых различных эпох. В этом состоит его привлекательность и сложность».

Культуры уральских народов прошли длительный и сложный путь в своем развитии, они принадлежат различным этнокультурным ареалам и представляют спектр традиций от лютеран-финнов и эстонцев до охотников на дикого оленя и шаманистов-нганасан. Несмотря на столь глубокие различия культур и значительные расстояния, отделяющие уральские народы друг от друга, археологи, этнографы, фольклористы и лингвисты вот уже более 150 лет, начиная с М.А. Кастрена, восстанавливают культурно-историческое сходство в языке и традициях данных народов. В области

Конкка Алексей – к.и.н., ст. научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (РФ, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: tatyankarakan@mail.ru. **Konkka Aleksey** – Institute of Language, Literature and History, Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya str., 11). E-mail: tatyankarakan@mail.ru.

исследования религиозных традиций уральских народов подобное обобщение было проделано около века назад в трудах ряда ученых, и, прежде всего, финна Уно Харва. С тех пор уралистика и сравнительное религиоведение проделали большой путь и к началу тысячелетия необходимость нового обобщения, осмысления накопленного и проведения сравнительно-исторического анализа стала очевидной. «Одновременно такое обобщение, – отмечал соредатор серии энциклопедий В. Напольских, – дает хорошую возможность представить результаты академических штудий широкой публике, пробудить интерес к предмету, придать новый импульс развитию науки».

Для руководства столь ответственным проектом была образована международная редколлегия, возглавляемая тремя признанными исследователями мифологии финно-угров: Анной-Лееной Сиикала (Финляндия), Михаем Хоппалом (Венгрия) и Владимиром Напольских (Россия). Как пишет автор рецензируемой работы: «...было понятно, что мифологии различных уральских народов изучены неравномерно и это обстоятельство отразится на сроках издания томов» (с. 8). Тем не менее работа шла, и первый том из серии вышел в свет еще в 90-е годы (Мифология коми. Москва-Сыктывкар, 1999), следом вышли второй (Мифология хантов, 2000) и третий тома (Мифология манси, 2001), также через некоторое время появилась «Мифология селькупов» (2004). Своего рода сводным томом, не исключая работ по отдельным народам, стала вышедшая в 2012 г. книга «Прибалтийско-финская мифология» А.-Л. Сиикала, включившая основные мифологические постулаты саамов, финнов, эстонцев, карел, ижоры, вепсов, води и ливов. И, наконец, сейчас всех интересующихся мифологией финно-угров стоит поздравить с выходом в свет рецензируемой работы по мифологии вепсов, тем более что в связи со слабой разработанностью мифологической тематики и отсутствием специальных работ руководство проекта изначально сомневалось в том, что это возможно. Тем не менее «Мифология вепсов» состоялась и отражает все достигнутое на сегодняшний день в области этой поистине необъятной темы.

Автор распределил материал так, чтобы дать читателю наиболее полную картину мира глазами предков вепсов и жителей Вепсской земли не столь отдаленного прошлого. Широкому читателю стоит лишь найти в книге интересующий его предмет, не утруждая себя поисками разбросанных в разных (в том числе малодоступных) изданиях статей. К тому же в книге проведена систематизация статей иностранных авторов, но главное, что с помощью многолетней полевой работы заполнены значительные лакуны, касающиеся представлений вепсов о мире, насколько это было вообще возможно. Книга хорошо издана, текст читается легко, содержит иллюстративный материал, знакомящий с бытом, утварью, хозяйством и занятиями, традиционным жилищем, одеждой, украшениями и пр., что способствует тому, что у читателей складывается общая картина жизни этого ныне небольшого народа. Помогает этому и характеристика вепсов как этноса и история исследования их культуры, с чего и начинается энциклопедия. Следует заметить, что множество явлений вепсской духовной культуры являются сходными или общими как с соседями карелами, так и с окружающими вепсов русскими. Русские по соседству с Вепсской землей имеют значительный финно-угорский субстрат, а что касается карел, то до сих пор обсуждается вопрос, какова роль вепсов в формировании их южных, издавна соприкасавшихся с вепсами групп, людиков и ливвиков. Эти вопросы так или иначе освещаются во многих статьях книги, представляя существенный корпус материалов, который возможно использовать для разрешения запутанных вопросов прибалтийско-финского этногенеза. Тем не менее,

можно было бы для сравнения с современной территорией расселения вепсов (карта на форзаце) использовать карту Кёппена, дополнив ее сведениями из литературных источников. Кроме того, думается, что рядом с современными (приблизительными) цифрами численности вепсов можно было бы дать оценку количества искомого населения хотя бы на первую половину XX столетия (с. 10).

Энциклопедия снабжена значительным справочным аппаратом: от предметного указателя до сведений о руководителях проекта. Из замечаний следует отметить, что в тексте встречаются отсылки на источники, отсутствующие в списке литературы: [Напольских, 1999] (с.4); [Salve, 1985] (с. 40); [Heikkinen, 1992], [Хейккинен, 1995, 1995а, 1995б] (с. 41); [Мызников, 2010] (с. 43); [Мень, 1991] (с. 45); [Левкиевская, Плотникова, 2001] (с. 52); [Holmberg, 1913] (с. 53). Не совсем ясно также, почему коллективные труды «Прибалтийско-финские народы России», «Этнографическое изучение Северо-Запада России», «Современная наука о вепсах» (упомянутые на с. 41) отсутствуют в списке литературы, то есть не имеют полных библиографических данных, что, несомненно, пригодилось бы заинтересованному читателю. Вызывает также удивление отсутствие в обзоре источников новой научной литературы по карельским мифологическим персонажам *лембой* и *сюндю* (о которых упоминается на с. 51), несмотря на то, что в тексте речь идет о карельских аналогах вепсской традиции, исследованных, несомненно, лучше вепсских. То же (относительно преобладания карельского влияния) стоит сказать и о неподтверждаемых современной наукой, сделанных в 1960-х гг. заявлениях коми-языковеда В.И. Лыткина о вепсских заимствованиях в языке и топонимии коми, которые повлияли, в свою очередь, на воззрения исследователя вепсов В.В. Пименова. Корректнее здесь было бы рассуждать о влиянии некоего прибалтийско-финского наречия. В конечном итоге, гораздо больше оснований говорить о карельском влиянии, особенно на территории западных, удорских коми. В то же время представляют несомненный интерес сведения о заселения вепсами части земель западного Приладожья, о чем известно очень мало. Если Белозерье можно считать «восточной окраиной обитания вепсов» (с. 15), то по финским источникам западной окраиной была финская Южная Карелия, то есть Карельский Перешеек и другие места Выборгской губернии, где в документах середины XVI века зафиксировано значительное количество фамилий *Vepsä* (вепс). Интересно, что до сих пор на территории Финляндии и соседних западных государств проживает 472 человека с фамилией *Vepsä* и 1798 человек с фамилией *Vepsä (läinen)*. В восточных частях Финляндии фиксируются также топонимы на *Veps-*. Финский этнограф Ниило Валонен отмечал, что данные факты могут свидетельствовать о проживании древневепсского населения в юго-восточных и восточных приходах Финляндии.

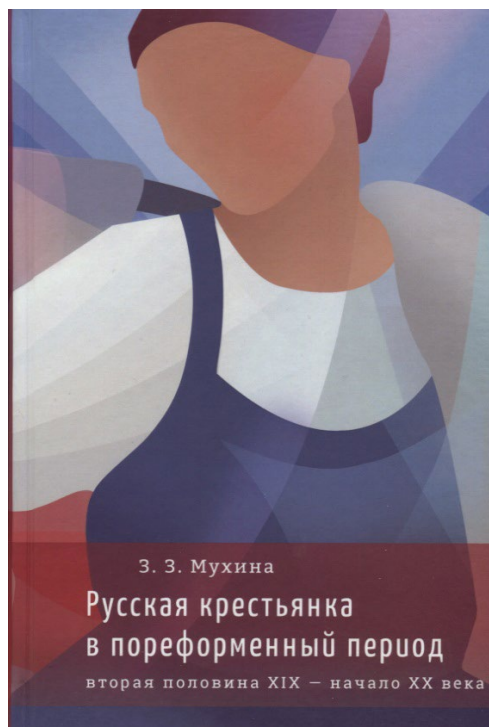
В большом труде всегда можно найти некоторые несоответствия и огрехи, поэтому эти конкретные (и неконцептуальные) замечания, многие из которых скорее пожелания, как и технические ошибки, обнаруженные в тексте, ни в коей степени не могут умалить роль рецензируемого труда в целом, являющегося несомненно уникальным изданием, столь необходимым как для научных работников, так и для энтузиастов возрождения вепсского языка и культуры.

**РЕЦЕНЗИЯ НА
МОНОГРАФИЮ: МУХИНА З.З.
РУССКАЯ КРЕСТЬЯНКА В
ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВЕКА). СПБ.:
ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. –
736 С., ИЛ.**

Крестьянка, безусловно, одна из главных героинь российской истории. Жизнь русской крестьянки привлекает внимание исследователей разных специальностей (художников, писателей, публицистов) уже много лет; ей посвящена и новая книга доктора исторических наук, профессора Зинары Зиены Мухиной.

Еще относительно недавно крестьянство составляло подавляющее большинство населения нашей страны, и при любых коренных изменениях в жизни России крестьянский вопрос становился главным. Поэтому без обращения к истории жизни крестьянина и крестьянки воссоздание и понимание прошлого нашей страны на разных этапах ее исторического развития является фактически невозможным. В первую очередь, это относится к переломным этапам российской истории. Именно такой этап – время Великих реформ, кардинальных преобразований государственно-правовой системы во второй половине XIX – начале XX в. – избрала для исследования З.З. Мухина, внесшая важный вклад в реконструкцию социальной истории России позднеимперского периода.

Крестьянская тема – уже «долгожитель» в отечественной исторической науке, но предметное обращение к женской крестьянской истории – атрибут лишь последних десятилетий. Лишь в 1990-х исследователи предметно обратились к ранее не изученным аспектам женской истории и женской повседневности. Большое значение в исследовании этих вопросов имеет формирование в Институте этнологии и антропологии РАН научной школы профессора Н.Л. Пушкаревой и деятельность Российской ассоциации исследователей женской истории, осуществляющаяся под ее руко-

Нижник Надежда Степановна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (РФ, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.). Эл. почта: n.nishnik@bk.ru. **Nizhnik Nadezhda S.** – St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg, st. Pilot Pilutov, d. 1). E-mail: n.nishnik@bk.ru.

водством. Представителем этой школы является и З.З. Мухина – один из активных организаторов деятельности РАИЖИ, оригинальная работа которой уже заняла свое особое место в научной исторической литературе.

Исследователи, воссоздавая аспекты жизни крестьянки, констатировали, что в традиционном обществе женщина имела социальный статус более низкий, чем у мужчины, но роль женской части крестьянского социума была не менее значимой, чем мужской: от женщины во многом зависело нормальное функционирование крестьянского хозяйства, именно на женщину ложились основные заботы по дому, по организации семейного уклада, воспитанию детей и сохранению традиционных семейных ценностей. При этом из поля зрения ученых по разным причинам (прежде всего политическим и идеологическим) выпали или почти выпали целые пласты крестьянской жизни: женское полноправие; статус старых дев, разведённых, нищенок, черничек, монашек, тех, кого относят к группе неполноправных крестьянок; женская субкультура; внутренний мир крестьянских женщин, их эмоции, переживания; сексуальная культура, плодизгнание и контрацепция. И к началу XXI в. оказалось, что интегративное исследование, опирающееся на достижения этнологов, этнографов, антропологов и представителей иных отраслей исторического знания, посвященное русской крестьянке пореформенного периода, еще не проведено.

Осознание значимости преобразований российского социума во второй половине XIX – начале XX в. и фундаментальной важности исследований женской истории способствовали появлению монографии З.З. Мухиной о русской крестьянке пореформенного периода. Автор поставила перед собой задачу проведения комплексного исследования трансформации статуса крестьянской женщины, охватывающего все стороны её жизни на сломе эпох. Подобного труда о хозяйственных, бытовых, культурных, религиозных аспектах жизни русской крестьянки второй половины XIX – начала XX в. ни в отечественной, ни в зарубежной науке ранее создано не было.

Несомненным достоинством исследования З.З. Мухиной является проработка всего историографического наследия, посвященного русской крестьянке. Более тысячи трудов российских и зарубежных исследователей изучены и использованы автором, критически оценены различные идеи крестьяноведов, многие из которых в монографии З.З. Мухиной получили существенное развитие. Историографический анализ позволил З.З. Мухиной выявить пробелы в разработке проблемы и заполнить их, опираясь на исследование широкого круга разнообразных источников, в числе которых исследователь определила: документы 17 фондов, 9 центральных и местных архивов, научных обществ и музеев, отражающих деятельность общегосударственных и местных учреждений имперской России по вопросам, касающимся различных аспектов крестьянской жизни; нормативные правовые акты, закрепляющие правовой статус русской крестьянки; источники статистической информации; материалы центральных и региональных периодических изданий. Скрупулезно проработаны материалы из фонда «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева (по 13 губерниям Европейской России) и иные документы, характеризующие жизнь, быт и нравы русского крестьянства пореформенной России. Источниками исследования стали художественная литература и устное народное творчество: песни, причитания, стихи, частушки, поговорки, пословицы, присловья, которые способствовали характеристике повседневной жизни женщины-крестьянки. Важное место в исследовании заняли источники личного происхождения, позволяющие почувствовать

«живой дух времени» и охарактеризовать внутренний мир и эмоциональное состояние женщины. Введение в научный оборот значительного количества архивных материалов, привлечение широкого круга опубликованных источников различных видов позволили З.З. Мухиной оценить изменения, происходившие в укладе жизни русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в.

Результативности научных изысканий З.З. Мухиной способствовало обращение к различным методам, соответствующим современному состоянию гуманитарного знания. Исследование, проведенное на стыке этнологии, истории, культурологии, социологии, закономерно потребовало методологии междисциплинарного характера. Концептуальной основой исследования стала теоретическая модель социовозрастных групп, обоснованная И.С. Коном и Т.А. Бернштам, которая позволяет выявить динамику происходивших изменений и детерминанты эволюции, а также реконструировать целостную картину жизни крестьянской женщины во всей её полноте, сложности, противоречивости и парадоксальности. Анализ социовозрастных групп, проведенный З.З. Мухиной, дал возможность выявить и охарактеризовать единство социального и биологического. Автор исходила из того, что в патриархальном обществе связь возраста и места человека в семье и обществе более тесная и жёсткая, чем в обществе индустриальном; что каждая социовозрастная группа играла важную роль в межпоколенной трансляции крестьянских ценностей, моральных, правовых и культурных норм, в сохранении традиционного сознания и миропонимания. Построение социовозрастной модели русской женщины-крестьянки позволило З.З. Мухиной проследить многообразие векторов динамики «женской доли» в крестьянском социуме, детерминированных внешними (экономическими, общественно-политическими) и внутренними (хозяйственными, моральными, ритуальными) факторами.

Продуктивное использование в исследовании З.З. Мухиной нашел прием нахождения и исследования бинарных оппозиций, определяющих стержень крестьянской жизни и пронизывающих все аспекты семейных и общественных отношений («традиция – новация», «свой – чужой», «мужское – женское», «иерархичность – взаимодополняемость мужских и женских ролей» и др.), которые в реальности разрешаются в тернарные структуры, диалектически синтезирующие полюса оппозиционных элементов.

Исследование повседневной жизни русской крестьянки пореформенного периода автор предварила анализом уклада жизни дореформенной деревни. Именно такой подход позволил выявить многообразие и глубину трансформаций в семье и сельском социуме, вызванных процессами модернизации, а также оценить динамику и направление изменений стереотипов крестьянской жизни в пореформенный период.

Рассмотрение социовозрастной модели жизни русской крестьянской женщины второй половины XIX – начала XX в. З.З. Мухина осуществила с учетом взаимосвязи нормативных критериев возраста, возрастных стереотипов, символизации возрастных процессов, возрастных обрядов и субкультуры. Мир крестьянской девочки автор анализировала через призму процессов её социализации и методов воспитания, в контексте взаимоотношений в семье и социуме детей и взрослых, в зависимости от гендерных и возрастных факторов. Обретение девушкой-крестьянкой социокультурного опыта, воздействия на девичью жизнь половозрастной дифференциации, разделения труда, половой социализации получили в монографии развернутую характеристику и богатые иллюстрации из жизненных реалий, зафиксированных в

источниках. Доминантой устремлений крестьянской девушки З.З. Мухина считает замужество, поэтому описывает и сравнивает модели девичьего предбрачного поведения и поведения после замужества.

Жизненный уклад замужних крестьянок стал предметом особого внимания З.З. Мухиной. В монографии рассмотрены вопросы, касающиеся изменения статуса крестьянки после выхода замуж; гендерных различий в статусе мужчин и женщин в крестьянской семье; хозяйственных, семейно-бытовых и ритуальных функций женщин; дифференциации в положении женщин и девушек в социовозрастных группах вследствие имущественного и социального расслоения; изменения статуса, хозяйственных, семейных и общественных ролей крестьянских женщин вследствие развития отхожих промыслов; влияния образования и просвещения на жизнь женщин.

З.З. Мухина приходит к выводу о том, что патриархальная семья и положение женщины в ней, обусловленное жёсткой иерархией и регламентацией, полным пренебрежением любых проявлений индивидуальных желаний и предпочтений, в пореформенный период были подвергнуты трансформационным процессам. Одной из важных детерминант этих процессов З.З. Мухина считает развитие отхожих промыслов. Отходничество, в которое вовлекались и мужчины, и женщины, было направлено на улучшение материального положения крестьянской семьи и укрепление пошатнувшейся стабильности традиционного общества. При этом последствиями отходничества становились изменения функциональных ролей в семье, структурная трансформация старой патриархальной семьи. Женское отходничество, хотя и имело значительно меньший масштаб по сравнению с мужским, разрушало укорененные представления о жесткой социальной иерархичности, открывало путь к меньшей зависимости женщин от традиционных устоев, росту женского самосознания, развитию индивидуализма, большей хозяйственной и личной свободе, утверждению личностных и имущественных прав женщин, коренному изменению семейных отношений.

Автор разнообразными примерами иллюстрирует свой вывод о том, что усиление экономической и социальной роли женщины в пореформенной России стимулировало рождение нового самосознания и самоутверждения женщин. Выполнение всех домашних работ, как мужских, так и женских, во время отсутствия мужей на заработках укрепляло новый взгляд общества на женщину. Женщина не была уже «загнанным и забитым существом, не смеющим и слова сказать». Крестьянка продолжала оставаться изнуренной тяжелой работой, но она превращалась в самостоятельную хозяйку, становилась «не рабой мужа, а полноправной стороной; ее голос мог быть слышнее, чем голос отошедшего и далекого от хозяйства мужа, ее чертами стали самостоятельность, независимость и уверенность в себе» (с. 260).

Одним из следствий развития отходничества З.З. Мухина считает уменьшение негативного воздействия на семейные отношения неудачных браков. Раньше из-за издевательств мужа молодая жена-крестьянка уходила к родителям, но в силу сложившихся обычаев была вынуждена возвращаться назад. Теперь возвратить ее назад удавалось не всегда: самовольный уход от мужа обретал легитимность, общественное сознание уже мирилось с этим явлением и переставало его считать несовместимым с нормами жизни. Участились случаи жалоб крестьянок на оскорбления и побои мужей в волостные суды. Случаи, когда жена не уступала мужу и даже подчиняла его себе, перестали быть редкостью. Свидетельством таких перемен автор считает, одну из многочисленных, приведенных в монографии, припевок (с. 267):

*Жена мужа была,
Была, колотила,
Плакать не велела.
Муж-то мочало,
А жена – начало.*

Особый интерес у читателя вызывают те страницы монографии, которые посвящены самостоятельной социовозрастной группе – «ущербным» женщинам: старым девам, разведенным, вдовам, нищенкам, знахаркам, колдуньям, сиротам, солдаткам, старухам. Комплексного исследования статуса этих социальных групп в отечественной и зарубежной науке еще не проводилось. З.З. Мухина приходит к выводу о том, что гибкость и терпимость были главными составляющими в отношениях крестьянского сообщества с женщинами этой социовозрастной группы.

Интерес исследователей и читателей привлекут те разделы монографии З.З. Мухиной, в которых автор анализирует изменения брачных традиций, проблемы беременности и деторождения, особенности интимной жизни крестьянки, эволюцию системы ценностей крестьянки, её мироощущения и правила поведения замужней женщины-крестьянки во второй половине XIX – начале XX в.

Несмотря на наличие в монографии разнообразных свидетельств проявления жизненных реалий, автор не столько описывает, сколько раскрывает сущность и определяет причины социокультурных изменений в крестьянской среде. Выявление женских социальных ролей, статусов в социовозрастных группах, определение связей и отношений между ними, особенностей перехода из одной группы в другую с учетом правовых, экономических, социальных, религиозных и других факторов – достоинства настоящей монографии, автор которой предприняла попытки комплексной характеристики процессов социальной динамики, обусловленных модернизацией всех сфер жизни общества Российской империи во второй половине XIX в., определения основных каналов проникновения новаций в русскую деревню и механизмов их рецепции и адаптации.

Жаль, что в книге нет цветных иллюстраций. Они могли бы помочь в передаче многоплановости и разноцветья крестьянской женской повседневности.

Монография З.З. Мухиной – важное средство утolenия интеллектуального голода и ориентир в патриотическом воспитании молодого поколения. В отдельных районах современной России до настоящего времени сильны патриархальные представления о месте и роли женщины в семье и обществе, которые существенно ограничивают возможности ее самореализации. Сохраняющиеся гендерная асимметрия, предрассудки и архаичные представления о назначении женщины все еще остаются преградой в построении в России подлинно равноправного, гуманистически ориентированного общества равных возможностей. Вряд ли можно переоценить вклад исследования З.З. Мухиной в решении этих злободневных проблем: изучение жизни женщины-крестьянки позволит выявить общее и особенное в развитии русского этноса в различных естественно-географических и культурно-исторических условиях, будет способствовать выявлению и сохранению его самобытных качеств, а также моделей их адаптации к реалиям XXI в. Лучшие традиции народной жизни должны стать основой возрождения российской культуры, нравственности и духовности в современной России.

CONTENTS

Ethnic economy and entrepreneurship in the North of Russia

- Natalia I. Novikova.* Aboriginal entrepreneurship in Russia: resources, technologies and social institutes 5
- Elena P. Batyanova, Olga A. Murashko.* Ways of adaptation of the peoples of the North to the new economic and social realities of the mid-1980s – late 1990s (based on field research in the Koryak Autonomous district) 19
- Evgeniy V. Kaduk.* The economy of reindeer farms in the north-west of the Sakha Republic (Yakutia) in the XXI century: paternalism and independence 36
- Oksana P. Kolomiets.* Business in Chukotka: modern forms of entrepreneurship of the indigenous people of the Chukotian Autonomous Region 55
- Elena P. Martynova.* Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region 72
- Elena A. Pivneva.* «How much does a fish tail weigh?»: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North 86

Personality and anthropology

- Julia N. Fedunok, Darya A. Dronova, Valentina N. Burkova, Julia I. Apalkova, Elizabeth V. Veselovskaya.* Marina L. Butovskaya: a man of one idea - the idea of science! 103
- Denis V. Vorobiev.* Between nature and culture: Jacques Rousseau and the beginning of Quebec anthropology 119
- Alexei V. Zagrebin.* Bernát Munkácsi and Finno-ugric studies in Hungary at the turn of 19–20 centuries. 140
- Oleg V. Kirichenko.* Gorky and Korin: creating paradigm of future 150

Language and identity (By the year of indigenous languages)

- Marina Y. Martynova.* Native language and school. An anthropological view 164
- Elena A. Scherbina.* Linguistic situation in The Karachay-Cherkess Republic: multiple dimensions 178
- Alexander V. Martynenko.* Tatar Language Teaching in the Republic of Mordovia: Potential, Problems, Perspectives. 188
- Elena A. Omelchenko.* Strategies for adaptation of children of foreign migrants at school 196

Review

- Alexey Konkka.* Book review: Vinokurova I.Yu. The mythology of the Veps. Encyclopedia. Petrozavodsk: PetrGu Publishing House, 2015. 524 p. 208
- Nadezhda S. Nizhnik* Book review: Mukhina Z.Z. Russian peasant in the post-reform period (the second half of the XIX - early XX century). St. Petersburg: DMITRY BULANIN, 2018. - 736 p. 211

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Авторы представляют файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц.

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Правила оформления ссылок на источники и списков литературы на русском и английском языках.

Обращаем Ваше внимание, что теперь сноски-комментарии авторов постраничные. На одной странице должно быть не более 4 сносок, ранее сноски были концевыми. Постраничные сноски используются только для авторских примечаний, комментариев, добавлений и т.д. При этом для постраничных сносок действуют следующие правила оформления: фамилия автора выделяется курсивом, год издания, двоеточие и диапазон страниц, полная ссылка дается в списке литературы в самом конце статьи. Какие-либо сокращения («с.», «стр.», «т.» и т.д.) или вводные обозначения («см.», «напр.») и им подобные) внутри скобок не ставятся, а указываются в тексте.

Шрифт – Times New Roman, кегель – 10, через 1 интервал, нумерация – сквозная.

НАПРИМЕР:

¹ См.: *Вестник антропологии* 2017: 46–47.

² Лисин приписывал себе все те страдания, которые были описаны К. Селивановым в его «Страдах» (*Автор* 2015: 33).

³ В интервью учителя часто говорили о тяжелых условиях жизни в годы войны, потому что приходилось работать не только в школах, но и на производстве (ГАКО: Д. 52. Л. 4–10)

⁴ Православные говорят «Христос воскрес» только в период от Пасхи до Вознесения. Скопцы говорили эти слова в неурочное время, поскольку относили их к свершившемуся явлению (воскресению) Искупителя, а не И. Христа.

В конце статьи дается **три списка**: источники (который НЕ нужно транслитерировать на латиницу), библиографический список литературы и References в алфавитном порядке. В самом тексте даются ссылки на источники и литературу следующим образом: в скобках указывается (*Фамилия* год издания: страницы), запятая после фамилии не ставится. При необходимости после двоеточия поставить страницу/страницы (диапазон страниц указывается через длинное тире).

Например, в тексте ссылка выглядит так (*Герасимова* 1984: 49). В списке литературы курсивом выделяется название монографии:

Герасимова М.М. *Сунгирь. Антропологическое исследование*. М.: Наука, 1984.

В списке литературы на русском языке ссылки на книги (индивидуальные и коллективные монографии) должны сначала указываться фамилия и инициалы автора (авторов), *название книги* (курсивом), место издания (без сокращений), название издательства (без кавычек), год издания, общее количество страниц (без тире перед цифрами). При оформлении ссылок на коллективные монографии указывается ответственный редактор, редактор или составитель: Фамилия И.О. (отв. ред) *Название монографии*. Город: Издательство, год. Страницы. В оформление ссылок на диссертации и авторефераты диссертаций используются общепринятые сокращения.

В ссылках на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (курсивом), год издания, том и номер, диапазон страниц: Фамилия И.О. Название статьи // *Название журнала*, год. Том, номер, страницы. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

В оформлении ссылок на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (курсивом), год издания, том и номер, диапазон страниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

НАПРИМЕР:

Автор А.А. *Название книги*. Москва: Название издательства, 1996. 307 с.

Автор Б.Б., Автор С.С. *Название монографии*. Москва: Название издательства, 2015. 505 с.

Фамилия И.О. (под ред.). *Название коллективной монографии*. Ташкент: Название издательства, 2010. 123 с.

Фамилия И.О. (отв. ред.). *Название коллективной монографии*. Санкт-Петербург: Название издательства, 1999. 189 с.

Автор И.И. *Название диссертации*. Дисс. докт. полит. наук. Москва, 2013. 160 с.

Автор А.А. Название статьи. *Название научного журнала*, 2015. № 7 (50). С. 49–58.

Автор Б.Б. Название статьи. *Название научного журнала*, 2011. Т. 12. № 6. С. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.

Автор С.С. Название статьи. *Название электронного научного журнала*. Доступ: <http://scientificjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).

Автор А.А. Название статьи // *Название сборника статей* / сост. И.О. Фамилия, отв. ред. И.О. Фамилия. Вып. 2011 г. М.: Название издательства, 2011. С. 324–335.

Автор Б.Б. Название статьи // *Название сборника статей* / под ред. И.О. Фамилия. Ч. 5. 2016 г. М.: Название издательства, 2017. С. 111–155.

Автор С.С. Название статьи (доклада) // *Название конференции. Материалы Международной научно-практической конференции «Название конференции»* / отв. ред. И.О. Фамилия. Ярославль: Название издательства, 2013. С. 65–78.

Автор В.В. Название статьи. *Название сборника статей* / ред. И.О. Фамилия. Доступ: [http:// scientificbigjournal.shtml](http://scientificbigjournal.shtml) (дата обращения: 14.01.2017).

В англоязычном списке литературы (*References*), который полностью дублирует библиографический список и не включает в себя неопубликованные материалы (список источников), вся информация о каждой работе на русском языке должна быть транслитерирована на латиницу в соответствии с правилами транслитерации (по стандарту BSI).

Список References оформляется следующим образом: латиницей пишется фамилия, после фамилии ставится запятая, далее идут инициалы автора (**при оформлении нескольких авторов 2-3-х и более: см. напр.**). После точки указывается год издания. Далее дается транслитерированное название монографии, а в квадратных скобках указывается перевод на английский язык. Дублировать информацию об авторе и месте издания не нужно.

Для транслитерации рекомендуем воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: <http://www.convertcyrillic.com/Utilities/Convert#/>

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык].

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk].

Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

- указания на «Том» издания должны быть переведены на англ. «Vol.» («Кн.» – «Вк.», «Ч.» – «Pt.»).
- все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.
- все другие сокращения должны быть развернуты («izd-vo» – в «izdatel'stvo»; и т.п.).
- проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «X», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.).
- имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале. Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.
- русские буквы Я и Ю в начале слова предпочтительно транслитерировать как Ya и Yu (в отличие от Ia и Iu, которые автоматически выдает транслитератор); т.е. предпочтительно написание Yurii Yakovlev (а не Iurii Iakovlev)
- курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

НАПРИМЕР:

Familia, I.O. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.

Familia, I.O., and I.O. Familia. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod:

Izdatel'stvo.

Familia, I.O., I.O. Familia, and I.O. Familia. 1988. Nazvanie knigi ili monografii [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.

Если монография была переиздана (репринт / современный перевод старого издания и т.д.): Familia, I.O. (1916) 1988. Nazvanie knigi ili monografii [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.

Книга в нескольких томах (напр., в 2-х): Familia, I.O. 1988. Nazvanie mnogotomnoi knigi. 2 vols. Gorod: Izdatel'stvo.

Отдельный том (книга/часть) многотомного издания: Familia, I.O. 1988. *Nazvanie mnogotomnoi knigi*. Vol. 1. (Bk. 1. / Pt. 1.) Gorod: Izdatel'stvo.

Отдельный том (с отдельным названием) в многотомной книге: Familia, I.O. 1988. *Obshchee nazvanie mnogotomnoi knigi*. Vol. 1, *Nazvanie pervogo toma*. Gorod: Izdatel'stvo.

Сборник статей с одним отв. редактором (или составителем): Familia, I.O., ed. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.

Сборник статей с двумя отв. редакторами (или составителями): Familia, I.O., and I.O. Familia, eds. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.

Сборник статей с тремя и более отв. редакторами (или составителями): Familia, I.O., I.O. Familia, and I.O. Familia, eds. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.

Статья в научном журнале (№ 2 или Том/Vol. 2): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.

Статья в научном журнале (когда присутствуют Том/Vol. 9 и № 2): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 9 (2)*: 64–74.

Статья в научном журнале с двумя/тремя/более авторами: Соавторы указываются также, как в книгах (см. выше)

Статья в научном журнале, если известен код DOI для статьи: Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74. <https://doi.org/10.1086/599247>

Статья в электронном (online-) научном журнале (если НЕ известен код DOI для статьи): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74. <http://www.journal.com/article.htm> (NB: Если код DOI имеется, то следует указывать код DOI, а интернет-ссылку опускать)

Статья в сборнике (с одним отв. редактором/составителем): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i*. In *Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo. (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Статья в сборнике (с двумя отв. редакторами/составителями): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i*. In *Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel and I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo.

Статья в сборнике (с тремя и более отв. редакторами/составителями): Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i*. In *Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel, I.O. Sostavitel, and I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo. 20

Рецензия на книгу в научном журнале: Familia, I.O. 1988. Review of *Nazvanie retsenziruemoi knigi*, by I.O. Avtor. *Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.

Рецензия на сборник в научном журнале: Familia, I.O. 1988. Review of *Nazvanie retsenziruемого sbornika*, edited by I.O. Sostavitel. *Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.

Диссертация: Familia, I.O. 1988. *Nazvanie dissertatsii*. PhD diss., Moscow State University. (указывается университет или другая организация-место защиты)

Автореферат диссертации: Familia, I.O. 1988. *Nazvanie dissertatsii*. PhD diss. abstract, Moscow State University. (указывается университет или другая организация-место защиты)

References

Alishina, H.Ch. 2001. Onomasticheskoe prostranstvo Tiimenskoi oblasti: tiurko-samodiiskie ia-

- zykovye kontakty. *Samodiitsy. Materialy. IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (10-12 dekabria 2001)* [Onomastic space of the Tyumen region: Turkic-Samoyed language contacts. Samoyedy. Proceedings of the IV Siberian Symposium «Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia» (December 10-12, 2001)]. Tobolsk; Omsk: OmGPU. Pp. 90–92.
- Barmich, M.Ia., E.M. Taleeva. 2002 *Praktikum po leksike nenetskogo iazyka* [Workshop on the vocabulary of the Nenets language]. Vol. 1. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 112 p.
- Beznosikova, L.M., E.A. Aibabina and R.I. Kosnyreva. 2000. *Komi-russkii slovar' (Komi-roch kyvchukör)* [Komi-Russian dictionary (Komi-roch kyvchukör)]. Syktyvkar.
- Esida, A. V. 1997. Poiskakh predkov gydanskikh nentsev (po literaturnym istochnikam) [In search of the ancestors of the Gydan Nenets (according to literary sources)]. In *Narody Sibiri (sibirskii etnograficheskii sbornik)*, edited by Z.P. Sokolova. Moscow: KMTs; IEA RAN: 140–170.
- Markov, B.V. 2011. *Liudi i znaki: antropologiya mezhlchnostnoi kommunikatsii* [People and Signs: Anthropology of Interpersonal Communication]. St. Petersburg: Nauka.
- Ricœur, P. 1995. *Konflikt interpretatsii: Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow: Medium.
- Sontag, S. 2016. *O fotografii* [On photography]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Vashchenko, P.T. 2005. Osnovanie Dudinki [Foundation of Dudinka]. *Muzeinyi vestnik. Dudinka* 4–5: 59–64.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2019. № 2 (46)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2019. № 2 (46)

*Редакторы – М.Ф. Кучерова, Т.Н. Самарина
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов*

Подписано к печати 31.05.2019
Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 17,7
Тираж 500 экз. Заказ № 158
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А